

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

901

1857.

52.

ME

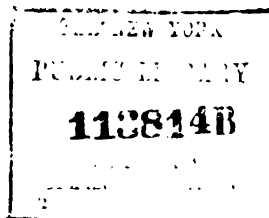
Pa

Palace

*QCA

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были представлены въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Марта 15-го дня, 1840 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

НАУКИ.

I.

ИСКУССТВО

ЧИТАТЬ КНИГИ ПРО СЕБЯ.

— Вот новость! что это? не хочется ли онъ учить насъ какъ читать?

— А чтобы вы думали? виновать, право, хочется немножко поучить васъ — «вѣкъ живи вѣкъ учись» — вы свой вѣкъ отживаете или отжили, или начинаете жить не умѣя, тѣмъ хуже, и пропасть перечитали всякой всячины, а хоть объ закладъ: не умѣете читать; вотъ увидите.

— Помилуйте, что же тутъ мудреного: возьми книгу и читай; — вотъ вамъ все искусство!

— Что за хитрость, казалось бы, напримеръ, дрова рубить: возьми топоръ — и руби! да не умѣючи изломаешь топоръ, порубишь ногу, зашибешь прохожаго, утомишься до полусмерти, перепортишь лѣсъ: выдетъ только стукъ да щена, а дровъ не нарубишь. Но посмо-

трите, умѣлый примется за работу: выберетъ самое удобное время, пригодный лѣсъ, самый лучший топоръ, выточить его хорошо, время отъ времени станеть подтачивать, будетъ рубить по всѣмъ правиламъ теоріи и практики дровосѣйка, шутя нарубитъ въ десятеро противъ неумѣлаго, какъ ни въ чемъ небывало, уберетъ ихъ къ мѣсту, сбудетъ во время и съ выгодною. Такъ дѣло мастера бонится! а читать, право, потрудитѣ чѣмъ дрова рубить: покрайней мѣрѣ у насъ на Руси: дровосѣковъ наберется до двадцати миліоновъ, а читателей всѣхъ сортовъ, много-много что двѣсти тысячъ; а *искусныхъ* читателей: десятокъ-другой, сотня-другая, ей-ей не наберетс во всей Россіи. Я хочу непремѣнно открыть и читать публичныя лекціи «Искусства читать»; и напередъ говорю,

лосья двух-трех, много пяти лекцій, искусных читателей у нас будетъ больше чѣмъ дровосѣковъ. Я начинаю курсъ

Милостивые Государи! для меня весьма лестно и пріятно, что васъ собралось здѣсь очень не много.... (я считаю).. одинъ, два, три..... одиннадцать: только одиннадцать сознающихъ, что они не умѣютъ читать, и въ тоже время, желаютъ читать искусно. На вторую лекцію васъ соберется одиннадцать сотенъ, на четвертую.... а тамъ и счетъ потеряемъ. Върнѣ этого ничего быть не можетъ.

Если вы, м. г., какъ говорите, мастера читать, то смѣю спросить, кака*я причина* влечетъ васъ къ этому занятію?

Одинъ. Человѣкъ — существо одаренное умомъ и чувствомъ. Умъ требуетъ свѣта, чувство требуетъ прекраснаго. Нигдѣ столько свѣта, столько прекраснаго не найдете вы, какъ въ чтеніи — пища, польза....

Другой. Помилуйте, кака*я польза*, что за пища? — фразы! Мнѣ просто, скука смертная: со двора вѣхать нельзя, дома дѣлать нечего, спать не хочется, я беру книжку: сухая? — брошу; другую: ученая? — брошу, еще — моральная.... ну, вотъ наконецъ «легкая», смѣшная! читаю съ удовольствіемъ, хохочу до упаду — не видишь какъ вечеръ пролетитъ; да, мы умѣемъ себя излекать *удовольствіе* изъ чтенія книгъ, и ужъ такъ искусно.

Третій. А сколько *любопытнаго* въ книгахъ! Фанъ-Амбуръ съ его звѣрями, Тальони съ ея крылышками, Гершель съ его южнымъ небомъ, Англичане въ Кабуль, Французы въ Алжирь.... любопытство летаетъ отъ наслажденія къ наслажденію, въ одинъ-два часа припасешь свѣдѣній на пѣлый день, съумѣешь поддержать всякой разговоръ съ кѣмъ угодно: съ академикомъ, артистомъ, съ военнымъ... всякой говоритъ: «фу, какъ начитанъ! все знаетъ!» — а что этого пріятите?..

Четвертый. Оно конечно такъ; но это все мѣлочн. Я совершенно понимаю

васъ Г. Профессоръ: искусство читать вы ставите весьма высоко, и справедливо; многіе ли умѣютъ читать отчетливо, сразу видѣть промахи, по пальцамъ перечесть ошибки автора, — ну, знаете: раскритковать, уничтожить. Надо родиться гениемъ этого искусства... да, не многіе, умѣютъ читать какъ надо...

Пятый. Бова Королевичъ...

И. Позвольте, м. г. этакъ лекція останется безъ конца. Однимъ словомъ: сколько читателей, столько причинъ для чтенія. Пчела летитъ на цвѣтокъ за медомъ, паукъ ползетъ на него за ядомъ, бабочка — отъ нечего дѣлать, вы срываете цвѣтокъ — такъ: понюхать, повертѣть, прищипнуть, подарить; садовникъ ходитъ за нимъ — и расчлѣвываетъ барышъ, ботаникъ изучаетъ въ немъ тайны чуднаго творчества Божія, косарь коситъ на сѣно, дитя сорветъ, поиграетъ и броситъ, медвѣдь все топчетъ лапой и спитъ въ свою берлогу. Но чтобы съ нимъ ни дѣлать, цвѣтокъ растетъ себѣ, и съ равною готовностью предоставляет себя и въ жертву и въ наслажденіе. Чью бы роль вы хотѣли взять на себя изъ всѣхъ потребителей цвѣтка? Что до меня, я бы хотѣлъ быть ботаникомъ, пчелой, садовникомъ или косаремъ, а еще лучше, тѣмъ и другимъ и третьимъ сразу.

Да, м. г. незавидна роль наука, рабенка, бабочки, медвѣдя и даже празднаго любителя цвѣтовъ — незавидна роль неумѣющихъ читать! Надо, господа, учиться! Пожалуста, я васъ прошу, ради васъ самихъ: какъ скоро выучите дѣтей своихъ читать — о васъ я уже не хлопочу, гдѣ васъ переучивать — сейчасъ же передайте имъ «Искусство читать *пробла*» т. е. *про* одну изъ лучшихъ причинъ; потому что если вы позволите имъ читать самоучкою, они будутъ читать очень дурно, какъ вы, и вотъ *причина*, почему и здѣсь безъ воспитанія нельзя.

Человѣкъ, словно какъ и все на свѣтѣ, безъ колыровки, безъ воспитанія

остаётся дикими: ягоды его кислы, терпки, горьки — в ротъ не возьмете. Въ дикомъ своемъ состояніи человекъ—эгоистъ, самолюбивъ, все лишь «для себя, къ себѣ,» вездѣ одно — я. Вотъ, между прочимъ попадаетъ ему книга умная, глупая, ученая, популярная—что вы думаете, онъ не станетъ судить о томъ, чего не понимаетъ? извините: онъ очень хорошо понимаетъ, что химія вздоръ, ботаника вздоръ, математика, философія.... все вздоръ, кроме того, что ему подъ силу, что льститъ его теперешнему настроенію. Напримѣръ онъ влюбился въ дѣвушку — давайте ему книжку, гдѣ бы какъ въ зеркаль, видѣлъ онъ свою страсть, свои состоянія, со всеми вздохами, проказами, со всею дурью, и — онъ безъ памяти отъ вашей книжки: прочее все дичь, — «вотъ авторъ!... живая природа!» Онъ честолюбивъ, полонъ превыспреннихъ надеждъ, исполненныхъ ожиданій, любитель переворотовъ — давайте ему ходульные сказки про Наполеоновъ, и онъ почи прочтаетъ напролетъ. За то другое все не стоитъ и труда.—Теперь про васъ:

Вы не привыкли, вы измѣнились дѣйствовать головой, уметь, вы приучили себя работать только ротомъ—любопытствомъ, которое поминутно васъ позываетъ на вѣд. Но желудокъ—размышленіе, безъ мотиону портится, слабость, ужъ хлѣбъ ему противенъ. Давай ему кислое, эдкихъ пряностей, горчицу! Наконецъ ему и это опротивѣетъ—потому что неестественно. Онъ перестаетъ дѣйствовать: и тогда вы, побуждаемые воспоминаніемъ надобности купить, берете въ ротъ что ни пошло, поддержите, помните, пощечинчатъ испорченный свой вкус, и — бросаете. И вотъ съ такими то испорченными дусами, отъ неумѣнья читать, каждый идетъ только тогда, что можетъ хоть какъ нибудь пронзвѣсть судорожную корчъ—критическую или эстетическую гримасу—въ его любопытствѣ, любимыхъ страстяхъ, привычкахъ, че-

столюбіи, плаксивости, смѣшинности, повѣсничанствѣ, лѣни, сипатіи, антипатіи къ тому или другому человекъ, вещи, предмету, наукѣ, искусству. Прошу же угодить однимъ и тѣмъ же на всѣхъ: въ одинъ и тотъ же уголъ поставить кухню, хлѣбную, кондитерскую и аптеку? Итъ, не такъ сказала: «не нужно ничего—давай намъ одно «легкое» одну кондитерскую: чтобъ она и поила, и кормила, и услаждала, и лѣчила!» возможно ли это? и хорошо ли это?

И такъ, м. г. соображая всѣ эти пгичины, число которыхъ про себя съпатуры каждый можетъ удеслтерить, вы изъ одного этого, какъ люди смышленные, соизволите увидѣть, что читать нельзя *какая нибудь*, что это требуетъ своего искусства, что этому искусству, какъ и всему другому, надобно учиться. Вотъ я и вызвался прочесть лекцію;—кажется все резонно въ порядкѣ вещей. Кто не любитъ читать лекціи? теперь моя очередь: черезъ мѣсяцъ вы прочтете мнѣ—оставя статью неразрѣзанною; да это не бѣда, стерплю: терпите же и вы теперь, и слушайте.

Искусство читать должно имѣть свою *цѣль*. Этихъ цѣлей тысяча: дурныхъ, спосныхъ, посредственныхъ, хорошихъ, превосходныхъ. Изъ всѣхъ матерій за тѣ же деньги, сударыня, въ магазинъ вы всегда выбираете лучшую, по вашему разумнію: «человекъ во всемъ ищетъ лучшаго.» Надо ли, чтобъ и цѣль вашего чтенія была лучшая, была достойна такого благороднаго созданія какъ человекъ? Нужно ли чтобъ она совпадала съ цѣлью, для которой онъ вообще существуетъ на землѣ?—не правда ли, такъ? — а смѣю спросить, для чего вы существуете? Не для того ли, чтобъ вырасти, опредѣлиться въ корпусъ, — въ Смольный монастырь, выдти изъ корпуса въ офицеры, — изъ монастыря въ свѣтъ, добыть тепленькое мѣстечко — вскружить тепленькому человечку голову, нагрѣть порядкомъ руки — прибрать къ ручкамъ, и

умереть горизонтально или вертикально? У большей части, если цѣль и не такова по теоріи, то на дѣлѣ именно так: т. е. прожить себя такъ—въ свое удовольствіе; для такой цѣли вы даже и курятникъ не строите, чтобъ только постояль-постояль, да и разрушился; а главное, въ этой цѣли, о чтеніи и рѣчь нѣтъ, сталобыть, кому угодно, можно читать какъ ни попало.

Но если перспросить у добрыхъ, бывалыхъ людей, они вамъ скажутъ: «здѣшняя жизнь — школа: въ этой школѣ человекъ долженъ образоваться, просвѣтиться, сдѣлаться изъ дикаго воспитаннымъ, лучшимъ, и перейти на вѣчную службу въ лучшей мірѣ Божій.» А коль скоро такъ, — дѣло о чтеніи возьметъ совсѣмъ иной оборотъ.

Человекъ, какъ существо духовное, извѣстно вамъ, имѣетъ: волю, умъ и чувство. Эти три—одно: духъ. Человекъ, по несчастію— котораго самъ причиною— родится дикимъ: воля у него дика, словно у необузданной Калмыцкой лошади, умъ слѣпой, ничего не видитъ: чувство грубое, безъ вкуса къ тонкостямъ прекраснаго. Воспитать, значить сдѣлать три вещи: объѣздить волю по лучшимъ образцамъ добра — образовать; осветить умъ свѣтомъ истины — просвѣтить; развить чувство вкушеніемъ истинно-прекраснаго— оживить. Много есть средствъ ведущихъ къ этой тройкой цѣли: образованію, просвѣщенію и оживленію человеческого существа. Изъ всѣхъ средствъ, разомъ достигнуть ее — послѣ молитвы, житейскихъ превратностей, уроковъ— чтеніе книгъ, есть самое удобное, самое легкое, и самое вѣрное. О, теперь мы заговоримъ иначе!

Не всякая книга можетъ служить средствомъ къ этой тройкой цѣли; и притомъ, даже избранная, добрая книга не поведетъ васъ къ прямой цѣли, если вы ее криво употребляете. Какой же умный купецъ начнетъ съ умысла торговать въ раззоренье себя? Такъ и вы, умные лю-

ди, вѣрно не станете читать во вредъ себя.

Изъ всѣхъ силъ человеческого духа всего труднѣе образовать волю. Умъ и чувство, сговорясь за одно, должны дѣйствовать на нее разомъ: умъ — силой убѣжденія, чувство — силой увлеченія. И такъ больше всего надо налегать на умъ и чувство, но налегать ровно, заразъ. Послѣ религіи, которая на умъ дѣйствуетъ непосредственною силою свѣта Божественнаго, — просвѣщаетъ, на чувство дѣйствуетъ опытнымъ вкушеніемъ красоты добра— оживляетъ, послѣ религіи, и опять за одно съ нею, науки—просвѣщаютъ умъ, изящное—оживляетъ чувство. И такъ, м. г. какъ ни увертывайтесь, изученіе наукъ чтеніемъ, вкушеніе изящнаго въ чтеніи же, какъ средства, ведущія къ истинной цѣли, должны быть подчинены своего рода закону, нарушеніе котораго направитъ чтеніе къ порчѣ, вмѣсто улучшенія воли, ума и чувства. Законъ этотъ относится: и къ выбору и къ употребленію книгъ.

— Выборъ? употребленіе? — Чтожъ тутъ такаго, мудренаго? — Всякій выбираетъ по своему вкусу, что ему нравится, и употребляетъ, какъ ему хочется.

— Вотъ то-то и есть, м. г.; ваше: «что ему нравится», и есть испорченный, дикій вкусъ, слѣдствіе грубости чувства; ваше: «какъ ему хочется», и есть испорченная, дикая воля. А почему вы не прибавили: онъ выберетъ то, что, по сознанию ума его, лучше? Видите ли, въ вашемъ выборѣ участвуетъ воля и чувство, а умъ — въ безрочномъ отпуску. Въ томъ-то и задача: очистить и оживить чувство и его вкусъ, образовать волю и ея наклонности, просвѣтить умъ и его любопытство, взаимнымъ содѣйствіемъ другъ другу; другими словами: дати поперегъ дикаго ума, дикаго чувства, дикой воли; и прежде всего: не все давать, что ка-

жется имъ лучше, не все давать, что имъ *нравится*, не все давать, чего имъ *хочется*. Крестъ. Одно поперегъ другаго. Сблаговолите же и въ чтении подчинять свои прихоти закону, а не законъ своимъ прихотямъ.

Законъ выбора книгъ, книжекъ, статей для чтенія, очень простъ: вы сами его знаете, видите, слышите, да нарочно: уклоняете сознание—будто не знаете, жмурите глаза—будто не видите, затыкаете уши—будто не слышите, только бы угождать влечению своего дикаго вкуса, приличнаго пауку, бабочкѣ, рабенку, медвѣдю съ братіей. Пожалуй, я избавлю васъ отъ труда, выборъ книгъ нетруденъ:

- Полка первая: книга необходимая.
- Полка вторая: книги полезныя.
- Полка третья: книги пріятныя и полезныя.
- Полка четвертая: книги легкія и бесполезныя.
- Полка пятая: книги праздыя и вредныя.

Еще остаются полки, да не стоитъ упоминать о нихъ.

Книга необходимая, на первой полкѣ только одна — Священное писаніе, завѣтъ Бога къ человѣку.

Вы очень хорошо знаете, что съ первыхъ трехъ полокъ, постепеннаго достоянства, смѣло можно и должно брать — и не берете; отчего? оттого, что чувство грубо, вкус испорченъ, блаженная воля боится узды, лѣтвивый умъ — работы. Съ первой полки, необходимая... о, какая страшная! и вы ее отъ роду не читали, т. е. не изучали. Со второй полки, полезныя: рѣшительно сухи, скучны, утомительны. Съ третьей полки: суховаты, скучноваты—и въ, и въ, да и звѣнешь; еще бы полезное—въ сторону какъ нибудь, и оставить одно «пріятное»... За то на четвертой, на пятой полкахъ... легонькія, миленькія, чудо! прелесть! изъ рукъ не выпустить.

— Воля ваша: когда вамъ угодно оставаться паукомъ, медвѣдемъ!... Только первыя три полки дѣлають человѣкомъ. И на первой полкѣ, книга—книгъ, Еван-

геліе и вообще вся Библия, должна привлечь вашъ выборъ по превосходству. И будьте увѣрены: если эта истинная книга жизни жестка, противна вашему вкусу, если сердце ваше, читая ее, не согрѣвается, не дѣлается мягче, если она противна вамъ — да будетъ вамъ известно и вѣдомо: вкусъ вашъ совсѣмъ одичалъ, чувство умерло для жизни Божіей, умъ ослѣпъ, воля — хоть брось. Счастливый путь! можете не разрѣзывать дальше эту статью. Намъ съ вамъ нечего больше терять слова. Но и кромѣ васъ, на Божіемъ свѣтѣ много добра и добрыхъ людей, тѣ дослушаютъ.

Послѣ Священнаго писанія выборъ вашъ долженъ падать на книги ближе къ нему подходящія по духу, силѣ и свѣту. Поищите и найдете. Если у васъ прямая цѣль: образованіе воли, просвѣщеніе ума, оживленіе чувства, то онѣ прямо къ ней поведутъ, путемъ внутреннимъ со стороны духа. Но какъ человѣкъ, кромѣ существа внутренняго имѣетъ и вѣншее, чувственное, вѣчно мятежное противъ духа, то съ одной стороны, свисходя немощи человѣческой чувственной природы, точно также требующей своего рода пищи, развлеченія, наслажденія, а съ другой стороны, направляя и самыя чувственныя склонности къ вѣчнымъ пользамъ духа,—надо, чтобы чтеніе и со стороны чувственной, способствуя познанію природы, человѣка и общества, вело человѣка къ той же цѣли: образованію, просвѣщенію и оживленію. Здѣсь выборъ вашъ долженъ пасть на вторую и третью полки: полезныя и полезно-пріятныя книгъ; и ограничиться только ими. *Полезными* книжками называю учебныя, гдѣ изслѣдываются тайны природы, человѣка и общества непосредственно. *Полезно-пріятными* — литературныя: гдѣ истины готовыя, добытыя ученостью, философіей, хорошо сварены и приправлены, по вкусу общему, книги изъ ящца по формѣ, изложенію

и слогу, чистыя по содержанию, ду-
ху, изложению.

Между книгами учеными — три раз-
ряда: первые содержат одни матеріа-
лы, факты, свидѣнія и тому подобное,
безъ взаимной связи, безъ особой систе-
мы, безъ приложений къ практикѣ — это
пища одной памяти: большею частью
набиваетъ голову всякимъ хламомъ, изъ
котораго нельзя сдѣлать большаго упо-
требленія.

Въ книгахъ втораго разряда, матеріа-
лы подверглись первой разработкѣ,
сортировкѣ, разложены по порядку; —
здѣсь вы, какъ въ музей, однимъ
взглядомъ окидываете многое, приобрета-
ете знанія; но чтобы изъ этихъ зна-
ній сдѣлать доброе употребленіе, тре-
буется еще много головной работы
многихъ тысячъ головъ. Въ книгахъ
третьяго разряда, отдѣльныя знанія при-
ведены въ науку, подведены подъ общіе
законы, применены къ практическимъ
приложеніямъ — приносятъ пользу.

И такъ всего полезнѣе заниматься
третьимъ разрядомъ книгъ; полезны и
вторыя, но далеко не доводятъ къ цѣ-
ли; не бесполезны и первыя, но по
большой части какъ балластъ, годный
только для «порожнихъ кораблей», все
наполняютъ голову, упитываютъ одно
любопытство, дѣлаютъ его внутреннимъ,
празднымъ, прихотливымъ, а человека
«надутымъ», неспособнымъ размышлять.

Узнавъ давноизвѣстный законъ, кото-
рому долженъ быть подчиненъ выборъ
книгъ, неужгодно ли уже, по дорогѣ,
припомнить и законъ, какъ *употреб-*
лять ихъ.

Вотъ что совѣтуютъ люди опытные,
мастера *читать*. «Во многоглаголаніи, во
многочтеніи, во многочтеніи нѣтъ спасе-
нія: читайте не много, но въ прокъ! Тутъ
мало словъ, но бездна смысла и дѣла.

«Если вы читаете одну изъ книгъ
двухъ первыхъ полюкъ, книгъ, которыя
непосредственно, внутреннимъ путемъ,
дѣйствуютъ на духъ, т. е. разомъ на во-

лю, умъ и чувство, и нападаете на мысль,
изрѣченіе, истину, отъ которыхъ по-
чувствуете въ сердцѣ теплоту, умиле-
ніе, радость, миръ — оставьте книгу, у-
молкните всеми способностями души,
размышленіемъ, воображеніемъ, оста-
вайтесь такъ до техъ поръ, пока то дви-
женіе пройдетъ. Берите снова книгу,
снова повторите тоже мѣсто, и если
опять почувствуете такое же движеніе,
— опять оставьте книгу, и такъ dalje,
пока душа, можно сказать, высосетъ
весь питательный сокъ изъ прочтеннаго
мѣста. Тогда идите dalje. Страница
такого чтенія напитаетъ все ваше су-
щество гораздо больше, истины востутъ
въ него гораздо глубже и плодотивѣ,
чѣмъ отъ бѣлаго чтенія цѣлыхъ статей
и книгъ, которыя иной, по словамъ Гре-
ча, читаетъ словно глотаетъ устрицы,
и только кричитъ: «нѣтъ ли свѣжихъ!»
Здѣсь всего больше надобно удержи-
вать любопытство, не давать ему пог-
нать васъ отъ одного мѣста къ другому.
изъ одного празднаго желанія узнать,
что тамъ такое. Прочтя такимъ образомъ
десять книгъ, получите гораздо больше
въ итогъ, чѣмъ тотъ, кто бѣгло пробѣ-
житъ въ то же время сто легкихъ книгъ.

«Если вы читаете книгу или статью
ученую о такомъ предметѣ, съ кото-
рымъ мало знакомы (*), или пожалуй,
вовсе незнакомы, то желаете познако-
миться: не бойтесь, вооружите свою во-
лю, подстрекайте все любопытство —
только здѣсь оно полезно — и начинайте
читать. Темнѣе смертная! . . . идите.
Представьте себѣ, что вы, застигнутые
ночью въ лѣсу, желая добраться до теп-
ла и свѣта — до дому, идете, не смотря
что кочки, ямы, сучья на каждомъ ша-
гу задерживаютъ васъ. Вы спотыкае-
тесь, падаете, зги не видно, выбились
изъ силъ, а все таки, если вы не совѣтъ

(* Къ кому учился въ одномъ изъ нашихъ учеб-
ныхъ заведеній, тотъ столько уже приготовленъ,
что никакой предметъ не можетъ быть дикимъ,
недоступнымъ, — китайской грамотой; для него
не чуждъ языкъ — и этого довольно.

малодушный человекъ, на каждомъ шагу одобряете себя, напрягаете всѣ силы, и вотъ вы — дома: а тамъ тепло и свѣтъ, радушье и привѣтъ. Сладка побѣда надъ преградами! Тоже и здѣсь. Темно, непонятно, но не все сплосъ: попадете и гладкая тропинка, вы отдышаете. Идите, идите до конца. Тутъ всегда вы встрѣтите *окончательный результатъ*: его то ужъ поймете, а онъ то и есть ваша цѣль — домъ, куда вы спѣшили: дорога нужна лишь до дому; съ тою только разностью, что здѣсь окончательный результатъ, всегда слагается изъ результатовъ, попадавшихъ вамъ по дорогѣ, которые тоже, стало быть, нужны. Вотъ добрый вамъ совѣтъ: если окончательный результатъ васъ интересуетъ, если онъ знакомитъ васъ съ небольшою поляною науки — читайте первый разъ статью или книгу — отмѣчайте карандашемъ всѣ частные результаты, всѣ мѣста замѣчательныя, мѣста красиво выраженыя, мѣста почему нибудь вамъ понравившіяся, наконецъ, и мѣста непонятныя. Сдѣлавъ это, не поскучайте въ другой разъ прочесть, прежде всего, мѣста непонятныя. Смыю увѣрять, они лягутъ въ новомъ свѣтѣ, и недоимковъ останется меньше. Потомъ пройдите всѣ частные результаты, сведите ихъ съ заключеніемъ. Наконецъ, ежели время есть, выпишите ихъ въ свою тетрадь; по крайней мѣрѣ, запишите, гдѣ такіе то результаты найти. Увѣрю васъ, прочтенная книга навсегда останется въ памяти, особливо, если при случаѣ, пробѣжите свои выписки. Не дурно, въ извѣстные дни ежегодно, производить инспекторскій смотръ выпискамъ за прежніе годы — это удивительно освѣжаетъ память, и располагаетъ умъ къ плодотворнымъ размышленіямъ и — даже къ открытіямъ.

Для любопытства балованнаго до пожилыхъ лѣтъ, такое упражненіе скучно, сознаюся, но... немножко принужденія, всегда благотворнаго, немножко

привычки, неравнучной съ частымъ упражненіемъ, да нѣсколько доброй воли, покрывче эдачку на летучее любопытство, — и эта работа вамъ слюбится; а за то впоследствии какъ будетъ утѣшительна и плодотворна.

Замѣтите, безъ труда ничто не дается, не приобретається — ни какое наслажденіе. Что казалось бы легче наслажденія, но и для него напередъ надо потрудиться, да и какъ потрудиться подѣ часъ? Я еще смѣлѣе скажу: большая часть житейскихъ наслажденій нашихъ и въ половину не окупаютъ употребленныхъ трудовъ, а подѣ часъ — и страданій. Извольте-ка сами съ собою посчитаться! А результатъ какой послѣ всѣхъ почти наслажденій? — жажда новыхъ, — вещь мучительная, и потому еще что «за оною послѣдуютъ»: пресыщеніе, пустота въ душѣ, скука, тоска, а почему знать — можетъ быть и укоризны совѣсти?

Если же наслажденія, послѣ которыхъ, кромѣ новой жажды, ничего не остается, и тѣ требуютъ напередъ работы, труда, то право не грѣшно потрудиться надъ просвѣщеніемъ своего ума, результатъ котораго никогда не теряется! Что болѣе всего отвращаетъ отъ чтенія ученыхъ книгъ и статей? — Многое: незнаніе цѣны имъ, любовь къ своимъ милымъ потемкамъ, неувѣренность въ прибиткѣ, случаи ко множеству развлеченій, лѣнь, а главное — незнаніе ученаго языка. На это смѣю вамъ доложить: я зналъ человека, совсѣмъ немудренаго, только упрямаго; онъ самоучкой приучилъ себя ко многимъ научнымъ языкамъ и нарѣчіямъ, однимъ упорнымъ настойствомъ въ чтеніи книгъ того предмета. Не понимая вначалѣ ничего, потомъ весьма многого, потомъ все таки еще многого, онъ продолжалъ себя читать, перечитывая непонятное до тѣхъ поръ, пока ухо, глаза и умъ его привыкли къ терминамъ, научнымъ фразамъ, оборотамъ; довелъ таки до того, что сталъ

свободно читать и понимать. Не боги же и горшки обжигают и книги сочиняют! Что и вам мѣшает потрудиться и тѣмъ составить себѣ неотъемлемый капиталъ, и—вотъ ужъ всегда-то—пропорціональный трудамъ? Особливо для молодыхъ людей, жаждущихъ свѣта и желающихъ въ наименьшее время пріобрѣтать наибольшее количество свѣдѣній, знаній и прочной учености, — ничего не стоитъ пріучить себя къ такого рода методическому чтенію, котораго слѣдствія безконечно полезны. Труда не стоитъ только то, что ничего не приноситъ — праздное «легкое» чтеніе.»

Кстати здѣсь прибавить мимоходомъ и о чтеніи ученыхъ статей, какія будутъ помѣщаться въ Маякъ. Не о всякомъ предметѣ можно говорить популярно: и гдѣ нельзя, тамъ статьи будутъ писаться исполнѣ ученыхъ языкомъ. Этого бояться нечего. Редакція поставитъ себѣ за правило: вести возможную послѣдовательность статей одного предмета, такъ, чтобы дальнѣйшія статьи, поддерживались и выяснились предшедшими, на которыя и ссылки будутъ. По крайней мѣрѣ редакція наблюдетъ это въ собственныхъ своихъ статьяхъ. Далѣе, она будетъ, гдѣ нужно, всѣ частные результаты, равно и окончательный, печатать отличимымъ шрифтомъ; читателю останется усиливать вниманіе на частныхъ результатахъ, и—когда есть серьезное желаніе пользоваться чтеніемъ, — повторять ихъ хотя по одному разу. Содержаніе статьи навсегда усвоится. Это пригодится и съ другой стороны: для оцѣнки плана, содержанія и изложенія статей. Если отмѣтя результаты, не найдете между ими тѣсной связи, увидите, что они поставлены не на своихъ мѣстахъ, что авторъ не обращалъ на нихъ вниманія, а писалъ какъ съ неразумья, что необходимые промежуточные результаты пропущены, не довольно развиты, что они не содѣйствуютъ общими сидами ясности и силѣ оконча-

тельнаго результата; или найдете все это въ статьѣ, наоборотъ, въ превосходномъ порядкѣ и единствѣ, — тогда вы безошибочно разложите авторовъ на разряды, по ихъ искусству излагать свои мысли, станете подражать превосходному, и уклонитесь отъ повторенія чужихъ недостатковъ. Что сказано о статьѣ, слово въ слово прилагается и къ оцѣнкѣ капитальныхъ сочиненій.

Не скажу, что вы, читая такимъ образомъ, въ состояніи будете дать себѣ полный отчетъ въ каждомъ результатѣ, что вы его докажете: для этого нужно знать всѣ начала науки, и всю цѣпь истинъ, къ которой тотъ результатъ примыкаетъ; но вы будете знать его, владѣть имъ, пользоваться: а въ послѣдствіи, отъ чтенія другихъ книгъ или статей того же предмета, незамѣтно обойдете всю цѣпь истинъ, и будете уже знать науку съ отчетомъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ. Этимъ образомъ вы можете пользоваться даже статьями математическими, которыя точно также имѣютъ предметомъ доказательство какойнибудь истины, открытіе какогонибудь результата. Не бойтесь тучи формулъ, дифференціаловъ, интеграловъ: предоставьте повѣрять ихъ тому, кто знаетъ предметъ, а результатъ вѣрно доказанный принадлежитъ вамъ, стало быть и вамъ. Не упускайте случая воспользоваться безъ труда. Все это даровая добыча.

Если у васъ достанетъ мужества, любознѣтельности, скажу болѣе, своекорыстія — эти два только здѣсь вполнѣ полезны — и вы пріучите себя къ труду: читать ученыхъ статьи, то конечно ничего не будетъ вамъ стоить приложеніе того же способа къ чтенію книгъ «пріятныхъ и полезныхъ,» то есть: отмѣчать главныя части содержанія книги; по прочтеніи всего, непременно повторять ихъ; и такимъ образомъ усвоивать себѣ и планъ и содержаніе книги навсегда. Второстепенная польза—отмѣчать мѣста удачныя по красотѣ, вѣрности мысли и прочая,

особливо, если еще дадите себѣ отчетъ — почему? Что касается до ошибокъ, промаховъ, недостатковъ, — если только это не намѣренный злоупотребленія правилъ языка, науки — мой совѣтъ, никогда, ни въ какой книгѣ не искать ихъ: эти горькіе, не очень добронамѣренные поиски, по крайней мѣрѣ на 50% уменьшаютъ удовольствіе чтенія. И на этотъ разъ удовольствіе положительное, право, цѣннѣе удовольствія отрицательнаго.

«Мнѣ случалось, говорить одинъ очень искусный мастеръ читать, читывать книжки самыя вздорныя, пустыя, и я всегда умѣлъ находить въ нихъ что нибудь для себя пріятное, даже полезное; я дѣлаю очень просто: не обращаю вниманія на ихъ недостатки, дополняю ихъ собственнымъ размышленіемъ, прикрываю снисхожденіемъ: писать хорошо, такъ трудно, удовольствія наши такъ для насъ дороги, что радъ-радъ если и въ дурномъ его найдешь.»

И въ самомъ дѣлѣ, добрый человекъ, — свободный отъ несчастія имѣть щекотливый, раздражительный, то есть, испорченный вкусъ, привыкшій или къ излишней чопорности или къ неумѣстному цинизму — добрый человекъ даже съ простымъ, ничего незнающимъ мужикомъ проговоритъ часть-другой и не соскучится, — самъ наведетъ его на разговоръ. Чѣмъ своекорыстнѣе читаете вы книжку — дѣло идетъ не объ ученыхъ книгахъ — для личнаго удовольствія, тѣмъ меньше она покажется вамъ дурною. Само собою разумѣется, что при изобиліи книгъ и занятій, умный человекъ не станетъ собирать добычи по крохамъ, когда есть гдѣ брать цѣлыми возами. Самое мучительное ремесло, это критика! Вы сдѣлали самую несчастную привычку, если находите для себѣ пріятнымъ отрицательное удовольствіе, высасывать изъ книги вещи горькія, противныя доброму вкусу, вмѣсто вещей сладкихъ, питательныхъ. Не говорю уже о томъ, когда вы мастеръ умышленно придавать сноснымъ вещамъ дурной

вкусъ! а когда вещамъ хорошимъ придаете его — это хуже братоубійства!

Что касается до употребленія книгъ легкихъ *праздно-безполезныхъ, праздно-вредныхъ*, это тоже, что кормить себя вмѣсто зерна соломой. Что такое праздная книга? Тоже, что порожняя стеклянка, какъ бы изящна ни была она, въ которой кромѣ воздуха нѣтъ никакой пищи и питья для голоднаго: а душа наша вѣчно голодна, вѣчно жаждетъ, и выражаетъ такое состояніе скукой. Книга полна, когда въ ней есть содержаніе, пропитанное живымъ духомъ религіи, философіи и наукъ, такъ что вы ни на часъ не отлучаетесь отъ природы, человека и общества. Книга пустышка, когда въ разказъ проскакиваютъ изрѣдка свѣдѣнія о томъ, о семъ, безъ общей связи съ цѣлымъ. Книга очень пуста, когда, за отсутствіемъ духа наукъ и зрѣлыхъ свѣдѣній о природѣ, человекѣ и обществѣ, пробавляется кой какими крохами матеріальцевъ, свѣдѣній. Наконецъ, книга абсолютно пуста — праздная, когда ни того, ни другаго, ни третьяго вовсе нѣтъ. Въ такой книгѣ нѣтъ содержанія (см. о критикѣ) хотя и есть воздухъ, и въ этомъ воздухѣ, играютъ миражи проществій, разговоровъ, приключеній — книга все таки праздная; и если, при внутренней пустотѣ, въ книгѣ есть форма, слогъ, то и тогда она — только игрушка, пригодная лишь для дѣтей, а совсѣмъ не для человека. Что сказано о книгѣ вообще, применийте къ роману, повѣсти, къ стихамъ, къ чему угодно; и вы конечно не остановите, по крайней мѣрѣ, постоянно, своего выбора ни на чемъ праздномъ, которое дѣйствуетъ на одно любопытство и дѣлаетъ его господствующею силою въ человекѣ, и дѣлаетъ человека — хоть брось! Цѣлую жизнь упражняясь въ чтеніи праздныхъ, легкихъ книгъ, вы ни на шагъ впередъ не подвинете вашего образованія, просвѣщенія, оживленія; и если для васъ это все равно, такъ съ Богомъ, дѣлайте, что хотите.

О книгахъ правдо-вредныхъ и говорить нечего. Въ нихъ болѣе нежели пять содержанія: въ нихъ содержаніе отрицательное, прямо противное содержанію положительному: софизмы, заблужденіе, ложь. Такія книги вмѣсто образованія — дѣлаютъ болѣе дикимъ, вмѣсто просвѣщенія — темнятъ, вмѣсто оживленія — мертвятъ. Читать такія книги должна только слабымъ и здоровымъ умамъ и сердцамъ, и то для того чтобы обличить ихъ ложь и предостеречь неопытныхъ. Это подвигъ святой, хотя и тяжкій, и тѣмъ болѣе тяжкій, что такія книги болѣею частію окапываются самими неприступными бастионами слога, формы и художческаго мастерства, но эти Эрихонскія твердыни, при одномъ звукѣ нетины разсыпаются въ прахъ.

И такъ, если вы претендуете на званіе мастера читать, то пожалуйста, не угодно ли быть имъ во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣхъ сторонъ. Со стороны причины всѣ ваши побужденія должны подчиняться единственной цѣли: просвѣтити умъ, очистить вкусъ и черезъ него оживить чувство, и непременно образовать волю, короче — сдѣлаться лучшимъ. То, и другое, и третье, разомъ обоими путями: *оупутреннимъ и внѣшнимъ*: по духу и по чувственности. Со стороны средствъ: выборъ и употребленіе для этого досужаго времени, должны быть подчинены, разъ и навсегда, закону обдуманному, правиламъ точнымъ и честнымъ; я говорю честнымъ, потому что многіе и весьма многіе охотники — по не мастера читать, крадутъ время, посвященное службѣ, благу людей, семейнымъ обязанностямъ, воспитанію дѣтей, изученію уроковъ, и расточаютъ его на чтеніе безвременное, а еще хуже, что обыкновенно и бываетъ, праздное. Но если не позволено красть чужое время, то столько же не позволится расточать и свои досуги.

— Слуга покорнѣйшій! Не прикажете ли, для полученія вашей «степени: док-

тора чтенія,» на цѣлую жизнь запретить ся въ четырехъ стѣнахъ, и корпѣть надъ вашими полезными книгами? Да знаете ли, наши удовольствія выше пользы. Польза потому только хороша и полезна, что доставляетъ удовольствіе моему самолюбію, своекорыстію, моему Я.

— Какъ вамъ угодно, только сдѣлайте милость не говорите послѣ этого о нашемъ искусствѣ читать, и читая, жить достойнымъ человека образомъ. Вамъ угодно жить для того чтобы читать что ни пошло, какъ ни пошло, и когда ни пошло — въ добрый часъ! Мы разоидемся. На прощанье позвольте доложитъ вамъ, что вы понятія не имѣете ни о пользѣ, ни объ удовольствіяхъ.

Пользой вамъ угодно называть все, что расширяетъ вашъ comfort; это польза хорошая, но она внѣшняя, вещественная, равно пригодная для человека и животнаго той же породы. Ни какой оберъ-лордовскій комфортъ не спасетъ отъ тоски и душевныхъ страданій, доводящихъ до отчаянія и отвращенія ко всему комфортному, если вы упорно пренебрегали пользой внутренней: просвѣщеніемъ ума, оживленіемъ чувства, образованіемъ воли; а при этой, напротивъ, та сама собой приходитъ.

Удовольствіемъ вы называете всякое сладствіе комфорта, развернутаго до удовлетворенія всѣмъ прихотямъ, которое производить, хотя и пріятное, но всегда судорожное, щекотаніе чувственности (въ заглавіи которой ваше — Я). Хороши и эти удовольствія, въ мѣру, подъ прикрытіемъ удовольствій другаго рода, удовольствій происходящихъ отъ пракческаго сознанія и употребленія просвѣщеннаго ума, очищеннаго чувства и вкуса, образованной воли.

Согласитесь: и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, удовольствія, какъ сладствіе пользы, всегда — ниже причинъ ихъ производящихъ. Вѣтку можете и отрубить — дерево цѣло; а Боже сохра-

ни, перерубите корни, погубите все дерево, удовольствие — ветка. Съ чего же вы взяли, будто у удовольствія выше польза.

Обращаясь въ частности къ искусству читать, разберемте со всѣмъ среднимъ намъ эгоизмомъ и своскорыстїемъ, которые во всемъ кроме этого, преобладаютъ въ насъ, разберемте самымъ серьезнымъ образомъ, самые высочайшіе наши интересы, интересы первой величины, именно: улучшение личнаго нашего быта со внутренней и съ вѣтшей стороны, и посмотрите на умилятельную картину порядка, когда человекъ, посвящающій досуги свои чтенію книгъ, занятію, какъ кажется весьма простому, но безконечно плодovitому или безконечно бесплодному, смотря потому какъ его употребляютъ, — посмотрите, говорю на картину, когда человекъ сгармонизируетъ самымъ разумнымъ образомъ, причину своего чтенія: жажду свѣта по уму, усладенія прекраснымъ по чувству, и направленіе воли къ добру, со средствами: вкусомъ, выборомъ и употребленіемъ книгъ и времени, подчинить все это закону, условіямъ и направленію ведущимъ къ обширной, обдуманной цѣли — улучшенію всего существа съ трехъ сторонъ духовныхъ: ума, чувства и воли, и во всѣхъ вѣтшихъ добрыхъ отношеніяхъ: для пользы и удовольствій истинныхъ, прочныхъ, плодovitыхъ, — когда, подчиня себя беснующемуся любопытству, а не искажая свой вкусъ его ненасытными прихотями, человекъ съумѣетъ подчинить все и себя этому порядку, единству, — какіе будутъ

пожипать онъ ежеминутно прекрасные плоды жизни чистой, свѣтлой, святой, жизни безпрестанно разнообразящейся самыми неотъемлемыми наслажденіями, почти независящими отъ случайностей житейскихъ, или когда угодно — будетъ вкушать наслажденія, которыми вѣрнее всего усладить онъ горечь этихъ превратностей, никому неизбѣжныхъ.

Да, м. г. искусство читать книги есть одно изъ важнѣйшихъ изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ, гораздо важнѣе даже искусства писать изящныя книги; потому что это — даръ, а то — искусство, приобретаемое безпрестанными трудами и работой надъ самимъ собой. Стоитъ подумать серьезно объ этомъ великомъ и весьма рѣдкомъ искусствѣ, человеку, ежедневно занимающемуся чтеніемъ и своею участію. Всѣ свойства этого искусства, всѣ его условія, всѣ приемы, снаровія, итлоги, которыхъ я, щадя ваше нетерпѣніе, коснулся только слегка, — онъ долженъ изучать самымъ прилѣжнымъ образомъ, принуждать себя сжечасно къ неотступному соблюденію ихъ на практикѣ, если угодно, самымъ педантскимъ образомъ, помни общую повинность падшаго человечества: *Взъ топъ лица твоего съищи хлѣбъ твой!*

С. Бурачекъ.

Редакція съ своей стороны постарается довольно изготоблять всюду, гдѣ только можно, и снабжать этия хлѣбцы, если не всегда конфективнымъ, ликковымъ, то всегда, по возможности, чистымъ, безъ примѣси мякны и песку, хорошо вымѣшаннымъ, пропеченымъ, и не черствымъ, а ужъ ручаюсь, что — сытнымъ и здоровымъ.

МЫСЛИ

• 0

НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ПОНЯТІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ОБЩЕЖИТИЮ И, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО,

КЪ ИГРАМЪ И ЛОТЕРЕЯМЪ.

Нѣтъ почти ни одной отрасли чело-
вѣческихъ званій, которая не доставля-
ла бы обильнаго запаса, истинъ, имѣю-
щихъ ббльшую или мѣншую связь съ об-
щжитіемъ, и степень образованности (*)
человѣка можно опредѣлить итогомъ
подобныхъ познаній, приобретенныхъ
имъ въ теченіе его жизни. Но какъ ве-
ликъ этотъ итогъ вообще? Къ сожа-
лѣнію, весьма незначителенъ въ об-
щей сложности. Не говоря уже о клас-
сѣ людей, не получившихъ никакого
образованія, сколько можно насчитать

полезныхъ, даже важныхъ истинъ, во-
все неизвѣстныхъ людямъ, принадле-
жащимъ къ сословіямъ образованнымъ,
сколько вопросовъ, давно рѣшенныхъ, и
которые до сихъ поръ не только счита-
ются спорными, но даже иногда, въ
слѣдствіе закоренѣлыхъ предразсуд-
ковъ, многими рѣшаются совершенно
превратно. Умалчивая уже о сбивчиво-
сти и ложности понятій въ свѣдѣніяхъ,
относящихся къ наукамъ положитель-
нымъ, — въ которыхъ общее невѣже-
ство обнаруживается съ осязательною

(*) Большая часть писателей (въ томъ числѣ и
мы гръшныя) почти безъ различія употребляютъ,
одно вмѣсто другаго, слова: *просвѣщеніе*, *обра-
зованность*, *гражданственность* и *воспитаніе*.
Въ предшедшей статьѣ показана разница меж-
ду двумя первыми (стр. 72 ст. 1), здѣсь покажемъ
ихъ различіе отъ остальныхъ двухъ. Опредѣлен-
ность словъ — душа философическихъ сочиненій.

Просвѣщеніе — *éclaircissement de l'esprit* — от-
носится къ уму и познается въ сужденіяхъ чело-

вѣка. *Образованность* — *culture de soi-même* — отно-
сится къ сердцу, къ вселѣ, познается изъ поступ-
ковъ челоѣка, приобретается опытною: то и
другое говоря о челоѣкѣ отдѣльно. *Граждан-
ственность* — *civilisation* — охватываетъ просвѣ-
щеніе и образованность челоѣка живущаго
въ обществѣ извѣстной формы. *Воспитаніе* —
éducation — есть машина, посредствомъ которой
производится просвѣщеніе головъ, образо-
ваніе сердець и гражданственность людей.

очевидностію, — какъ много находимъ тому примѣровъ въ политической экономіи, въ судопроизводствѣ, медицинѣ, торговлѣ, промышленности, въ финансахъ, и въ самомъ общественномъ быту. Въ подтвержденіе этого можно привести множество случаевъ. Давно-ли, напримеръ, возставали противъ прививанія оспы, и не видимъ ли даже до сихъ поръ, если не противниковъ, по крайней мѣрѣ не вѣрующихъ въ действительность сего предохранительнаго средства? Между тѣмъ, давно доказано, съ математическою строгостію, что уничтоженіе натуральной оспы посредствомъ прививной, увеличило бы слишкомъ тремя годами среднюю жизнь человека, есльбъ происходящее отъ этой спасительной мѣры приращеніе народонаселенія не было нѣсколько уменьшаемо недостаткомъ въ продовольствіи. Въ судопроизводствѣ находимъ также примѣры неправильности нѣкоторыхъ мнѣній касательно состава судейскихъ палатъ. Теорія и въ этомъ отношеніи можетъ служить вѣрною руководительницею; она разрѣшитъ многіе случаи, кажущіеся сомнительными, и наведетъ на истины, которыя, по важности предмета, должны обратить на себя всеобщее вниманіе. Коснувшись судопро-

изводства, считаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о свидѣтельствахъ, на которыхъ основываются почти все судейскіе приговоры. Конечно, по разнообразію обстоятельствъ, по неопредѣленности, неизбежной при оцннкѣ степени правдивости свидѣтелей, весьма трудно, и почти невозможно предложить строгое опредѣленіе той мѣры вѣрованія, какую мы должны имѣть, въ каждомъ частномъ случаѣ къ чьему либо свидѣтельству; но тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи умозрѣніе приводитъ къ многоразличнымъ результатамъ, которые часто могутъ руководить насъ къ познанію истины, или по меньшей мѣрѣ, предостерегать отъ грубыхъ заблужденій.

Разсмотримъ такъ называемыя Страховыя Общества. Этотъ предметъ, по общепользной цѣли своей, долженъ конечно обратить на себя особенное вниманіе; и, между тѣмъ, понятія о немъ, говоря вообще, чрезвычайно сбивчивы, неполны и неосновательны. Существованіе всѣхъ обществъ, основанныхъ на случайности событій, какъ напримеръ обществъ застрахованія, упрощается распространеніемъ ихъ круга дѣйствія. И такъ, положимъ, что принимается въ соображеніе Страховое Общество, надлежащимъ образомъ устроенное, и которое, по многочисленности своихъ оборотовъ, имѣетъ прочное основаніе. Въ этомъ случаѣ теорія ведетъ къ заключенію, что можно соразмѣрить премію, платимую застрахователемъ, такъ, чтобы при вѣрной прибылп для Общества, нравственная выгода застрахователя увеличилась. Эта истина обнаруживаетъ несомнѣнную пользу страховыхъ учреждений. Опытъ вполне подтвердилъ умозрѣніе; и дѣйствительно: вездѣ учреждаются новыя Общества застрахованія, старыя принимаютъ боляе и боляе развитія. Но изъ всѣхъ подобныхъ заведеній, какъ то Страховыхъ

Въ этой статьѣ, вездѣ вмѣсто слова, *образованность*, по нашему мнѣнію слѣдовало бы поставить: *просвѣщеніе*. Давъ слово не посягать на чужой образъ выраженія, и свято соблюдая неприкосновенность образа мыслей, въ то же время исполняемъ обѣщаніе (Част. I. Предисл. стр. IX столб. 1 и стр. XIII столб. 1 строка 13 и далѣе): «въ случаяхъ несогласія съ авторами въ частныхъ мнѣніяхъ, всякой разъ очищать себя подстрочными примѣчаніями, руководствуясь здравою терпимостію мнѣній, и не уклоняясь отъ благонамѣренныхъ возраженій».

Не взышшимъ считаю прибавить: что почтенный авторъ, не согласившійся, по представленію редакціи, переменить нѣкоторыя слова еще въ рукописи, дозволяя ей очистить себя примѣчаніями.

Редакт.

Общество отъ огня, отъ града, морскихъ застрахованій и проч., одни изъ благотѣльнѣйшихъ суть безъ сомнѣнія Общества, основанныя на вѣрности продолженія человеческой жизни, извѣстныя подъ наименованіемъ застрахованія пожизненныхъ доходовъ. Человекъ вноситъ ежегодно умѣренную премію Обществу, которое, въ случаѣ его смерти, обавно выдать извѣстный капиталъ, или производить ежегодный пенсіонъ семейству умершаго. Или еще, отецъ семейства, желая обезпечить будущность новорожденнаго младенца, вноситъ при его рожденіи опредѣленную сумму. Младенецъ, достигая извѣстнаго возраста, получаетъ отъ Общества капиталъ, соразмѣрный со внесенною за него преміей. Если же ребенокъ умретъ не достигнувъ условленныхъ лѣтъ, напримѣръ совершеннолѣтія, то, разумется, застрахователь теряетъ свою премію. Нравственная сторона такого рода учрежденій очевидна, и должно желать, чтобы Общества застрахованія пожизненныхъ доходовъ, нашия себѣ отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ, а для этого, они должны озаботиться установленіемъ премій, по возможности умѣренныхъ, т. е. справедливыхъ. Существенную пользу припесли бы у насъ и *Общества взаимнаго застрахованія*, которыя, при значительномъ числѣ участниковъ, имютъ важное преимущество исредѣ обыкновенныхъ, что чистая прибыль раздѣляется между самими застрахователями, а не идетъ въ другія руки. Поэтому, нравственная выгода членовъ такого рода Обществъ, чрезъ обращеніе дивиденда въ нихъ подъзу, получаетъ еще нѣкоторое приращеніе.

Мы сказали выше, что для совокупной выгоды Страховаго Общества и застрахователей, должно соразмѣрить извѣстнымъ образомъ премію, то есть сумму, платимую за страхъ. Но какими правилами руководствоваться при этомъ?

Вотъ вопросъ, который весьма бы полезно было изложить въ общепонятномъ видѣ; его рѣшеніе основано частію на математическомъ анализѣ, а частію на данныхъ, получаемыхъ посредствомъ многочисленныхъ наблюденій.

Возьмемъ еще примѣръ изъ торговли. Купецъ отправляетъ какую нибудь сумму денегъ или какіе нибудь товары моремъ, и не застраховываетъ ихъ. Представляется вопросъ, лучше ли отправить эти деньги или товары на одномъ кораблѣ или на нѣсколькихъ? Иные, можетъ быть, найдутъ вопросъ сомнительнымъ, и между тѣмъ онъ ужъ давно рѣшенъ съ математическою очевидностію; доказано, что должно предпочтительно подвергать опасности какое либо имущество по частямъ, нежели въ цѣлости, и поэтому купецъ долженъ распределить отправляемую имъ сумму или товары на нѣсколькихъ судахъ.

Въ началѣ статьи мы свалили еще, что нѣкоторые вопросы, относящіеся къ общепитію, рѣшаются многими совершенно превратно. Всякаго рода игры, лотереи и заклады, могутъ служить тому разительнымъ примѣромъ. Сколько необдуманыхъ толковъ объ нихъ! Не слышимъ ли мы часто, что выхваляютъ какую нибудь *выгодную* азартную игру или лотерею, говорятъ объ необыкновенномъ *счастьи* игрока, мы разумемъ честнаго, держать значительныя заклады, условія которыхъ прямо противорѣчатъ правиламъ, основаннымъ на здравомъ разсудкѣ? Чтѣ можетъ быть безразсуднѣе подобныхъ сужденій и несообразностей! Всякая игра, включая сюда лотереи и заклады, математически равная для обѣихъ сторонъ, всегда невыгодна для игрока, потому что сей послѣдній, рискуя ставку, уже тѣмъ самымъ уменьшаетъ свою нравственную выгоду. Смыслъ употребленныхъ здѣсь выраженій объяснится ниже.

Ограничимся этими немногими случа-

ли, которые, как читатель мог заметить, взяты все изъ *Анализа Вѣроятностей*. Но сколько еще другихъ, не менѣ важныхъ истинъ, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ общественной жизни, дознаны умами здравыми, чуждыми предразсудковъ, упрочены вѣковыми опытомъ, подтверждены многочисленными наблюденіями, и которыя, по всей справедливости, должны стать на ряду съ истинами, математически доказанными. Не смотря на бѣглость взгляда, брошеннаго нами на этотъ предметъ, не смотря на неполноту сдѣланныхъ выше замечаній, мы кажется смѣло можемъ поставить на видъ неисчислимую пользу труда, въ которомъ бы собраны были такого рода истины, распределенныя въ систематическомъ порядкѣ. Подобный *Сборникъ* или *Руководство къ общественной жизни* (*), для полноты своей, долженъ бы обнимать общепримѣнительные результаты наукъ физическихъ, нравственныхъ и политическихъ. Я разумю одни результаты, ибо самыя доказательства, гдѣ они могутъ быть предложены, собственно составляютъ достоинствѣ ученыхъ; для массы людей, включая сюда большую часть сословій получившихъ образованіе, самая теорія была бы недоступна, и слѣдовательно бесполезна. Чтобы такой трудъ способствовалъ въ возможной мѣрѣ распространенію здраваго просвѣщенія, онъ долженъ быть разделенъ на частныя руководства, примѣненныя къ многостороннимъ потребностямъ и различной степени образованности всѣхъ сословій. Конечно, исполненіе такого предпріятія сопряжено съ большими затрудненіями; оно требуетъ ревностнаго, дружнаго сотрудничества

многихъ ученыхъ (*). Но важность его въ филантропическомъ отношеніи не послужитъ ли сильнѣйшимъ побужденіемъ и вмѣстѣ лучшимъ возмездіемъ для его исполнителей?

На первый случай мы довольствуемся однимъ указаніемъ на мысль объ руководствѣ такого рода; но эта мысль, имѣть сомнѣнія, можетъ получить большое развитіе. Что же касается до формы подобныхъ сочиненій, то истины могутъ быть предложены въ нихъ въ видѣ афоризмовъ. Напримѣръ, въ популярномъ *Сборникѣ*, можно бы представить въ такомъ видѣ три нижеслѣдующія истины:

«1-я истина. Всякія игры, какъ то, въ карты, въ кости и проч., равно и заклады, невыгодны, даже при совершенной честности игроковъ.»

«2-я истина. Всякая лотерея невыгодна для тѣхъ, которые берутъ билеты, и даже въ томъ, весьма рѣдкомъ случаѣ, когда сборъ за билеты не превышаетъ цѣнности разыгрываемыхъ предметовъ.»

«3-я истина. Лучшее имущество свое подвергать какой либо опасности по частямъ, нежели въ цѣлости. И такъ, когда куонецъ не застраховываетъ своихъ товаровъ, то долженъ стараться отправлять ихъ не на одномъ, а на нѣсколькихъ судахъ. Равнымъ образомъ, челоувѣкъ, желающій отдать въ ростъ свой капиталъ, долженъ, для большей безопасности, отдавать его въ разныя руки, а не въ одну, если только ни одинъ изъ заемщиковъ не заслуживаетъ, по надежности своей, особеннаго довѣрія передъ другими.»

Полезно, иногда необходимо даже, сопровождать изложеніе нѣкоторыхъ истинъ причинными имъ замечаніями и объясненіями. Напримѣръ, говоря объ играхъ, слѣдуетъ объяснить различіе

(*) Мысль превосходная, столько же вѣрная, какъ исполнимая, исполненіе которой принесетъ безпредѣльную пользу обществу! Мало по малу она станетъ осуществляться въ Малкѣ, съ легкой руки просвѣщеннаго автора. *Ред.*

(**) Малкѣ къ тому же приглашаетъ всѣхъ и cadaго.

между играми математически равными или безобидными для обоих сторонъ, каковы *сметъ, бостонъ, пикетъ* и проч. отъ другихъ, напримеръ *банкъ, штокъ* и проч. неудовлетворяющихъ тому условію. Сдѣлавъ это различіе, должно замѣтить, что втораго рода игры, еще болѣе первыхъ невыгодны. Если будетъ сообразно съ цѣлію Руководства, то можно также показать и безнравственную сторону игры, представить картину безпорядковъ и бѣдствій, въ которые она часто вовлекаетъ. Само собой разумѣется, что сказанное здѣсь отнюдь не относится къ потерямъ благотворительнымъ и къ играмъ, незначительной относительно состоянія играющихъ; малая игра, какъ средство къ развлеченію или препровожденію времени, сохраняетъ полныя права свои.

Для читателей, не чуждыхъ математическихъ свѣдѣній, представляемъ здѣсь доказательства трехъ приведенныхъ истинъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ Анализѣ *Вѣроятностей*, и, для избежанія всякихъ недоразумѣній, условимся въ значеніи нѣкоторыхъ техническихъ терминовъ, относящихся къ сей наукѣ.

Анализъ *Вѣроятностей* предлагаетъ правила для извлеченія результатовъ изъ простыхъ указаній здраваго разсудка, изъ соображенія фактовъ и наблюденій. Приложение этой науки ко *всѣмъ* отраслямъ человѣческихъ знаній приводитъ къ слѣдствіямъ столько же важнымъ, сколько и полезнымъ въ обществѣ, предупреждаетъ опасныя заблужденія, искореняетъ въкомыя предразсудки. Но, для полученія вѣрныхъ, непогрѣзительныхъ результатовъ, теорія должна быть употребляема съ большою осмотрительностію. Всѣ обстоятельства, относящіяся къ разсматриваемому предмету или явленію, должны быть исчислены, взвѣшены и обсужены съ возможною тщательностію. Если рѣшаемый вопросъ основанъ на наблю-

денійхъ, то необходимо, чтобы сіи послѣдствія были какъ можно точнѣе и многочисленнѣе. Когда всѣ эти условія будутъ строго соблюдены, и всѣ данныя приняты въ соображеніе, то, при здоровомъ воззрѣніи на предметъ, выводы теоріи будутъ непреложны.

Вѣроятностію какого либо событія называется отношеніе числа равновозможныхъ случаевъ, *благоприятствующихъ* событію, къ числу *всѣхъ возможныхъ* случаевъ. Напримеръ, если бы изъ сосуда, заключающаго 30 шаровъ, — 7 бѣлыхъ и 23 черныхъ, — вынули на удачу одинъ шаръ, то вѣроятность появленія блага шара равнялась бы $\frac{7}{30}$, а чернаго $\frac{23}{30}$. Ясно, что вѣроятность событія будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дробь, выражающая ее, подходитъ ближе къ единицѣ. Когда эта дробь достигаетъ единицы, то вѣроятность обращается въ *достоверность*, и самое событіе становится несомнѣннымъ.

Игра называется *безобидною* или *математически равною*, когда ставка игрока равна произведенію ожидаемаго выигрыша на вѣроятность этого самого выигрыша. При этомъ предполагается, что игрокъ, вступая въ игру, вноситъ свою ставку, которая, съ этой минуты, не принадлежитъ ему болѣе. Если бы, напримеръ, кто нибудь держалъ закладъ, что выдернутая изъ полной колоды наудачу карта, будетъ опредѣленной напередъ масти, положимъ бубновая, то, для *безобидности* заклада, онъ бы долженъ поставити 1 противъ 4, потому что всѣхъ мастей четыре; и слѣдовательно вѣроятность появленія бубновой масти равна $\frac{1}{4}$, а ожидаемый выигрышъ равенъ 4, ибо четвертая часть его должна равняться единицѣ. Въ справедливости сказаннаго легко удостовѣриться слѣдующимъ образомъ: положимъ, что вмѣсто одного закладчика, будутъ четыре: одинъ изъ нихъ утверждастъ появленіе бубень, другой — червей, третій — трефъ, четвертый

никъ. Полную ставку получает тотъ, чья вскрыется масть. Нѣтъ причины, чтобы ставка одного изъ закладчиковъ была болѣе или менѣе ставки другаго; и такъ, онѣ всѣ равны. Поэтому выигрывающій закладъ получить свою ставку и, сверхъ того, еще три, то есть *четверенную* ставку. Отсюда видимъ ясно, что ожидаемый выигрышъ, когда поставлена уже ставка равная *единицѣ*, будетъ *четыре*, а вѣроятность этого выигрыша $= \frac{1}{4}$, какъ было сказано выше. Следовательно, *ставка должна относиться къ ожидаемому выигрышу, какъ число случаевъ, благоприятствующихъ выигрышу, къ числу всѣхъ возможныхъ.*

Подъ *математическимъ ожиданіемъ* разумѣютъ мѣру ожидаемой выгоды, помноженную на вѣроятность того событія, отъ котораго полученіе этой выгоды зависить. И такъ, если бы разыгрывалась въ лотерею известная сумма, напримѣръ 1000 рублей, и число всѣхъ билетовъ было бы 100, то математическое ожиданіе взявшаго одинъ билетъ равнялось бы $\frac{1}{100} \cdot 1000 = 10$ рублямъ, ибо дробь $\frac{1}{100}$ изображаетъ вѣроятность выигрыша, а число 1000 мѣру ожидаемой выгоды. Математическое ожиданіе мы будемъ также называть иногда *математическою выгодою*, а иногда *физическимъ имуществомъ.*

Переходимъ теперь къ *нравственному ожиданію* или *выгодѣ*. Нравственная выгода зависить отъ математической; но опредѣленіе этой зависимости весьма трудно. Для разныхъ лицъ, и при различныхъ обстоятельствахъ, она измѣняется. Чтобы объяснить какъ можно вразумительнѣе, что должно разумѣть подъ ожиданіемъ нравственнымъ, рассмотримъ нѣкоторые весьма простые случаи. Играютъ въ большую игру, математически равную, напримѣръ въ вистъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человекъ разсудительный, имѣющій небольшое состояніе, откажется отъ этой

игры, не смотря на то, что охотно играетъ въ малую. Между тѣмъ его математическое ожиданіе точно такое же какъ и для другихъ игроковъ, предполагая что всѣ равноискусны. Положимъ еще: богатый человекъ предлагаетъ бѣдному держать значительный закладъ, равный для обѣихъ сторонъ, что вынутая на удачу карта изъ полной колоды будетъ красная. Разсудительный человекъ, разумѣется, откажется отъ такого заклада, хотя условіе безобидно, и следовательно, математическое ожиданіе обѣихъ закладчиковъ одинаково.

Ограничась приведенными двумя примѣрами, займемся у Бюффона одною сравненіемъ, которое съ краснорѣчивою простотою показываетъ разительное отличіе математической выгоды отъ нравственной. Вотъ собственныя его слова:

«Скупецъ похожъ на математика; тотъ и другой цѣнятъ деньги по внутреннему ихъ достоинству; разсудительный же человекъ не разбираетъ, какова ихъ условленная цѣнность, а видитъ только выгоды, которыя можетъ извлечь изъ нихъ. Онъ разсуждаетъ основательнѣе скупца, и чувствуетъ лучше математика. Эфимокъ, отложенный бѣднымъ для внесенія законной повинности, и эфимокъ, дополняющій мѣшки откупщика, въ глазахъ скупца и математика, имѣютъ одинаковую цѣнность: первый, присвоить себѣ каждый изъ нихъ съ равнымъ наслажденіемъ, второй, будетъ считать ихъ двумя равными единицами; между тѣмъ, человекъ разсудительный оценитъ въ золотую монету эфимокъ бѣднаго, а въ денежку эфимокъ откупщика (").»

И такъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нравственное, внутреннее довольство, доставляемое намъ какою либо математическою выгодою, не пропорціонально мѣрѣ этой выгоды, а зависить отъ множества почти неулови-

(*) *Essai d'arithmétique morale. Cov.*

мых обстоятельств и отъ нашихъ личныхъ отношеній. И дѣйствительно, всякій согласится, что незначительная для богача сумма, можетъ быть сокровищемъ для нищаго; поэтому-то и необходимо отличать *безусловную* или *абсолютную* величину какого либо имущества, отъ его *относительной* величины. Первая не зависитъ отъ обстоятельствъ лица, обладающаго симъ имуществомъ или ожидающимъ его, а вторая, напротивъ, подчинена симъ обстоятельствамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но изъ всѣхъ данныхъ, которыя слѣдуетъ принимать въ расчетъ при опредѣленіи нравственнаго ожиданія, главную, безъ сомнѣнія, составляетъ математическая выгода, или, какъ мы назвали иначе, физическое имущество.

Должно сознаться, что по разнообразію обстоятельствъ и отношеній, невозможно найти аналитической формулы, которая съ точностію выражала бы мѣру нравственнаго ожиданія. Поэтому довольствуются гипотезами, согласующимися въ главныхъ чертахъ своихъ съ опытомъ и указаніями здраваго разсудка. Знаменитый Бюффонъ, въ своемъ *Essai d'Arithmétique morale*, рассматриваетъ этотъ предметъ съ слѣдующей точки: онъ предполагаетъ, что два человека, имѣющіе равныя состоянія, напримѣръ каждый по сту тысячъ рублей, играютъ въ кости на половину своего имущества, то есть на 50 тысячъ рублей. Очевидно, что выигрывающій увеличитъ свое состояніе одною третью, ибо, вмѣсто 100 т. онъ будетъ имѣть 150 т. рублей, а состояніе проигравшаго уменьшится половиною, потому что у него, отъ 100 т. останется только 50 т. рублей. И такъ, по окончаніи игры, имущество одного изъ игроковъ увеличится *одной третью*, а другаго, напротивъ того, уменьшится *половиною*: слѣдовательно проигрышъ будетъ превышать выигрышъ *одной шестюю*, ибо $\frac{1}{2} = \frac{1}{3} + \frac{1}{6}$. Изъ этого Бюффонъ заклю-

чаетъ, что игра, по сущности своей, представляетъ невыгоду для обоихъ игроковъ, и слѣдовательно основана на ложномъ началѣ.

Еще разительнѣе примѣръ двухъ игроковъ, также имѣющихъ равныя состоянія, но которые играютъ на все свое имущество. Выигравшій удвоитъ свое состояніе, а проигравшій потеряетъ все. Какаѣ же тутъ соразмѣрности между проигрышемъ и выигрышемъ? Выигрышъ доставитъ одному игроку средство жить въ большемъ довольствѣ нежели прежде, а проигрышъ, сдѣлаетъ другаго нищимъ.

Бюффонъ допускаетъ, что мѣра важности какой либо суммы, присовокупляемой къ данному капиталу, или, какъ мы назвали выше, мѣра *нравственной выгоды*, опредѣляется отношеніемъ этой суммы къ самому капиталу. Пусть будетъ A капиталъ или физическое имущество, a ожидаемое приращеніе этого капитала. Нравственная выгода относящаяся къ суммѣ a , выразится: при потерѣ ея, дробью $\frac{a}{A}$,

прибавленія, дробью $\frac{a}{A+a}$. Разность сихъ двухъ выраженій будетъ

$$\frac{a}{A} - \frac{a}{A+a} = \frac{a^2}{A(A+a)}$$

Въ первомъ изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ имѣли $A = 100000$, $a = 50000$; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, разность о которой говоримъ, есть

$$\frac{50000^2}{100000 \times 150000} = \frac{1}{6},$$

какъ и было найдено выше.

Даниилъ Бернулли предложилъ другую гипотезу, которая однакожъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Бюффоновой. Бернулли предполагаетъ, что ожидаемое приращеніе физическаго имущества разложено на дифференціальныя элементы, и допускаетъ потомъ, что без-

конечно малое приращение нравственной выгоды, соответствующее какому ни есть элементу физического имущества, прямо пропорционально абсолютной величине этого элемента, и обратно — первоначальному имуществу, увеличенному суммою всех элементов, предшествовавших (*) тому, который принимается в соображение. На этом основании, изобразив чрез dx , бесконечно малое приращение физического имущества x , а чрез dy , соответствующее приращение нравственной выгоды, будем иметь

$$dy = \frac{kdx}{x},$$

разумя под k величину постоянную. Интегрируя это уравнение, получим $y = k \log x + \log h$, где h изображает постоянное количество, которое определяется по известной величине y , соответствующей данному значению x .

Вот мера нравственной выгоды, предложенная Даниэлем Бернулли, и допускаемая до сих пор почти всеми математиками. Эта мера, в приложениях своих к различным вопросам из Анализа Вероятностей, приводит к результатам, вполне согласующимся с указаниями здравого разсудка. Не смотря на то, нельзя однако не сознаться, что формула Бернулли выведена из предположения, справедливость которого не очевидна, и потому, основанная на ней доказательства, для судей строгих, могут казаться не вполне удовлетворительными. Но есть предположения, в которых можно удостовериться путем анализа, не основываясь на гипотетическом выражении нравственной выгоды, и к их числу, принадлежат приведенные выше три истины, доказательством которых теперь и займемся.

Примем за меру нравственной выгоды какую ни есть непрерывную фун-

(*) См. примеч. стр. 89.

кцию $e(x)$, ограничивая ее всеобщность двумя только условиями, а именно: 1 чтобы с возрастаніем физического имущества x , нравственная выгода $e(x)$ также получала приращение, и 2°, чтобы это приращение уменьшалось по мере увеличения физического имущества. Допущенны два условия совершенно согласуются с нашими понятіями об этом предмете, и подтверждаются ежедневным опытом. Весьма простой примеръ объяснить сказанное, с возможною очевидностію. Положимъ что человекъ, имущество котораго можетъ быть оцнено въ 10 тысячъ рублей, приобретаетъ какимъ либо образомъ еще одну тысячу; нтъ сомнвнн, что его нравственная выгода увеличится чрезъ это приобретение. Но если впоследствии этотъ самый человекъ сдлается богатымъ, напримеръ, получить по наследству 100 тысячъ рублей, то вторичное приобретение одной тысячи рублей, хотя и увеличитъ его нравственную выгоду, но уже не въ той степени какъ въ первый разъ, когда все имущество его состояло изъ 10 тысячъ рублей.

На такомъ основаніи легко видѣть, что если изобразимъ чрезъ $e(x)$ нравственное ожиданіе, соответствующее физическому имуществу x , то первая производная $e'(x)$ будетъ величина положительная; а вторая $e''(x)$, величина отрицательная. Дѣйствительно, означивъ чрезъ h приращение физического имущества x , получимъ въ силу перваго условия

$$e(x+h) > e(x).$$

Но, по известной теоремѣ,

$$e(x+h) = e(x) + h e'(x+\theta h),$$

гдѣ $\theta > 0$ и $\theta < 1$; следовательно

$$e(x) + h e'(x+\theta h) > e(x),$$

откуда

$$h e'(x+\theta h) > 0 \text{ или } e'(x+\theta h) > 0.$$

Такъ какъ величина h можетъ быть уменьшаема по произволію, то найдется

$$e'(x) > 0.$$

Разлагая функцию $e'(x+\theta h)$, получимъ

$e'(x+th) = e'(x) + th e''(x+\lambda h)$,
 разумя под λ правильную дробь положительную. И такъ, увеличеніе нравственной выгоды, соответствующее приращенію h физическаго имущества, выразится формулою

$$he'(x+th) = h e'(x) + th^2 e''(x+\lambda h).$$

Но мы сказали, что это увеличеніе дѣлается менше и менше по мѣрѣ возрастанія имущества; следовательно сумма

$$he'(x) + th^2 e''(x+\lambda h)$$

должна уменьшаться съ увеличеніемъ приращенія h , а для этого необходимо, чтобы второй членъ былъ отрицательный, ибо первый, какъ доказано выше, есть величина положительная.

И такъ

$$th^2 e''(x+\lambda h) < 0,$$

или, что все равно,

$$e''(x+\lambda h) < 0.$$

Уже замѣчено выше, что h есть количество, которое можно уменьшать по произволію; следовательно

$$e''(x) < 0.$$

И такъ, единственнымъ условіемъ, которымъ подчинена разсматриваемая нами непрерывная функція $e(x)$, заключаютъ ся въ томъ, что $e'(x) > 0$, а $e''(x) < 0$. Повторяемъ, эти два условія суть строгія математическія слѣдствія указанія здраваго разсудка.

Теперь можемъ приступать къ аналитическому доказательству трехъ истинъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Доказательство первой истины.

Положимъ что игрокъ, имущество котораго изобразимъ чрезъ $a + x$, рискуетъ сумму x противъ ожидаемаго имъ выигрыша y . Пусть будетъ p вероятность выигрыша, и следовательно $1 - p = q$ вероятность проигрыша. Нравственная выгода игрока, передъ началомъ игры, будетъ

$$e(a + x);$$

если же онъ станетъ играть, то эта выгода, по известнымъ правиламъ Ичисли-

сленія Вароятностей, выразится суммою

$$pe(a + x + y) + qe(a) = pe(a + x + y) + qe(a + x - x).$$

Разлагая $e(a + x + y)$ и $e(a + x - x)$ по формулѣ $f(z + h) = f(z) + hf'(z) + h^2 \frac{1}{1.2} f''(z + \lambda h)$, въ которой $\lambda > 0$ и

$\lambda < 1$, получимъ

$$pe(a + x + y) + qe(a + x - x) = pe(a + x) + pye'(a + x)$$

$$+ \frac{py^2}{1.2} e''(a + x + \lambda y) + qe(a + x)$$

$$- qx e'(a + x) + \frac{qx^2}{1.2} e''(a + x - \lambda' x)$$

$$= (p + q)e(a + x) + (py - qx)e'(a + x)$$

$$+ \frac{py^2}{1.2} e''(a + x + \lambda y)$$

$$+ \frac{qx^2}{1.2} e''(a + x - \lambda' x).$$

Но $p + q = 1$; сверхъ того предполагается, что игра математически равна, и что следовательно $py = qx$. Въ силу этихъ двухъ равенствъ, предыдущее выраженіе нравственной выгоды приметъ видъ

$$e(a + x) + \frac{py^2}{1.2} e''(a + x + \lambda y)$$

$$+ \frac{qx^2}{1.2} e''(a + x - \lambda' y).$$

Такъ какъ послѣдніе два члена этой формулы, по причинѣ заключающихся въ нихъ производныхъ второго порядка e'' , суть величинами отрицательными, то сумма трехъ членовъ будетъ менше перваго $e(a + x)$, изображающаго нравственную выгоду игрока передъ началомъ игры. Но изъ того, что нравственное ожиданіе челоука, обладающаго какимъ ни есть имуществомъ, уменьшается когда онъ вступаетъ въ игру, должно очевидно заключить: что игра вообще невыгодна. То же самое должно разумѣть и о закладахъ, къ которымъ приведенное сей-часъ доказательство относится безъ всякаго измѣненія.

Доказательство второй истины.

Пусть будет $a+x$ имущество какого либо лица; $e(a+x)$ изобразить его нравственную выгоду. Положим, что этот человек берет билет на лотерею, и платит за него сумму x ; означим через y ту сумму, которую он надеется выиграть, и через p вероятность этого выигрыша. Очевидно, что y будет больше x , а условие математического равенства или безобидности лотерей выразится уравнением $x=py$.

Пока не взять билет, нравственная выгода человека, о котором говорим, есть $e(a+x)$; когда же он возьмет билет, заплатив за него сумму x , то его нравственное ожидание выразится или через $e(a)$, или через $e(a+y)$, смотря по тому, окажется ли билет пустым, или выиграет ожидаемую сумму y . Вероятность первого предположения есть $1-p=q$, а второго, p . Следовательно, нравственная выгода лица, взявшего уже билет, определенная по известному правилу, будет

$$qe(a)+pe(a+y)=qe(a)+p[e(a+y)-e(a)].$$

Но так как $p+q=1$, то вторая часть предыдущего (*) уравнения примет вид

(*) Мы не согласны с почтенным автором в употреблении, в этом месте, слова *предыдущий*, хотя оно и поддерживается здесь большинством потребителей этого слова.

Слова *простые* могут иметь условное значение принятое большинством. Слова *производная*, *сложная*, должны вполне отвечать смыслу своим корням, и иметь одно значение, определяемое значением корней, а отнюдь не условное. В некоторых случаях слово, «предыдущий» употребляется правильно; к другим — насильственно, условно.

Первый случай, правильного употребления. В Логике употребляют слова: *предыдущий* и *последующий*, означая ими два предмета рядом стоящих: передовой из них называется *предыдущим*, другой, *последующим*.

Точно также употребляются они и в алгебре. Написавши пропорцию

$$a : b = c : d.$$

$$e(a)+p[e(a+y)-e(a)].$$

Теперь докажем, что

$$e(a)+p[e(a+y)-e(a)] < e(a+x);$$

для этого, вычтем сперва $e(a)$ из обеих частей неравенства, и заменив x произведением py , получим

$$p[e(a+y)-e(a)] < e(a+py)-e(a).$$

Но легко видеть что

$$p[e(a+y)-e(a)] = p \int e'(a+z) dz$$

$$e(a+py)-e(a) = p \int e'(a+pz) dz,$$

вследствие чего, предыдущее неравенство приведет к виду

$$\int e'(a+z) dz < \int e'(a+pz) dz.$$

В справедливости этого условия весьма легко удостовериться: и действительно, стоит только показать, что подынтегральное количество

$$e'(a+pz) > e'(a+z),$$

а это очевидно следует из свойства функции e , производная которой, как мы видели выше, уменьшается с увеличением переменного количества. Следовательно, по причине $p < 1$, окажется что $e'(a+z) < e'(a+pz)$. И так, взявший билет на лотерею, тем самым уменьшает свое нравственное

члены a и c называются «предыдущими», члены b и d — «последующими».

Здесь, как и в логике, сравниваются два предмета, рядом стоящие, один со другим. Забудьте — два.

Забудьте еще, что здесь передовой предмет, названный «предыдущим», стоит с левой руки, а последующий — с правой. Это все так, хорошо и верно.

Второй случай: неправильного употребления слова *предыдущий*.

Вообразите, что вы читаете книгу: в этой книге пять глав, вы остановились на III главе, и хотите сказать что выбуде о II главе уже прочтенной — какой эпитет вы употребите?

Если скажете: «в *предыдущей* второй главе то и то...» — вы скажете неправильно, хотя многие так говорят; и вот почему неправильно:

Вы читаете книгу, точно спускаетесь под

ожиданіе, изъ чего должно заключить, что лотерея невыгодна.

Доказательство третьей истины.

Для бѣмшей опредѣлительности въ выраженіяхъ, возьмемъ какой нибудь случай изъ общественной жизни. Положимъ, напримѣръ, что купецъ, обладающій имуществомъ $a + 2x$, отправляетъ на одномъ кораблѣ часть $2x$ своего имущества. Пусть будетъ q вѣроятность, что корабль погибнетъ. Разность $1 - q = p$ изобразить вѣроятность, что корабль достигнетъ мѣста назначенія. Слѣдовательно, нравственная выгода купца будетъ $p \varphi(a + 2x) + q \varphi(a)$.

Но ежели купецъ отправитъ часть $2x$ своего имущества на нѣсколькихъ корабляхъ, положимъ, для сокращенія доказательства, на двухъ судахъ по-ровну, то его нравственная выгода будетъ

$$p^2 \varphi(a + 2x) + 2pq \varphi(a + x) + q^2 \varphi(a).$$

Дѣйствительно, въ разсматриваемомъ случаѣ можно сдѣлать слѣдующія четыре предположенія: 1. Оба корабля, которые назовемъ буквами А и В, достигнутъ мѣста назначенія. 2. Корабль А достигнетъ, а В погибнетъ. 3. Корабль В достигнетъ, а А погибнетъ. 4. Оба корабля погибнутъ. Вѣроятность перваго предположенія есть p^2 , и слѣ-

гору: верхняя книга, начало — у васъ за спиной, *позади*; подошва книги, конецъ — *впереди*. Вы относите *прошедшее* и *будущее* вашей книги, къ своему *настоящему*, къ тому мѣсту, гдѣ вы остановились. Забудьте, пожалуйста, здѣсь уже три предмета сравниваются между собой, а въ первомъ случаѣ только два. И притомъ здѣсь, перѣдъ — на *правой* рукѣ, а съ *левой* то, что уже назадъ. Совсѣмъ обратно противъ перваго случая.

Вотъ вы, оставаясь на третьей главѣ вашей книги, говорите: «выше видѣли то и то.» Здѣсь вы говорите о томъ, что уже *назадъ*, о прошломъ, прошедшемъ, предшествовавшемъ, прежде-шедшемъ, — о *предшедшемъ*.

Въ другое время вы говорите: «ниже будетъ сказано... впрѣдъ мы будемъ это называть такъ и-такъ... впереди объ этомъ не разъ упоминается...» Здѣсь вы говорите о томъ, что будетъ *впереди*, вы говорите о вещи *впередъидущей*, — о вещи *предыдущей*.

Шедшій, принадлежитъ уже времени прошедшему, которое никогда не воротится, не сдѣлается настоящимъ.

Идущій, принадлежитъ равно и настоящему и будущему, которое сейчасъ сдѣлается настоящимъ. Но никогда *идущій* не означитъ прошедшаго, того, что уже *назадъ*.

Правда, у обоихъ словъ: «*пред-шедшій*» и «*предыдущій*», начало одно и то же: *пред*; но оба они сокращены изъ противоположныхъ корней: для *предшедшаго* изъ слова *прежде*, а для *предыдущаго* — изъ слова *впередъ*.

Говоря о прошлой недѣлѣ вы никогда не скажете: «на *предыдущей* недѣлѣ», а конечно скажете: «на *прошедшей* недѣлѣ»; но это тоже что и въ книгѣ: тамъ сравниваются три главы, а здѣсь три недѣли: *прошедшая* или *предшедшая*, *настоящая* и *будущая* или *предыдущая*.

И такъ когда дѣло идетъ о первомъ случаѣ, ср. равеніи только двухъ предметовъ, рядомъ

стоящихъ, такъ что кромѣ ихъ нѣтъ больше ничего: называйте передовую вещь — *предыдущую*, другую — *послѣдующую*. Вы поступите врно.

Коль же скоро дѣло идетъ о сравненіи трехъ предметовъ: *прошедшаго*, *настоящаго* и *будущаго*, то лучше во все не употребляйте здѣсь слова «*предыдущій*»; и когда не хотите употребить его вмѣсто *будущаго*; то ужъ ни подъ какимъ видомъ не имѣете права: назвать *предшедшее* или *предшествовавшее* — *предыдущимъ*, тѣмъ болѣе, что въ этой же статьѣ (стр. 87 столб. 1 строк. 6) вмѣсто слова *предыдущій* употреблено *предшествовавшій* — неужели эти два слова, противоположныя по своимъ корнямъ, однозначущи?

Сказанное здѣсь, согласно съ свойствомъ Русскаго языка, съ его грамматикой, согласно и съ логикой, согласно и съ употребленіемъ самаго автора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и, что всего важнѣе, согласно съ древнѣйшими памятниками Русской письменности. Слово «*предыдущій*» давно вошло въ употребленіе, и всегда означало вещь будущую, которая *впереди*, а не прошедшую, которая была *прежде* настоящего. На первый разъ теперь подъ рукой фраза Авраамія Палицына, стоящая въ началѣ его *Глгописи*.

«Исторія въ память *предыдущимъ* родомъ, да не забвенны будутъ *благодѣнія* Божіи, и прочая.»

Очевидно, *предыдущій* относится къ потомкамъ, а не къ предкамъ, т. е. къ *будущему*, а не къ *прошедшему*.

Маякъ пмтя въ виду, между прочимъ, сильное рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ философіи и словесности, не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на *славу* нововодителя, но единственно *мнохоходомъ*, въ подстроіііи, не считаешь за *безчестье* оговаривать себя, почему онъ придерживается правописанія древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, особливо биб-

довательно, соответствующая нравственная выгода, $p^2e(a+2x)$; вероятность второго изобразится чрез pq , а нравственная выгода чрез $pq e(a+x)$; то же самое найдется и въ третьемъ предположеніи. Наконецъ, вероятность четвертаго предположенія есть q^2 , а нравственная выгода, соответствующая (*) этому случаю, будетъ $q^2e(a)$.

лп, особливо еще когда древнее правописание даетъ удовлетворительный отчетъ въ своей вѣрности и согласіи съ нынѣшними законами Русскаго языка.

На этомъ основаніи, редакция употребляетъ слово «предыдущій» только въ первомъ логическомъ смыслѣ, во второмъ никогда не будетъ его употреблять, ни для прошедшаго, ни для будущаго. Говоря о прошломъ, она пишетъ: «предшедшій». Многие и теперь, вмѣсто *предыдущій*, пишутъ, *предшествовавшій*: но тутъ лишнхъ 6 буквъ; а наборщикамъ платить съ буквы, то если разохотылись на слова: *предшествовавшій, соответствовавшій* (вмѣсто *отвѣчавшій*) и подобныхъ парадныхъ, высококоржественныхъ слова, — право, не замѣтишь какъ набѣжить на листъ 5 рублей лишнхъ — раззоренье для васъ г.г. подписчики! Безъ шутокъ, редакция не подниметь гоненія въ чужихъ статьяхъ, на любимыя для авторовъ слова; но будетъ чрезвычайно признательна тѣмъ изъ сотрудниковъ Маяка, которые еще разъ прочтуть выше предъявленное (см. предс. стр. IX. *словъ статей*): —

«Для единства грамматики, правописанія, и — по возможности — для единства ученыхъ терминовъ и выраженій, чтобы читателямъ Маяка не было надобности утомляться въ борьбѣ съ *разнословіемъ* авторовъ, часто въ одной и той же наукѣ, — редакция, по возможности, будетъ придерживаться одного способа словописанія. По нашему, это святая необходимость, а не самоуправство. Во всякомъ случаѣ, и это мы будемъ дѣлать не иначе, какъ совѣтуясь со всеми въ печатныхъ статьяхъ...»

— И прочтя это, дозволять ей, во уваженіе прописанныхъ правъ и причинъ: стивитъ ъ, е, ъ и прочія мѣлочи правописанія и фразописанія, тамъ, гдѣ редакция однажды (вслухъ) сочла за нужное, или за болѣе справедливое, это дѣлать; и надѣется, что никто не постоитъ и не обидится, если она поставитъ (съ огадкой, кому угодно) свое слово, за которое уже не авторъ отвѣчаетъ передъ критикой. О всѣхъ такихъ *прикосновеніяхъ* или *неприкосновенностяхъ* въ слогу, г.г. сочинителямъ статей благоволятъ отмѣчать на своихъ статьяхъ.

С. Б.

(*) Грѣшный человекъ, такъ бы и подставилъ: *отвѣчающая*. Союзъ *со*, здѣсь совсѣмъ лишній, по грамматикѣ; только привычка удер-

Сумма всѣхъ сихъ частныхъ нравственныхъ выгодъ изобразится, какъ сказано выше, чрезъ

$$p^2e(a+2x)+2pqrq e(a+x)+q^2e(a).$$

Легко доказать, что это выраженіе менше суммы

$$pe(a+2x)+qe(a);$$

и дѣйствительно, такъ какъ $p+q=1$, то и найдемъ послѣдовательно:

$$p e(a+2x) + q e(a) = (p+q)[pe(a+2x)+qe(a)] = p^2e(a+2x)+pqrq e(a+2x)+pqrq e(a)+q^2e(a).$$

Уничтоживъ члены $p^2e(a+2x)$ и $q^2e(a)$, общіе выраженіямъ нравственной выгоды въ обонхъ случаяхъ, останется доказать, что

$$2pqrq e(a+x) > pqrq e(a+2x)+pqrq e(a),$$

или, что все равно,

$$e(a+x)-e(a) > e(a+2x)-e(a+x).$$

Справедливость этого неравенства очевидна; и дѣйствительно, въ слѣдствіе известнаго свойства функціи, она увеличивается менше и менше по мѣрѣ возрастанія переменнй величины. И такъ, въ случаѣ необходимости, лучше подвергать опасности свое имущество по частямъ, нежели въ цѣлости. По этому люди, отдающіе свои капиталы на проценты, въ частныя руки, и безъ залоговъ, должны по возможности стараться раздроблять капиталы.

Доказывая первыя двѣ истинны мы допустили математическое равенство игръ и лотерей. Но сколько такихъ игръ, въ которыхъ даже это равенство не соблюдается! Такъ, напримѣръ, въ *банкъ*, понтеръ, сверхъ потери со сторовы нравственнаго ожиданія, произ-

живаешь его безъ всякой нужды, и пользы для издателя. Польза, повторю, однимъ наборщикомъ. Да ихъ можно совознаградить сопрябавленіемъ множества другихъ короткихъ словъ; слово это должно сохранитъ только въ варчѣи: *соответственно* и въ такихъ выраженіяхъ, какъ: *соответствующія высоты*, потому что здѣсь обѣ высоты одна другой отвѣчаютъ; а тамъ, гдѣ одинъ предметъ отвѣчаетъ, а другой слушаетъ, слово: *соответствуетъ* — неидетъ, невѣрно. Просто — *отвѣчаетъ*, и только. *Редакт.*

вольно подвергается другим, очевидным невыгодам, как то: предоставленіем банкёру последней карты, условіемъ относительно пліе, ограниченіемъ банка, то есть суммы, которую банкёръ отвѣчаетъ понтерамъ. Взвѣся все эти обстоятельства, какой разсудительный человекъ рѣшится играть въ игру, которая, въ сущности своей, есть не иное что, какъ явный обманъ, терпимый обществомъ по какому-то непостижимому легкомыслію съ его стороны, по заклеянный законами просвѣщенныхъ Правительство.

Скажемъ также нѣсколько словъ о лотереяхъ, и преимущественно о той, которая разыгрывалась во Франціи и во многихъ Германскихъ областяхъ. Мы уже видали, что при математическомъ равенствѣ лотерей, нравственное ожиданіе тѣхъ, которые берутъ билеты, всегда уменьшается. Но что же сказать о нихъ, когда приѣмъ въ соображеніе, что математическое равенство никогда не бываетъ, и не можетъ быть соблюденно? Идержки по учрежденію конторъ для выдачи билетовъ, жалованье Директорамъ, Сборщикамъ, и другимъ служащимъ, суммы, назначаемыя обыкновенно въ пользу бѣдныхъ, однимъ словомъ, все расходы по содержанію лотерей, должны быть покрыты сборомъ за билеты, и следовательно выручка необходимо должна превышать итогъ разыгрываемыхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, въ нѣкихъ лотереяхъ математическое равенство нарушается до немощной степени. Покажемъ настоящую мѣру нарушенія этого равенства во Французской лотерей, которая справедливо вооружила противъ себя во Франціи всехъ людей здравомыслящихъ.

Эта лотерея состояла изъ 90 номеровъ, и при каждомъ розыгрышѣ ея вынималось 5 номеровъ наудачу. По условію лотерей, можно было ставить произвольную сумму на одинъ, опредѣ-

ленный напередъ номеръ, или разить на два опредѣленные, на три, на четыре, и наконецъ на пять, что и составляло по порядку: простую одиночку, амбу, тернъ, кватернъ и кинъ. Когда выходили тѣ номера, или тѣ соединенія номеровъ, на которыя были выданы билеты, то предъавителя сихъ билетовъ получали отъ Дирекціи условенныя суммы, соразмѣрныя съ ихъ ставками. Но, при этой выдачѣ за выигрыши, Французская лотерея руководствовалась слѣдующими правилами, противными всякой справедливости:

За выходъ *простой одиночки*, то есть одного опредѣленного номера, платили только 15 ставокъ, хотя по расчёту слѣдовало бы платить 18 ставокъ, ибо вѣроятность выхода одного опредѣленного номера равна $\frac{1}{90}$.

За выходъ *опредѣленной одиночки*, то есть опредѣленного номера на означенномъ напередъ мѣстѣ изъ числа пяти, напримѣръ на первомъ, выдавали 70 ставокъ вмѣсто 90.

За *амбу*, то есть за совокупный выходъ двухъ опредѣленныхъ номеровъ, платили 270 ставокъ, а по вычисленію слѣдовало бы выдать 400% ставокъ.

Опредѣленная амба, то есть выходъ двухъ опредѣленныхъ номеровъ, на мѣстахъ напередъ назначенныхъ, получала 5100 ставокъ, между тѣмъ какъ по расчёту, выдача должна бы равняться 8010 ставкамъ.

Тернъ, или совокупный выходъ трехъ назначенныхъ номеровъ, доставлялъ только 5500 вмѣсто 11748 ставокъ.

За *кватернъ*, то есть за совокупный выходъ четырехъ опредѣленныхъ номеровъ, выдавали только 75000 ставокъ вмѣсто 511038, требуемыхъ вычисленіемъ.

Наконецъ за *кинъ*, или за совокупный выходъ назначенныхъ напередъ пяти номеровъ, платили только 1000000 вмѣсто 43949268 ставокъ, опредѣляемыхъ вычисленіемъ. Впрочемъ, должно ска-

зеть, что въ послѣдствіи, по нравствѣ одинокимъ очевидной неагротности выхода пяти опредѣленныхъ мужеровъ, нинѣ былъ отиженъ, остались только одиночки, амбы, терны и кватерны.

Вотъ основація одной изъ главныхъ лотерей: можетъ ли что быть безнравственнѣе подобнаго учрежденія? Таковую лотерею по справедливости можно было назвать налогомъ на народное невѣжество. Нынѣшнее Французское Правительство убѣдилось наконецъ въ этой истинѣ, и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лотерея, о которой говоримъ, отижена Королевскимъ повелѣніемъ.

Въ заключеніе статьи приводимъ нѣсколько строкъ изъ Бюффона *), въ которыхъ онъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, изобразилъ разрушительное дѣйствіе игры на общество. Мы очень знаемъ, что роль моралиста не въ духѣ нашего времени, и, не смотря на это, увѣрены что нравоученіе не сочтутъ здѣсь неумѣстнымъ; **) краснорѣчивое и сильное изложеніе знаменитаго Французскаго писателя удовлетворитъ въ равной степени всѣхъ читателей.

«Всѣ знаютъ, что игра есть страсть ненасытная, которая ведетъ къ раззоренію; но эта истина, можетъ быть, доказана была только пагубнымъ опытомъ, о которомъ такъ мало разсуждали, что не исправились чрезъ убѣжденіе. Игрокъ, ежедневно подвергающій свое и-

*) Essai d'Arithmétique morale.

**) Не пугайтесь почтенный авторъ: мода на разгульный романтизмъ прошла; покрайней мѣрѣ Маякъ навсегда останется гонителемъ его великихъ emancipations. Вся ваша статья есть нравоученіе. Человѣкъ такъ вѣтренъ и легкомысленъ, что ему безпрестанно должно напоминать даже о такихъ вещахъ, о которыхъ опыты тысячу разъ слышалъ, и знаетъ какъ дважды два; а тѣмъ болѣе коренныя истины благосостоянія человѣческихъ обществъ, каковы всѣ предложенныя вами, всегда любезны просвѣщенному и благонамѣренному человѣчку, который искренно заботится объ усовершенствованіи себя совсѣхъ нравственныхъ сторонъ: и тогда только созаваетъ свое знаніе, когда опытно убѣждается, что онъ ничего не знаетъ.

мущество приотомъ случая, и видѣ: какъ оно подрывается мало по малу, и наконецъ приходить въ совершенное разстройство, приписываетъ проигрышъ своей судьбѣ, и обвиняетъ ее въ несправедливости; онъ равно сожалеетъ и о томъ что проигралъ, и о томъ чего не выигралъ; алчность и докмая надежда создали ему въ его воображеніи права на чужую собственность. Для него столько же унижительно терять нужду, какъ и прискорбно лишиться средствъ для удовлетворенія своего корыстолюбія, и, въ отчаяніи, онъ обвиняетъ свою несчастную планету; онъ не воображаетъ, что то слѣпое божество, которое зовутъ «счастіемъ игроковъ», хотя идетъ, по видимому, равнодушнымъ и нерѣшительнымъ шагомъ, но при каждой поступи своей стремится къ опредѣленному концу, и всегда достигаетъ вѣрной своей цѣли — раззоренія тѣхъ, которые осмѣливаются пытаться его; онъ не видитъ, что кажущаяся нечувствительность этого божества къ добру и злу, со временемъ раждаетъ необходимость зла; что длинный рядъ случайностей есть пагубная цѣпь, которая неминуемо влечетъ къ бѣдствіямъ; онъ не чувствуетъ, что независимо отъ тягостнаго налога за карты и данн, еще болѣе тягостной, заплаченной имъ плутовству нѣкоторыхъ своихъ противниковъ по игрѣ, онъ провелъ цѣлую жизнь свою, заключая условія, раззорительныя для него; и что наконецъ игра, въ сущности своей, есть договоръ погрѣшительный въ самомъ основаніи, договоръ въ особенности вредный для договаривающихся сторонъ, и противный благоу цѣлаго общества.

«Сказанное не должно считать голословнымъ нравоученіемъ: это неоспоримыя метафизическія истины, къ которымъ примѣняется вычисленіе, или просто здравая логика; я предполагаю доказать эти истины съ математическою очевидностію всякому, у кого умъ столь

ко свѣтъ, а воображеніе имѣть столько силы, чтобы соображать безъ пособія геометріи, и вычислять безъ помощи алгебры.

«Я не буду говорить объ играхъ, придуманныхъ хитростію и рассчитанныхъ скупостію, на которыя случай теряетъ часть правъ своихъ, а судьба игроковъ не можетъ уравновѣситься, потому что она находится уже подъ вліяніемъ непреодолимой силы, стремящейся склонить ее на одну сторону; я

разумію тѣ игры, въ которыхъ случайности, распределенныя не по-ровну, даютъ одному игроку выгоду столь же вѣрную сколько и безчестную, а другому предоставляютъ вѣрный и вмѣстѣ постыдвый проигрышъ, какъ напримѣръ въ банкѣ, гдѣ банкѣръ, просто отъявленный плутъ, а понтѣръ — простакъ, надъ которымъ условились не насмѣхаться.»

Академикъ Буяковскій.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

МЕЖДУ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫМИ

и

МАГНИТОЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ЯВЛЕНІЯМИ (*).

Нѣтъ ни одной части физическихъ наукъ, которая, въ теченіи нынѣшняго столѣтія, представила бы столько важныхъ и неожиданныхъ открытій, какъ гальванизмъ послѣ изобрѣтенія Вольтова столба. Первое устройство этого важнаго прибора въ началѣ текущаго столѣтія, Эрштетово открытіе электромагнитизма въ 1820 году, и наконецъ, появленіе Фардеевыхъ разысканій о магнитоэлектричествѣ въ 1832 году, — все это блистательныя эпохи, въ ряду многочисленныхъ важныхъ открытій по сей отрасли физическихъ наукъ.

Главные дѣйствія Вольтова столба нынѣ извѣстны всякому образованному человѣку; — изложеніе электромагнитныхъ явленій, послѣ блистательнаго обработанія этой части Французскимъ математикомъ *Амперомъ*, можно найти, съ достаточною подробностью, въ элементарныхъ курсахъ физики на всѣхъ языкахъ. Русскій читатель можетъ познакомиться съ этими явленіями изъ начальныхъ основаній физики, изданныхъ г. Щегловымъ, 2 изданіе. Напротивъ, до сихъ поръ нѣтъ изложенія теоріи магнитоэлектрическихъ явленій въ

(*) Изученіе электромагнитныхъ и магнитоэлектрическихъ явленій, день ото дня становится важнѣе и необходимѣе, по тѣмъ приложеніямъ къ различнымъ пользамъ общаго блага, надъ которыми неутомимо трудятся вездѣ извѣстнѣйшіе ученые и цѣлыя компететы ученыхъ. Но болѣе всѣхъ и далѣе чѣмъ гдѣ либо, разысканія объ этихъ предметахъ подвинуты у насъ въ Россіи. Правительство наше предоставило, съ своей стороны, самыя обширныя средства, для преслѣдованія тѣхъ предметовъ опытами въ большомъ размѣрѣ. Г. г. Левуэ и Якоби не

разъ излагали свои открытія въ Bulletin scientifique. Эта статья содержала весьма важныя розысканія нашего Академика, и гдѣ еще не напечатанныя въ такой полнотѣ, послужить основаніемъ рядъ статей, которыя будутъ преслѣдовать сей предметъ по мѣрѣ новыхъ открытій. Любители, особливо преподаватели Физики, конечно, будутъ благодарны почтеннымъ ученымъ, обывавшимъ помѣщать въ нашей книгѣ свои труды надъ одною изъ важнѣйшихъ частей человѣческаго знанія.

Редакт.

той полноты какъ это желательно бы, ни въ одномъ общемъ сочиненіи физики, ни даже въ какой нибудь частной книгѣ объ этомъ предметѣ, такъ что для полученія полного свѣдѣнія объ ней, мы все еще принуждены чигать отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ ученыхъ журналахъ, и то на иностранныхъ языкахъ. По сей причинѣ я не лишнимъ считаю изложить здѣсь главнѣйшіе факты этого важнаго открытія Фаредеева, рассматривая ихъ съ той точки зрѣнія, которая мнѣ кажется самою удобною для яснаго и полного понятія объ относящихся сюда явленіяхъ. Быть можетъ, въ одной изъ слѣдующихъ частей Маяка *, я стану изслѣдовать болѣе подробно законы дѣйствія магнито-электрическихъ машинъ, основывающихся на этихъ явленіяхъ.

Въ 1832 году известный Англійскій химикъ и физикъ *Фаредей*, ученикъ знаменитаго Гомфри Деви, публиковалъ первые два ряда своихъ электрическихъ разысканій, въ которыхъ содержится выше упомянутое важное открытіе совершенно новой отрасли Гальванизма, названной впоследствии *магнито-электричествомъ*, хотя это названіе не довольно просторно для всѣхъ сюда принадлежащихъ явленій. Фаредей въ этихъ первыхъ двухъ рядахъ своихъ разысканій не удовольствовался однимъ только изъясненіемъ главнаго явленія, какъ сдѣлалъ Эрштетъ при открытіи электро-магнитизма, онъ подробно изслѣдовалъ дѣло со всѣхъ сторонъ, такъ что разысканія другихъ наблюдателей послѣ него, въ самомъ дѣлѣ не прибавили къ этому открытію ни одного важнаго новаго факта, и успѣли только: или усовершенствовать теорію этихъ явленій открытіемъ законовъ, по которымъ они

происходить при разныхъ обстоятельствахъ, или улучшить приборы для произведенія гальваническихъ токовъ сего рода.

Дабы изъяснить сущность этого главнаго открытія Фаредеева, мы должны прежде условиться въ употребленіи некоторыхъ терминовъ, часто встречающихся при разсматриваніи этихъ явленій. Во первыхъ называютъ какой нибудь проводникъ электричества *кругообразнымъ*, если концы этого проводника между собою соединены, и проводникъ представляетъ видъ замкнутой цѣпи, о которой нельзя сказать, гдѣ ея конецъ и гдѣ начало. Впрочемъ этотъ проводникъ при всемъ томъ можетъ имѣть видъ совершенно отличный отъ настоящаго круга, напротивъ, въ одной части онъ можетъ быть, наприкладъ, прямо-линейный, въ другой части можетъ имѣть видъ какой либо кривой линіи и т. д., только бы концы такого проводника были соединены между собою. Кроме того, такіе кругообразные проводники часто бывають составлены изъ разнородныхъ проводящихъ тѣлъ: въ одномъ мѣстѣ, наприкладъ, изъ цилиндрической проволоки, въ другомъ изъ проводящихъ электричество жидкостей, въ которыхъ погружаются концы проволоки, въ третьемъ даже изъ тѣла человеческого или какого либо животнаго, который, какъ известно, также проводитъ электричество и т. д. Вся эти разнородныя тѣла вмѣстѣ составляютъ кругообразный проводникъ, если конецъ послѣдняго тѣла въ ряду ихъ касается началу перваго. Поэтому наприкладъ, мы составимъ кругообразный проводникъ, если обѣими руками коснемся двухъ полюсовъ Вольтова столба; и этотъ кругообразный проводникъ будетъ состоять изъ мѣдныхъ и цинковыхъ пластинокъ столба, изъ находящихся между ними жидкостей, и изъ тѣла наблюдателя.

Если, во вторыхъ, въ такомъ кругоо-

(*) Редакція, крѣпко держа за обѣщаніе почтеннаго Академика, смѣетъ увѣрить читателей, что условное «можетъ быть», замѣстится положительнымъ, «будетъ.»

бразаомъ проводникъ происходятъ тѣ же явленія, какія наблюдаются при соединеніи двухъ полюсовъ Вольтова столба посредствомъ подобныхъ проводниковъ, если замѣчаемъ, напримѣръ, въ жидкостяхъ проводника — химическія разложенія, въ человеческомъ тѣлѣ — сотрясенія, въ проволокахъ — нагрѣваніе, и при разрывѣ гдѣ либо соединенія — искры: то причину всѣхъ этихъ явленій, какъ это уже вездѣ принято, будемъ называть Гальваническимъ токомъ. Главнѣйшимъ признакомъ существованія подобнаго тока въ какомъ либо проводникѣ не магнитномъ, служитъ дѣйствіе его на магнитную стрѣлку, которое мы лучше всего можемъ наблюдать, введя въ кругообразный проводникъ, какъ составную часть его, такъ называемый гальванической *мультипликаторъ*, устройство котораго полагаю известнымъ. (См. Энциклопед. Лексик. статья Гальанизмъ). Отклоненіе магнитной стрѣлки или, если употребляемъ мультипликаторъ Нобили, отклоненіе магнитныхъ стрѣлокъ, намъ тотчасъ показываетъ присутствіе тока въ нашемъ кругообразномъ проводникѣ, и при томъ ихъ отклоненія въ восточную или въ западную сторону сейчасъ даютъ знать, въ которую сторону направленъ сей токъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ изясненій обратимся опять къ главному открытію Фаредея. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

«Если кругообразный проводникъ, или часть такого проводника, находится въ движеніи по близости гальваническаго тока или въ близости магнита, то въ немъ также возбуждается гальванической токъ, и продолжаетъ существовать во все время движенія проводника; какъ же скоро это движеніе прекратится, сейчасъ уничтожается и въ кругообразномъ проводникѣ возбужденный имъ токъ.» Произведеніе подобнаго тока въ кругообразномъ движущемся про-

водникѣ, называютъ индукцію, а токъ, возбуждаемый въ немъ такимъ образомъ, индуктированнымъ.

Фаредей изслѣдовалъ явленія индукціи при весьма различныхъ обстоятельствахъ, и показалъ, какимъ образомъ въ этихъ случаяхъ направленіе индуктированнаго тока зависитъ отъ направленія того движенія, которымъ онъ возбуждается. Фаредей старался подвести всѣ эти явленія подъ одинъ общій законъ, который бы заключалъ ихъ въ себѣ какъ частные случаи, но мы находимъ въ его сочиненіи такой общій законъ только для движенія проводника въ близости магнита. Фаредей опредѣляетъ здѣсь направленіе индуктированнаго тока изъ того направленія, по которому движущаяся часть проводника пересѣкаетъ такъ называемыя *магнитныя кривыя линіи* т. е. тѣ линіи, по которымъ соединились бы желѣзные опилки, если бы они окружали магнитъ со всѣхъ сторонъ; и для большей очевидности онъ изясняетъ искомыя направленія посредствомъ движенія ножа (см. № 114 перваго Фаредеева ряда). Наконецъ при опредѣленіи направленія токовъ индуктируемыхъ дѣйствіемъ гальваническихъ токовъ, Фаредей даетъ новое правило, и то только для одного случая приближенія или удаленія паралельныхъ токовъ. Изъ всего видно, что мы не находимъ у Фаредея желаемаго общаго закона относительно направленія индуктированныхъ токовъ; но должно еще прибавить, что даже общее правило его для токовъ индуктированныхъ посредствомъ магнитовъ, не имѣетъ желаемой ясности; въ чемъ безъ сомнѣнія согласны всѣ читавшіе упомянутый № 114 его перваго ряда.

Поэтому, и тотчасъ послѣ появленія первыхъ двухъ рядовъ Фаредеевыхъ разысканій, извѣстный Итальянскій физикъ Нобили старался опредѣлить законы образованія индуктированныхъ токовъ по другому началу, именно, изъ

одного простѣйшаго и уже Фареедемъ открытаго факта, что если прямолинейная часть кругообразнаго проводника приближается параллельно прямолинейному току, то индукированный въ ней токъ, имѣетъ направленіе протпвное направленію дѣйствующаго тока; если же эта часть, напротивъ, удаляется отъ тока, то индукируемый въ проводникъ токъ—въ томъ же направленіи съ дѣйствующимъ токомъ.» Соединяя съ этимъ правиломъ извѣстную теорію Ампера, по которой магнитъ есть тоже самое, или по крайней мѣрѣ дѣйствуетъ совершенно равнымъ образомъ, какъ система круговыхъ токовъ, параллельныхъ между собою и перпендикулярныхъ къ оси магнита, — Нобили изъяснилъ направленіе индукированныхъ токовъ во всѣхъ магнито-электрическихъ явленіяхъ. Но уже Фарей замѣтилъ противъ этого весьма справедливо, что въ нѣкоторыхъ явленіяхъ сего рода того правила недостаточно; такъ напримѣръ, извѣстно, что при обращеніи магнита около своей магнитной оси, въ каждой половинѣ его возбуждается гальваническій токъ, о существованіи котораго можемъ удостовѣряться прикасаясь концами мультипликатора, во время вращенія магнита, къ одному изъ полюсовъ и къ срединѣ его. При этомъ опытѣ не замѣчаемъ ни приближенія, ни отдаленія проводниковъ, а со всѣмъ тѣмъ токъ индукируется.

Впрочемъ Нобили могъ бы легко дать болѣе общности своему правилу, представивъ его въ слѣдующемъ видѣ :

«Если къ элементу кругообразнаго тока приближается, въ той же плоскости, элементъ тока, составляющій съ нимъ какой нибудь уголъ, то въ первомъ индукированъ будетъ токъ *удаляющійся* отъ вершины угла, если первоначальный токъ приближается къ этой вершинѣ; и наоборотъ,—*приближающійся* къ вершинѣ, если первоначальный токъ удаляется. Въ случаѣ,

«когда оба тока не находятся въ одной и той же плоскости, надобно вмѣсто *«вершины угла, ставить кратчайшее «разстояніе между направленіями токовъ.»*

Изъ этого общаго начала, не трудно показать, что мы во всякомъ случаѣ можемъ опредѣлить à priori, какое направленіе будетъ имѣть индукированный токъ: для этого надобно только поступить здѣсь точно также, какъ поступаютъ при изъясненіи электромагнитныхъ явленій, по теоріи Ампера.

Но можно достигать до желаемой цѣли еще другимъ способомъ, которому отдаемъ предпочтеніе, потому, что онъ заставляетъ смотрѣть на эту часть электрическихъ явленій съ другой точки зрѣнія, съ которой протуположность, существующая между электромагнитными и магнито-электрическими явленіями, дѣлается болѣе осозательною. — Я изложилъ эту теорію на немецкомъ языкѣ еще въ 1833 году въ *Литписи физики Погендорфа* (Poggend. Annalen der Physik. 31 стр. 483); здѣсь постараюсь ознакомить съ ней и Русскихъ читателей, излагая ее и доказывая справедливость ея какъ можно короче и яснѣе. При этомъ я предполагаю, что читателямъ извѣстны главныя явленія электромагнитизма изъ элементарныхъ курсовъ общей физики.

Общій законъ, найденный мною для изъясненія направленія токовъ, возбуждаемыхъ посредствомъ индукціи, заключается въ слѣдующемъ предложеніи: «если часть кругообразнаго проводника движется въ близости гальваническаго тока или магнита, то въ немъ индукируется токъ въ такомъ направленіи, при которомъ,—если бы онъ существовалъ въ подвижномъ проводникѣ,—заставлялъ бы послѣдняго двигаться въ направленіи *прямопротивномъ* данному здѣсь движенію. При этомъ предполагается, что покоящійся проводникъ

удободвижимъ только въ направленіи движенія или въ противную сторону.»

Поэтому, дабы впередъ опредѣлить направленіе индуцированнаго тока, требуется только по законамъ электромагнитизма найти, въ какую сторону долженъ бы направляться токъ, дабы соопшть проводнику такое движеніе, какое мы теперь сообщили ему механическимъ образомъ: тогда возбуждаемый въ проводникъ, посредствомъ индукціи, токъ приметъ направленіе прямопротивное.

Также очевидно, что мы можемъ каждому электромагнитному опыту противоставить соответствующій магнитоэлектрической опытъ: стоитъ только произвести движеніе; получаемое въ первомъ случаѣ отъ дѣйствія токовъ или магнита, механическимъ образомъ, и мы будемъ индуцировать, въ движимой частл кругообразнаго проводника, магнито-электрической токъ. Въ слѣдующемъ, я буду сблизжать такимъ образомъ важнѣйшіе опыты электромагнитизма и соответствующіе магнитоэлектрическіе, и для большей очевидности, изъяснять ихъ посредствомъ фигуръ, которыя, хотя не показываютъ подробностей устройства приборовъ для произведенія самыхъ опытовъ, по крайней мѣрѣ дѣлаютъ осязательною противоположность соответствующихъ опытовъ. Въ этихъ фигурахъ я буду означать: и направленіе движенія и направленіе тока посредствомъ стрѣлокъ; но для означенія *движенія*, эти стрѣлки будутъ имѣть видъ $\circ \rightarrow$, а для означенія *направленія тока* онѣ будутъ имѣть видъ $\rightarrow$. Кроме того я буду давать этимъ стрѣлкамъ сплошныя черты, если движенія или токи, ими означенныя, суть *дѣйствующія причины*; и представляю ихъ пунктиромъ, если движенія или токи ими означаемыя, суть *слѣдствія предшедшихъ причинъ*; такъ что при электромагнитныхъ опытахъ стрѣлки токовъ будутъ имѣть видъ $\rightarrow$, а стрѣлки движенія видъ $\circ \rightarrow$; а при магнито-электрическихъ, на

Г.Л.І.

оборотъ, стрѣлки движенія будутъ имѣть видъ: $\circ \rightarrow$, а стрѣлки индуцированнаго тока видъ: $\rightarrow$. Наконецъ электромагнитный опытъ, всегда будетъ означенъ *большою*, а магнитоэлектрической, *малою* буквою латинскаго алфавита. Не забывая этихъ условій, можно будетъ даже изъ одного взгляда на фигуру получить ясное понятіе о томъ явленіи, которое она представляетъ.

1). Первый и простѣйшій опытъ электромагнитный есть частный случай того общаго закона, на которомъ Амперъ основалъ прекрасную свою теорію электродинамическихъ явленій. Общій этотъ законъ, какъ извѣстно, есть слѣдующій. «Если два тока прямолинейныя, находящіяся въ одной и той же плоскости, составляютъ между собою какой либо уголъ, то они *притягиваются*, когда направленія обонихъ приближаются къ вершинѣ того угла, или когда оба удаляются отъ этой вершины; напротивъ, они *отталкиваются*, если одинъ приближается, а другой удаляется отъ вершины. Въ случаѣ, когда токи не находятся въ одной плоскости, надобно ставить на мѣсто вершины угла кратчайшее разстояніе между токами. Изъ этого общаго закона, какъ частный случай, слѣдуетъ, что два прямолинейныя тока должны притягиваться, если они идутъ въ одну и ту же сторону, и отталкиваться, если направленіе одного противно направленію другаго. Въ приложенной фигурѣ 1. (А) представляетъ одну часть этого правила; стрѣлки $\rightarrow$ показываютъ, что въ двухъ проволокахъ токи паралельны; а стрѣлки $\circ \rightarrow$, что слѣдствіе этого общаго направленія въ ту же сторону есть взаимное ихъ притяженіе, такъ что, если какой либо изъ нихъ удободвижимъ, то онъ станетъ приближаться къ другому до прикосновенія. Амперъ первый доказалъ справедливость этого слѣдствія изъ общаго своего закона, опытомъ, о которомъ можно читать въ каждомъ полномъ курсѣ физики.

Противоположный опыт магнитоэлектрической изъясняется в нашей фигуре (а); здесь верхний ток идет по направлению показанному стрелкою $\rightarrow$: мы приближаем к нему, по направлению $\circ \rightarrow$, нижнюю прямолинейную и параллельную проволоку (которая впрочем составляет часть кругообразного проводника, или, которой концы соединены между собою) и тогда в приближаемой проволоке индуцируется ток, которого направление показано пунктированной стрелкою $\rightarrow$; очевидно, что это направление, согласно с нашим правилом, прямо противоположно направлению тока нижней проволоки в соответствующем электромагнитном опыте (А). Напротив если бы в опыте (А), нижний ток имел противное направление, в отношении к верхнему, то он отталкивался бы от него; и обратно, если бы при магнитоэлектрическом опыте (а) нижняя проволока удалась от верхней, то в первой возбуждался бы, посредством индукции, ток, по направлению верхнего тока.

Справедливость этого магнитоэлектрического опыта доказал первый Фарадей, в первом ряду своих разысканий об электричестве, весьма просто: он прикрывал на деревянной доске медную проволоку зигзагом, чтобы дать ей большую длину, а на другой доске — вторую проволоку совершенно подобным образом, так что при наложении одной доски на другую, одна проволока по всей длине своей совершенно совмещалась с другою: чрез одну проволоку пропустил гальванический ток, концы же другой соединил с мультипликатором; при наложении второй на первую, стрелка мультипликатора отклонилась, и направление этого отклонения показывало, что ток в последней проволоке имел направление противное направлению первого тока. Напротив при удалении второй

проволоки индуцированный ток имел тоже самое направление, как и первоначальный ток.

2). В электромагнитизме доказывалось, что если на прямолинейный и перпендикулярный конечный ток (т. е. на ток, который находится совершенно на одной только стороне от другого) действует другой *безконечный* ток (т. е. такой, который распространяется по обьему оторонамь первого), и если конечный ток подвижен, то он будет двигаться в сторону направления *безконечного* тока, с условием, когда *направление конечного удалется от безконечного*; но он будет двигаться в *противную* сторону направления *безконечного* тока, *если он приближается к последнему*. Первый случай изъясняется в нашей фигуре 2 (В); стрелка $\rightarrow$ показывает направление токов верхнего конечного и нижнего *безконечного* тока, а стрелка $\circ \rightarrow$ происходящая, от взаимного их действия, движение конечного подвижного тока, которое здесь направлено в сторону нижнего тока, потому что конечный ток удалется от *безконечного*. Известно, что на этом факте основан замечательный опыт Ампера, при котором конечный ток, имеющий направление радиуса круга, удобовыжимый около центра, получает непрерывное вращательное движение от действия *безконечного* тока, расположенного по окружности круга.

Если при соответствующем магнитоэлектрическом опыте (b), *безконечный* прямолинейный ток идет в том же направлении, как при опыте (В); и если мы производим механическим образом то же движение $\circ \rightarrow$, которое прежде происходило от действия *безконечного* тока на *конечный*, то индуцированный ток $\rightarrow$ (b) будет прямо *противный* прежнему *конечному* току в (В). Я доказал справед-

ливостъ этого свойства въ общаго нашего закона объ отношеніи магнито-электрическихъ токовъ къ электромагнитнымъ, тѣмъ же самымъ приборомъ, который мнѣ служилъ для Амперова безпрерывнаго вращенія конечнаго тока, о которомъ мы только что говорили. Не пропуская токъ черезъ конечный проводникъ, занимающій мѣсто радіуса, а только чрезъ круговой безконечный проводникъ, я двигалъ первый подвижной проводникъ рукою около центра круга, въ томъ же направленіи, по которому онъ двигался при электромагнитномъ опытѣ, между тѣмъ какъ концы его находились въ соединеніи съ концами мультипликатора, — и отклоненіе стрѣлки его мнѣ тотчасъ показывало, что индуктированный въ подвижномъ проводникѣ токъ, имѣлъ направленіе противное съ прежнимъ направленіемъ этого тока при опытѣ (В).

3) Если два круговые вертикальные тока, почти одинаковаго діаметра, находятся въ двухъ перпендикулярныхъ другъ къ другу плоскостяхъ, и имѣютъ общій вертикальный діаметръ, какъ видно въ фигурѣ 3 (С), около котораго одинъ изъ нихъ можетъ вертѣться; и если черезъ оба пропустимъ гальванический токъ, то подвижной станетъ поворачиваться къ неподвижному до тѣхъ поръ, пока направленія обонхъ токовъ сдѣлаются параллельными между собою. Въ нашей фигурѣ стрѣлка $\curvearrowright$ показываетъ, въ которую сторону подвижной (предполагается, что онъ вертикаленъ къ плоскости бумаги) токъ долженъ двигаться, дабы придти въ такое положеніе. Этотъ опытъ есть одинъ изъ ряда опытовъ, которые обыкновенно дѣлаютъ посредствомъ какаго нибудь общаго электромагнитнаго прибора, на пр. Амперова.

Въ соответствующемъ магнитоэлектрическомъ опытѣ (с), мы оставимъ направленіе неподвижнаго тока, такъ какъ въ (С) т. е. въ плоскости бумаги, при-

ведемъ сперва подвижной проводникъ въ плоскость вертикальную къ бумагѣ; потокиъ, соединимъ концы послѣдняго съ мультипликаторомъ, и станемъ двигать его въ ту же сторону, въ которую онъ прежде самъ двигался отъ дѣйствія протекающаго черезъ него тока, т. е. какъ показываетъ стрѣлка $\circ \rightarrow$, — мультипликаторъ сейчасъ обнаружитъ существованіе индуктированнаго тока, котораго направленіе прямо противно неподвижному току, какъ показываетъ стрѣлка $\curvearrowright$. Я дѣлалъ этотъ опытъ, употребляя два круговые тока, изъ которыхъ каждый былъ составленъ изъ 20 равныхъ круговыхъ оборотовъ мѣдной проволоки, обвитой шелкомъ для удержанія одного оборота отъ другаго; одну изъ этихъ спиралей я соединилъ съ простою гальваническою парною мѣдной и цинковой пластинокъ, которыя имѣли 2 квадратныя фута поверхности, а другую спираль съ чувствительнымъ мультипликаторомъ Нобили.

4. Извѣстно, что первое электромагнитное явленіе, изслѣдованное Эрнстемъ было слѣдующее: горизонтальный прямолинейный гальваническій токъ, находящійся выше компасной стрѣлки, и распространяющійся отъ юга къ северу (яли въ нашей фигурѣ 4 (D) отъ S къ N), отклоняетъ компасную стрѣлку изъ ея нормальнаго положенія къ западу, какъ показываетъ стрѣлка $\circ \rightarrow$; когда же направленіе тока обратное, т. е. отъ N къ S, то компасная стрѣлка отклоняется къ востоку.

Напротивъ, если магнитъ находится, по прежнему, ниже горизонтальной и параллельной ему части кругообразнаго проводника, какъ видно въ нашей фигурѣ при (d), и если мы его поворачиваемъ около середины его до перпендикулярнаго положенія къ направленію стрѣлки $\circ \rightarrow$, то отъ этого будетъ индуктированъ токъ, имѣющій направленіе стрѣлки $\curvearrowright$, т. е. отъ S къ N; если же поворачивать магнитъ въ про-

тивную сторону, т. е. къ востоку, то индуктированный токъ получить направленіе отъ *N* къ *S*. Для произведенія этого магнито-электрическаго опыта, я намоталъ мѣдную, шелкомъ обвитую, проволоку 10 разъ около прямоугольной деревянной рамки, соединилъ концы проволоки съ мультипликаторомъ, и держалъ параллельно и близко къ одной сторонѣ рамки, пятидюймовый цилиндрической магнитъ; при поворачиваніи магнита на 90° , стрѣлка мультипликатора отклонялась болѣе чѣмъ на 20° , и направленіе отклоненія показывало справедливость нашего закона.

5. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ опытовъ въ электромагнитизмъ, это извѣстный опытъ Деларива (de la Rive), при которомъ горизонтальный магнитъ *NS* (фиг. 5. Е) дѣйствуетъ на круговой вертикальный токъ; и, плавая на дощечкѣ пробковаго дерева, свободно можетъ принять всякое направленіе въ горизонтальной плоскости.

Если направленіе тока въ семь проводникъ такое, какъ оно показано въ фигурѣ (Е), то, по правиламъ электромагнитизма, онъ будетъ двигаться по направленію длины самаго магнита, будто на осп, отъ сѣвернаго конца *N* до середины; здѣсь, отъ полученной скорости, онъ пойдетъ далѣе къ *S* съ уменьшающеюся скоростію, потомъ гдѣ нибудь ближе къ *S* остановится, и воротится къ серединѣ магнита, гдѣ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ колебаній впередъ и назадъ, останется въ покоѣ. Если же потомъ, вдругъ, изъ круговаго тока вынемъ магнитъ, и перевернувъ, вложимъ его опять туда, но въ обратномъ положеніи полюсовъ, тогда токъ пойдетъ отъ середины магнита къ концу *N*, находящемуся теперъ на лѣвой сторонѣ фигуры, и станетъ удалять-ся еще далѣе, потомъ самъ собою начнетъ поворачиваться на 180° , прибли-

жится къ *N*, и опять придетъ въ состояніе покоя на серединѣ магнита.

Совершенно обратное явленіе замѣтимъ при соответствующемъ магнито-электрическомъ опытѣ. Если, какъ показано въ фигурѣ (е), станемъ двигать круговой проводникъ отъ конца *N* магнита до середины его, то въ проводникѣ, посредствомъ индукціи, возбудится токъ, прямо противный направленію тока въ электромагнитномъ опытѣ, какъ показываетъ стрѣлка $\leftarrow$. Если же будемъ двигать этотъ круговой проводникъ отъ середины до *N* и еще не много далѣе, потомъ, поворотивъ его, двинемъ опять на магнитъ отъ *N* къ серединѣ его, то во все время этого движенія индуктированный токъ будетъ имѣть направленіе противное прежнему.

Этимъ послѣднимъ способомъ возбужденія магнито-электрическаго тока съ большимъ успѣхомъ пользуются въ практикѣ; именно, знаменитый Гаусъ, при весьма важныхъ разысканіяхъ о магнитизмѣ и магнито электричествѣ, которыми нынѣ занимается съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, основываясь на этомъ опытѣ, устроилъ свой *индукторъ*: т. е. свой приборъ для возбужденія мгновенныхъ токовъ посредствомъ индукціи. Этотъ индукторъ, приборъ весьма важный для многихъ изслѣдованій, состоитъ изъ пустаго мѣднаго цилиндра, около котораго намотано большое число оборотовъ мѣдной, шелкомъ обвитой, проволоки; концы ея соединены съ мультипликаторомъ (который, впрочемъ, Гаусъ иначе устроилъ противъ обыкновенныхъ мультипликаторовъ). Спираль, составленная изъ оборотовъ проволоки, окружаетъ среднюю сильной магнитной пластинки; для индуктированія въ ней тока, двигаютъ ее быстро отъ середины черезъ верхній конецъ магнита, поворачиваютъ и двигаютъ ее опять назадъ до середины; во все время этого движенія, стрѣлка мультипликатора показываетъ отклоненіе въ

одну и ту же сторону; Гаусъ употреблялъ такимъ образомъ индуктированные токи, между прочимъ, и для произведенія телеграфическихъ знаковъ. И такъ; въ этомъ случаѣ, употребленіе индуктора есть лучшее доказательство нашего магнито-электрическаго закона.

Но и другой, еще чаще употребляемый, способъ возбужденія индуктированныхъ гальваническихъ токовъ — если вникнемъ подробнѣе — основывается также на этомъ самомъ нашемъ опытѣ (е). Я разумю здѣсь тотъ способъ, при которомъ спираль изъ мѣдной, шелкомъ обвитой, проволоки, намотана на желѣзный цилиндръ, которому сообщаютъ магнетизмъ посредствомъ приближенія его къ сильному магниту. Во время намагничиванія этого цилиндра, въ окружающихъ его оборотахъ спирали, концы которой соединены съ мультипликаторомъ, индуктируется гальванический токъ; потомъ, при удаленіи цилиндра отъ магнита, т. е. при уничтоженіи въ немъ магнетизма, индуктируется снова въ немъ токъ, но въ противоположномъ направленіи, какъ показываетъ отклоненіе стрѣлки мультипликатора. Дабы видѣть связь между этими явленіями и нашимъ магнито-электрическимъ опытомъ (е), должно обратить вниманіе на слѣдующее: хотя вмѣстѣ съ приближеніемъ желѣзнаго цилиндра къ полюсу магнита, магнетизмъ возбуждается въ первомъ такъ скоро, что это кажется мгновеннымъ; со всѣмъ тѣмъ, это дѣйствіе можно объяснить только такимъ образомъ, что части желѣза ближайшія къ магниту, отъ его приближенія, получаютъ свой магнетизмъ прежде нежели болѣе отдаленныя, потому что онѣ прежде входятъ въ сферу дѣйствія магнита; и такимъ образомъ магнетизмъ возбуждается во внутренности спирали, окружающей желѣзный цилиндръ, отъ ближайшаго къ магниту конца, и отсюда двигается, хотя въ весьма короткое время, по оси спирали до

другаго конца желѣзнаго цилиндра. Посему эти явленія совершенно одинаковы съ тѣми, о которыхъ мы говорили при вложеніи магнита въ спираль; разность только въ томъ, что здѣсь не самъ магнитъ находится въ движеніи и индуктируетъ, какъ при опытѣ (е), но движется одинъ только магнетизмъ въ желѣзѣ.

6. Въ опытѣ: «Барлово колесо», извѣстномъ въ теоріи электро-магнетизма по имени изобрѣтателя, къ центру вертикальнаго мѣднаго круга прикрѣплена мѣдная горизонтальная ось, острые концы которой упираются на мѣдныхъ подставкахъ, такъ что колесо весьма удобно на ней вращается; потомъ, нижній край колеса не много погружаютъ въ сосудъ со ртутью, и соединяютъ мѣдные подставы съ однимъ, а ртуть касающуюся къ краю колеса, съ другимъ полюсомъ Вольтова столба. Такимъ образомъ, черезъ вертикальный нижній радіусъ колеса, пойдетъ гальванический токъ, направляющійся снизу вверхъ, т. е. отъ окружности къ центру, какъ показано въ фигурѣ 6 (F) стрѣлкою $\rightarrow$, или въ обратномъ направленіи, отъ центра къ окружности. Если близко отъ перваго тока съ одной стороны колеса находится сѣверный полюсъ магнита, какъ въ нашей фигурѣ показано при N то колесо будетъ поворачиваться въ сторону, означенную стрѣлкою $\circ \rightarrow$.

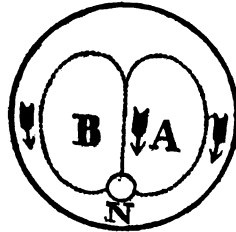
Извѣстно, что направленіе поворотовъ можетъ измѣняться въ трехъ случаяхъ: когда измѣнится направленіе тока, или когда вмѣсто сѣвернаго полюса приблизимъ южный, или, наконецъ, если тотъ же сѣверный полюсъ приблизимъ къ току съ другой стороны колеса. Изъ этого видно, что если съ другой стороны приблизимъ и другой полюсъ (южный), то отъ него колесо будетъ вращаться въ ту же сторону, какъ и прежде; и такъ, совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ противныхъ полюсовъ, съ противныхъ сторонъ, усилимъ скорость

вращения колеса; вотъ для чего, при этомъ опытѣ, обыкновенно обхватываютъ нижнюю часть колеса обѣими ножами подкововиднаго магнита.

Еще Фардей въ своихъ «рядахъ» описывалъ магнито-электрическій опытъ отвѣчающій предшедшему электромагнитному. Въ немъ онъ сообщилъ мѣдному горизонтальному кругу, удобовыжимому около вертикальной мѣдной оси, быстрое вращательное движеніе посредствомъ спурка, точно такъ какъ спускаютъ волчекъ. После этого когда Фардей, сверху этого круга (f), приблизилъ сѣверный полюсъ магнита N , и касаясь, къ оси круга и къ окружности его при N , концами проволоки мультипликатора, то при поворачиваніи круга по направленію стрѣлки $\circ \rightarrow$ отклоненіе стрѣлки мультипликатора показывало, что въ радіусѣ круга, находящемся подъ полюсомъ N , индуцируется токъ по направленію стрѣлки $\rightarrow \rightarrow \rightarrow$, т. е. отъ центра къ окружности, следовательно прямо противно току въ соответствующемъ электромагнитномъ опытѣ F . Когда же онъ вернулъ кругъ въ другую сторону или измѣнилъ полюсы магнита или, наконецъ, приближалъ тотъ же полюсъ N , съ другой стороны, — тотчасъ же измѣнилось направленіе индуцированнаго тока, но всегда такъ, что оно было противное направленію тока при соответствующемъ электромагнитномъ опытѣ. Такъ же онъ нашелъ, что при совокупномъ приближеніи вмѣстѣ съ прежнимъ полюсомъ N втораго противнаго ему полюса другаго магнита, съ противной стороны круга, — направленіе возбужденнаго тока оставалось то же самое, только сила его увеличивалась. Очевидно, что оба опыта F и f со всѣхъ сторонъ отвѣчаютъ другъ другу, и разность между ними только та, что при первомъ F , кругъ находился въ вертикальной, а при второмъ f , въ горизонтальной плоскости.

При магнито-электрическомъ опытѣ

необходимо держать концы проволоки мультипликатора въ прикосновеніи съ вращающимся кругомъ, дабы узнавать направленіе индуцированнаго тока. Если же уничтожимъ это соединеніе, то возбужденный токъ въ одномъ радіусѣ круга, находящагося подъ полюсомъ магнита, все еще останется кругообразнымъ токомъ въ тѣхъ частяхъ самаго круга, которыя находятся въ большемъ разстояніи отъ магнита, следовательно менѣе подвержены индуктирующему вліянію его; по этому, въ самомъ кругѣ будутъ существовать двѣ системы круговыхъ токовъ, касающихся подъ полюсомъ N , какъ показано въ приложенной фигурѣ при A и B . Этѣ

(*)

токи съ своей стороны обратнo будутъ дѣйствовать на магнитный полюсъ N , и именно, по закону электромагнетизма: A долженъ притягивать, и B отталкивать N . Легко видѣть, что то же самое будетъ и тогда, когда на мѣсто N возьмемъ полюсъ южный S ; предшедшій индуцированный токъ будетъ притягивать S , а послѣдующій отталкивать S ; ибо, хотя направленіе токовъ въ этомъ случаѣ будетъ обратное противъ прежняго, но они здѣсь дѣйствуютъ также на противный полюсъ, и по этому силы отъ того происходящія будутъ тѣ же самыя. Очевидно, что если выше горизонтальнаго вращающагося мѣднаго круга, повѣсимъ горизонтальный магнитъ такимъ образомъ, что направленіе оси круга и направленіе нити на коей привѣшенъ магнитъ, находятся въ одной прямой линіи, и потомъ, станемъ вертѣть кругъ около его оси, то магнитъ,

(*) Среднюю стрѣлку надо обратнo.

съ обѣихъ полюсами своими, будетъ слѣдовать вращенію круга, то есть: или также будетъ вращаться около своей нити оси привѣшенія, или, когда дѣйствіе индукированныхъ токовъ на него слабѣе, нежели сколько для этого нужно, то онъ будетъ только отклоняться изъ магнитнаго меридіана по направленію движенія круга. Такое дѣйствіе вращающагося круга на подвижную магнитную стрѣлку открылъ, еще прежде публикованія Фардеевыхъ разысканій, Араго, и явленія, сюда относящіяся, до изъясненія ихъ Фардеемъ магнитно-электрическою индукціею, составили въ сочиненіяхъ о физикѣ: особенную часть магнетизма, подъ именемъ: *магнетизма вращенія* (Magnetisme de rotation). Фардеево открытіе дало намъ полное изъясненіе ихъ во всѣхъ частяхъ, но здѣсь было бы неумѣстно, подробнѣе излагать теорію этихъ явленій; замѣтимъ только что ихъ можно считать за соответствующія «Барлову колесу» въ электромагнетизмѣ.

7.) Въ теоріи электромагнетизма, Фардеевъ первый заставилъ гальваническій токъ непрерывно вращаться около полюса магнита. Въ фигурѣ 7 (H) видно, что если *N* представляетъ сѣверный полюсъ магнита, и если черезъ прямолинейный проводникъ *H* удобовижимый около верхняго конца своего, проходитъ гальваническій токъ по направленію стрѣлки $\text{Ж} \rightarrow$ т. е. снизу вверхъ, то нижній конецъ этого проводника будетъ вращаться непрерывно около *N* по линіи, означенной въ нашей фигурѣ ниже этого конца и по направленію стрѣлки $\text{O} \rightarrow$.

Если при соответствующемъ магнитно-электрическомъ опытѣ (h), станемъ проволоку *h*, нижнемъ концемъ ея, поворачивать около сѣвернаго полюса *N* магнита и по направленію стрѣлки $\text{O} \rightarrow$, то въ ней индукируется токъ по направленію стрѣлки $\text{Ж} \rightarrow$, т. е. сверху. Въ справедливости этого слѣд-

ствія общаго нашего закона я удостовѣрился посредствомъ того же электромагнитнаго прибора, соединя верхній конецъ подвижнаго проводника съ однимъ концемъ мультипликатора, а съ другимъ ея концемъ — сосудъ со ртутью, въ который погружается нижній конецъ проводника, и въ то же время рукою поворачивая его около полюсовъ магнита.

8). Мы выше уже упоминали объ интересномъ опытѣ Ампера, въ которомъ, при пропусканіи гальваническаго тока чрезъ одну половину магнита, этотъ магнитъ принималъ вращательное движеніе около своей оси длины, если только онъ подвиженъ по этому направленію. Небольшимъ измѣненіемъ обыкновеннаго прибора, которымъ доказывается это движеніе, я устроилъ его такимъ образомъ, что каждый любитель науки можетъ произвести весьма легко тотъ любопытный опытъ, имѣя только въ своемъ распоряженіи цилиндрическій магнитъ съ округленными концами, длиною въ 2 или 3 дюйма, одинъ Вольтовъ элементъ величиною около квадратнаго фута и немного ртути. Въ фигурѣ 8 (G), а *b c d* означаетъ стеклянную трубку; внизу конецъ ея *ta* закрытъ обыкновенно пробкою *bd*, чрезъ которую пропущенъ желѣзный цилиндръ, съ нѣсколькими заостренными концемъ *F*. Въ трубку ставится цилиндрическій магнитъ *S N*, котораго нижній округленный конецъ *S* притягивается желѣзнымъ цилиндромъ. Если потомъ въ трубку налить ртути, столько чтобы магнитъ могъ плавать въ ней, то при задерживаніи его нижняго конца, притяженіемъ желѣза, онъ долженъ принимать перпендикулярное положеніе *S N*, при которомъ онъ совершенно удобовижимъ около своей оси, ибо онъ касается къ концу желѣза при *f* только въ одной точкѣ. Если потомъ на верхній конецъ магнита надвинемъ маленькую цилиндриче-

скую трубочку из бумаги, вольемъ въ нее каплю ртути, то стоитъ только эту каплю сообщить посредствомъ проволоки, не слишкомъ тонкой, съ мѣдью простаго Вольтова элемента, а нижній конецъ g желѣзнаго цилиндра съ цинковымъ элементомъ, тотчасъ магнитъ начнетъ поворачиваться около своей оси;—при этомъ токъ въ магнитъ спускается, какъ означено въ нашей фигурѣ, то вращеніе будетъ совершаться въ передней части магнита по направленію стрѣлки $O \rightarrow$.

Если мы при томъ же или подобномъ приборѣ, для магнито-электрическаго опыта, произведемъ движеніе механическимъ образомъ въ ту же самую сторону, въ которую онъ прежде двигался отъ дѣйствія проходящаго тока, то есть по направленію стрѣлки $O \rightarrow$ нашей фигурь (g), и если притомъ соединимъ верхній полюсъ N магнита и ртуть, на которой магнитъ плаваетъ, съ концами проволоки мультипликатора:—то отключеніе стрѣлки послѣдняго покажетъ существованіе въ магнитѣ тока $\rightarrow$ снизу вверхъ, совершенно согласно съ нашимъ закономъ. Этотъ опытъ въ первый разъ сдѣланъ Фареемъ.

9.) Оканчиваемъ наше сравненіе электромагнитныхъ и магнитоэлектрическихъ явленій разборомъ самаго сложнаго электромагнитнаго явленія, именно того, гдѣ гальваническій токъ приводитъ въ движеніе такъ называемыя электромагнитныя машины, которыя нынѣ стараются прилѣпить къ практическому полезному употребленію. Не станемъ здѣсь входить въ подробности устройства этихъ машинъ, которыя довольно трудно объяснить безъ подробныхъ рисунковъ и безъ вгляднаго изученія самыхъ машинъ въ дѣйствіи, и которыя при томъ могутъ быть весьма различнаго устройства;—удовольствуемся однимъ общимъ взглядомъ на нихъ. Большая часть этихъ машинъ состоятъ изъ двухъ системъ электромагнитовъ;

т. е. желѣзныхъ цилиндровъ, обвитыхъ по всей длинѣ оборотами мѣдной, шелкомъ обмотанной проволоки, которыя сильно намагничиваются, какъ скоро соединить концы спиральной, обвивающей ихъ, проволоки, съ Вольтовымъ столбомъ. Одна изъ этихъ электромагнитныхъ системъ неподвижна, другая свободно можетъ вращаться около оси; полюсы обѣихъ системъ обращены другъ противъ друга. Если чрезъ всю спираль пропустить одинъ и тотъ же гальваническій токъ, то подвижная система, отъ притяженія и отталкиванія электромагнитовъ неподвижной системы, получаетъ быстрое вращательное движеніе около своей оси. Надобно замѣтить, что для возможности такого непрерывнаго движенія необходимо, чтобы подвижная система безпрестанно и въ разные промежутки времени (именно при каждомъ переходѣ электромагнитовъ подвижной передъ электромагнитами неподвижной системы) перемѣняла полюсы своихъ магнитовъ или направленіе окружающаго ихъ тока, что въ этихъ машинахъ совершается посредствомъ особеннаго прибора, именуемаго: *Коммутаторомъ*.

По общему нашему правилу легко понять, что, если пропустимъ токъ только чрезъ неподвижную систему, а подвижную станемъ вращать рукою въ томъ же направленіи, въ какомъ она вращается при прежнемъ опытѣ, и если притомъ концы спиральной проволоки этой системы соединимъ между собою посредствомъ какого либо проводника, то чрезъ этотъ проводникъ пройдутъ индуктированные токи, безпрестанно измѣняющіе свое направленіе; а посредствомъ мультипликатора легко узнаемъ, что это направленіе прямо—противно направленію, которое имѣетъ токъ, въ томъ же положеніи подвижной системы, въ предшедшемъ электромагнитномъ опытѣ. Если, взявъ въ каждую руку по одному изъ концевъ проволоки, мы

вставимъ, вмѣсто мультипликатора, собственное наше тѣло, какъ соединяющій проводникъ, то сотрясенія въ нервахъ нашего тѣла удостовѣрятъ насъ въ существованіи индуктированныхъ токовъ.

Очевидно, что вмѣсто электромагнитовъ неподвижной системы, можно употребить то же число обыкновенныхъ стальныхъ магнитовъ, такимъ же образомъ расположенныхъ, — токъ будетъ индуктированъ въ частяхъ подвижной системы совершенно въ томъ же направленіи и въ той же силѣ, какъ и предъ симъ, если наши стальные магниты имѣютъ одинаковую силу съ электромагнитами. Машинны послѣдняго рода служатъ обыкновенно для произведенія опытовъ магнитоэлектрическихъ; ихъ извѣстно теперь довольно много, на призмѣ машины Пикси, Сакстона, Клерка, Эттингсгаузена и пр., (Pixi, Saxton, Clarke, Ettingshausen, etc.). Изъ предъидшаго очевидно, что онъ, въ своемъ магнито-электрическомъ родѣ, отвѣчаютъ двигательнымъ машинамъ, въ электромагнитическомъ родѣ.

Для лучшаго доказательства этой противоположности я произвелъ еще слѣдующій опытъ. Въ первой изъ магнитоэлектрическихъ извѣстныхъ машинъ, и именно въ машинѣ Пикси, я замѣнилъ Коммутаторъ Амперовъ извѣстный подъ именемъ баскула (bascule), вращающимся коммутаторомъ Профессора Якоби, который гораздо удобнѣе при всѣхъ вращательныхъ движеніяхъ, и получилъ, по соединеніи концовъ подвижныхъ спиралей и поворачиваніи ихъ, токи безпрестанно направляемые въ одну и ту же сторону. Основываясь единственно на справедливости нашего общаго закона, я заключилъ, что если сообщимъ тѣ же концы со полюсами Вольтова столба, такъ что бы токъ его прошелъ спирали въ томъ же направленіи, которое прежде имѣлъ индуктированный токъ, — то подвижная система станетъ двигаться непрерывнымъ образомъ, но только въ против-

ную сторону, нежели при магнито-электрическомъ опытѣ. Это мое заключеніе совершенно оправдалось, и вращеніе было такъ сильно, что колесо, шестерня и рукоятка, служащая къ сообщенію движенія въ этихъ машинахъ, вертѣлась вмѣстѣ и довольно быстро. И такъ магнито-электрическая машина Пикси, безъ малѣйшаго измѣненія въ расположеніи составныхъ частей, измѣнена была въ настоящую электромагнитную вращательную машину, подобную извѣстной машинѣ Г-на Якоби, съ тою только разностию, что вмѣсто неподвижной системы электромагнитовъ у меня изходилъ одинъ только стальной подкововидный магнитъ.

Сказанное выше: что въ настоящихъ электромагнитныхъ вращательныхъ машинахъ при магнизированіи неподвижной и при движеніи подвижной системы, возбуждается посредствомъ индукціи токъ, противный по своему направленію тому току, который произвелъ бы это движеніе, — ведетъ насъ къ весьма важному заключенію для теоріи электромагнитныхъ двигательныхъ машинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если одно *движеніе* производитъ такое дѣйствіе, то безъ сомнѣнія должно происходить подобное дѣйствіе и при движеніи этихъ машинъ, которое сообщается имъ, какъ обыкновенно, посредствомъ гальваническаго тока; и такъ, при обращеніи подвижной системы электромагнитовъ, будетъ въ проволоку спиралей индуктированъ токъ въ направленіи противномъ направленію дѣйствующаго гальваническаго тока. Слѣдовательно отъ индуктированнаго имъ тока самъ двигающій токъ становится слабѣе. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ и бываетъ, можно удостовѣриться, прикасаясь во время хода машины концемъ проволоки, сообщенной съ Вольтовымъ столбомъ; токи индуктированные движеніемъ произведутъ въ нервахъ нашихъ сотрясенія, которые одинъ гальваническій токъ, при останов-

ленія машины, не производить. Причину, почему индуктированный токъ дѣйствуетъ на наше тѣло, не трудно найти въ самыхъ законахъ о силѣ токовъ, но здѣсь было бы неумѣстно дальше распространяться объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, о вредномъ вліяніи этого индуктированного или, какъ иногда говорятъ, *второстепеннаго* тока, возбуждаемаго при ходѣ электромагнитныхъ машинъ, Г. Якоби упомянулъ еще въ первой своей запискѣ объ этихъ машинахъ.

Въ предшедшемъ я доказалъ справедливость найденнаго мною общаго закона, объ отношеніи электромагнитныхъ къ магнитоэлектрическимъ токамъ, въ девяти самыхъ важныхъ случаяхъ; по этому не можетъ быть болѣе никакого сомнѣнія, что законъ тотъ основанъ на самой сущности сихъ явленій, которая сама для насъ до сихъ поръ оставалась еще неразгаданною.

Э. Ленцъ.

С. Петербургъ,
17. Января 1840.

ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКАГО МИРА.

Греками и Римлянами наши предки не были, не ходили ни въ какой Афинскій театр и не читали никакого Платона; но такими дикими варварами и каннибалами, какими изображаютъ ихъ нѣкоторые писатели, они также не были. Жизнь Славянъ, полная своихъ особенностей, обилія и силы, погибла въ бурю столѣтій. Свѣтлая сторона ея, — видная чистому, дѣломудренному, скромному взгляду, — дошла до насъ только въ нѣкоторыхъ блѣдныхъ лучахъ; темную сторону ея, не вырезумѣвъ порядочно, беруть предлогомъ, чтобъ клеветать, повесить нашихъ предковъ....

Изъ письма Шафарика къ Позодику. Ж. М. Н. Пр. 1827.

.... Никогда, въ глубокую старину, не только въ азиатскомъ, но и въ европейскомъ сѣверѣ, въ странахъ между Поволжьемъ и Бельтожемъ, была *наравненно больша и населенность и образованность и дѣятельность*, нежели какъ намъ угодно было думать, глядя на все глазами Грековъ и Римлянъ.

Шафарикъ. Слав. Древн. Т. 3.

Изученіе русскихъ и обще-славянскихъ древностей съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливается въ нашемъ отечествѣ. Просвѣщенный усилія благодѣтельнаго правительства и ревностные труды частныхъ людей постепенно раскрываютъ предъ нашими взорами полноту общественной и частной жизни предковъ: недавно-изданные акты археографической экспедиціи, печатаемые акты юридическіе и обшанный полный сводъ Нестора и русскихъ временниковъ; труды Висковатова (*), Полеваго и Булгарина, изысканія покойнаго Розенкампа, Языкова, Венелина, Вельмана, Морошкина, Каченовскаго, Погодина, Устрялова — вотъ богатые матеріалы для будущаго историка Россіи; присоедините сюда изслѣдованія Сахарова, Снегирева и нѣкоторыхъ другихъ любите-

лей отечественной исторіи, столько важныя для полнаго познанія прошедшей жизни Русскаго народа, и вы удивитесь въ истинѣ нами сказаннаго. Но, для полнаго, яснаго и отчетливаго познанія частныхъ, подробностей, необходимо постигать умомъ всю цѣлость предмета; иначе, легко впасть въ односторонность, частности приписать общность, и такимъ образомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, построить даже цѣлую систему на ложномъ основаніи. Правда, и въ такомъ сочиненіи могутъ быть нѣкоторыя подробности отдѣланы превосходно; однако жъ *ошибки основныя* незаметно прокрадутся и въ частности, повредятъ многимъ, очень многимъ страницамъ вашего сочиненія. Здѣсь-то причина, по которой въ наше время обращаютъ такое усиленное вниманіе на *основанія* наукъ: какъ скоро основаніе вѣрно-смѣло строите зданіе, систематическое правильное, стройное, въ частяхъ и въ

(*). До времени еще неизвѣстные публикѣ; мы будемъ имѣть случай исчислить все его труды уже напечатанные. Редак.

цвлонъ; оно будетъ надолго, если не на всегда, украшеніемъ литтературы.

Говорить о необходимости изучения русской исторіи въ связи съ обще-славянскою, было бы излишне; каждый мыслящій человекъ и безъ того убѣдится, что только одно совмѣстное, совокупное изученіе политической и общественной жизни древней Руси, сравнительно съ жизнью другихъ славянскихъ племенъ, можетъ освободить нашу исторію отъ многихъ предрасудковъ, вкорененныхъ у насъ пристрастіемъ иноземцевъ, отъ которыхъ заимствованы были нами почти всѣ свѣдѣнія, и пролить новый свѣтъ на прошлую жизнь нашихъ предковъ, въ политическомъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Помышляя на своихъ страницахъ статью объ этомъ важномъ и занимательномъ предметѣ, «Маякъ современнаго просвѣщенія» надѣется оказать двойную услугу своимъ читателямъ: во-первыхъ познакомить читателей съ *литышинимъ*, *современнымъ* воззрѣніемъ на исторію, географію и археологію всего древне-славянскаго міра; а во вторыхъ, обратить ихъ вниманіе на замѣчательное по-многому сочиненіе Шафарика, «Славянскія Древности», которыхъ начало появилось въ русскомъ переводѣ г-на Бодянскаго. Поддержать предпріятіе добросовѣстное, и тѣмъ одобрить переводчика къ дальнѣйшимъ трудамъ, необходимо должна русская публика, для чести своей литтературы. «Славянскія древности» Шафарика, писанныя на чешскомъ (богемскомъ) языкѣ, заключаютъ въ себѣ полный сводъ всѣхъ извѣстій о древнихъ Славянахъ, со времени отдаленнѣйшей древности до обращенія большей части изъ нихъ въ христіанскую вѣру, или до конца X вѣка. Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *историко-географическаго* и *чисто-археологическаго*. Въ первомъ излагается происхожденіе, древнѣйшія жилища, распространеніе и судьбы пле-

менъ славянскихъ, также и географія занятыхъ ими странъ. Во *второмъ* содержатся извѣстія о политическихъ и домашнихъ учрежденіяхъ, о религіи, просвѣщеніи и памятникахъ Славянъ. Первое отдѣленіе, (въ семи частяхъ), *историко-географическое* недавно окончено; второе, вѣролтно, скоро начнется печатаніемъ, *если у автора достанетъ средствъ предпринять изданіе* этой полезной книги. Русский переводъ, *прямо съ чешскаго*, къ сожалѣнію, остановился на самомъ началѣ: изъ семи частей, составляющихъ подлинникъ, напечатано только *три*. . . . Неужели просвѣщеннымъ русскимъ читателямъ нужно еще напоминать о необходимости, для чести Россіи, этой могучей представительницы Славянскаго міра, поддержать и автора и переводчика и издателя въ ихъ благородномъ предпріятіи разъяснить для насъ древности нашихъ собственныхъ предковъ? (*)

(*) Вотъ что говоритъ издатель, М. П. Погодинъ: «Продолженіе готово... но напечатать я не имѣю еще средствъ: изданіе трехъ частей стоило мнѣ почти 3000 рублей, а разошлось въ теченіе полутора года только 60 экземпляровъ, да 57 разошлось по гимназіямъ; *нужно по крайней мѣрѣ еще 100 подписчиковъ для покрытія издержекъ*. Впрочемъ желаніе могутъ подписываться и теперь на продолженіе, въ 4 книгахъ, и присылать за оное въ Моск. Универс. книжную лавку г-на Ширлева по 20 рублей; а вмѣстѣ съ прежнимъ (тремя) книгами т. е. за *всѣ семь книгъ* по 30 рублей. Разумѣется, *я приложу все свое стараніе, чтобъ какъ можно скорѣе вышло на русскомъ языкѣ все великое твореніе Шафарика, которое должно замѣнить для насъ цѣлый курсъ критики, филологіи и исторіи въ отношеніи къ восточной половинѣ Европы*. Если бы наша публика поддержала трудъ, предпринятый съ единственною цѣлю—оказать существенную услугу русскимъ читателямъ, дополнить существенный недостатокъ отечественной литтературы; тогда по окончаніи семы томовъ, составляющихъ отдѣленіе историко-географическое, О. М. Бодянский съ М. П. Погодинымъ вѣрно приступили бѣ къ переводу и изданію на русскомъ языкѣ и отдѣленія археологическаго, какъ только оно будетъ напечатано авторомъ. Редактора просвѣщенія желаніе вспомоществовать этому *присылкою* самому автору (который находится въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ) *необходимыхъ русскихъ книгъ, или вспоможеніями денежными*, благоволятъ относиться къ г-ну Погодину, который охотно приметъ на себя доставку всего этого П. И. Шафарика, живущему въ Прагѣ. Адресъ: г-ну Ординарному Профессору Михаилу Петровичу Погодину, въ Императорскій Московскій Университетъ.

Желая представить краткое, но полное обзорные древняго быта Славянских народовъ, политическаго и общественаго, сперва мы постараемся ознакомить нашихъ читателей съ *нынешнимъ современнымъ* воззрѣніемъ на исторію, географію и археологію Славянъ, а въ путеводители возьмемъ Шафарика, Палацкаго, Мацѣевскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей, какъ представителей этого взгляда. Такимъ образомъ, теперешняя статья наша будетъ заключать въ себѣ полную сумму *всѣхъ современныхъ* свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Прежде всего мы покажемъ I). Какъ должно понимать извѣстія древнихъ о множествахъ будто бы отдѣльныхъ народовъ; убѣдивъ читателя, что всеэтого, большею частію, были только *мѣстныя названія*, мы раскроемъ ту истину, что изученіе древностей Славянъ тогда лишь можетъ получить основаніе прочное и твердое, когда мы станемъ смотрѣть на исторію главныхъ племенъ сѣверо-восточной Европы, какъ на одно нераздѣльное цѣлое. Въ такомъ намѣреніи, мы предложимъ II). краткое обзорніе, историческое и географическое, Скивоновъ, Чуди, Сарматовъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ, Фракіянъ. Осмотрѣвъ положеніе главныхъ племенъ сѣверной половины Европы, мы увидимъ, что одни постоянно въ ней жили, а другіе только нѣкоторое время; отсюда мы выведемъ, что въ земляхъ за-карпатскихъ до низяго Дуная и Савы, а въ земляхъ предъ-карпатскихъ отъ Одера и Вислы до Ильмень озера, постоянными старожилами были одни Випды, извѣстные подъ собственнымъ именемъ Сла-

вянъ и Сербовъ. Такимъ образомъ ясно обозначатся III). ошибки иноземныхъ полунислѣдованій историческихъ, изъ которыхъ многія отдають весь сѣверъ однимъ только Скивоамъ, пные только однимъ Кельтамъ, третьи однимъ Финнамъ, и стараются подтверждать свои любимыя идеи подложною и натянутою этимологіею. Самыя грубыя ошибки иноземцевъ, имѣющія цѣлю не открыты истину, но только унижить Славянъ, до того укоренились у насъ, что истребить ихъ возможно только самыми основательными доводами и силою непреодолимой истины, почему IV). Соберемъ всѣ свидѣтельства Грековъ и Римлянъ о земляхъ предъ-карпатскихъ и за-карпатскихъ. Такимъ образомъ, полное, хотя краткое, изслѣдованіе предмета очевиднымъ сдѣлаетъ, V). что племя Славянское столько же древне въ Европѣ, какъ и сродственныя съ нимъ племена: Литовское, Нѣмецкое, Кельтское, Латинское и Фракійское; что жилища его, въ древнѣйшей эпохѣ, уже простиралась отъ моря Адриатическаго до Балгійскаго, и отъ побережья Одера до истоковъ Днѣстра; что многочисленностью оно равнялось многолюднѣйшимъ племенамъ европейскимъ, если даже не превосходило ихъ. Обозначивъ, сколько возможно точно, границы земель славянскихъ на западъ, востокъ, сѣверъ и югъ, мы убѣдимся, что въ изученіи извѣстій древнихъ объ этой-именно странѣ должно искать полнѣйшаго объясненія исторіи Славянъ. Тогда разъяснится для насъ VI) и Отяпчїе нашей исторіи и нашихъ древностей отъ древностей другихъ европейскихъ племенъ. Послѣ того естественно родится вопросъ: какое же мѣсто занимають Славяне, по своему нравственному положенію и образованію, въ ряду прочихъ народовъ? Указавъ VII) на источники для предмета, и на господствующіе предразсудки иноземныхъ писателей въ семъ отношеніи, мы перейдемъ VII) къ изо-

Москва уже оказала содѣйствіе автору для печатанія перваго отдѣленія: неужели Петербургъ откажется отъ соперничанія съ древнею столицей въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія? Неужели между *сотнями тысячъ* жителей здѣшней столицы не найдется ни одного человека, который бы захотѣлъ поддержать честь своего города; ни одного, кто принялъ бы участіе, по мѣрѣ силъ, нисколько не обременительное для каждаго порознь, но важное въ общей массѣ? Неужели... Мысль горестная, если окажется справедливою....

браженію тѣлесныхъ и нравственныхъ свойствъ древнихъ Славянъ: ихъ вѣры, нравовъ, обычаевъ, правленія, семейственныхъ и общественныхъ постановленій, постепеннаго образованія и проч. Далѣе, съ полнымъ безпристрастіемъ (IX). выставимъ дѣйствительные недостатки нравственнаго характера всѣхъ вообще Славянъ. Основавъ это все на подлинныхъ свидѣтельствахъ *иноземцевъ-современниковъ*, мы съ полнымъ убѣжденіемъ отвергнемъ иностранныхъ *новѣйшихъ* компиляторовъ - *историковъ*, представляющихъ Славянъ какими-то грубыми дикарями, невѣдомо когда и откуда явившимися; а этого достигнемъ приведя въ ясность X). вопросъ: позволительно ли причислять Славянъ къ варварамъ и дикарямъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Но, между народами, въ какой бы ни жилъ онъ землѣ, и между землей его питающей, всегда существуетъ тѣсная неразрывная связь: какъ земля и климатъ ея сообщаютъ тотъ или другой видъ народу, его тѣлу и духу; такъ, наоборотъ, и самый народъ оставляетъ на землѣ, имъ обитаемой, неистребимую печать своего пребыванія. Отсюда вытекаетъ XI). необходимость географической и археологической картины древне-славянскаго міра. Если выводы о происхожденіи, распространеніи и жилищахъ Славянъ вѣрны; то историческія указанія древнихъ писателей, народныя преданія и свидѣтельства, представляемая самою землею, не могутъ противурѣчить другъ другу. Обзоръ XII). горы, XIII). рѣкъ, XIV). озеръ и XV). описаніе городовъ, на земляхъ предъ- и за-карпатскихъ, представляютъ очевидныя доказательства старобытности славянскихъ племенъ въ той странѣ, и это же подтвердится XVI) взглядомъ на вещественныя памятники, эти многообразныя признаки прежняго быта народовъ; валы, насыпи, городища, гробы, могилы, утварь, сосуды, оружіе, монеты—

безмолвные свидѣтели прошедшаго, расскажутъ всю жизнь предковъ, раскроютъ передъ нами всѣ тайны ея, недосказанныя въ летописяхъ.

Такимъ образомъ, *одновременное* и *совмѣстное* разсмотрѣніе исторіи, географіи и археологіи Славянъ сообщитъ проникающую нашему взгляду, озаритъ новымъ свѣтомъ картину прошедшаго и оживитъ передъ нашими взорами политическій и общественный бытъ древне-славянскаго міра.

Редакція съ умысломъ освободила предлагаемую статью отъ цитатъ, оставивъ одинъ сводъ голословныхъ результатовъ исторической критики. Для разработки спорныхъ или сомнительныхъ выводовъ, редакція предоставляетъ главу *матеріаловъ, критики и смѣси*, гдѣ съ большей силой, пользой и просторомъ очистятся матеріалы нашихъ древностей отъ ненужныхъ примѣсей.

Редакт.

I. Истинная исторія не знаетъ и, безъ основательныхъ доводовъ, не можетъ допустить существованія никакихъ народовъ въ сѣверо-восточной Европѣ, кромѣ Скифовъ, Чуди, Сарматовъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ или Тевтоновъ, Литовцевъ, Оракійцевъ и Славянъ. Народы не появляются на землѣ и не пропадаютъ съ лица ея, вдругъ въ одну ночь, не произведя большихъ переменъ въ положеніи, если не всего челоуѣчества, по крайней мѣрѣ значительной части его, не оставивъ по себѣ ясныхъ слѣдовъ прежняго своего существованія (*).

(*). Молчаніе исторіи не всегда доказываетъ истребленіе или отсутствіе народа, у котораго не было мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ своего существованія. Къ такимъ проблемамъ исторіи можно бы примѣнить известныя диктовы: *«аще же мы умолкнемъ, камене возопіють.»* По мнѣнію нашему, долгъ исторической критики состоитъ именно въ томъ, чтобы искать вездѣ этихъ доказательствъ народнаго быта, сблизая разнородныя историческія сказанія съ мѣстными памятниками и посылая исцѣпляющія исторіи выводы аналіза и аналогіи, которые если бы оказались и не вовсе положительными,

Встрѣчая гдѣ либо у древнихъ писателей, какое нибудь названіе дотолъ неизвѣстнаго сѣвернаго народа, еще не слѣдуетъ воображать подъ этимъ неизвѣстнымъ названіемъ великое племя, которое некогда занимало своими жилищами (будто бы) весь сѣверъ. Такъ, читая у Маркіана, что въ Европейской Сарматіи обитало 56 народовъ, можемъ навѣрное утверждать, что тутъ было собственно только шесть народовъ; остальные пятьдесятъ, просто, *мѣстныхъ* названій, принадлежащія *тѣмъ же самими народными племенами*, которыя естественно распадались на многочисленныя вѣтви и отрасли. Древніе сѣверо-европейскіе народы дѣлили мѣсто жительства своего на области, округи, уѣзды, волости, околки, (латин: *ragus*, нѣм. *Gau*); каждое изъ нихъ, нѣрѣдко состояло только изъ нѣсколькихъ деревень, имѣло свое собственное названіе, а древніе Греки и Римляне обыкновенно смотрѣли на это *мѣстное* названіе какъ на имя особеннаго будто бы народа. Слѣдственно, просто не возможно, чтобы все выдаваемое намъ древними за народъ, было действительно народомъ: иначе на 50 квадратныхъ миляхъ пришлось бы помѣстить столько же и народовъ. Плиній, напримѣръ, въ небольшомъ краѣ, между Меотійскимъ заливомъ и Кавказомъ, насчитываетъ болѣе пятидесяти народовъ; но мы съ достовѣрностью можемъ полагать, что здѣсь у него разужьются просто мѣстныя, домашнія названія двухъ или трехъ большихъ народовъ, точно какъ теперь, по словамъ Клапрота, небольшой Кавказскій народъ, Лезги (около 50,000 душъ), распадается на множество вѣтвей.

II. Изученіе древностей Славянъ тогда только можетъ получить основаніе прочное и твердое, когда мы станемъ

то по крайности — въ рододобіемъ своимъ замѣнять, отчасти, неоспоримости положительныхъ доказательствъ, какъ *полуушки* (*Semiprutes*) въ юриспруденціи. *Редакт.*

смотреть на исторію главныхъ племенъ сѣверо-восточной Европы какъ на *одно нераздѣльное цѣло*. Отъ Геродота до паденія владычества Гунновъ и Римлянъ, — слѣдовательно, начиная половиною V-го столѣтія предъ Р. Х. и оканчивая половиною V-го же по Р. Х., — сѣверо-восточную Европу населяли: Скифы, Чудь, Сарматы, Кельты, Нѣмцы, Литовцы, Фракіяцы и Славяне. Обращая вниманіе на послѣднихъ, увидимъ, что въ означенное время, въ земляхъ за-карпатскихъ до нижняго Дуная и Савы, и пред-карпатскихъ отъ Одера и Вислы на сѣверъ до озера Ильмень, постоянными старожилами были единственно Винды или Славяне. — Черногорскія степи между Днѣпромъ и Дономъ населены были въ древности выходцами азійскими, *Скифами*; жилища этого кочующаго народа, не простирались за Карпаты и окрестности Вислы, Березины, Западной Двины, верхняго Днѣпра, и такъ далѣе. Дикіе, воинственные Скифы непродолжительное время были страшны своимъ могуществомъ: пришелецъ въ чуждую землю, народъ сей не могъ тамъ укорениться и уступилъ свое мѣсто сильнымъ сосѣдямъ, Сарматамъ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. отъ Скифовъ ничего уже не оставалось въ Европѣ, кромѣ одного имени въ географическихъ сочиненіяхъ. — *Чудь* въ продолженіи этого періода жила постоянно въ отдаленномъ сѣверѣ, находя ее, во время Тацита, въ тѣхъ самыхъ жилищахъ, которыя назначаютъ ей Иорнандъ и Несторъ, т. е. за Финскімъ заливомъ, въ окрестностяхъ верхней Волги, можемъ основательно заключить, что племена Чудскія обитали тамъ и прежде, по крайней мѣрѣ въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. *Сарматы* были пришельцами въ Европѣ. Ихъ колыбелью нѣкоторые современные ученые признаютъ Индію; въ послѣдствіи, гдѣ-то Сарматы находилось между Дономъ и Кавказомъ, откуда эти воинственные

народы, болѣе и болѣе тѣсня Скивоувъ, ворвались въ Европу, утвердились между Дономъ и Днѣпромъ, и распространили свое владычество на Скивоувъ-земледѣльцевъ (пахарей, полянъ), между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Изъ этихъ-то жилищъ, подъ именемъ *Алановъ* или *Асовъ* (неизвѣстно только когда) Сарматы пробрались къ верховью Днѣпра; подъ именемъ *Языговъ*, въ Польшу, на предѣлы Ляховъ и Литовцевъ; около же пятидесятихъ годовъ по Р. Х. въ нынѣшнюю Венгрію, гдѣ поселились между Тисою (Theiss) и Дунаемъ. Сарматы не были осыдлыми жителями Европы; буря пригнала ихъ, какъ саранчу, съ востока въ нашу часть свѣта, и буря же съ запада загнала ихъ на Кавказъ, гдѣ потомки ихъ, подъ именемъ Аланъ, и теперь еще находятся. Отдѣльныя толпы Сарматовъ, долгое время скитаясь по древнеславянскимъ землямъ, покоряли и притѣсняли некоторыя вѣтви Славянъ, но никогда не воздѣлывали страны, которую занимали. Родиной *Кельтовъ* была Галлія, Гельвеція и южная Германія; отсюда они двигались на востокъ въ Илирію и Паннонію и далѣе чрезъ Богемію за Карпаты. Они выгнали Славянъ изъ поддубайскихъ странъ за Карпатскія горы, и тѣмъ произвели большую перемѣну въ положеніи сѣверныхъ народовъ: изгнанные Кельтами (Волохами или Влахами) (*), Славяне двинулись на сѣверъ, встрѣтивъ здѣсь гораздо меньшее сопротивленіе со стороны insignificantной Чуди, чѣмъ съ запада, со стороны храбрыхъ и сильныхъ Влаховъ. Въ земляхъ на Дунаѣ и при Карпатахъ Кельтскія племена также скоро исчезли, какъ и появились; а это показываетъ, что карпатскія земли

не были настоящей родиной Кельтовъ: великое племя, распространившись и укоренившись въ какой либо странѣ, можетъ въ послѣдствіи нѣсколько измѣнить свой языкъ и нравы; но такъ быстро исчезнуть ему, истребиться совершенно, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, невозможно.

Колыбель *Нѣмецкаго* или *Тевтонскаго народа* составляютъ нынѣшняя сѣверная Германія, Голландія, Данія и Швеція. Въ этихъ земляхъ застаешь ихъ древнѣйшая европейская исторія: отсюда, во время переселенія народовъ, выступили многочисленныя толпы воинственныхъ Готовъ, Скировъ, Герудовъ, Гепидовъ, Лонгобардовъ, и проч. они шли черезъ земли Вендовъ на востокъ; оттуда назадъ въ южную Европу. Равнины между Вислою и Одеромъ съ незапамятныхъ временъ составляли пограничную черту между Нѣмецкими и Славянскими народами; здѣсь поколѣнія тѣхъ и другихъ смѣшивались между собою. Готы были пришельцы на Балтійскомъ поморьѣ изъ Скандинавіи; они поселились въ землѣ Славянской. Многія изъ Свевскихъ народовъ утвердились между Одеромъ и Вислою; а этотъ край, иѣкогда принадлежалъ также Славянамъ, и назывался Луги. Свевскіе племена вѣроятно извѣстны подъ нарицательнымъ именемъ Вандаловъ; они были прозваны такъ по Славянамъ, которые къ нимъ присоединились. Такимъ же образомъ, въ глубокой древности, хищныя полчища Шведовъ дѣлали нападенія въ верхнія земли Вндовъ, лежавшія на Ильмень-озерѣ, и, вѣроятно, нѣсколько времени тамъ и обитали. — Родственные древнимъ Славянамъ, *Литовскіе народы*, малочисленные, слабые, миролюбивые, представляются глазамъ нашимъ въ отдаленнѣйшее время въ тѣхъ же самихъ жилищахъ, по берегу Балтійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Славянами, гдѣ и въ послѣдствіи встрѣчаемъ ихъ съ VI по X столѣтіе. Это незначительное

(*) Добровскій первый началъ догадываться что у Нестора подъ именемъ Волоховъ разумеются Кельты или Галлы. — Изъ нынѣшнихъ писателей принялъ это мнѣніе, у Чеховъ Шаарникъ, у насъ Русскихъ г-въ Секавскій.

племя не могло занимать того огромнаго пространства, начиная от Одера до самаго Дона, на которомъ древніе писатели ясно помѣщаютъ народы другаго имени, Венедовъ, Свовонъ, (Словенъ), Пенгитовъ (Пиния), Саваровъ (Сверьянъ), Сербовъ, и т. д. — Достоверныя историческія свидѣтельства древнихъ Грековъ и Римлянъ, показываютъ намъ, что за исключеніемъ Гетовъ или Даковъ (жившихъ въ Валахіи, а въ послѣдствіи въ нынѣшней Седмиградіи) и Панноновъ (переведенныхъ Римлянами съ южной стороны Савы въ Паннонію), ни одинъ *Θρακίϊκίη народъ* въ глубокой древности не обиталъ на сѣверномъ берегу Савы и Дуная, въ нынѣшней Венгріи. Всѣ, собственно такъ называемые, *Θρακίϊκίη* и ихъ отрасли первоначально жили на *Θραко-Иллврійскомъ* полуостровѣ, на южной сторонѣ Дуная и Савы.

Осмотрѣвъ было такое положеніе главныхъ племенъ сѣверной половины Европы, видимъ, что изъ нихъ одни (Чудь, Вянды, Литовцы, Нѣмцы) постоянно въ ней жили; а другіе, (Кельты, Скифы и Сарматы) только нѣкоторое время; сравнивъ же безпристрастно всѣ свидѣтельства древности о первобытныхъ жилищахъ каждаго изъ этихъ народовъ, смѣло можемъ утверждать, что *въ пред-карпатскихъ и за-карпатскихъ земляхъ были постоянными старожилыми Венды, извѣстные подъ собственнымъ именемъ Славянъ и Сербовъ*, и что *эти края по всему праву можно считать ихъ древне-европейской отчизной*. Она воздѣлана ихъ трудами, и только въ ней Славяне могли вынести многообразныя кровавыя бури, налетавшія на нихъ уже и въ древнія времена съ востока и запада; могли возрасти и достигнуть той огромности и многочисленности, въ какой они являются удивленнымъ взорамъ нашимъ въ концѣ V-го вѣка по Р. Х., когда достоверная исторія начинается припод-

Гл. I.

нимать покровъ, который до тѣхъ поръ скрывалъ ихъ. Глубокомысленный Добровскій весьма справедливо говорилъ, еще при самомъ вступленіи своемъ на поприще писателя: «Славяне должны обитать въ Европѣ съ того же самаго времени, съ котораго живутъ въ ней Латины, Греки и Нѣмцы; рѣшительно невозможно, чтобы они, какъ обыкновенно нѣкоторые воображаютъ, пришли отъ Меотійскаго залива только по Р. Х. передъ Гунами или послѣ нихъ.»

III. Древности наши, какъ мы уже сказали выше, тогда только могутъ быть вызваны изъ своихъ развалинъ, и получить основаніе прочное и твердое, когда мы на исторію главныхъ племенъ сѣверовосточной Европы станемъ смотрѣть, какъ на одно нераздѣльное цѣлое. Всякое полувзслѣдованіе этого предмета неминуемо ведетъ къ заблужденію и ошибкамъ, въ чемъ увѣряетъ насъ безчисленное множество примѣровъ. Изслѣдователи сѣверо-европейскихъ древностей обыкновенно наполняли эту часть свѣта, одни только Скифами, Сарматами, другіе Кельтами, Германцами, третьи Финнами, и т. д., кому что правилось, кому что нужно было; никто не хотѣлъ и подозрѣвать, что Славяне были тамъ старожилыми, древнѣйшими обитателями. Такихъ писателей, къ сожалѣнію, много появилось въ новѣйшее время, особенно въ Германіи, Франціи и Англіи. Не обращая никакого вниманія на географію и исторію сѣверо-восточной Европы и Славянскихъ народовъ, которые постоянно обитали въ ней, по всеобщему сознанію, по крайней мѣрѣ съ V-го вѣка по Р. Х., эти писатели привязываются къ тому или другому древнему народу, Скифамъ, Сарматамъ, Кельтамъ, Германцамъ, или же Финнамъ; ограждаютъ себя множествомъ классиковъ и неклассиковъ, со всѣмъ рвеніемъ ищутъ въ нихъ свидѣтельствъ для своей любимой мысли, и стараются подтвердить ее пустою, ни-

чтожною этимологією. Для этой цели, они уже не различают ни времени, ни первоначальных жилищъ цѣлаго племени отъ жилищъ какойнибудь его вѣтви, которая выселилась туда въ послѣдствіи; нисколько не хотятъ сообразить многочисленныхъ извѣстій, указывающихъ на современное и совмѣстное пребываніе *другихъ* народовъ въ одной и той же ихъ Скиѣской, Сарматской, Кельтской, Германской и Фипской прародины. Сочиненія такого рода, съ учеными выписками изъ старыхъ фоліантовъ, подкрѣпленныя этимологическими доказательствами, обыкновенно приводятъ въ изумленіе ихъ отечественную публику. Ученые и неученые соотчичи, (столь же мало понимающіе тотъ предметъ, о которомъ рѣчь идетъ, какъ и сами сочинители), каждое подобное новое произведеніе встрѣчаютъ громомъ рукоплесканій; журналисты тотчасъ провозглашаютъ ученость и основательность своихъ земляковъ. Не удивительно послѣ того, что грубыя ошибки, имѣющія цѣлю унизить Славянъ, до такой степени укоренились, въ послѣднія три столѣтія, въ исторіи Сѣверной Европы. Истребить ихъ можно и должно, путемъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ—силою одной истины (*). Вотъ картина того, какимъ образомъ юсю-пору обрабатывалъ древности Сѣверной Европы.

И теперь еще народы своими языками и нравами многообразно мѣшались другъ съ другомъ: ни въ одномъ углу свѣта нѣтъ ни Славянскаго, ни какого либо другаго народа, котораго нравы и языкъ были бы чисты отъ всякой примѣси. Въ древности точно также Славяне заимствовали многіе обычаи и слова

(*) Во многихъ подобныхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ еще доселѣ господствуетъ слѣдующее мнѣніе какъ аксіома: «Германія простирается отъ Рейна до Таванса (Дона)», потому только, что такъ однажды угодно было выразиться Павлу Діакону и Алфреду; и тотъ погибъ въ глазахъ этихъ кривляковъ, кто не принялъ бы ихъ невѣрнаго мнѣнія!

у иноплеменниковъ, иноплеменники у Славянъ. Усвоеніе словъ другаго народа ни мало не предосудительно и не вредно для языка (*). Оцѣнивая надлежащимъ образомъ народность, должно помнить, что всякой народъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, есть только частица челоуѣчества, капля въ океанѣ, которая только вмѣстѣ съ другими можетъ наслаждаться жизнію, но врозь неминуемо высыхаетъ и навсегда исчезаетъ.

IV. Трудолюбивый изслѣдователь славянскихъ древностей, Шафарикъ, убѣжденъ что начало исторіи Славянъ слѣдуетъ искать только въ Европѣ, въ *сослѣдствѣ*, даже *среди* племенъ *сими* сродственныхъ: Оракіанъ, Кельтовъ, Германцевъ, и Литовцевъ; поэтому, онъ подробно разбираетъ древнія свидѣтельства о Венадахъ, Серббахъ и Славянахъ, увѣренный, что предки Славянъ были извѣстны подъ *иноземнымъ* названіемъ Виндовъ, частію же подъ *собственнымъ* своимъ, т. е. подъ именемъ Сербовъ и Славянъ. Вотъ результаты его изслѣдованій.

Торговые выгоды должны были привлечь въ соприкосновеніе промышленные народы древности съ жителями отдаленныхъ сѣверныхъ странъ, и слѣдственно познакомить ихъ и съ прибалтійскими Славянами. Торговымъ путемъ,

(*) Въ семъ отношеніи весьма замѣчательны слова Гримма (D. Gram. III, 557), одного изъ величайшихъ языко-изслѣдователей нашего вѣка. «Принятіе чужихъ словъ естественно, ни мало не предосудительно, и не вредитъ чести никакого народа, потому что между всими народами существуетъ взаимная мѣна предметовъ и словъ; при благоразумномъ употребленіи, такая мѣна можетъ способствовать болѣшему оживленію и умноженію природныхъ свойствъ языка.» Прибавимъ къ этому, что для исторіи нашей гораздо полезнѣе было бы сткрывать въ древнемъ языкѣ нашемъ чужія слова, нежели указывать на Славянскія въ чужихъ языкахъ. Только бѣдные языки племенъ дикихъ не живутъ въ себѣ инопозычныхъ словъ. Богатство и превосходство языка должно цѣнить не однимъ только его *веществомъ*, но въ особенности его *духомъ* т. е. оригинальностью, разнообразіемъ и силою его грамматическихъ *формъ*, — справедливо замечаетъ Шафарикъ.

или отъ Финикійанъ и Карозгенянъ, или же отъ своихъ поселенцовъ на Понте и въ Массиліи, древніе Греки приобрѣли какое-то темное извѣстіе о рѣкѣ *Ериданъ* (750—520 до Р. Х.), впадающей въ сѣверо-западное море; о соседственной янтарообильной странѣ и *Вендахъ*, въ ней обитающихъ. Это свѣдѣніе, само по себѣ незначительное и недостаточное, съ переменною обстоятельностью и прекращеніемъ древнихъ народныхъ связей (494 — 360) вовсе потому затерялось: имя Венедовъ ошибочно перенесено было на *Венетовъ адриатическихъ*; а имя рѣки Эридана на *По* (Padus) и *Рону*, (Rhodanus). Любопытный путешественникъ, Геродотъ, познакомилъ Грековъ съ странами лежащими на западъ и сѣверъ отъ Понта. Проживая въ Ольвѣ у Греческихъ поселенцевъ, онъ собралъ важныя свѣдѣнія о *Будинахъ*, *Неврахъ*, и *Борисфенитахъ*, или несомненно такъ называемыхъ Скиахъ, земледѣльцахъ и ролъникахъ, которыми владѣли собственно Скиаы. Три эти, названные выше, народа, — Будины, Невры и Борисфениты, по своему положенію, нравамъ и познѣйшему пребыванію въ этихъ земляхъ, должны быть признаны вѣтвями Венедовъ или Славянъ. Изъ разсказовъ Геродота видно, что Невры и въ древности занимали уже (550—513) тѣ самыя селенія, въ которыхъ онъ въ послѣдствіи нашелъ эти народы во время своего путешествія. — Распространеніе Кельтовъ (Волоховъ или Влаховъ по Нестору) съ одной стороны до Одера и западныхъ Карпатовъ, а съ другой черезъ всю Венгрію по самой Дивстрѣ (216 г.), стѣснило на западъ и югъ предѣлы Славянъ. Почти въ то же время Готы и другіе Нѣмцы, искатели приключеній, выступивъ изъ Скандинавіи, Дакіи и сѣверной Германіи, отняли у Венедовъ янтарообильные берега; выгнали Славянъ изъ Балтійскаго поморья и Надвисльи далеко во внутреніе края, и покорили слабый народъ Литовскій.

Славяне, тѣснимые съ юга и запада, сильными племенами, тѣмъ привольнѣе распространялись на полночь (сѣверъ) и восходъ (востокъ), вездѣ гоня передъ собой раздробленныя вѣтви Чуди далѣе и далѣе, въ глубину неизвѣстныхъ земель сѣверныхъ. Впрочемъ ими Славянъ не вовсе истребилось на Волгѣ и Балтійскомъ поморьѣ: эта страна, по Тимею, называлась *Ваннома*, (Баннома) т. е., земля Вендовъ; а Славянское названіе надвислянскаго края, *Луги*, удержалось даже до втораго вѣка по Р. Х. — По распаденіи могущественнаго государства Скиаовъ на Дону, воинственные Сарматы, родственные Мидо-Персамъ, двинулись на западъ, и сдѣлались соседями Славянамъ на Днѣпрѣ, и Чуди въ верховьяхъ Волги; съ другой стороны уже и въ то время Скандинавскіе искатели приключеній привѣзали даже къ Сарматамъ, и заимствовали отъ нихъ многіе религиозныя обряды. Некоторые отдѣльные Сарматскіе народы проникали такъ далеко въ глубь древняго отечества Славянъ, что неосмотрительные землеописатели сѣдующаго вѣка назвали по нимъ весь закарпатскій сѣверъ Сарматіей. — Повелители Рима, Юлій Цесарь и преемникъ его Августъ, очень заботились о совершенствованіи землеописаній; тогда опытные и ученые мужи начали тщательнѣе изслѣдовать, между прочимъ, и закарпатскія земли (за 50 л. до Р. Х.). Римляне, а вмѣстѣ съ ними и Греки, въ это время приобрѣли вѣрнѣйшія и отчетливѣйшія свѣдѣнія о народахъ въ такъ называемой Сарматіи; доказательствомъ тому служатъ сочиненія Плинія и Птолемея. У нихъ, вмѣстѣ съ именемъ Венедовъ, въ первый разъ встрѣчаются и собственные мѣстныя названія: *Сербы*, *Славяне*, *Полляне*, *Велеты*, *Пыляне*, *Хорваты*, *Кривичи*, *Сверляне*, и т. д. Эти свѣдѣнія значительно распространились черезъ купца, посла (при Неронѣ 54 или 55 г.). Древность называла предковъ послѣдующихъ Славянъ и Автовъ,

какъ увѣряетъ Прокопій, Сербами (Спорами); следовательно, они были хорошо известны Грекамъ и Римлянамъ. Плиній (79), между народами, отъ Балтійскаго моря по Висль, упоминаетъ о Венетахъ, сосѣдяхъ Сарматовъ, Скировъ и Гирровъ; а между обитателями подемонтійскаго края, близъ восточнаго изгиба Волги, помѣщаетъ Сербовъ, неизвѣстно, ошибкою ли, или же въ самомъ дѣлѣ. Знаменитый Тацитъ (100) краткими, но яркими чертами описываетъ свойства и нравы *Венедовъ*, обитающихъ, по его указанію, между Германцами, Певками, Сарматами и Финнами, не смотря на то что онъ самъ несправедливо соединилъ ихъ съ Германцами и Сарматами. Покореніе Дакии при Траяновъ (106 г.) открыло Римлянамъ входъ въ землю Виндовъ; нѣтъ сомнѣнія, что полки ихъ вторгались также и въ страну, лежащую между верхнимъ Днѣстромъ и Днѣпромъ. Между тѣмъ кровавая, упорная и долговременная борьба Римлянъ съ сильными Германскими племенами произвела общее возстаніе и во внутренней Германіи; пламя войны вскорѣ разлилось отъ береговъ Эльбы и Одера до самаго Дона и до Волги. Маркоманская война (166) вызвала Нѣмцевъ и остатки Кельтовъ изъ изд-одерскихъ ихъ жилищъ. Вѣроятно, въ это же время и Чудскія племена въ по-Уральѣ, на Волгѣ и Дону; предки Спаловъ, Гуновъ, Аваровъ, Болгаръ, Казаръ, и другихъ народовъ, начали ближе и ближе подаваться къ западу. Тѣсными со всѣхъ сторонъ, Славяне (коихъ Римляне по свосму обыкновенію называли только сѣверными иноземцами, *superiores barbari*, у Юлія Капитолина), обратились на западъ. Тамъ племена Кѣмецкія, мало по малу выходившія сражаться съ Римлянами, начали добровольно очищать землю. Когда Готы двинулись отъ Янтарныхъ береговъ далѣе къ Висль, то мѣста ихъ заняли Венеды и *Велеты* (Вильты) еще

175—182 г. Могущество Нѣмцевъ между Одеромъ и Вислою начало рушиться и падать. Въ концѣ втораго столѣтія началось шумное, сильное и многочисленное переселеніе Германскихъ народовъ: Готы, Вандалы, Буры, Бургунды, Гепиды, Скиры, Герулы, Туркилинги и другіе, двинулись изъ окрестностей Одера и Балтійскаго моря въ Дакію, Черноморье, Венгрію, къ Рейну и верхнему Дунаю. Это переселеніе, или точнѣе — странствованіе Германскихъ народовъ отъ Балтійскаго моря на Черное и Нижній Дунай продолжалось до конца V-го столѣтія. Кельтскіе Котины, еще прежде 174 года, перешли черезъ Карпаты въ Венгрію, гдѣ вскорѣ исчезли; Готы, между 180 и 215 годами, поселились на Понть; Гепиды, Буры или Бароны, Бургунды и Вандалы, около 252 года, оставили свои закарпатскія жилища, и скитались по Венгріи; въ 269 г. находимъ Геруловъ на Понть, вскорѣ потомъ Скировъ на Истрѣ, не говоря уже о Лигійскихъ и Вандальскихъ полчищахъ, пробиравшихся въ то время къ Рейну и въ предѣлы Галліи. Всѣхъ этихъ народовъ захватили Гуны на Черноморьи въ Дакію и нынѣшнюю Венгрію, и расселились оттуда почти во всей Европѣ. Но когда царство Гуновъ разрушилось, остатки Германскихъ племенъ опять начали соединяться по прежнему въ древнихъ своихъ коренныхъ земляхъ; но долго еще, вооруженныя толпы Германцевъ странствовали по Германіи, Италіи и Галліи, до самаго появленія Аваровъ. Опустѣвшія страны между Одеромъ и Вислою, и далѣе на западъ, мало по малу переходили въ руки трудолюбивыхъ Славянъ. Одно племя Славянское, извѣстное подъ именемъ *Карповъ* (*Carpicolae*, Хорваты), обитало въ восточныхъ Карпатахъ, мѣшался съ Нѣмцами и Кельтскими Бастарнами, и вело нѣсколько войнъ съ Римлянами (192 — 306). Другіе Славяне, захваченные вихремъ ужа-

своей борьбы Нѣмцевъ съ Римлянами, также являлись, хотя очень рѣдко, на этомъ всеобщемъ театръ войны, вмѣстѣ съ Фрутингами. (Фругундіонами т. е. Пруссами), Финнами (Чудью), и другими племенами. Цезарь Волусіанъ, сынъ Галла, хвастался на монетѣ, выбитой въ память его торжествъ, своими побѣдами надъ Вандалами, Финнами, Галиндами и Венедами. Германскіе народы, избалованные удачей и жаждая войны, подняли новую бурю на спокойныхъ Славянъ, которые въ своихъ земляхъ опять было начали заниматься земледѣліемъ, хозяйствомъ, ремеслами и торговлей. Эрманарикъ, воинственный государь черноморскихъ Готовъ, велъ долговременныя и кровавыя войны съ Венедами (332—350). Иорнандъ, льстивый хвалитель Готовъ, напыщеннымъ слогомъ повѣствуетъ, что всѣ племена Славянъ покорились Эрманарику; но это несправедливо, хотя и можно допустить, что значительная часть ихъ дѣйствительно поддалась ему. Тщеславіе Готовъ въ скорости обуздали Гуны. Соплеменники Уральской Чуди, по мнѣнію Шаффарика, Гуны перешли черезъ Волгу и Донъ (375), поразили Аланъ и Готовъ, освободили, кажется, Славянъ отъ обоехъ послѣднихъ и вступили съ ними въ мирныя отношенія. Гуны держали Славянъ подъ своею рукою какъ верховныя владыки и защитники большей части ихъ земель. Вопреки этимъ связямъ, вѣроломный Король Готовъ Винитаръ, отважился вторгнуться въ землю Славянскихъ Антовъ; послѣ упорнаго боя, плѣннивъ царя ихъ Божа, (Booz) съ его сыновьями и семидесятью вельможами, Винитаръ повелѣлъ, въ страхъ другимъ, всѣхъ ихъ повѣсить (384.) Такая дерзость и безстыдная жестокость были грозно наказаны Государемъ Гунновъ Валаміромъ, который пошелъ на него войной и въ битвѣ на рѣкѣ Эракѣ самъ поразилъ его стрѣлою. Ослабленіе народовъ Германскихъ и мирныя связи

спокойныхъ трудолюбивыхъ Славянъ съ Гунами, опредѣлили границы Славянскихъ земель: съ одной стороны жилища Славянъ ограничивались Карпатами, а съ другою, уже близко доходили къ Понту и Дунаю. Во время владычества Атилы, — допустивъ даже, что Славяне и не сражались въ его полкахъ, — видимъ, что однородцы ихъ жили уже и въ Венгріи (Сагаги и др.): можетъ быть, педавно предъ этимъ, они прибыли отъ сѣвера; или, что вѣроятнѣе, укрывались издревле въ тамошней богатой сторонѣ, добывая изъ вѣдръ земли произведенія, для себя и для торговъ съ другими народами. Суровые, но разсудительные и людимые, Гуны переняли у образованнѣйшихъ Славянъ мягкость нравовъ и многіе обряды и выраженія, и долго послѣ того, Славянъ, за ихъ связи съ Гунами, называли именемъ послѣднихъ. Паденіемъ монархіи Гунской и Римской, которое вскорѣ послѣдовало (469 — 476), оканчивается первый, темный и сомнительный періодъ исторіи Славянской. Славянамъ представился свободный путь на югъ и западъ: при возросшей многочисленности и непрерывномъ натискѣ племенъ Чудско-Турецкихъ, которыя появились отъ Уральского погорья цѣлыми ордами, время отъ времени Славяне толпами тоже выступаютъ изъ старобытныхъ своихъ жилищъ, и распространяются на югъ и западъ къ Дунаю и Эльбѣ. Свѣтъ исторіи начинаетъ озарять ихъ дѣянія яснѣйшими многочисленными лучами.

V. Вотъ краткое содержаніе и какъ бы сущность главныхъ свидѣтельствъ древности, въ которыхъ непосредственно говорится о предкахъ Славянъ. Эти свидѣтельства числомъ незначительны; но истина и очевидность ихъ достаточны для того, чтобы составить себѣ вѣрный и довольно полный обзоръ Славянскихъ древностей, дополняя свидѣтельства эти обзоромъ исторіи другихъ старобытныхъ племенъ, и соображені-

онъ естественности хода въ дѣяніяхъ
человѣческихъ. И такъ, убѣждался оче-
видностью и соображеніемъ причинъ и
доводовъ, не подлежащихъ ни какому
сомнѣнію, полагаю справедливымъ, что
племя Славянское столько же древне
въ Европѣ, какъ, и родственныя съ
нимъ племена: Литовское, Нѣмецкое,
Кельтское, Латинское и Фракійское;
что жилища его уже въ древнѣйшую
эпоху простирались отъ моря Адри-
атическаго до Балтійскаго, и отъ по-
бережья Одера до истоковъ Днѣпра и
Дона; что многочисленностью оно ра-
внялось даже тогда самымъ много-
люднѣйшимъ Европейскимъ племенамъ,
если еще не превышало ихъ. Потреб-
ны цѣлыя тысячелѣтія спокойнаго пре-
быванія въ постоянныхъ жилищахъ для
достиженія такой огромности и мно-
голюдности, въ какой является намъ
племя Славянское въ исходѣ пятаго вѣ-
ка. Одни только великія и многочислен-
ныя племена высылаютъ поселенія, —
избытокъ сгустившагося народонаселе-
нія, — въ чужіе края; коренное племя,
однако ни по волю ни по неволю, нику-
да не выходитъ изъ своей наследствен-
ной земли, которая воздѣлана его по-
томъ: на ней возрастаетъ оно, на ней
созрѣваетъ, на ней же и умираетъ.
Единичныя вѣтви, конечно, или сами
отдѣляются, или насильно отторгаемыя
переходятъ въ другія мѣста; но глав-
ное племя всегда остается дома, гдѣ въ
продолженіи тысячелѣтій глубоко пу-
стило корни свои, и тамъ ожидаетъ со-
вершенія судебъ своихъ. Кельты, Гер-
манцы, а послѣ и Славяне, высылали
многочисленныя толпы или для поко-
ренія или для заселенія чужихъ земель;
но самое племя Кельтское, Нѣмецкое и
Славянское никогда (въ эпоху доступ-
ную для взоровъ исторіи) до цѣла и
какъ бы съ корнями своими никуда не
выселялось изъ своей родины, въ кото-
рой оно возрасло. Вотъ почему Славян-
скіе народы равны съ родственными

имъ племенами, Литовцами, Нѣмцами,
Кельтами, Латинцами и Греками, дол-
жно признать первоначальными старо-
жилами Европы, съ незапамятныхъ вре-
менъ обитателями тѣхъ странъ, въ ко-
торыхъ, застала и слѣдить ихъ исторія.
Народы различныхъ поколѣній, — съ
запада Кельты и Нѣмцы, съ востока
Скионы и Сарматы, — нападали въ раз-
ное время на родину Славянъ, остава-
лись въ краяхъ славянскихъ и по нѣ-
скольکو вѣтвювъ утѣснили туземцевъ,
слѣдствіемъ чего было уменьшеніе дре-
внихъ Славянъ въ Подунавѣ Кельтами и
между Одеромъ и Вислою Нѣмцами;
тѣмъ не менѣе остальные древне-сла-
вянскія отчизны, начиная отъ Одера по
Днѣпръ, отъ Карпатъ къ озеру Пльме-
ню, никогда вполне и на самомъ дѣлѣ
ни кѣмъ не были заняты, кромѣ Сла-
вянскаго племени. Древніе памятники
Грековъ и Римлянъ упоминаютъ въ тѣхъ
странахъ о великомъ племени Венедовъ
или Сербовъ, хотя, по естественнымъ
причинамъ, мало говорятъ о внутрен-
немъ его состояніи и положеніи. На
разсвѣтъ сѣверо-европейской исторіи,
лишь только начинаютъ озаряться края
предъ-и за-Карпатскіе первыми лучами
еще блѣднаго сѣта, мы уже находимъ
вѣтви Славянъ подъ именемъ Вене-
довъ въ этихъ краяхъ, отъ моря Адри-
атическаго до Балтійскаго, и отъ Оде-
ра до Днѣпра. Напоръ воинственныхъ
Кельтовъ на Илирикъ и Панионію и
поселенія ихъ въ этихъ земляхъ, умень-
шилъ или истребилъ южныя вѣтви
Славянъ, можетъ быть и не многочис-
ленные, ослабѣвшія въ теченіе времени,
т. е. еще въ 4-мъ вѣкѣ предъ Р. Х. Вѣ-
роподобно, что Адриатическіе Венеды
были тоже отрасль Славянъ, отторжен-
ная въ неизвѣстное время отъ своего
племени и скоро вовсе вырождавшаяся.
Истребленіемъ древнихъ Славянъ въ
Подунавѣ оканчивается первый отдѣлъ
теминой, сомнительной эпохи древнѣй-
шаго первобытнаго Славянскаго міра:

отсюда исторія ихъ, до пятого столѣтія по Р. Х. переносится на края за-Карпатскіе. Остатки Славянъ передъ Карпатами теряются въ смѣси другихъ племенъ и народовъ, и дальнѣйшее изслѣдованіе ихъ не принесетъ никакой существенной пользы для славянскихъ древностей. Нѣсколько прежде, равно какъ и послѣ, тѣснимые въ Богеміи Кельтами-Боями, а на Балтійскомъ поморьѣ Нѣмцами, Готами и Вандалами, Славяне подвигались на востокъ и сѣверъ, гдѣ Чудскіе народы не могли представить имъ сильнаго сопротивленія. *Западныхъ границъ славянскихъ земель* въ это время никакъ нельзя въ точности означить. Народы и отрасли трехъ различныхъ племенъ, кельтскаго, нѣмецкаго и славянскаго, подвигались между собою землями отъ Исполинскихъ горъ (Riesen-Gebirge) по Вислу; вѣроятно, уже въ эту древнѣйшую эпоху, и едва ли еще не до прибытія Кельтовъ, славянскіе народы простирались до низинной Чехіи или Богеміи. Равнымъ образомъ также невозможно съ отчетливостію указать, въ геродотово время, предѣловъ Славянъ *на востокъ и сѣверъ*. Шафарикъ предполагаетъ, что они въ это время прострались однако не далѣе какъ за Днѣпръ, а уже въ слѣдующія столѣтія распространились до озера Ильменя, верховьевъ Волги и истоковъ Дона. Онъ признаетъ равновѣрно основательнымъ, что предѣлы Славянъ въ I—IV вѣкахъ *несравненно далѣе* доходили *на сѣверъ, нежели какъ они показаны у Нестора*, во время прибытія Варяговъ къ Славянамъ въ IX-мъ столѣтіи; потому что изъ этихъ же самыхъ сѣверныхъ краевъ выступили въ концѣ V и въ теченіи VI вѣка безчисленныя полчища Славянъ къ границамъ Римской Имперіи, стремясь къ низовью Дуная. Напротивъ, *отъ юга на сѣверъ* предѣлы Славянъ гораздо опредѣленнѣе означались Карпатами и моремъ Балтійскимъ, исключал неболь-

шое пространство, которое занимали сродственные Славянамъ, немногочисленные Литовцы, живя впрочемъ и вмѣстѣ и въ сосѣдствѣ съ ними. Въ сихъ то, обозначенныхъ нами, границахъ Славянъ, должно и послѣ искать полнѣйшаго объясненія исторіи ихъ: всякое противное тому изысканіе, съ цѣлію найти Славянъ въ прочихъ странахъ, и во времена давно протекшія, въ ковчегъ Ноя, въ Индіи, Пампагоніи, Эракии и т. д. кажется, останется навсегда недостижимымъ и бесплоднымъ.

VI. Исторія и древности наши совсемъ отличны отъ исторіи и древностей другихъ европейскихъ племенъ: Эракійцевъ, Грековъ, Латинъ, Кельтовъ и Германцевъ. Выскнувъ хорошо въ исторію древнихъ Славянъ, видимъ, что они всегда отличались кротостію, спокойствіемъ характера, любили земледѣліе, ремесла и торговлю; всегда охотнѣе брались за оружіе для защиты самихъ себя, своего быта, своей земли, нежели для покоренія чужихъ странъ. Однакоже, при всей наклонности къ спокойной жизни и мирнымъ занятіямъ, древніе Славяне не были вовсе лишены духа воинственности. Напротивъ, когда требовала необходимость, Славяне умѣли также хорошо и мужественно сражаться, какъ и самые отважнѣйшіе ихъ непріатели: вся разнища между ними и ихъ врагами въ томъ, что у нихъ война не составляла обыкновеннаго ремесла, какъ у Сарматовъ, Готовъ, Вандаловъ и другихъ племенъ: оружіе носили они только для обороны; а не для истребленія. Между тѣмъ, Скифы, Сарматы, Германцы, Гуны, Авары, хотя и не многочисленныя, однако воинственные, только и думали что о битвахъ и грабежѣ. Эти народы легко нашли средства покорить себя тѣхъ или другихъ Славянъ, которые занимались, на оборотъ, большею частію мирными трудами, земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, были раздѣлены на безчислен-

ное множество мелких обществъ, безъ твердыхъ связей и единовластія, и не очень заботились о безопасности своихъ предѣловъ, всегда слишкомъ доверчивые къ иноземцамъ. Когда же Славяне опомнились въ своемъ безгодьѣ, то не замедлили собрать остальные силы воедино, для изгнанія незваныхъ гостей, — которые разоряли ихъ своими грабительствами, — вонъ, за предѣлы своего плодороднаго отечества. Еще Тацитъ говоритъ о Вандахъ кое-что такое, по чемъ заключать можно объ удалствѣ ихъ и воинственности. Позднѣйшія, достоверныя извѣстія о свойствахъ Лютичей (Лютиковъ) или Влковъ (*) на Балтійскомъ поморьѣ и Антовъ на Поптѣ, отвѣтъ воеводы Лаврута Аварскимъ посламъ, дѣйствія Славянъ въ войнахъ Византійскихъ Императоровъ, битвы съ Греками на Дунаѣ въ Мезіи и Фракіи, достаточно показываютъ, что такая удала, способность и мужество въ бояхъ, были не дѣломъ простаго случая, слѣпой, мгновенной страсти къ грабежу и покоренію; но постоянными, старобытными свойствами славнаго нетропутаго племени; наслѣдствомъ, которое оставлено сыновьямъ отъ праотцевъ; слѣдствіемъ доблести, испытанной и закаленной въ долговременныхъ сшибкахъ съ иноязычниками. И потому-то Славяне славились оружіемъ въ своей родинѣ; и безъ сомнѣнія, уже въ то время происходили лютыя, кровавыя битвы на Вислѣ, Березинѣ и Днѣпрѣ. Если современная исторія не говоритъ намъ о нихъ, то причины должно искать въ недостатокъ собственнаго бытописанія и въ отдаленіи съвера отъ исторической мастерской Грековъ и Римлянъ. Древніе Славяне издавна имѣли свое собственное письмо; но, какъ и Нѣмцы, весьма рѣдко употребляли его: онъ больше всего назначалось для начертанія священныхъ таинствъ и зако-

новъ на руническихъ доскахъ; а сочиненіе книгъ, столько уже процвѣтавшее въ это время у Грековъ и Римлянъ, во все не имѣло у нихъ мѣста. Также, къ сожалѣнію, ничего не осталось намъ и отъ народныхъ пѣсенъ и сказаній того времени. Свѣдѣнія Грековъ и Римлянъ о за-карпатскихъ земляхъ, начали было, особенно въ первомъ и во второмъ вѣкѣ по Р. Х., становиться полнѣе и основательнѣе. Свѣтъ, разлитый проникновеніемъ Римлянъ въ Германію, началъ было озарять и за-карпатскую Сарматію; но вскоре вовсе угасъ, послѣ явленія Нѣмцевъ на нижнемъ Дунаѣ и Понтѣ, когда уничтожился перевѣсъ Римлянъ. И такъ, разсматривая, тщательно и безпристрастно, всѣ изложенныя выше обстоятельства, мы не можемъ не обвѣнчать, не только въ грубомъ невѣдѣніи, но и въ совершенной закоснѣлости и опрометчивости, нѣкоторыхъ иноземныхъ писателей: выставляя на видъ молчаніе древней исторіи объ имени Славянъ, эти писатели отвергаютъ ихъ старобытность въ Европѣ; ихъ первоначальное европейское отечество представляютъ себѣ какою-то пустынею; наполняютъ ее вымыслами своей фантазіи; а самихъ Славянъ, объявляютъ бродягами, грубыми дикарями, невѣдомо когда и откуда явившимися, и совершенно не принадлежащими къ числу первыхъ старожиловъ Европы. Мы должны справедливѣе судить о своихъ предкахъ. Бездна времени всепожирающая, оставила намъ однакожъ столько отрывковъ и обломковъ, сколько по крайней мѣрѣ необходимо для того чтобы означить первоначальныя жилища Славянъ въ Европѣ, подтвердить неопровержимо ихъ старобытность, указать распространеніе и отношеніе къ другимъ племенамъ, съ точностію узнать ихъ природныя свойства и постепенность хода ихъ просвѣщенія. Справедливо, такія размысканія въ развалинахъ отдаленнѣйшей древно-

(*) Значеніе слова *волкъ*, въ приложеніи къ народному имени, объяснено далѣе, въ главѣ.

сти затруднительны на взглядъ; но плоды ихъ полезны и важны, и не иначе должны быть цѣнными.

VII. Постараемся теперь, на основаніи подлинныхъ свидѣтельствъ иноземцевъ современниковъ и очевидцевъ, изобразить *тѣлесныя и нравственныя свойства древнихъ Славянъ*; ихъ нравы, обычаи, вѣру, правленіе, семейныя и общественныя постановленія, постепенность образованія и объемъ свѣдѣній. Очеркъ — отнюдь не систематическое изображеніе — обычаевъ тогдашнихъ Будинновъ, Невровъ и такъ называемыхъ Скивоовъ земледѣльцевъ или пахарей (Полянъ) оставленъ отцемъ исторіи, Геродотомъ. Извѣстія проницательнаго Тацита о свойствахъ и нравахъ Венедовъ, очень кратки, но замѣчательны. Описанія обохъ, Геродота и Тацита, совершенно согласуются и во всѣхъ точкахъ совпадаютъ съ описаніями Прокопія и Маврикія, болѣе знакомыхъ съ Славянами своего времени, т. е. въ половинѣ шестаго столѣтія. Къ сказаніямъ этихъ древнѣйшихъ свидѣтелей по всему праву могутъ быть причислены извѣстія и позднѣйшихъ писателей о нравахъ и обычаяхъ языческихъ Славянъ. Причина кажется, очевидна: судя по духу древнихъ народовъ, можно сказать навѣрное, что народныя постановленія и обычаи, укоренившіеся съ незапамятныхъ поръ, никогда не измѣнялись въ то отдаленное время такъ быстро, ни въ формѣ ни въ числѣ, какъ въ эпоху распространенія христіанства. Взглянемъ на послѣдующее время у Славянъ, далеко жившихъ другъ отъ друга, напримѣръ, у по-лабскихъ (эльбскихъ и за-дунайскихъ Сербовъ, днѣпровскихъ Полянъ, Хорутанскихъ Словенцевъ, и т. д. Что мы откроемъ? У нихъ одни и тѣ же нравы, обычаи, обряды и обыкновенія. Послѣ того, съ полной увѣренностью можемъ утверждать, что такое согласіе ихъ между собою ведетъ начало свое со временъ, го-

раздо древнѣйшаго, чѣмъ время великаго движенія славянскихъ народовъ въ шестомъ вѣкѣ; и слѣдовательно, поэтизмъ однороднымъ, хотя и разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ указаніямъ, можно вѣрно заключить о прежнемъ состояніи домашняго быта въ общей ихъ отчизнѣ.

Опираясь на это основаніе, и желая здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ указать на мѣсто занимаемое древними Славянами, по ихъ нравственному положенію и образованію, въ ряду прочихъ племенъ, мы намѣрены сперва *опровергнуть ни на чемъ не основанный предразсудокъ, какому до сихъ поръ слѣдовали весьма многіе, если не все, писатели*, особенно иностранные, въ своихъ разсужденіяхъ о нравахъ нашихъ предковъ. Предубѣжденія о мнимомъ варварствѣ Славянъ господствовали долгое время даже надъ лучшими умами. Наибольшее въ этомъ искусство показалъ Гебгарди, врагъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Отъ сихъ несправедливыхъ мнѣній, какъ отъ прилипчивой заразы, не убереглись даже тѣ писатели, которые оказали величайшія намъ услуги: Добровскій, Карамзинъ, и другіе. Слѣдуя подобнымъ толкованіямъ, обыкновенно представляютъ, будто бы до принятія Христіанской вѣры и нѣмецкихъ нравовъ, Славяне ни чѣмъ, кромѣ одного только языка, не отличались отъ Американскихъ и Африканскихъ дикарей, или лучше отъ безсмысленныхъ животныхъ: суровость, дикость, безчеловѣчіе, подлость, безстыдство, глупость, отвратительная неопрятность и другіе пороки, составляли природные, всѣмъ общіе, разительные характеристическіе признаки Славянъ! Холопство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ ихъ жребіемъ. Но, къ утѣшенію, источники исторіи древнихъ Славянъ совершенно всему этому противорѣчатъ. Еслибъ кто захотѣлъ, во что бы то ни стало, всю эту безстыдную ложь и хитрыя клеветы

оставить за народомъ великимъ, занимающимъ отличное мѣсто въ бытописаніи человечества; тому, прежде всего, для избѣжанія улки въ обманъ и коварствѣ, пришлось бы истребить всѣ, указанные выше, источники; а это, разумѣется, никогда и никому не удастся. Хотя и скудные, источники Славянской исторіи, все-таки сохранились, и потому, всегда найдутся люди, которые станутъ почерпать изъ нихъ чистую правду, и, чуждаясь всѣхъ предразсудковъ, смѣло отстоятъ напоръ писателей пристрастныхъ и злоумышленныхъ, еслибъ они когда нибудь вновь появились.

VIII. По свидѣтельству древнѣйшихъ источниковъ, Славяне издавна принадлежали къ разряду постоянно осѣдлыхъ народовъ, и совершенно отличались отъ племенъ кочующихъ, или скитающихся пастуховъ. Тацитъ именно говоритъ о Венетахъ, что они строгли себѣ дома, и въ нихъ обитали. Свидѣтельство Тацита подтверждаютъ и позднѣйшіе писатели, — Прокопій, Иорнадъ и другіе. Постройка домовъ привлекаетъ людей къ постояннымъ мѣстамъ, заключаетъ дѣятельность ихъ въ предѣлахъ родины, въ которой они, разумѣется, только воздвигиваніемъ земли могутъ себѣ добывать и припасать необходимое содержаніе. Постоянная склонность Славянъ къ земледѣлію есть дѣло самой природы, немннуемое слѣдствіе ихъ долгаго пребыванія въ самыхъ выгодныхъ для земледѣлства странахъ Европы, въ равнинахъ Вислянскихъ и Днѣпровскихъ. Въ этомъ древнемъ отечествѣ Вендовъ, земледѣліе и торговля процвѣтали уже во времена Геродота: въ странѣ Будиновъ находился большой деревянный городъ, посѣщаемый и большею частію населенный греческими купцами. Съ такими-то склонностями и способностью къ земледѣлію, славянскіе народы выступили, въ концѣ сего періода, изъ первоначальныхъ своихъ жилищъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, во

время своего странствованія, прибѣгли къ оружію, то единственная цѣль ихъ была — овладѣть полу-оставленною землею, а занявъ ее, обратить запущенныя поля въ плодородныя нивы (*). Все направлено было у нихъ къ этому занятію, все къ нему приспособлялось: естественная любезность ихъ свойствъ и нравовъ, влеченіе къ жизни свободной, только въ однихъ земледѣльческихъ занятіяхъ могли находить себѣ успокоеніе и пищу. Раздробленные на общества небольшія и независимыя, при внутреннемъ народномъ правленіи, не могли они пренебрегать земледѣліемъ. Наконецъ, земледѣлію благопріятствовалъ самый образъ постройки домовъ на известномъ другъ отъ друга разстояніи, такъ что каждое семейство жило въ срединѣ своихъ полей и имущества. Такой обычай мы и теперь еще находимъ у южныхъ Сербовъ и Хорватовъ, равно какъ и у родственныхъ древнимъ Славянамъ, Латышей. По свидѣтельству Прокопія, онъ былъ общимъ у всѣхъ Славянъ, и представляетъ ясное свидѣтельство, что первымъ и главнымъ элементомъ древнихъ Славянъ, основаніемъ всему быту ихъ, были земледѣліе и домоводство. Конечно, народъ привязанный къ такимъ занятіямъ, тихій, умѣренный, не былъ грозою для отдален-

(*) Известіе Иорнада: Hi (slavini) paludes silvasque pro civitatibus habent, (Goth. c. V) которое въ послѣдствіи употреблялъ и самъ Добровскій какъ доказательство противу древности Славянъ, не иной заключаетъ въ себѣ смыслъ, какъ тотъ лишь только, что у древнихъ Славянъ болота и лѣса замѣняли укрѣпленія; самое положеніе земли указало Славянамъ этотъ способъ огражденія, конечно въ то время самый лучший и безопаснѣйшій. И въ позднѣйшее время Славяне строили свои огражденія, остроги, твердыни, въ непреступныхъ лѣсахъ, между водами, а дома и селенія напротивъ того въ открытой полѣ. Сравните, напр. Herberstein, Commen. rer. Moscov. въ Auct. rer. Moscov. p. 49 известіе о городѣ Мценскѣ. — Строеніе крепостей на утесистыхъ вершинахъ есть способъ нѣмецкій онъ перешелъ отъ нихъ къ Славянамъ только въ XII столѣтіи.

пѣйшихъ иноземцевъ; однакожь доступный для нихъ, гостепріимный, не могъ онъ долго оставаться безъ другихъ выгодъ жизни: изобретеній, ремеслъ, торговли и т. д. И въ самомъ дѣлѣ мы находимъ даже у древнѣйшихъ Славянъ слѣды замѣчательнаго общаго образованія, промысловъ или ремеслъ, знаній и нравственнаго воспитанія. Прокопій говорить о Славянахъ, что они не были ни злы ни лъстивы; напротивъ, откровенны и просты. Маврикій свидѣтельствуесть, что къ иноземцамъ они были ласковы, заботились объ ихъ защитѣ и безопасности и провожали ихъ отъ мѣста до мѣста, куда имъ было нужно. Слѣдовательно, отличительными признаками нравственныхъ свойствъ всего племени Славянскаго были *простота*, чуждая всякой злости и лжи, *откровенность*, *привѣтливость* и *любкасть*. Этими духомъ быхъ проникнуты ихъ религія, постановленій, обычаи и самый образъ жизни. — Есть доказательства, что Славяне поклонялись одному Высочайшему Богу, Творцу земли и неба: а послѣ него, другимъ меньшимъ богамъ, какъ посредникамъ между ними и Существомъ высочайшимъ. Въ жертву Славяне приносили овецъ и другихъ животныхъ, также плоды земные. Убивать людей въ жертву богамъ у нихъ не было въ употребленіи. Въ послѣдствіи этотъ кровавый обычай перешелъ изъ чужбины къ нѣкоторымъ только отраслямъ Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ и въ Россіи; однако не могъ утвердиться и сдѣлаться общимъ. — Славяне вѣрили въ жизнь души по смерти и въ награду за добрыя и злыя дѣла.

Вѣденіе общественныхъ дѣлъ находилось въ рукахъ самаго народа. Отцы семействъ неограниченно повѣлывали своими семействами; ими выбирался и утверждались, на сеймахъ или съѣздахъ народныхъ, старшины, воеводы, жрецы, въ послѣдствіи называвшіеся

разными другими именами какъ-то лехами, панями, владынами, жулавами, боярами, князьями, и т. д. Эти избранныя лица завѣдывали домашними и общественными дѣлами, религіей, порядкомъ, законами, судомъ, торговлей, промышленностью, войной и наблюденіемъ мира съ чужеземцами.

Рабство и невольничество, въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ послѣдствіи эти слова употреблялись, вовсе не имѣли мѣста у Славянъ. Вся Славяне, отъ верховнаго начальника страны до самаго простаго селянина, равно пользовались на родинѣ одинаковою свободой. Даже и тогда, когда появились у Славянъ сословія высшія, лица не принадлежавшія къ нимъ, они оставались вольными, хотя ихъ жребій и отношенія къ прочимъ братьямъ своимъ должны были оттого во многомъ измѣниться. Рабство и невольничество, въ первый разъ проникло къ западнымъ Славянамъ отъ Нѣмцевъ, а къ южнымъ отъ Грековъ и Итальянцевъ. Къ древнѣйшимъ уставамъ Славянскихъ народовъ принадлежало еще одно прекрасное правило: только лишь Славяннъ, уведенный или пленный въст упалъ на Славянскую землю, какимъ бы то нибыло образомъ, тотчасъ же переставалъ быть невольникомъ, и уже никто не имѣлъ болѣе права надъ его личностью. Императоръ Маврикій упоминаесть о человеколюбивомъ постановленіи относительно иноземныхъ невольниковъ: «захваченныхъ въ плѣнъ, славянскій народъ не держитъ въ вѣчномъ рабствѣ, какъ дѣлають другіе народы, а только до опредѣленнаго времени; потомъ оставляють имъ на волю: если хотять, выкупить себя, воротиться къ своимъ или остаться у нихъ на свободѣ, въ пріязни?» Такое постановленіе ограничивало время неволи пленныхъ иноземцевъ, общало имъ возвращеніе утраченной свободы, и сдѣлало бы честь тогдашнимъ просвѣщеннымъ и гордымъ Римлянамъ и Грекамъ.

Заботливость о старикахъ, недужныхъ и бѣдныхъ, была первѣйшею обязанностью и общою добродѣтелью Славянъ: въ землѣ ихъ не видно было нищихъ и бродягъ. Самые непріатели, Маврикій, Тельмольдъ и другіе писатели, до небезопасности превозносятъ ихъ необыкновенную привѣтливость къ пришельцамъ и гостямъ, слѣдствіе врожденной Славянскому народу доброты и чистосердечія; кромѣ того, еще собственными законами все это обращено было въ священный долгъ. Славяне допускали многоженство, обыкновенное въ тѣ времена; впрочемъ не только вѣроятно, но и подкреплено свидѣтельствомъ послѣдующихъ писателей, что въ простонародіи у каждаго мужа была только одна жена; у однихъ вельможъ и правителей было женъ большое число. Славянинъ женою свою не стерегъ, не запираетъ, какъ у восточныхъ народовъ; напротивъ, женивъ предоставлялъ на волю являться какъ передъ своими домашними, такъ и передъ всѣми приходящими гостями. Такое сохраненіе естественнаго права слабѣйшаго пола ясно свидѣтельствуетъ о тонкомъ нравственномъ чувствѣ, точно какъ противное тому прямо бы говорило о дикости, жестокости и испорченности народа.

Кромѣ спокойнаго занятія земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и звѣриною ловлею, Славяне всегда показывали склонность къ промышленности и торговлѣ. Судя по положенію ихъ земли и другимъ обстоятельствамъ, кажется, еще въ недоступной древности значительная часть торговой промышленности между Азіей и западной Европой находилась или совершенно въ ихъ рукахъ, или по крайней мѣрѣ шла черезъ ихъ землю. Слова: *книга*—китайск. *king sheikz*—*Sericum*, отъ имени *Seres* т. е. Китайцы, *мудрый* польск. *madry*—мандаринъ (чиновникъ или китайскій мудрецъ) *слонъ*, *верблюдъ*, *рай* и нѣкоторые другія, указываютъ собою на

цвѣтущее время торговли; нѣкогда производившейся между Востокомъ и Славянами. Равнымъ образомъ и торговля янтаремъ сначала была въ ихъ рукахъ; а въ послѣдствіи, по крайней мѣрѣ отчасти, проходила черезъ ихъ землю. Отъ нихъ вывозились кожи, всякой хлѣбъ, мѣдъ, воскъ, деревянныя издѣлія и многія другія; а къ нимъ, въ замѣну того, доставлялись естественныя и промышленныя проваведенія чужихъ странъ: золото, серебро, шелкъ, оружія и тому подобныя. При Геродотѣ уже процвѣтала торговля на Борисенѣ (Давырѣ и Березинѣ) въ странѣ обитаемой Славянами. За столѣтіе до Р. Х. говорится о Виндахъ или Славянскихъ купцахъ, плававшихъ по Балтійскому морю для торговли съ чужими землями. Оттого у нихъ явились многіе торговые города, которые съ незапамятнаго времени сдѣлались весьма населенными. Всѣ важнѣйшіе города и мѣстечки на Руси, въ Польшѣ, Пожорьѣ и другихъ Славянскихъ земляхъ, процвѣтали уже задолго до принятія Христіанской вѣры, такъ что ихъ начало и усиленіе не безъ причины можно относить къ древнѣйшему времени. Такъ какъ земля у нихъ была ровная и лѣсистая, то и города строились изъ дерева.

Со II по VII столѣтіе Христіанской эры мы находимъ ясныя указанія, что Греки и Римляне почитали сѣверныхъ и южныхъ Славянъ народомъ образованнымъ, знакомымъ съ науками и письмомъ. Выше сказано уже, что жрецы и мудрецы ихъ записывали народныя постановленія на деревянныхъ доскахъ; производили, при помощи собственныхъ руническихъ письменъ, прорицанія и гаданія; и, вѣроятно, отличнѣйшіе изъ нихъ учили другихъ религіи, врачеванію, стихотворству, времечисленію и т. п. Въ Скандинавскихъ сказаніяхъ и преданіяхъ, Ваны т. е. Винды, обыкновенно называются людьми просвѣщенными. По свидѣтельству мнѣо-

логовъ, Нордманны отправляли въ Вангаеймъ т. е. землю Вановъ или Виндовъ, своихъ знаменитыхъ мужей для пріобрѣтенія мудрости; отъ Вановъ же заняли они нѣкоторыя божества, обряды и отдѣльныя выраженія, относящіяся къ предметамъ гражданственной образованности: *torg*—торгъ, *serkr*—сорочка, *indusium*, *pfluoc* — плугъ, *trumba* труба, *crosna* крзно, и другія.

Судя по извѣстіямъ Теофилакта о послахъ славянскихъ къ Аварамъ, о пѣсняхъ славянскихъ воиновъ, принимаемая въ соображеніе пословицу латинскихъ писателей въ началѣ среднихъ вѣковъ (*sclavus saltans*) и многія другія обстоятельства,— древніе Славяне въ народной поэзіи, въ пѣніи, музыкѣ и пляскахъ превосходили всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ. Они достигли было необыкновеннаго искусства во многихъ ремеслахъ, именно въ плотничествѣ, горныхъ работахъ, рѣзбѣ, и тому подобнахъ. Еще въ половинѣ VI вѣка употребляли Славяне, для постройки кораблей, не только Авары, но и самыя Греки. Позднѣе, то есть въ X и XI столѣтіяхъ, торговля и промышленность у нѣкоторыхъ Славянъ почти все прекратилась; города опустѣли; появились суровость, лѣнь и нерадѣніе; виною того были безчеловѣчные притѣснители и губители ихъ, а совсѣмъ не упадокъ промышленнаго духа самаго народа.

Народъ посвятившій себя земледѣлію и торговлѣ, незнакомый съ самовластіемъ, привыкшій со всѣхъ сторонъ разсматривать каждое свое предпріятіе, хотя мало имѣеть склонности и влеченія къ завоеваніямъ, за то, когда охраняеть свою отчизну, и беретъ оружіе для защиты своихъ правъ и вольности, обыкновенно превышаетъ всѣ прочіе народы. Истина эта подтверждается исторіей Славянъ всѣхъ вѣковъ. Тацитъ сообщаетъ намъ краткое извѣстіе касательно образа войны тогдашнихъ Вене-

довъ. Изъ его словъ очевидно, что въ семь отношеніи Венеды походили ближе на Нѣмцевъ, чѣмъ на другіе мирные Славянскіе племена. Этимъ какъ нельзя яснѣе опровергается непріязненное свѣдѣтельство пристрастнаго Горпаанда о невѣжествѣ Славянъ въ военномъ дѣлѣ. Ложность его изобличаютъ также ясныя и многоразличныя сказанія другихъ, и современныхъ ему и позднѣйшихъ, писателей, о неодолимомъ мужествѣ и силѣ Славянъ. Императоръ Маврикій описалъ, какимъ образомъ Славяне обыкновенно ведутъ войну съ непріятелями. Изъ его описанія ясно видно, что на войнѣ Славянскія племена отличались не только личнымъ удалствомъ и храбростью, но и здравымъ разсужденіемъ, особенно ловкостью и воинскимъ искусствомъ. Въ какомъ огромномъ множествѣ обыкновенно выступали они въ поле сраженія, можемъ судить по исчисленію воиновъ южныхъ Хорватовъ, сдѣланному Константиномъ Багрянороднымъ.

IX. Нѣкоторые писатели обвиняютъ Славянъ въ склонности къ мятежамъ и жестокимъ поступкамъ съ непріятелями; но эти обвиненія—пристрастны. Враги Славянъ, собственнымъ примѣромъ, несправедливостію и жестокостію, сами были причиною всего этого. Славяне, покоря чужія земли, ни одного чужаго народа не обращали въ неволю: иностранцы—покоря себя Славянъ, силою налагая на нихъ тяжкое ярмо неволи, истребляя безъ сожалѣнія ихъ родные уставы, обряды, обычаи, языкъ, вмѣсто которыхъ навязывали свои собственные, — хотя бы изъ приличія не должны были обвинять ихъ въ мятежахъ и непослушаніи. Войны Славянъ съ ихъ сосѣдями были, по свѣдѣтельству исторіи, большею частію войны оборонительныя и возмездныя: въ такомъ случаѣ трудно удержать въ предѣлахъ духъ отмщенія. Гораздо основательнѣе, эти недоброжелатели могли бы выставить на видъ два главные недостатка прав-

свеннаго характера Славянъ. Славяне, ненавидя взаимно друга друга, жили въ безпрестанномъ между собою несогласіи и развѣдиченіи. Будучи раздроблены на безчисленно-малыя общины, проводили жизнь свою безпечно, не заботились о настоящемъ и будущемъ, о славъ своей и о счастья своихъ потомковъ, и потому никогда не могли вознестись къ высшему политическому духу, къ соглашенію личныхъ интересовъ и страстей, для собственнаго блага противодѣйствіи преобладанію чужеземцевъ.

Другой недостатокъ, *необыкновенная любовь ко всему иностранному*. Ко всему иноземному искони льнуло сердце Славянское; оттого все чужое казалося имъ всегда желаннѣйшимъ своего роднаго; чужой языкъ и образъ жизни казался для нихъ пріятнѣе, чѣмъ свой отечественный. Еще Тацитъ замѣчаетъ о Вѣнедахъ, что ихъ нравы смѣшаны съ Сарматскими обычаями. Отсюда произошло, что Славянскій народъ, столь великій, многолюдный и такъ далеко распространившійся, уже въ глубокой древности былъ въ подданствѣ и неволѣ у какого нибудь ничтожнаго, мало численнаго, но согласнаго народа, у Кельтовъ, Скѣновъ, Готовъ, Гуновъ, Аваровъ, Козаръ, Болгаръ. Перессорясь между собою, Славяне лучшимъ считали призывать себѣ вѣстителей и начальниковъ изъ чужбины, отъ Варягъ, Болгаръ, Франковъ, нежели примирясь покориться однимъ другому. Славяне слишкомъ платились за свою взаимную нетерпимость и предпочтеніе чужаго...

Х. Опираясь на эти бѣдныя черты, измеченныя безъ малѣйшей перемѣны изъ вѣтъ извѣстѣй чужестранцевъ—современниковъ, свидѣтелей не очень расположенныхъ къ Славянамъ, можно теперь смѣло предложить послѣдній вопросъ: «позвоительно ли, послѣ всего нами сказаннаго, причислять Славянъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ, къ дикарямъ и варварамъ?» Конечно, говоря

о нихъ, нечего и говорить о греческой и римской образованности, о высшихъ знаніяхъ и искусствахъ; но, по всему праву, никакой безпристрастный судья не можетъ отказать имъ въ той степени самобытной и чисточеловѣческой образованности, которой еще не тронутыя племена въ теченіе времени достигаютъ естественнымъ путемъ, сами собою; которой, напримѣръ, достигли и Мексиканцы до прибытія къ нимъ Европейцевъ. Кажется, говорить Шафарикъ, никогда, въ глубокую старину, не только въ азіатскомъ, но и въ европейскомъ Сѣверѣ, въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ, и населенность, и образованность, и дѣятельность несравненно были на высшей степени, нежели намъ угодно было думать, глядя на все глазами Грековъ и Римлянъ, или судя о народахъ славянскихъ по однимъ только остаткамъ отъ этихъ народовъ въ среднихъ вѣкахъ, остаткамъ, уцѣлѣвшимъ послѣ такихъ многочисленныхъ погромовъ во времена великаго народонаселенія. Мнѣніе глубокаго знатока танцевъ природы и исторіи человечества, Вильгельма Гумбольдта, — высказанное имъ со вѣмъ въ другомъ случаѣ, именно объ Иберахъ и Кельтахъ, — совершенно подходитъ и къ теперешнему нашему предмету. «Мы должны остерегаться,» говоритъ онъ, «и народовъ, которыхъ древніе называютъ варварами, не смѣшивать съ дикарями, находимыми въ новѣйшее время въ Африкѣ и на Южномъ Океанѣ. Степень образованія, которой достигли. первые, была рѣшительно иная.—И даже по-сию-пору еще нѣкѣмъ не рѣшенъ удовлетворительно слѣдующій важный вопросъ: дикость замѣчаемая нами и въ самой Америкѣ, въ разныхъ болѣе или менѣе постоянныхъ проявленіяхъ, составляетъ ли начало возникающаго, или же скорѣе, конецъ издыхающаго общества, разтерзаннаго и раздробленнаго великими бурями и несчастными событіями?»

XI. Между народами, въ какой бы землѣ живилъ онъ, и между землей, его питающей, всегда существуетъ тѣсная, неразрывная связь. Земли и климатъ ея сообщаютъ тотъ или другой видъ народу, его телу и духу; и на оборотъ, племена народныхъ всегда оставляютъ на землѣ, которую заселяютъ, неизгладимую память своего пребыванія. Отсюда является необходимость географической и археологической картины древнеславянскаго міра. Если выводы о происхожденіи и древнихъ жилищахъ Славянъ вѣрны; то историческія свидѣтельства, почерпнутыя изъ сочиненій древнихъ историковъ, изъ народныхъ преданій, и свидѣтельства представляемая самою землею не только не могутъ противорѣчать другъ другу, напротивъ, послужатъ еще сильнѣйшимъ подтвержденіемъ другъ другу. Въ семъ отношеніи предметъ самъ требуетъ, чтобы мы рассмотрѣли, хотя кратко, географическое положеніе горъ, рѣкъ, озеръ, городовъ и вещественныхъ памятниковъ въ восточной половинѣ Европы, останавливая особенное вниманіе на земляхъ, заселенныхъ Славянами.

XII. Горы. Еще въ глубокой древности, Греки знали, что на пограничной чертѣ Славянскаго и Пѣвецкаго міра находится знаменитая Герцинская гора (*): подъ симъ названіемъ разумѣли они, то всю цѣпь горъ отъ истоковъ Дуная до Карпатъ, или Хребетъ Сосновый, Рудный, Исполнскій и Судетскій, то лишь нѣкоторыя отдѣльныя части его. Начало и значеніе этого слова извѣстно. Гриммъ указывалъ на Нѣмецко-Скандинавскій корень *harka* (*durare*), *herking* (*durans*); Шафарикъ согласенъ съ Гриммомъ. Замѣчательно, впрочемъ, и мнѣніе г-на Буткова, который утверждаетъ, что «Герцинскіе лѣса названы такъ отъ Сла-

вно-Иллирійскаго рѣченія *герсъ, роожъ*, по плодородію окружающихъ оныя полей». — Аскибургіонъ (*Аскибургіонъ бровъ*) у Птолемея составляетъ часть Герцинскаго хребта между Силезіей, Богеміей и Моравіей. Діонъ Кассій называетъ ея горами Вандальскими, и выводитъ изъ нихъ рѣку Эльбу. Такъ какъ послѣднее названіе взято отъ имени народа Вандаловъ, нѣкогда тамъ жившихъ; то и первое, вѣроятно взято отъ имени же, только не народа, а города *Asci-burgium*, нынѣшній *Eschenburg* (*). — Корконтъ (*Корконтъ*), по извѣстію Птолемея, обитали въ вышней Богеміи, близъ горы Аскибурга; въ этомъ имени очевидно скрывается названіе Крконоши (**). Шафарикъ доказываетъ это множествомъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что древнее *t* какъ въ славянскихъ такъ и въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ весьма часто измѣнялось въ *ss* и въ *sh*. Это названіе сохранилось въ имени чешской (Богемской) рѣки. Оно доказываетъ, что Славяне пришли въ Богемію гораздо въ отдаленнѣйшее время, нежели какъ обыкновенно полагаютъ. — Луна — лѣсъ (*Луна Эль*), то же у Птолемея, означаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Мангартскую гору въ Моравіи и Австріи. Шафарикъ отказывается объяснить значеніе этого имени. — Сарматскими горами, *тѣ Сарматскія брв*, называются у Птолемея западныя Татры (или Карпаты), по имени Сарматовъ. — Горы Карпаты, *о Карпаты*, у Птоле-

(*) Сравните *asco-manni* (*piratae*) у Адама Бременскаго, по яснотѣ копейкъ и лодкамъ; *Ascus vel navis* въ Салическихъ законахъ; Англо-Саксонское *asc-bora*, *hastifer*. — Совсѣмъ другое у Птолемея *Vis-burgii*, т. е. вмѣсто *Wisla-burgii*.

(**) Нѣкоторые производятъ Крконоши отъ Крака и Русскаго слова *носъ*, и переводятъ словомъ *предгорье*; а для доказательства, указываютъ на *Космо-носы*, село и замокъ въ Чехіи. По мнѣнію Шафарика, это неосновательно.

() Аристотель *Архинос*; Страбонъ, *Еркинос*; Плиній и Тацитъ *Nercynius saltus*; Птолемей, *Оркинос*, Веллей *Nercinia silva*, и проч.

мея и Маркіана Гераклеясаго, называется восточная половина Татровъ, отдѣляющая Венгрію и Седмиградію отъ Галиціи. Имя это, огреченное по образцу имени греческаго острова *Κα. πα. δος*, происходитъ отъ славянскаго *хрибъ*, *хрбъ*, и указываетъ собой на старобытность Славянъ въ тамошнемъ краѣ. Хрибъ у Вендовъ по сую пору значить: вершина, холмъ; отъ корня *хрибъ*, произведены русское хрибѣтъ, хребетъ, и чешское *hrbet*, т. е. цѣпь высокихъ горъ, на примѣръ: хребетъ Уральскій, Яблоновій, Становой и проч. Вся сѣверная часть Карпатскихъ горъ, отъ Сочавы до истоковъ Вислы, называлась, съ пятого и десятого столѣтія, Хрбы; а съ перемѣной б на в, Хрвы, Хрваты (Хорваты, Хорватія). У нынѣшнихъ Хорватовъ, вышедшихъ отсюда, слово хрибъ немного удалилось отъ первоначальнаго значенія; оно значить у нихъ берегъ (гіра). Галицкіе и Венгерскіе Русины, живущіе въ той части Татръ, которая названа у Птолемея Карпатою, называютъ ихъ просто Горбами. Иностранное испорченное названіе «Карпаты» вовсе неизвѣстно простонародію славянскому, хотя и вездѣ употребляется въ сочиненіяхъ, писанныхъ славянскими учеными. У Поляковъ Карпатскія горы называются: Гурь и Такры; у Словаковъ, Татры; у Русняковъ, Татры и Горбы. Замѣтимъ здѣсь ошибку тѣхъ писателей, которые думаютъ, что названіе Татры происходитъ отъ имени Татаръ. Уже въ грамматахъ 973 года встрѣчается это имя: *montes, quibus nomen est Tatri*. — Восточная ограда Карпатскихъ горъ, между Седмиградіей и Молдавіей называлась у писателей *Альпами Бастарискими*, *Alpes Bastarnicae*, по имени Бастарновъ. — Названіе *Певке* *ή Πεική* *орос, у Птолемея относится, по мнѣнію Шафарика, къ самой южной части Бастарнскихъ Альпъ, и напоминаетъ собою *Певкиновъ*, хотя съ именемъ Пев-

ке, Певкины, можно сравнить и Бикила, Букла и другія горы и деревни, находящіяся въ Седмиградіи. Шафарикъ утверждаетъ, что Певкины, были мѣстное названіе Кельтскаго племени Бастарновъ, жившаго въ окрестностяхъ горы Певке. Онъ признаетъ имя Буковины чисто-славянскимъ, но отвергаетъ всякое сближеніе именъ этнхъ, что намъ кажется не совсемъ невѣроятнымъ. «Буковина лежитъ далеко отъ нихъ», говоритъ Шафарикъ. Но здѣсь не должно забывать, какое недостаточное понятіе имѣли древніе объ этомъ краѣ; къ тому жъ и самъ Шафарикъ, назначивъ для Певке мѣсто въ самой южной части Бастарнскихъ Альпъ, не представилъ однакожъ доказательствъ своему предположенію. — *Segrogon montes*, у Аммиана Марцелина, означаютъ, вѣроятно, нынѣшній *Szairul* или *Szegaczin*. — Въ верхнихъ закарпатскихъ краяхъ, гдѣ не замѣтно ни горъ ни вершинъ, Птолемей помѣщаетъ горы *Венедскія*, *Будинскія*, *Аланскія* и гору *Амадоку*. Ученые объяснители предлагаютъ множество толкованій этому необыкновенному употребленію слова *орос. Мнѣніе Шафарика достойно обратить на себя вниманіе. «По моему», пишетъ Шафарикъ, «Птолемей, просто географъ-компилаторъ, не имѣя основательныхъ свѣдѣній о положеніи тѣхъ земель, назвалъ словомъ *орос возвышенность земли, покрытую лѣсомъ, въ которой берутъ начало большія рѣки. Также очень вѣроятно, что слово гора, употребляющееся въ Славянскомъ языкѣ въ двоякомъ смыслѣ и означающее и *вершину* и *лѣсъ*, было первою причиною вымысла этнхъ горъ. Черноморскіе Греки, слыша, какъ тамошніе Славяне называли лѣсныя вершины (планины) горами, сдѣлали изъ этого *орос. Несторъ говорить, что Поляне жили особъ по горамъ своимъ, и что Кій, Щекъ и Хоривъ сядли на горахъ — въ послѣдствіи Боричевъ взвозъ, Щековица и Хоревница, хотя безъ со-

мнѣнія самъ хорошо зналъ, что Полные обитают на равнинахъ, поляхъ, по ко- нямъ и были прозваны, три эти горы были собственно только возвышен- ные берега Днѣпра. Если нашъ Не- сторъ осмѣлился назвать возвышенность горою, то почему же иностранецъ Пто- лемей не могъ сдѣлать того же.» Въ са- момъ дѣлѣ, въ нашихъ летописяхъ слово *гора* часто придается такому краю, въ которомъ вовсе нѣтъ горъ; правую сто- рону Волги Русскіе называютъ горами и нагорнымъ берегомъ, а лѣвую луго- вымъ. Определить, по извѣстію Птоле- мей, гдѣ находились горы Венедскія, *τὰ Ουενδικὰ ὄρη*, и гора Амадока, *Ἀμαδο- κα βρυχ*, чрезвычайно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Будинскую гору, *τὸ Βυδίνων ὄρος*, въ землѣ Будиновъ, дол- жно искать гдѣ нибудь въ Минской гу- берніи. *Алаунскія* (*τὰ Ἀλαύνων ὄρη*) или *Аланскія горы* (*τὰ Ἀλάνων ὄρη* по Маркіану) должны означать Оковскій лѣсъ (передѣланный въ послѣдствіи въ Волковскій лѣсъ). Это ясно изъ описа- нія Маркіана, который утверждаетъ, что Рудонъ и Борисоенъ, т. е. Запа- дная Двина и Днѣпръ, вытекаютъ изъ Аланскихъ горъ. Одинъ взглядъ на име- на сихъ горъ увѣряетъ насъ въ томъ, что онѣ такъ названы по именамъ наро- довъ. Въ источникахъ, которыми поль- зовался Птолемей, вѣроятно, сказано было, что Венеды, Амадоки, Будины, Аланы обитаютъ въ своихъ горахъ, т. е. въ своей землѣ; а географъ, желая какъ нибудь назвать эти горы, присво- илъ имъ названіе народовъ. — *Рипей*, *Рипаи*, или *Рифеи*, *Riphaei*, по мнѣнію Нибура, означали сперва Татры или Карпаты; въ послѣдствіи жъ, когда Греки поближе познакомились съ тамошнимъ краемъ, и увѣрились въ близости ихъ къ себѣ, то подвинули ихъ гораздо да- лѣе, къ сѣверу. Не смотря на автори- тетъ Нибура, скажемъ, что его объяс- неніе, по видимому правдоподобное, со- вершенно неосновательно. Греческія

Г. А. I.

поселенія на Эвксинскомъ повтѣ и Ме- отійскомъ заливѣ уже процвѣтали въ VI столѣтіи предъ Р. Х., слѣдователь- но, извѣстіе объ Уральскихъ и Алтай- скихъ горахъ, хотя бы и темное и от- рывочное, могло дойти до Грековъ го- раздо прежде, нежели о Карпатахъ, скрывавшихся въ срединѣ Европы. Древнѣйшіе греческіе писатели помѣща- ли Рипей не за Гемусомъ и Фракіей, но за Киммеріанами и Скиѣами, на сѣверѣ, въ землѣ Гипербореевъ; тамъ же нахо- дились и по указанію позднѣйшихъ пи- сателей: Мелы, Плинія, Птолемея, Агаемера, Протагора, Маркіана и пр. Слѣдовательно, вѣроятнѣе всего, подъ Рипеями разумѣлись Уральскія горы, тѣмъ болѣе, что въ языкѣ Чудскихъ на- родовъ, именно: Обскихъ Остяковъ и въ некоторыхъ другихъ Азійскихъ пле- мей, слово *репъ*, *рефъ*, и теперь озна- чаетъ горы. Правда, изъ Рипеевъ древ- ніе выводятъ Танаисъ, Турунтъ и Хе- зунтъ; но причиной тому были ихъ не- достаточныя свѣдѣнія о настоящемъ по- ложеніи сѣверныхъ земель, а болѣе все- го — ихъ ложное мнѣніе, будто бы Чуд- скій заливъ соединялся съ Хвалынскимъ моремъ; отсюда они уже ни какъ не могли полагать Рипей, перпендикуляр- но на сѣверѣ, но должны были протя- нуть ихъ косвенно, отъ востока на за- падъ.

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ изъ гео- графическаго обозрѣнія горныхъ системъ сѣверо-восточной Европы. Изъ корен- ныхъ и древнихъ названій горъ, особен- наго вниманія заслуживаютъ только три: Оркинскія, (Герсинскія) Карпатскія и Рипейскія—три горы, составляющія какъ бы гнѣздо и колыбель разныхъ народ- ныхъ племенъ, Чудскаго, Славянскаго и Нѣмецкаго, которые съ незапамятныхъ временъ жили тамъ. Въ этомъ удостовѣря- ютъ насъ, кромѣ другихъ свѣдѣтельствъ древности, самыя названія. Такъ назва- ніе Оркинскихъ (Герсинскихъ) горъ ес- тественнѣе всего объясняется языкомъ

Нѣмецкимъ (*); названіе Карпатъ или Горбовъ, Хрбовъ, Славянскимъ; названіе Рипсева — Чудскимъ.

ХІІІ. *Рѣки*. Идя по берегу Балтійскаго моря отъ запада къ сѣверу, прежде всего встрѣчаемъ рѣку *Viadrus*, нынѣ *Одѣра*. Имя ея, кажется, лучше всего можно объяснить литовскимъ словомъ *aidra* (теченіе, *fluctus*), съ которымъ должно сравнить корень общій всѣмъ — почти европейскимъ языкамъ, санскритское слово *idra* (*aqua*), греческое *ιδρα*, ватинское *идог*, Славянское вода и проч. Замѣчательно, что и въ Иллиріи находится рѣчка Одра. — *Suebus*, названіе рѣки на западъ отъ Одера. Правдоподобнѣе всѣхъ мнѣніе, что это было второе имя нижняго Одера (одинъ его рукавъ называется Свине), какъ бы Свевская рѣка. — Откуда произошло названіе рѣки, *Висла* (*), неизвѣстно. Добровскій приписывалъ сперва Славянамъ (будто бы отъ *vislъ*), а въ послѣдствіи Кельтамъ (отъ *vis*, вода, рѣка). Но этотъ мнимо-кельтскій корень находится не только почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, но даже и во многихъ азіатскихъ; почему же отнимать его у Славянъ? Напротивъ, намъ извѣстно множество рѣкъ подъ симъ названіемъ въ земляхъ Славянскихъ: въ Польшѣ — Вислица, Вислокъ, Вислока, Вислочь или Свислочь; въ Россіи — Висъ (побочная рѣка Буга), Исlochъ, Иса; въ Венгріи, въ Мармарошскомъ округѣ: Висъ, Виси; въ Далматіи: островъ Висъ; равно какъ и притѣчныя мѣстечки или селенія: въ Польшѣ Вислица, Вислокъ, Вислочекъ, Вислое, Вислова, Висловице, Вислобоки; въ Венгріи: Висъ, Висанъ, Вислава, Висловъ и т. д. Шафарикъ справедливо замѣтилъ, что всѣ эти названія Славян-

скія. Окончаніе *ла*, въ именахъ рѣкъ, любимое у Славянъ; начальная *е*, какъ придыханіе, чаще всего встрѣчается у Славянъ, нежели у другихъ народовъ, и переходитъ иногда въ густое устное *б*, отчего наши слова: быстрина, быстрица (тоггера) очень хорошо подходятъ корнемъ своимъ къ греческому *Истеръ*. Слѣдовательно, нельзя сомнѣваться, что названіе рѣки Висла столько же можетъ принадлежать Славянамъ, сколько по обыкновенному мнѣнію и Кельтамъ. Константинъ Багрянородный замѣчаетъ что Захлумскіе Сербы вышли изъ Бѣлой Хорватіи, отъ рѣки Вислы, иначе называемой Дичица. По мнѣнію Шафарика, послѣднее названіе означаетъ не большую Вислу, но совсѣмъ иную, малую рѣку за Карпатами, Вислоку или другую какуюнибудь, того же имени. *Guttalus*, *Guthalus*, какъ полагаютъ нѣкоторые, есть нынѣшняя Прегла въ Пруссіи; иные думаютъ что Висла же, при впадѣніи въ море, такъ названа по имени Готовъ, здѣсь поселившихся. Это очень вѣроятно. — *Chronus*, *Χρόνος* (у Птолемея), *Chronus*, *Χρόνος* (у Маркіана Гераклеискаго), *Chronius* (у Амміана) есть нынѣшній Нѣмень. Море, куда втекалъ этотъ Хронусъ, называлось у древнихъ *Cronium*; въ средніе вѣки, по свидѣтельству Луки Давида, у коренныхъ Пруссовъ, оно именовалось *Chrono*. На рѣкѣ Нѣмень и теперь еще существуетъ крепость *Kroniskas-Pilnis*, т. е. замокъ Крона, господская дача *Krono-Kilpinie*, т. е. дукъ Крона, и *Kronie*. У Славянъ въ Венгріи есть также Гронъ; у насъ въ Новородской губерніи рѣчка Гранишна, и нѣкоторыя другія тожемѣныя. — *Lutta* Гвидона Равенскаго, вѣроятно, есть Лета; его же *Bangis*, судя по имени (Литовское *bang*-волна-пада), должна находиться гдѣнибудь въ древней Литвѣ, если только это имя не есть названіе Буга, съ носовымъ звукомъ. — *Rhudson*, *Рудъ* (испорченно у Птолемея *Rhubon*, *Рубонъ*), по сказанію

(*) У Пойнонія Мелы *Visula*, у Плавиніа *Vistillus* и *Vistilla*, у Птолемея *Wistula*, *Οιστόβουλα*, у Амміана Марцелина *Visula*, у Иоаннана *Vistula* и *Visola*, у Вульѣстана и Альберта *Visle*, и проч.

Маркіана, вытекаетъ изъ Аланскихъ горъ, откуда и Борисеенъ. Ясно, что подъ именемъ Рудона скорѣ всего можно разумѣть Западную Двину. Сабинъ называетъ ее Rhodanus, прибавляя, что она образуется изъ двухъ рѣкъ, и протекаетъ черезъ Курляндію и Лифляндію. Шафарикъ думаетъ, что Эриданъ древнихъ Грековъ (Гезіода, Эсхила, Геродота, Евдокса и друг.) есть Рудонъ позднѣйшихъ писателей (*). Отдаленность устья Рудона отъ Янтарнаго берега тутъ ровню ничего не значить: янтарь могли доставлять съ берега, на которомъ собирали, морскимъ или сухимъ путемъ къ Двинѣ, а отсюда Борисееномъ на Черноморье. Имя Эридана и Рудона сложное: корни его, Rha и don, находятся во многихъ Индо-европейскихъ языкахъ и означаютъ воду, рѣку. Сравните, для доказательства, кельтское слово gus, gos (озеро, рыбный садокъ), Русское *русло* и производныя отсюда: *русалки*, *Руса*, *Раса*, *Реса*, и проч. касательно втораго слова, припомните Осетинское dan, don (рѣка), славянскія: *топу*, *топя* и т. д. — *Chersinus*, *χέρσινος*, или *Chesynus*, *χέσυνος*, именемъ своимъ напоминаетъ Несторову Корсъ или Хорсъ, слѣдовательно рѣка Куронская, но которая именно, еще нерѣшено окончательно.

Обозрѣмъ теперь систему южныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское, Азовское и Черное моря. Главная, *Ра* или *Росъ*, *Rha*, *ῤῃ*, *Rhos*, *ῤῆς*, нынѣшняя Волга, величайшая рѣка близъ предѣловъ Европы и Азіи (по нашимъ географамъ, потому что древніе полагали границею Танаисъ). Въ первый разъ названіе ея встрѣчается у Птолемея, *ῤῃ*. Клапротъ не безъ основанія думалъ, что у Геродота подъ именемъ *Οαγος* разумѣется *ῤῃ*. Мордвины или Мокшаны

(*) Эвдоксъ (ж. въ IV вѣкѣ предъ Р. Х.) рассказываетъ будто бы Эриданъ вытекаетъ изъ Рифейскихъ горъ, во глубинѣ Скиевъ, и впадаетъ въ Западное море, близъ страны Кельтовъ. Очевидно, Эвдоксъ Кельтовъ северныхъ смѣшалъ съ Западными, а Эриданъ съ Колавономъ: востокъ рѣки въ Скиевъ въ Рифеяхъ, а устье въ Галлію!!!

до сихъ поръ называютъ ее *Ра*; Турецкіе народы, до нашихъ временъ, называютъ ее *Адаль* и *Идиль*; какъ древне ся *славянское* названіе, Волга, никто не можетъ рѣшить. — Кроме рѣки *Οαγος*, которую Клапротъ, а за нимъ и Шафарикъ, почитаютъ Волгою, Геродотъ выводитъ вмѣстѣ съ рѣкою Танаисъ еще двѣ рѣки, Люкъ и Сиргисъ, *Λύκος καὶ Σίργυς*, изъ земли Онсагетовъ, и спускаетъ ихъ въ Меотійскій заливъ. Ученые думаютъ объ этихъ рѣкахъ различно. Рейхардъ считаетъ *Lycus* одною съ Плиніевой рѣкою *Lagous*, и видитъ въ ней верхнюю Волгу; всѣ толкователи отдѣляютъ ее отъ рѣки того же имени, которая встрѣчается у Птолемея и должна быть нынѣшній Калміусъ. Рейхардъ соединяетъ *Οαγος* съ Плиніевымъ *Ochagius* или *Orhagus*, и видитъ въ немъ нынѣшнюю Оку. Шафарикъ, однакожь, полагаетъ все это нестрелтными; хотя и не говоритъ почему. По выше Волжка, въ Саратовской губерніи, впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны три рѣки, называемыя Иргизъ. У Геродота упоминается также рѣка *Hurgis*.

Перейдемъ теперь къ рѣкамъ вливающимся въ Азовское и Черное моря. Здѣсь одна изъ самыхъ большихъ, *Танаисъ*, *Ἰσθμὸς*, нынѣшній Донъ, упоминается уже у Геродота. Слово *dan*, какъ мы замѣтили, обще почти всемъ Индо-европейскимъ языкамъ. Въ сказаніяхъ скандинавскихъ, Донъ именуется *Ванаквисль*, т. е. рукавъ (рѣка) *Виндовъ*. Изслѣдованія Клапрота обнаружили ошибку Плинія, который пишетъ, будто бы Донъ у Скиевъ назывался *Silis*; это имя относится къ Азіатскому Яксарту, потому что въ древности онъ также именовался Танаисомъ. — *Magawius*, *Μαγάωιος*, по объясненію Рейхарда нынѣшній Манычъ, побочная рѣка Дона, впадающая въ него съ лѣвой стороны, именемъ своимъ напоминаетъ Мораву. — *Борисеенъ* или *Бористенъ*, нынѣшній Днѣпръ *Borysthenes*, *Borystenes*, *Βορυσ*

теуѣ, Borustenes. Шафарикъ не сомнѣвается признать это слово чистымъ славянскимъ, Березина или Берестина, только огреченнымъ. Англійскій ученый Мюррей (Murray) то же указывалъ на слово берестъ. Чешскій писатель Велеславинъ, въ «хроникѣ Московской» такъ рассуждалъ объ этомъ предметѣ: «Слово Днѣпръ весьма отлично отъ Бористена; мнѣ кажется, такъ называемая рѣка Березина, протекающая мимо замка Борисова и впадающая въ Днѣпръ, издревле была называема Бористень.» Гербершттейнъ думалъ точно также (*). Шлецеръ, Рейхардъ, Катанчичъ объясняютъ Borusthenes словомъ Березина. Дѣйствительно, древніе Славяне любили называть рѣки по лѣсамъ, откуда онѣ истекали. Разверните карту Чехіи (Богеміи), и вамъ тотчасъ представятся: Брезница, Брусница, Дубрава, Яворекъ, Липница, Рокитница, Сосна, Врбка и проч., посмотрите на Сербію: Брезовица, Ясеница, Топольница, Дубрава, Липовица, Липовага и многія тому подобныя названія. Большая рѣка, составляющая собой какъ бы рукавъ Днѣпра и впадающая въ него съ западной стороны, и теперь называется Березина; какъ же называлась восточная часть этой рѣки, иначе собственно теперешній Днѣпръ, отъ верховьевъ до впаденія въ него Березины, прежде нежели усвоили ему названіе Danaprgis, Днѣпръ? Полагая, что имя Днѣпръ дано этой рѣкѣ Сарматскими Аланами, Шафарикъ думаетъ, что она также называлась Берестина или Берестень. Въ доказательство, онъ указываетъ на многія соимен-

ныя рѣки у насъ въ Россіи: Берестянка Черниговской губерніи, впадающая съ лѣвой стороны въ Вячу, Берестовай въ Орель и проч., города въ Россіи и Польшѣ: Берестово, Берестъ, Брестъ и безчисленное множество селеній. Названіе *Днѣпра*, *Danaprgis*, *Danaprgis*, *Danaprgus*, въ первый разъ встрѣчается около 333 года по Р. Х. у неизвѣстнаго сочинителя Перипла Понта Эвксинскаго. Это имя составлено изъ двухъ корней: *dan* или *dop* и Фракійско-чешскаго *paris*, *peris*, токъ, потокъ. Корень послѣдняго слова также не чуждъ и другимъ европейскимъ языкамъ: сравните Альбанское слово *pëqua* и Волошское *pëgëu-rivus*, славянскія: *бара*, *барина*, *бреніе* — *stagnum*, *lutum* и т. д. Оба эти древнѣйшія слова встрѣчаются въ названіяхъ весьма многихъ рѣкъ въ Европѣ. У нѣкоторыхъ писателей среднихъ вѣковъ вмѣсто *Danaprgis* читаемъ и *Danubius*. Турецкіе народы называли Днѣпръ *Uzu*, *Uzi*, *Ozi*, *Oza*, *Ioza*. Последнее названіе встрѣчаемъ у Мопсея Хоренскаго. Въ его географіи сказано, что у Руссовъ Дунай называется *Ioza*, т. е. Днѣпръ. Это произошло, вѣроятно, отъ того, что въ средніе вѣки *Danubius* употреблялось вмѣсто *Danaprgis*. Впрочемъ, въ древнихъ рукописяхъ Армянской географіи *нигдѣ нигдѣ вставки о рѣкѣ Ioza* (*). Отъ названія рѣки словомъ *Oza* произошло и названіе залива *Ozolimna*, въ который она впадаетъ. Источникъ Днѣпра ясны и вѣрны всѣхъ означилъ Маркіанъ, говоря, что двѣ рѣки Рудонъ и Бористень вытекаютъ изъ одного и того же Аланскаго лѣса. — *Piëna Piëna*, нынѣшняя *Лина*, впадающая въ Припеть, а съ нсю въ Днѣпръ. Имя ея было уже извѣстно во времена Птолемея, что пока-

(*). Вотъ его полнныя слова: *Beresina fluvius qui Borysthenem influit, praeterlabitur Beriso wo oppidum, estque, ut oculis conspexi, amplior aliquanto Borystena ad Smolentzko. Plane puto, hunc Beresinam, id quod etiam vocabuli sonus indicari videtur, ab antiquis Borystenem habitum fuisse. Nam si Ptolemaei descriptionem conspexerimus, Beresina fontibus magis quam Borysthenes, quem Niper appellant, conveniet.*

(*). Гаммеръ доказываетъ, что слово *Oxus* на картахъ среднихъ вѣковъ то же самое что *Uzi*; названіе, которое, по его мнѣнію, эта рѣка получила отъ Турецкаго народа *Uzi*, т. е. Плавцы, Половцы (Куманы).

зывается самое имя жившаго на ней племени *Pien-gitae*, *Pinae ascolae*. Нынѣшнее названіе, Пина, вмѣсто Пѣна, Пинскъ вмѣсто Пѣвскъ, объясняется переменною гласной ѣ въ и: Малороссіяне, подобно Словенцамъ и Далматинцамъ произносятъ цвѣть, свѣтъ и т. д. вмѣсто цвѣтъ, свѣтъ; напротивъ того, Поляки, нѣкоторые племена Болгаръ и Полабы измѣнили эту гласную въ я или а; на пр. польскія: *kwiat*, *swiat*; болгарскія: грѣхъ, мляко, рѣка (рѣка), орѣхъ (орѣхъ) и проч., полабскія: цловакъ, цловакъ. Болгаре и Волохи часто употребляютъ *ei* вмѣсто *ja*, на пр. Деволь вмѣсто Дѣволь (п. *civitatis*), Делеанъ вмѣсто Долвнѣ. Этимъ объясняется названіе рѣки *Peanis*, *Panis*, нынѣ Ресне, въ Бранденбургіи. Лутичи, вышедшіе изъ окрестностей Пѣны, перенесли это названіе на упомянутую рѣку къ Германіи, выговаривая его, по своему обыкновенію, *Piana*, *Peana*. Такъ у Адама Бременскаго германская рѣка названа *Peanes*, у Гельмольда *Panis* и *Penis*. Отсюда объясняется и названіе вѣтви Лутичей: *Zerepani*, *Zerzapani*, *Circapani*, т. е. просто Черезьянцы. У насъ въ Россіи также встрѣчается названіе Пѣна. Эта побочная рѣка Суры получила свое названіе отъ Поляковъ тамъ поселившихся: извѣстно, что Радичи и Вятчи были Ляхи; извѣстно также, что и въ послѣдующее время Русскіе князья большую часть взятыхъ въ плѣнъ Поляковъ отводили на Русь и поселяли на Волгѣ и Камѣ. Значеніе слова *пѣна* извѣстно каждому Славянину; впрочемъ, полагаетъ Шафарикъ, въ началѣ оно значило теченіе рѣки, воду, подобно санскритскому *panis*. — *Huranis* *Ἰπαις*, *Gipanis*, еще въ шестомъ вѣкѣ измѣнилъ древнее свое названіе въ новѣйшее, *Богъ* (*Boh*, *Vog*) и *Бугъ*. Иорнандъ и Гвидонъ Равенскій называютъ его *Vagossola*, т. е. рѣка Багосъ (*sola* въ древне-нѣмецкомъ языкѣ значить: рѣка, вода). Конечно, Славяне воздавали

божескую почесть большаимъ рѣкамъ; но можно-ль отсюда названіе рѣки Бугъ, Богъ, соединить съ словомъ Богъ (*deus*)? По крайней мѣрѣ, Молочная, впадающая въ Меотійскій заливъ, называлась также *Buges*; а аракійское рѣк (*fluvius*), греческое *πυρῆ*, *fons*, нѣмецкое *raih* и *bach*, литовское *banga* (*unda*), даютъ поводъ къ заключенію, что и Славяне когда-то знали слово *Buga*, въ значеніи *unda*. Имя *Huranis*, кажется, составлено изъ слова *panis* (*aqua*). — *Tyras*, Тюрасъ, *Tyras*, *Tyres*, *Tyrus*, нынѣшній *Днѣпръ*. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, у Русскихъ живущихъ на немъ, у Молдаванъ и у Турковъ эта рѣка называется *Turla*, *Tural*. Слово *туръ* у Славянъ означало не только: быкъ, волъ, (*taurus*), но и Богъ войны: отъ перваго получили свое названіе нѣкоторыя области, города, горы, долины, напр. Турецъ, Турополь, и т. д. а отъ втораго — Словакскія Турницы (праздникъ во время Пятидесятницы.) Кажется, названіе рѣки ближе къ симъ корнямъ, нежели къ кельтскому *dur* (*aqua*), иберійскому *iturgia* (*fons*), турецкому *dere* (*vallis*). Имя *Danastius*, по мнѣнію Шафарика, образовалось еще во времена Сарматовъ, и началомъ одолжено жившимъ близь устья его Языгамъ и Роксоланамъ, не смотря на то, что въ первый разъ оно попадаетъ въ сочиненіяхъ Амміана Марцеллина, Иорнанда и Константина Багрянороднаго. Это имя составлено изъ двухъ корней: *dan* (*fluvius*) и *ister* (*torgens*). — *Agalingus*, поставленная на Певгингеровыхъ картахъ въ той сторонѣ, гдѣ читаемъ слово *Venadi*. Кагальникъ въ Бессарабіи и Куальникъ между Бугомъ и Двѣстромъ, сходны своимъ названіемъ. Въ нѣкоторыхъ азіатскихъ языкахъ слово *gul*, *kula*, значить тоже что источникъ, рѣка, стеченіе рѣкъ; отсюда названія столь многихъ озеръ и рѣкъ въ восточной Россіи, гдѣ отъ начала среднихъ вѣковъ кочевали Уральскіе и Азіатскіе иноплеменные народы

напримѣръ: Гепи-гуль (правильнѣ Делли-гуль), Ни гуль; Ка гуль, Дер-гуль, Ос-коль и другія. Замѣчательно, что еще у Птолемея одно изъ устьевъ Дуная называется Thia-gole. — *Pogas* или *Rugelus*, *Πογάς*, *Ρογελός*: два названія Прута, первое скиѣское, а второе греческое, по увѣренію Геродота. У Константина Багрянороднаго Прутъ называется *Vrutus*. Имя это, происходитъ отъ еракійскаго *rigua* (*girus*). — *Черна* и *Брзава*, находившіяся въ юго-восточной Венгрии, такъ назывались еще во второмъ столѣтіи: отъ этихъ рѣкъ, безъ сомнѣнія, получили свое названіе города *Tsierna* и *Bersovia*. — Въ Панноніи показывается рѣка *Bustricius*, Быстрица; въ Венгрии и въ смежныхъ съ нею краяхъ есть нѣсколько рѣкъ, называющихся этимъ именемъ. — *Maris*, *Μάρις*, *Marosius*, *Marisia* есть нынѣшній Марошъ. Названіе его происходитъ отъ извѣстнаго корня латинскаго *mare*, славянскаго море, нѣмецкаго *meer* и такъ далѣе. — *Tomoschios*, *Τομσχίος*, нынѣшній *Темешъ*, упоминается уже у Птолемея. Замѣтимъ, однакожь, что у Геродота называется эта рѣка *Tibissus*, на Римскихъ надписяхъ *Tibissus* и *Tiviscus*, у Юрнанды и Гвидона *Tibisia*: перемѣна буквъ *b* на *t* очень обыкновенна. — Названіе рѣки *Tusa* (правильнѣ *Туса*) писалось различно: Юрнандъ писалъ *Tysianus*, *Tisia*, Теофилактъ Симокатта *Tissus*, *Τίσιος*, Гвидонъ Равенскій *Tysia*, Константинъ Багрянородный *τιτσα*, Эйнгардъ *Tiza*, древнѣйшія славянскія грамматы *Tuscia*. Позднѣйшіе Венгерскіе писатели сдѣлали названія рѣкъ *Tibissus* и *Tissus*, и древнее названіе *Tibiskus* (собственно принадлежащее рѣкъ Темешъ) безо всякаго основанія усвоили рѣкъ Тисъ. Птолемей и Аммианъ Марцелинъ ошибочно писали *Pasthiscus* вмѣсто *Patiscus* или *Patissus*; послѣднее названіе, сохраненное Плиніемъ, есть настоящее и значить по-Тисъе. — У насъ въ Россіи есть рѣка Тюся, между Переяславлемъ

и Рязанью; упоминается въ грамматѣ 1496 года. — *Grana*, нынѣ Гронъ. — *Дунай*, въ верховьяхъ назывался *Danubius*, *Δανούβιος*, *Danuvius*; а при впаденіи въ море, отъ пороговъ близъ Ршавы, носилъ имена: *Ister*, *Istrus*, *Ἴστρος*, *Hister*, *Histrus*. Значеніе этого слова объясняется корнями: *dan* и *is* или *wis*. Русскіе, Поляки, Болгаре, Корутанцы и Словаки называютъ сію рѣку Дунай, а Сербы Дунаво. Замѣчательно, что въ Бѣлоруссіи, въ Витебской губерніи, находится потокъ (ручей) Дунай, впадающій въ Вѣбу; на немъ стоялъ нѣкогда городъ Задувье, что значитъ по толкованію Шафарика, селеніе Задунайское. Отъ одного и того же корня съ древне-европейскимъ *Ister*, *Hister*, *Histeria*, произошли и славянскія: быстрна (*torgens*), Быстра, Быстрица и проч. т. под.

XIV. *Озера*. Обширныя европейскія земли, издревле заселенныя славянскимъ племенемъ, всею наполнены большими и малыми озерами; къ сожалѣнію, ихъ древнія названія не сохранены для насъ ни однимъ современнымъ писателемъ. Геродотъ, почерпавшій свѣденія о рѣкахъ сѣверной Европы изъ рассказовъ Черноморскихъ жителей, почти при каждой рѣкѣ — по обыкновенію того времени — прибавляетъ, будто бы каждая изъ нихъ вытекаетъ изъ большаго озера. Въ иныхъ мѣстахъ это справедливо, а въ иныхъ совершенно ложно. Конечно, дѣло возможное, что нѣкоторыя озера въ теченіе времени могли сами собою уменьшиться въ объемъ и даже изсякнуть; нѣкоторые могли быть осушены людьми. Впрочемъ Геродотъ не оставилъ намъ названій этихъ озеръ. Птолемей ясно говоритъ объ одномъ только озерѣ *Амадокъ*; впрочемъ, его положеніе и значеніе имени совсѣмъ не извѣстны, потому что Птолемей самъ себѣ противорѣчитъ, поставя на трехъ разныхъ мѣстахъ, народъ, городъ и озеро, называющіеся однимъ именемъ. Рейхардъ почитаетъ это имя составлен-

нимъ: послѣдняя половина, по его мнѣнью, указываетъ на нынѣшнее мѣстечко Докшину (въ Вилейскомъ уездѣ Минской губерніи), а озеро на окрестныхъ болота, отколь вытекаетъ Березина. Малтбрюнъ, въ сочиненіи *Tableau de Pologne*, ссылается на старинное народное преданіе, что некогда въ Минской губерніи близъ верховьевъ Березины; существовало большое озеро, спущенное однимъ Кіевскимъ княземъ въ Днѣпръ. — Отъ большаго *Будинскаго озера* остались болота и Пинскія топи. За Карпатами известно было еще въ глубокой древности славянское названіе Блатенскаго озера, *Плесо* (ошибкою вмѣсто *Pelso*), Аврелій Викторъ *Pelso*, Юриандъ *Pelsodis lacus*, Гвидонъ Равеннскій *Pelsois* и проч. Моравы, Силезцы и Карпатскіе Словаки всякое не большое озеро называютъ *плесо*. Это слово извѣстно и Русскимъ: у насъ находится множество сомненныхъ озеръ и селеній, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, и грамматахъ.

Изъ этого обозрѣнія рѣкъ и озеръ ясно, что ихъ имена представляютъ собой очевидныя и важныя свидетельства о старобытности Славянъ въ прикарпатскихъ краяхъ; таковы имена: Висла, Птна, Берестина, Черна, Быстрица, Потисье, Гронъ, Плесо и многія другія. Этому выводу ни мало не противорѣчатъ и названія другихъ рѣкъ (Рудонъ, Тирасъ, Дунай и т. под.) или общія всѣмъ европейскимъ языкамъ, или же естественнѣе всего объяснимыя Славянскими нарѣчіями.

XV. *Города*. Славяне и въ древнѣйшія времена, какъ и въ началѣ девятаго вѣка по Р. Х. жили по свидѣтельству исторіи, не только въ селеніяхъ, но и въ обширныхъ укрѣпленныхъ городахъ или крѣпостяхъ. Около 839 года, Кіевъ, которымъ тогда владѣли Козаре, называется *градомъ*. Варяги, призванные въ 862 году владѣть некоторыми вѣтвями Славянъ, нашли въ нихъ землѣ мно-

гіе города: Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Изборскъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Муромъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, Плесковъ, Переяславль, Овручъ, Коростень или Искоростень, Вышгородъ и проч. О городахъ у Русскихъ Славянъ упоминаютъ неизвѣстный сочинитель Мюнхенскихъ Записокъ (конца IX вѣка) и Константинъ Багрянородный. Славяне, пришедшіе въ Германію, въ самомъ началѣ своего здѣсь пребыванія, построили множество славныхъ и многолюдныхъ городовъ по берегамъ Балтійскаго моря. Города славянскіе, конечно, строились не по греческому и римскому образцу: они бывали деревянныя; при всемъ томъ, они были обнесены рвами, палисадами, имѣли ворота, почему Несторъ вездѣ описательно отличаетъ городъ отъ селенія. Нельзя также думать, чтобы городовъ было очень мало, или будто бы они выстроены только не задолго до прибытія Варяговъ. Въ лѣтописи упоминается о большомъ числѣ городовъ въ малой Древлянской области: Ольга, осаждая Искоростень, говорила его жителямъ, что *уже встъ прочіе крѣпкіе города* Древлянскіе покорились ей, и потому напрасно они противятся и не сдаются ей (*). Древнѣйшія лѣтописи уже рассказываютъ о богатствахъ Новгорода; припомнимъ, что Новгородъ платилъ князю Владиміру ежегодно 3,000 серебра дани, и спросимъ: такой большой, многолюдный и богатый городъ, какимъ тогда былъ Новгородъ, могъ ли возникнуть вдругъ въ одну ночь? Если же у Славянъ въ VIII и IX столѣтіяхъ было такое множество городовъ и крѣпостей;

(* Вульфстанъ говоритъ, по собственному опыту, что родичи Славянъ, Прусссы, Литовцы и Латыши, имѣли много городовъ (890—900 год.) *Das Estland* (т. е. восточная Балтійская земля, Пруссія и т. д.) ist sehr gross und es sind viele Städte (byrig) da, und in jeder Stadt ein König. Забудьте, byrig то есть civitas, но не arch или castrum.

отчего же не могло ихъ быть въ IV и III столѣтійхъ? Кто научилъ Славянъ такъ наскоро строить города и жить въ нихъ? Душевные свойства, нравы и обычаи народовъ не измѣняются такъ скоро. Народъ земледѣльческой, занимавшійся хозяйствомъ и торговлею, какимъ были древнѣе Славяне, съ незапамятныхъ временъ долженъ жить въ селеніяхъ и городахъ: только одни кочевья племена могутъ не имѣть постоянныхъ жилищъ. Следовательно, судя по описанію главнаго города Будиновъ, Гелона, можно думать, что и всѣ прочіе славянскіе города были, въ это отдаленное время, построены точно также. Построеніе этого города Геродотъ приписываетъ Грекамъ; по его словамъ, Будинскій городъ называли Гелономъ эллинскіе колонисты; какъ назывался онъ у туземныхъ жителей, Геродотъ умалчиваетъ. Положеніе Гелона до сихъ поръ еще неопредѣлено безспорно: Бремеръ выдаетъ его за Новгородъ; Шафарикъ утверждаетъ, напротивъ, что это невѣроятно (*). Онъ полагаетъ, что славянское названіе Гелона было: Будинъ.

У Римскихъ писателей мы находимъ очень мало извѣстій о городахъ въ странѣ при-карпатской и за-карпатской. Это нисколько не удивительно, потому что всѣ свѣдѣнія Римлянъ объ этихъ краяхъ были слабы и неточны. Птолемей говоритъ о нѣсколькихъ городахъ между Вислою и Одеромъ, а съ другой стороны между Балтійскимъ моремъ и Карпатами; но ихъ положеніе опредѣлить очень трудно. Въ этихъ земляхъ обитали три племени: Кельтское, Нѣмецкое и Славянское, следовательно, и названія городовъ должны принадлежать тремъ же этимъ языкамъ; но и тутъ

(*) Мысль Бремера была развита у насъ въ Энцикл. Лексиконѣ, съ примѣчательною діалектскою (см. слово: *Гелонъ* стат. О. И. Сенковскаго). Шафарикъ свое отрицаніе Бремера не подкрѣпилъ доказательствомъ.

встрѣчается много з трудней по причинѣ испорченности именъ (*). Птолемей насчитываетъ здѣсь больше городовъ, потому, что Римлянамъ тѣ края сдѣлались болѣе извѣстны, частію отъ продолжительныхъ войнъ ихъ съ Нѣмцами, частію по торговымъ сношеніямъ съ янтарными берегами. Въ нашей Сарматіи, особенно въ срединѣ ея, Птолемей только упоминаетъ о нѣсколькихъ именахъ, хотя Маркіанъ Гераклеяскій, помыслъ неизвѣстными для Птолемея источниками, насчиталъ въ ней 350 замѣчательныхъ городовъ (**); къ сожалѣнію, Маркіанъ не называетъ ихъ по именамъ. Многіе изъ этихъ городовъ были приморскіе, но этого нельзя сказать обо всѣхъ. Въ срединѣ Сарматіи Птолемей помѣщаетъ: Azagarium *Αζαγαριον*, Загорье, судя по положенію, ввроятно близь горы Загурины (около Перелеслава), означенной въ большомъ чертежѣ; Amadoka, *Αμαδοκα*, должна находиться близь озера того же имени (**); Sargum *Σαρρον*, и Serimum; *Σεριμον*, коего названіе сохранилось въ названіи города Жирмуны и Сербскаго округа Жирмуны (Serimunt) на Эльбѣ; гдѣ искать этихъ двухъ городовъ въ нашей Сарматіи; опредѣлительно сказать довольно труд-

(*) На пр. Lugidunum, Karrhodunum, Budorgis, Kasnrgis и такъ далѣе, кажутся Шафарикъ или вовсе или аполонну кельтскими; Arugia, Asciburgium, Wisburgum, нѣмецкими; относительно третьихъ, на пр. Setidava, Kalisia (нынѣ Калишь) и Страбонобы Arsenium, Asanga, Setowia, Parienna, Arsicue, Шафарикъ рѣшительно не видитъ, почему бы онъ не могли быть славянскими. — Замѣчательны изысканія и другихъ изслѣдователей, Крузе и Рейхарда, хотя Шафарикъ съ ними и не соглашается. Такъ, по мнѣнію Крузе, Wisburgum есть *переводъ* Силезскихъ Бѣлицъ и проч. тому подобн.

(**) Sarmatia habet gentes (τόν) 56, urbes insignes (πόλις ἐπίσημοις) 350. Маркіанъ Гераклеяскій у Hudson. I, p. 56.

(***) Греки и Латиняне очень любили начивать собственныя имена гласными; вотъ почему должно часто откидывать эти приставки, чтобы узнать настоящее значеніе слова. Такъ точно въ словахъ A-zagarium, A-madoka, тотчасъ вы а придаточное греко латинское а.

но. Блѣзь побочной рѣки Днѣпра, неизвѣстно — Березины или другой какой, у Птолемея показаны *Leinum*, *Λινον*, *Sarbacum*, *Σαρβακον* или *Barsacum*, *Βαρσακον* и *Niossum*, *Νιόσσον*? Мѣстоположеніе и настоящее значеніе именъ этихъ городов указать очень трудно. *Sarbacum* кажется Сербецъ; *Niossum* походить на имя Нѣжливъ, хотя и далеко лежитъ отъ него. Вообще должно замѣтить, что лишь тогда будетъ возможно съ точностію опредѣлить положеніе какъ этихъ, такъ и прочихъ городовъ, показанныхъ у Птолемея, когда издадутся *исправнѣйшіе тексты*, нежели тѣ, которыми пользовались при печатаніи его Географіи. — На границахъ Дакии, между Днѣстромъ и Бастарбскими горами, Птолемей помѣщаетъ *Eragium*, *Vibantavarium*, *Klepidavum*, *Melonium* и *Karhodum*. Второе имя и последнее суть кельтскія, говоритъ Шафарикъ, сознаваясь впрочемъ, что окончаніе *vari* было въ употребленіи у Славянъ; окончаніе *dava* также обыкновенно въ названіяхъ городовъ Гетскихъ. Птолемей сохранилъ намъ еще нѣсколько названій городовъ, за Карпатами, въ прежнемъ достояніи Славянъ, которое въ послѣдствіи сдѣлалось притомомъ Кельтскихъ, Нѣмецкихъ и Чудо-Турецкихъ народовъ. Но мы ничего не можемъ сказать о нихъ, по причинѣ порчи названій и чисель; только *Pession* и *Partiskon* удачно разобраны Шафарикомъ: въ первомъ открываетъ онъ Пешть или Пестъ, а во второмъ *Patisson*, то есть Потисье. — Гораздо исправнѣе названія четырехъ древне-славянскихъ городовъ въ той же странѣ, по указанію Римскихъ картъ и Птолемея сочиненія: *Bersovia*, *Tsier-na*, *Serbinum* и *Serbetium*.

И такъ, исключая пемногія, понятныя имена: *A-zagarium*-Загорье, *Sarbakum*, *Serbinum*, *Serbetium*-Сербецъ, *Pessium*-Пешть, *Patiskon*-Потисье, *Bersovia*-Берзова, *Tserna*-Черна, и нѣкоторыхъ другихъ, почти всѣ остальные

невозможно разобрать, опредѣлить положеніе, открыть значеніе этимологическое. Причиною тому, съ одной стороны, порча самыхъ названій, происшедшая отъ невѣжества греческихъ и латинскихъ переписчиковъ; съ другой же, то ограниченное число рукописей, въ которомъ дошло до насъ сочиненіе Птолемея. Если бѣ Римскія карты (*itineraria*) прострѣпались на Сарматію; то безъ сомнѣнія мы нѣмѣли бѣ довольно славянскихъ названій, положимъ — передѣланныхъ, испорченныхъ, но все же такъ въ нихъ можно бы узнать свое. Такъ у Константина Багрянороднаго находимъ слѣдующія испорченныя и переназченныя имена городовъ, въ которыхъ однако жѣ узнаемъ свои собственныя: *Kioawa*-Кіевъ, *Wiltzewi*-Ватичева, *Milniska*-Смоленскъ, *Te-liutza*-Любечъ, *Tzernigoga*-Черниговъ, *Wusegrade*-Вышгородъ, *Nemogarda*-Новгородъ; или у Колина: *Kuewon*-Кіевъ, *Nowogordon*-Новгородъ, *Tzernichowi*-Черниговъ, *Susdali*-Суздаль, *Rostowi*-Ростовъ, *Wlandimoris*-Владимиръ, *Perieslawi*-Переяславль, *Asprocastron*-Бѣлгородъ, *Poloska*-Полотскъ, *Rozani*-Рязань, *Turpherni*-Тверь или Тверь, *Galitza*-Галичъ, *Peregumsl*-Перемышль, *Lutziska*-Луцкъ, *Turuwi*-Туровъ, *Cholmi*-Холмъ, *Smolenskon*-Смоленскъ; а у другихъ *Tophari*-Тверь, *Unscatis*-Новгородъ, *Moschowion*-Москва, и т. д.

XVI. *Древности*. Народъ осѣдлый, вышедшій изъ состоянія дикости и достигшій нѣкоторой степени образованности, оставляетъ на роднѣ своей многоразличныя и продолжительныя признаки своего тамъ пребыванія. Эти *вещественные памятники*, оставленные народами, исчезнувшими-даже для исторіи, ясно свидѣтельствуютъ и по прошествіи тысячелѣтій о прежнемъ ихъ существованіи. Главные памятники этого рода: валы, насыпи, городища, гробы, могилы, утварь, сосуды, оружіе, орудія, монеты и проч.

Всѣ остатки древности, находимые на огромномъ пространствѣ Славянскихъ земель, можно раздѣлять, *по народамъ*, А.) на памятники предшествовавшіе Грекамъ или Киммерійскіе и Скиѣскіе, Чудскіе или Финскіе, и отчасти Славянскіе; Б.) памятники классическіе или Греческіе и Римскіе; С.) памятники Скандинаво-Нѣмецкіе и Восточные, наконецъ Д.) памятники чисто-Славянскіе.

А. *Памятники до-греческіе*. Почти на всемъ поморьѣ прежняго Меотійскаго залива и Понта, особенно же въ нѣкоторыхъ краяхъ его, можно и теперь еще видѣть многіе вещественные памятники и остатки, принадлежащіе Киммеріанамъ и Скиѣамъ. Въ окрестностяхъ древней Пантикапей, на Таврическомъ полуостровѣ, отрываютъ въ могилахъ, называемыхъ по-древнему буграми и курганами, разныя остатки древности. Тамъ же попадаются во множествѣ и гробы, выстроенные на подобіе комнатъ, огромныя, весьма древнія и замѣчательныя зданія. Не менѣе достойны вниманія могилы на южномъ берегу Меотійскаго залива, въ окрестностяхъ Такману; объ нихъ упоминаетъ еще графъ Потоцкій. Эти могилы (*tumuli*), — отличныя отъ гробовъ (выстроенныхъ на подобіе комнатъ), — находятся только въ прежней Иродотовской Скиѣи. Нѣсколько такихъ бугровъ или кургановъ удалось открыть нашему трудолюбивому Кеппену въ Курской губерніи, въ 12 верстахъ отъ Оболани на сѣверъ, близь Дроздовскихъ или Казацкихъ постоялыхъ дворовъ. На половинѣ дороги между Бѣлгородомъ и Борисовкой, въ Хотмышскомъ краю, Курской губерніи, и въ Ольвин, въ Таври, Кеппенъ открылъ древнѣйшіе каменные истуканы, принадлежащіе къ эпохѣ предшествовавшей Дедалу; къ сожалѣнію, почти всѣ они попорчены, а многіе раскиданы. Въ наибольшемъ числѣ, по розыскаціямъ Гюльденштедта и Зуева, этихъ могилъ должно искать по *обѣимъ* сторонамъ Днѣпра и въ недалекомъ разстояніи отъ

поморья; это были гробы славныхъ мужей, витязей и царей скиѣскихъ, что засвидѣтельствовано еще Геродотомъ. — Такие же бугры (*tumuli*), — называемые въ народѣ могилами, сопками, волчьими насыпями, пригорками, жальняками, — нрѣдко попадаются и въ сѣверной части Россіи, въ окрестностяхъ Ладоги, Бѣжецка и Новгорода, по берегамъ Паши, Сяси, Мсты, Луги, Русы, Волхова, верхней Волги, Днѣпра и другихъ рѣкъ; также въ Польшѣ, на Бугѣ, Вислѣ и Одерѣ. Эти бугры отличаются отъ скиѣскихъ тѣмъ, что послѣдніе кирпичныя, а первые насыпаны на поверхности, изъ земли и песку. Отсюда заключаемъ, что древніе Славяне и Литовцы, подобно Скиѣамъ и Скандинавамъ, издревль ставили надгробія. Между Могилевымъ и Рогачевымъ, по берегамъ Днѣпра, встрѣчается безчисленное множество могилъ этого рода; невольно подумаешь, этотъ край съ незапамятнаго времени былъ кладбищемъ какого-то огромнаго народа. Наибольшее число такихъ могилъ попадаетъ близь Старой Ладоги. Ходаковский и Кеппенъ раскопали одну изъ нихъ на рѣкѣ Волховѣ, близь Новгорода, и удостовѣрились, что она насыпана сверху, потому что поверхность земли нашла не тронутою и не ископаною. Можно полагать, что здѣсь на поверхности земли совершались жертвоприношенія или сожженія, на что указываютъ и угли, находимые въ сихъ могилахъ, и выраженіе Истора: *насыпать могилу*. На западѣ, такія могилы попадаютъ не въ маломъ количествѣ въ Бѣлоруссіи, въ землѣ Латышсѣй, въ Литвѣ, въ Пруссіи, на Подлѣсьѣ и на сѣверномъ берегу Буга, равно какъ надъ Вислой, въ окрестностяхъ Кракова. Есть могилы также въ Мазовіи и Поморьѣ Помераніи; онѣ состоятъ, обыкновенно, изъ небольшихъ насыпей, обложенныхъ или устланныхъ камнемъ. Известно, что у Славянъ погребеніе мерт-

выхъ совершалось двоякимъ образомъ: или просто хоронили въ землю, не предавая сожженію; либо сжигали, а прахъ и пепель закапывали въ особыхъ сосудахъ, (пепельницахъ, урнахъ). Въ томъ и другомъ случаѣ, надъ умершими насыпались могилы и холмы; а иногда нѣтъ. Могилы насыпались надъ героями, богатырями, знатными людьми; тогда простаго народа, сожженный, погребались каждое отдѣльно, въ особыхъ мѣстахъ, которыя принадлежали цѣлымъ семействамъ, или же на общемъ пепелищѣ — на кладбищѣ. Въ Европейской и въ Азіатской Россіи попадаются въ разныхъ мѣстахъ огромныя насыпи или валы, circumvallationslinien; они простираются на нѣсколько миль въ длину, и въ древности служили, безъ сомнѣнія, для измѣренія и огражденія извѣстнаго пространства земли. Еще не рѣшено, одно ли и то же составляютъ насыпи эти съ насыпями средней Азіи на Оксъ. Равнымъ образомъ, на западъ отъ Урала, въ землѣ Самодовъ, во многихъ мѣстахъ, близъ озеръ, рѣкъ и болотъ, поросшихъ мхомъ, видны пещеры, сдѣланныя въ скалахъ и небольшихъ горахъ, отверстія или выходы на подобіе дверей; попадаютъ тамъ желѣзныя, мѣдныя и глиняныя вещи, перьячко и человѣческія кости. Русскіе почитаютъ эти пещеры жилищемъ древней Чуди, а Самодвы — обиталищемъ невидимыхъ божковъ Зпротовъ, которые будто бы вѣчно охотятся, показываясь только ихъ чародѣямъ.

В. *Памятники классическіе.* — Сѣверные берега Меотійскаго залива и Чернаго моря съ VI вѣка предъ Р. Х. покрыты были греческими колоніями; въ послѣдствіи, Римляне распространили свое владычество съ одной стороны до Киммерійскаго залива, а съ другой за Дакію до Днѣстра: неудивительно, что въ обихъ странахъ находится столько памятниковъ греческаго и римскаго происхожденія. Они заслуживаютъ полное вниманіе и славянскихъ изслѣдова-

телей: въ нихъ можетъ пророчдательный историкъ найти многое чрезвычайно важное для объясненія древностей нашего края. Греческія и Римскія монеты, находимыя часто не только во внутреннихъ Россіи и Польши, но и по берегамъ прибалтійскимъ, свидѣтельствуютъ о взаимныхъ связяхъ между этими странами и между греческими поселеніями на Черномъ морѣ и (въ послѣдствіи) Римлянами въ Дакіи и Панноніи. Близъ Остерода, въ восточной Пруссіи, въ 1740 году найдено до 1128 римскихъ монетъ; впрочемъ, изъ нихъ древнѣйшія относятся ко временамъ Нерона. Въ Жмуди, въ 1707 году, найдены также греческія монеты; думаютъ, что онѣ попали туда отъ Черноморскихъ грековъ въ видъ платы за янтарь. Въ 1798 году, вырытъ былъ на Жмудскомъ березу, въ селеніи Велегубеникъ, янтарный сосудъ, глубиною 104 фута, и въ немъ серебряная аеянская монета, вѣсомъ 1¹/₂ лота, чекаенная, по мнѣнію знатоковъ, за столѣть предъ Р. Х. Не говоримъ уже о монетахъ Анастасіа, Зенона, Θεодосіа Младшаго и другихъ Византійскихъ императоровъ; эти монеты первыхъ вѣковъ христіанской эры во множествѣ находятся по берегамъ Пруссіи. Въ недавнее время, близъ Риги, отысканы три греческія монеты (изъ коихъ одна еракійская) и бронзовое изваяніе, вышиною въ 5 дюймовъ, хранимые въ кабинетѣ Митавскаго Ученаго Общества. Не менше замѣчательно объявленіе (1834 года) о древнѣйшихъ греческихъ монетахъ, найденныхъ около мѣстечка Шубина, близъ Бидгощи, въ Познаньскомъ великомъ герцогствѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, эти памятники принадлежатъ къ тому отдаленному времени, когда еще сохранялись торговыя сношенія греческихъ городовъ съ сѣверными странами и торговля отправлялась по Эридану (т. е. Рудону, или Западной Двинѣ) между Балтійскимъ и Чернымъ морями, а сухимъ путемъ къ Адриатическимъ Ве-

ветахъ. Не разъ были находимы древне-греческія и римскія монеты въ Кіевской губерніи и въ другихъ мѣстахъ на Днѣпрѣ. Также и на Припети отыскаютъ Римскія монеты, эпохи императоровъ. Въ славянскихъ могилахъ, въ Россіи и Польшѣ, часто попадаются монеты времени Траяна, Адриана и Антонина — новое доказательство, что Римляне вовсе не были неизвѣстны нашимъ предкамъ; но все и сильное подтверждение надписи Волуѣановой монеты о войнахъ Римлянъ съ Венедами. Сюда же относится такъ называемый валъ Траяновъ, и притомъ двухъ родовъ. Первый, по словамъ Платера, идетъ въ Подольской губерніи отъ Днѣстра, по многимъ уздамъ, начиная съ Ушицкаго, прорѣзываетъ лѣса, продолжается до мѣстечка Сатанова на Збручи, отсюда простирается до Галиціи, гдѣ и оканчивается близъ мѣстечка Магѣрова. Этотъ валъ мѣстами уже совершенно разрушенъ и не такъ виденъ; въ другихъ мѣстахъ, величина его простирается еще до 5 и до 8 аршинъ. Въ Кременомъ находятся окопы, на подобіе круглыхъ военныхъ укрѣпленій. Величина этого вала и множество римскихъ монетъ, находимыхъ близъ него, ясно свидѣлствуютъ, что онъ былъ насыпанъ по приказанію римскихъ императоровъ. Марчинскій то же думаетъ, что валъ этотъ насыпанъ для означенія границъ Дакии, по волю императора Траяна, около 106 года. Шафарикъ находитъ это очень вѣроятнымъ: подобныя валы у Римлянъ выводились повсюду, какъ для огражденія отъ иноплемennыхъ народовъ, такъ и для означенія предѣловъ; и теперь еще можно видѣть значительные остатки такихъ валовъ въ Венгріи между Дунаемъ и Тисой, въ Банатѣ, Валахіи и т. д. Саргинскій увѣряетъ, что въ Галиціи около Магѣрова точно находятся четырехугольныя насыпи, но не римскія, а гораздо позднѣйшаго времени. О другомъ римскомъ валѣ упоминаетъ Бандтке:

этотъ валъ, идущій отъ Бѣлой Церкви до Днѣпра, называется въ простонародь *Троянскимъ*; во многихъ мѣстахъ онъ разрушенъ. Здѣсь часто находятъ монеты императора Траяна. По другимъ свидѣніямъ, валъ этотъ, начинаясь отъ Днѣпра близъ Кіева, подлѣ селеній Мотыжина, Хвастова, Бѣлой Церкви и т. д. оттуда направляется въ Украинскія степи. Тамашій народъ называетъ его *Змѣвымъ валомъ*; они рассказываютъ, будто бы онъ былъ насыпанъ Запорожскимъ богатыремъ Змѣемъ: другіе жъ увѣряютъ, будто бы самимъ Дяволомъ въ видѣ змія. — Замѣтимъ впрочемъ, что подобныя насыпи и укрѣпленія, называемыя также валами Змія, находятся и въ другихъ древне-славянскихъ земляхъ, гдѣ никогда не было Римлянъ; на примѣръ: начиная отъ Вислы на Западъ, чрезъ великую Польшу до самой Силезіи и Лузаціи. Что касается до самаго выраженія *валъ змія*, то здѣсь должно припомнить, что всѣ подобнаго рода сказанія о зміяхъ составляютъ лишь только аллегорію; такъ у Иллирійцевъ Турки называются зміями. Въ одной Болгарской рукописи, между прочимъ, помѣщено слѣдующее замѣчательное извѣстіе: «Турчинъ змія, Русинъ выдра, Литвинъ туръ, Българинъ быкъ, Србинъ вѣкъ» и т. д. Такимъ образомъ называла Троянова валомъ змія дѣлается очень понятнымъ и не требуетъ дальшихъ объясненій.

С. Памятники Скандинаво-Нѣмецкіе и Восточныя. Монеты Нѣмецкихъ королей и другіе памятники Скандинаво-Нѣмецкіе весьма часто находятъ на Балтійскомъ поморьѣ и въ окрестностяхъ Ладожскаго озера. Руническія надписи посю пору найдены только въ Литвѣ; Кеппенъ говоритъ, какъ тщетно искалъ онъ ихъ, въ 1821, на этой сторонѣ Невы, на Ладогѣ, до самаго Тихвина. Близъ Днѣпра и Старой Ладоги выкопаны были Куфическія монеты вмѣстѣ съ Эдельредовыми и дру-

ми сѣверо-европейскими и византійскими. Въ окрестностяхъ Новгорода безпрестанно отрываютъ цѣлыя сосуды монетъ Арабскихъ Халифовъ и Бухарскихъ Саманидовъ, то есть цѣлыя капиталы Новгородцевъ. Многія изъ этихъ монетъ относятся къ VII и VIII столѣтію. Ихъ обиліе доказываетъ, что онѣ были принесены туда въ теченіе тѣхъ же вѣковъ. Извѣстно, что мусульманское законодательство полагаетъ монетный чеканъ первымъ признакомъ верховной власти; потому Азіатскіе государи всегда старались уничтожать монеты своихъ предшественниковъ, переливали ихъ въ новыя, съ собственнымъ своимъ именемъ, весьма часто измѣняя даже внутреннее достоинство. И такъ, чтобъ извѣстное количество мусульманскихъ денегъ одного и того же чекана могло считаться въ какомъ нибудь мѣстѣ черезъ тысячу лѣтъ; надобно, чтобы оно принесено было туда во время полнаго ихъ обращенія въ Азію. Въ послѣднее время, въ августъ 1833 года найдено въ Новгородской губерніи пѣсколько Арабскихъ монетъ 711 года, и гораздо значительнѣйшее число ихъ 790 и 792 годовъ. Слѣдственно, въ Новгородѣ уже въ VIII столѣтіи было много денегъ, были богатства и торговля; Норманцамъ было что грабить у нихъ, и потому-то они такъ и стремились къ Новгороду. Гдѣ капиталы, тамъ и образованность: дикари всегда бѣдны. — Другія купеческія монеты указываютъ на походы Руссовъ на море Хвалынское, о которыхъ сохранились извѣстія у Арабскихъ писателей (913—945).

Е. *Памятники чисто-славянскаго происхожденія* распадутся на два главные отдѣла: вещественные памятники жизни славянскаго народа, представляемые самою землею, имъ обитаемою, и устные преданія, сказанія, пѣсни, обряды, обычаи, сохранившіеся у него. — Устная исторія каждаго ве-

ликаго, самостоятельнаго народа гораздо старше писанной. Древняя греческая исторія почти вся взята изъ народныхъ сказаній и вымысловъ; Римляне основали свои древности то же на устномъ преданіи предковъ; у Нѣмцевъ народныя пѣсни и сказанія, принадлежащія къ самому отдаленному времени, сохраняютъ воспоминаніе объ отечественныхъ событіяхъ. Точно также должно быть у Славянъ, когда и въ настоящее время славянскія племена самый пѣсенный народъ въ Европѣ: такъ велитъ заключить аналогія историческая, и это заключеніе подтверждаютъ всѣ свидѣтельства древности. Такъ три славяннина, отправленные 590 года изъ отдаленнаго поморья Балтійскаго къ Аварскому владѣтелю, говорили императору Маврикію, что «ихъ соотечественники занимаютя музыкой, играютъ на гусляхъ.» Греческій полководецъ Прискъ, во время ночнаго нападенія въ томъ же году на Славянъ (которыхъ Оеофилактъ называетъ Аварами), нашелъ ихъ спящими «послѣ Аварскихъ пѣсень.» Предметомъ пѣсень, пѣтыхъ воинами во время похода, разумется, должны быть не столько пѣжныя чувства любви, сколько воспоминанія о славѣ древнихъ вѣглизей, о подвигахъ и событіяхъ народа. Это свидѣтельство вѣсовременными греческими писателями. Никифоръ Грегорасть, греческій летописецъ, совершилъ 1326 года посольство къ Сербскому Царю Стефану Дечанскому, которое самъ же и описалъ. Свѣта Никифора состояла изъ Грековъ и Славянъ. Когда въ хали ночной порой македонскими лѣсами, то Славяне, «ни мало не заботясь объ угрожавшей опасности, громко распѣвали, превознося въ пѣсняхъ славу древнихъ богатырей, которые были извѣстны уже только по преданію.» И теперь еще, не смотря на величайшее измѣненіе (чтобъ не сказать: истребленіе), народной поэзіи Славянъ, въ ихъ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ

паходится очень много такого, что восходитъ началомъ своимъ до глубокой древности. Въ древнѣйшей, дошедшей до насъ, исторической пѣснѣ, въ четскихъ сеймахъ, писанныхъ между 875 и 900 годами, сохранилась память «о пришествіи полковъ Чеховыхъ въ Бойогемъ» (451—495) и трижды упоминается объ этомъ событіи, хотя главный предметъ пѣсни совсѣмъ иной. Въ повѣствовательныхъ пѣсняхъ русскихъ изображаются дѣла, принадлежащія къ вѣку Владиміра, «Краснаго соловышка земля Русской» (980—1015); въ нѣкоторыхъ Сербскихъ пѣсняхъ разсказываются происшествія XIII и XIV столѣтій; въ простонародныхъ пѣсняхъ угнетенныхъ Словаковъ по-сю-пору сохраняется память о прибытіи къ нимъ Кумаповъ и многія событія XII и XIII вѣка. Знакомый съ духомъ народной поэзіи не станетъ сомнѣваться, что подобнаго рода пѣсни составляютъ тотчасъ послѣ событія: въ этомъ убѣждаютъ насъ множество прищрочъ. Вотъ одинъ, сохраненный Дубровницкимъ лѣтописцемъ, Евсевиємъ Кабогою: въ 1568 году, князь Трапезунтскій, Алексѣй Комнинъ, отплылъ изъ Сланской пристани въ Дубровникъ (Рагузу) съ семью вооруженными судами, и вскорѣ погибъ самымъ жалкимъ образомъ, со всеми кораблями и свитою, состоявшею изъ Иллирійцевъ; память этого несчастнаго событія Сербы тотчасъ же увѣковѣчили въ своихъ пѣсняхъ. Точно такимъ же образомъ и нынѣ воспѣваютъ и прославляютъ въ народныхъ пѣсняхъ богатырскіе подвиги Сербскихъ вождей, Георгія Чернаго и Князя Милоша. Впоследствии, когда воспоминали объ этихъ подвигахъ истребителѣ изъ свѣжей памяти современныхъ сви-

дѣтелей, одинъ только ученый поэтъ, а не народъ самъ, можетъ сочинять о нихъ пѣсни. Въ семъ отношеніи чрезвычайно важны собранія славянскихъ народныхъ пѣсенъ Караджича, Коллара, Челяковскаго, Олеска, Максимовича, князя Цертелева, Сахарова, Кирѣвскаго, Ходаковскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Жаль очень, что богатые собранія Ходаковскаго и Кирѣвскаго до сихъ поръ еще не напечатаны. Глубокій знатокъ Славянскихъ древностей, Шафарикъ чрезвычайно высоко цѣнитъ русскую народную поэзію: «когда, говоритъ онъ, почтенный соотечественникъ нашъ, П. В. Кирѣвскій издастъ въ свѣтъ свое драгоценное изданіе русскихъ пѣсенъ, заключающихъ въ себѣ неоцѣненный кладъ нашей народной поэзіи, тогда можно будетъ съ большей достоверностью и справедливостью судить о многихъ предметахъ, о коихъ мы теперь имѣемъ одно лишь темное преданіе.... Судя по лѣтописемъ и епископскимъ сочиненіямъ, даже въ XII и XIII столѣтіяхъ Русь была наполнена языческими обрядами и обычаями, и многія остатки ихъ и теперь еще сохраняются тамъ и сямъ. Вообще продолжительность народныхъ историческихъ пѣсенъ въ эпоху язычества, когда ихъ сберегало особое сословіе жрецовъ, не должно мѣрять аршиномъ нашего времени: введеніе письменной исторіи и совсѣмъ другое положеніе народа сильно ослабили упругость народной памяти, такъ что все плодоносное и цвѣтущее поле народныхъ преданій почти обратили въ пустыню.» — Историческія древнеславянскія народныя пѣсни и сказанія имѣютъ сходство съ древне-цѣмекскими, въ томъ отношеніи, что въ обонхъ неизвѣстные вожди и начальники народа въ его критическомъ положеніи, получили отъ признательнаго потомства имя цѣлаго народа, и прославлялись какъ отцы его. Такъ, на примѣръ, у Чеховъ былъ Лехъ или Лешекъ, у Че-

(*) Inter adjacentes Raguse incolas usque ab hic asservatur memoria tragici casus, illumque rusticus nostri vetustis cantelenis, a nobis illiricis porjevkinje dictis, maxima auscultantium commiseratione in dies recolunt.

ховъ Чехъ, у Хорватовъ Хорватъ, у Радимичей Радимъ, у Вятичей Вятко, у Кілянъ Кій и т. д., точно какъ и въ древне-нѣмецкихъ сказаніяхъ праотцевъ Швабовъ Suar, Саксонцевъ Sachsenat, Вестфальцевъ Westersfalena и проч.

Изъ вещественныхъ памятниковъ жизни Славянскаго народа первое мѣсто принадлежитъ Святоградѣмъ или такъ называемымъ *городищамъ*, какъ первоначальнымъ и древнѣйшимъ. Неутомимый Доленга-Ходаковскій, посвятивъ послѣднее время своей жизни изслѣдованію этого предмета, вывелъ слѣдующіе результаты: Городища простирались отъ рѣки Камы на западъ до Эльбы, отъ сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адриатическаго моря, на всемъ пространствѣ Славянскихъ земель, почему и могутъ служить вѣрнымъ признакомъ заселенія той страны Славянами. Городища были окружены валами, съ круглою ямою по срединѣ, и входомъ на востокъ. Всѣ эти валы похожи другъ на друга, насыпаны изъ чернозема и находятся въ прелестнѣйшихъ мѣстахъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Опираясь на пѣсни, собранныя между Саномъ и Днѣпромъ, Ходаковскій доказывалъ, что эти городища были священными оградами, богослужебными мѣстами, гдѣ совершались браки, свадьбы и другія обряды языческихъ Славянъ. Калайдовичъ думалъ опровергнуть мнѣніе Ходаковскаго, и писалъ противъ него. Недавно въ сборникъ Историческаго Общества были напечатаны два разсужденія изъ бумагъ Ходаковскаго, и второе содержитъ въ себѣ громозвонный отзывъ его Калайдовичу. Одинъ изъ луч-

шихъ знатоковъ древностей Русскихъ, то Ксппень считаетъ мнѣніе Ходаковскаго достойнымъ дальнѣйшаго изслѣдованія и продолженія. По важности этого предмета, рѣшились мы замѣчательную систему Ходаковскаго изложить въ отдѣльной статьѣ и разобрать всѣ мнѣнія pro и contra, *за и противъ*. Дѣло это заслуживаетъ полнаго съ нашей стороны вниманія.

Есть, говорить Шафарикъ, и другіе слѣды древней жизни предковъ нашихъ, разбросанные по обширнымъ полямъ ихъ прежней родины, и безпрестанно отрываемые хотя въ небольшомъ числѣ. Объ нихъ онъ общаетъ-подробно говорить въ археологической части своихъ «Славянскихъ древностей», и потому нельзя не желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ окончанія этого важнаго творенія. Для нашей цѣли достаточно теперь и того результата, что свидѣтельства этихъ древнихъ памятниковъ ни сколько не противорѣчатъ историческимъ доводамъ о старобытности Славянъ въ земляхъ при-Карпатскихъ, напротивъ того, взаимно подтверждаютъ и убѣдительно доказываютъ истину письменныхъ чужеземныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, оправдывается мысль, высказанная нами въ началѣ статьи: одно только совмѣстное разсмотрѣніе Исторіи, Географіи и Археологіи Славянъ сообщаетъ провѣстительность нашему взгляду, озаряетъ новымъ свѣтомъ картину прошедшаго и оживляетъ передъ нашими взорами политическій и общественный бытъ древне-славянскаго міра.

Н. Савельевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ ИСКУШЕНІЕ САТАНЫ.

La religion est la défense de l'âme, comme les armes sont la défense du corps.

СВЯТАУВЪІАНД (les Martyrs)

Когда изнуренный подъ итогъ сомнѣнья,
Въ волненіи смертный, въ борьбѣ самъ
съ собой,
Безъ думы, безъ цѣли, безъ силъ и тер-
пѣнья,
Душой ненасытной враждуетъ съ судь-
бой,
И небо и люди — грозитъ все бѣдою,
И тяжело безумцу на міръ посмотреть,
Злой демонъ проклятыя играетъ душою —
И на ухо шепчетъ:

„Пора умереть!
„Ты гибнешь страдальцемъ земныхъ ис-
кушеній,
„Ты властенъ надъ жизнью — все кон-
чится съ ней,
„Не рабствуй, не бойся посмертныхъ
мученій,

„Не жди ни награды, ни адскихъ цѣпей,
„Ты властенъ надъ жизнью — все кон-
чится съ ней!
„Свободы нѣтъ въ мірѣ — міръ бездна
страданій,
„Мгновенная радость и годы скорбей,
„И нѣтъ исполненія отрадныхъ желаній,
„И гибнетъ невинный, какъ гибнетъ зло-
дѣй,
„Ты властенъ, ты силенъ, рѣшайся скор-
рѣй!
„Кровь вѣчно бунтуетъ, — въ ней смерть
и рожденье,
„Сосудъ ея слабый ты гордо разбей,
„Надежда и вѣра — ума ослѣпленье,
„Блаженство и счастье — мечтанье лю-
дей,
„Что жъ медляшь безумецъ? — рѣшайся
скорѣй!

„Какъ дымъ вдругъ исчезнешь и съ без-
дною сольешься,
„Иль каплею канешь въ пучину морей,
„Иль вихремъ умчишься и въ прахъ раз-
несешься,
„Иль искрою сгинешь—Ръшайся скорый!
„Ты властенъ надъ жизнью—все кончит-
ся съ ней!

И грѣшникъ внезапно—въ пылу изсту-
пленья,
Онъ чувствуетъ тягость враждебныхъ
цѣпей,
Уже онъ стремится свершить престу-
пленье,
И демонъ хохочетъ надъ жертвой своей.
Какъ звѣрь ждетъ добычи, какъ вранъ
кровожадный,
Онъ душу безумца похитить спѣшитъ,
Онъ алчетъ мгновенья . . .

. . . Вдругъ звонъ благодатный,
Какъ голосъ небесный къ страдальцу ле-
титъ,
И гимнъ упокойный вдали раздастся,
И грѣшникъ вдругъ видитъ печальный
обрядъ,
За гробомъ усопшаго иноковъ рядъ, —
Ихъ братья послушникъ землѣ отдается.
Звонъ снова раздастся, — падетъ искусит-
ель!

Себя осѣняетъ страдалецъ крестомъ,
„Всесиленъ гласъ Божій! Великъ Все-
держитель!“
Воскликнулъ преступникъ и ницъ палъ
челомъ?

Затихъ мятежъ души смущенной,
Внушеній злыхъ рдѣветъ мгла,
И надъ главою ницъ склоненной,
Заря спасенья расцвѣла.
Миръ благодатный упоеньемъ,
Туманъ сомнѣній разогналъ,
И духъ страдальца воспылалъ,
Святымъ и дивнымъ вдохновеньемъ!
Воспрянулъ онъ избыткомъ силъ
Въ очахъ чудесное видѣнье:
„Тебѣ послалъ Господь спасенье!“
Гласъ животворный возвѣстилъ.

„Не бойся страдалецъ, я посланъ отъ
Бога,
„Познай жизни цѣну въ предѣлахъ зем-
ныхъ,
„Безсиленъ злой демонъ, ничтожна тре-
вога,

„Предъ искрой одною внушеній святыхъ.
„Внималъ ли ты воплю стихій разъярен-
ныхъ?

„Видалъ ли какъ буря мрачить небоск-
лонъ?

„Какъ рушатся скалы въ брегахъ потре-
сенныхъ?

„Какъ гибнетъ мгновенно природы за-
конъ?

„Носился ль ты въ вѣтрахъ надъ водной
стремниной?

„Видалъ ли какъ бездна крушитъ корабли?
„Какъ громы воюютъ съ морской пу-
чиной?

„Какъ ломаются воды въ твердыню земли?
„Видалъ ли какъ горы рокочутъ пожа-
ромъ,

„И падаютъ грады подземнымъ ударомъ.
„Какъ трепетомъ смерти земля задрожитъ,
„И лава какъ море волной побѣжитъ?

„Въ то ль время дерзалъ ты душою над-
менной

„Свирѣпую битву стихій укрощать,
„Дерзалъ ли на силу десницы блаженной,
„На право Господне тогда посягать?

„Безсиленный! Ты жаждалъ минуты спа-
сенья;

„И чувства въ испугѣ творили моленья; —
„Коснулся персть Божій предѣловъ земли,
„И мирно стихии опять потекли!

„Эфиръ ароматный въ пространствѣ раз-
лился,

„Ликуютъ растенья и всякая плоть,
„И гимномъ хвалебнымъ весь миръ огла-
сился,

„И твари дыханьемъ прославлены Господь!

„Тѣжъ бури злой демонъ въ душѣ воз-
дымаетъ:

„Въ ней страсти — стихии; онъ ими
играетъ,

„Онъ шепчетъ коварно гордынь твоей:
„Ты властенъ надъ жизнью — все кончится
съ ней! . . . .

„Не силенъ ты бурю враждебныхъ вну-
шеній,

„Безъ имени Бога въ душѣ укрощать,
„Творца ль не признаешь въ сей безднѣ
твореній?

„Безсмертье ли хочешь могилой сковать?
„Своею ли волей ты принялъ дыханье?

„Своею ли искрой твой теплится умъ?
„Ты ль духа и плоти свершилъ соче-
танье?

„Ты самъ ли виновникъ спасительныхъ думъ?”

„Ты ль можешь исчезнуть? Подъ твердью небесной,

„Все связано нитью благой и чудесной,

„И искорь, и искра и капля воды,

„Дождутся въ природѣ своей череды.

„Ты жаждешь свободы? — Въ Сионскихъ скрижаляхъ

„Свободу вселенной Творецъ начерталъ:

„Читай ихъ въ весельи, читай ихъ въ печаляхъ,

„Имъ силу спасенья Господь даровалъ.

„Кровь въ тѣлѣ бунтуеть—въ ней смерть и рожденье,

„Лишь жизни тѣлесной, лишь плоти одной

„Жизнь духа—вся въ Богѣ, и вѣчно мученье,

„Того, кто видъ Бога путь кончить земной,

„Храни жъ ту жизнь, которой цѣну,

„Ты въ хладномъ трупѣ ощутилъ!

„Творецъ простилъ тебѣ измѣну,

„Онъ казнь твою остановилъ.

„Но трепещи! — Долготерпѣнья

„Десницы Божьей есть предѣлъ!

„Самоубійца нѣтъ спасенья!

„И нѣтъ молитвъ ему въ удѣлъ!

„Есть ангелъ казни; — онъ съ громами,

„Онъ мечъ Господень въ небесахъ,

„Онъ двинулъ горними огнями,

„Содомъ, Гоморра пали въ прахъ!

„Смирись же мыслью дерзновенной,

„Молитвой ропотъ заглуши,

„И въ думѣ небомъ вдохновенной,

„Обрящешь сладкій миръ души.

„Живи надеждой и любовью,

„Какъ заповѣдалъ Богъ Отецъ,

„Когда Богъ Сынъ своею кровью

„Прославилъ терновый вѣнецъ!

„Когда въ крестѣ, символъ спасенья

„Своимъ распятемъ онъ призналъ,

„И горькой чашею мученья,

„Миръ изъ погибели воззвалъ!

„Возстань изъ праха! Твой Спаситель

„Тебя на жизнь благословилъ.

„Возстань . . . . .

И скрылся небожитель!

И къ небу кротко воспарилъ!

И лучъ небесной благодати,

Въ груди страдальческой воскресъ
И съ громомъ палъ преступный
бѣсъ,
Среди своей преступной рати.

Н. ГОРДЬЕВЪ.

МОЙ ВКУСЪ.

Прелестница гарема молодая!
Я не люблю тебя, Востока перлъ драгой,
За то тебя, дочь Сѣвера живая,
Тебя люблю я пламенной душой!

Не васъ люблю я, розы Кашемира,
Садовъ волшебная и дивная краса,
Хотя царицы вы цвѣтовъ земнаго міра,
Но на фиалку васъ не промѣню я!

Вдали отъ суеты, въ саду уединенномъ,
Цвѣтешь ты, ландышъ мой, любви моей
предметъ,
И незабудками отсюду окруженный,
Манишь къ себѣ мой радостный при-
ветъ! . .

ЗАМЕРЦЪ.

Мы съ умысломъ поставили рядомъ два стихотворенія новыхъ нашихъ поэтовъ, первый разъ выступающихъ на жатву славы и звяковъ. „Мой вкусъ“ Редакція получила при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, Поэтъ просилъ напечатать его стихотвореніе: — „до сихъ поръ я не осмѣливался еще выступать на литературное поприще; отъ васъ будетъ теперь зависть, поощрять и благословить меня на это предпріятіе.“

Еслибы поэту пришла счастливая мысль спросить нашего совѣта: „выступать ли съ подобными стихами на поприще извѣстности, или подождать?“ Редакція, конечно, возвратила бы стихи при слѣдующемъ совѣтѣ:

— Погодите! любезный поэтъ, запасайтесь знаніями, опытностью, напытьвайте сердце свое религіей, истинной философіей, любовью къ благу и помощамъ человечества, а пуще всего — любовью къ родинѣ.

Но поэтъ желалъ только поощренія и благословенія, только выступательнаго начала, „которое всего труднѣе“ — и редакція потышила его: стихи хороши, но поэзи въ нихъ нѣтъ,

ГОЛУБИЦА.

Ты не вейся, голубица,
Высоко въ лазурный край, —
Гдѣ алмазная денница
Сыплеть искры . . . не взлетай!

„Для чегожъ въ сини раздольной
„Нелетать, не виться мнѣ,
„Не умчатся къ златопольной
„Поднебесной сторонѣ?“

Тамъ въ пустынь безоградной
Нанесется невзначай
Хищникъ истребъ кровожадный . . .
Голубица, не взлетай!

„Никого нѣтъ въ яркой выси,

истины въ пикъ нѣтъ, даже идея чуть-чуть
держится на волосѣ.

„Мой вкусъ“ поставленный возлѣ своего
колоссальнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, сосѣда,
— исполненнаго силы, величественныхъ, ма-
стерски созданныхъ картинъ, глубоко задуман-
ныхъ идей, неподдѣльныхъ, неланючихъ кра-
согъ и чувствъ поэзіи, яркоблещущихъ свѣтомъ
разительныхъ истинъ, въ которыхъ особенно
нуждается современное, анти-философствующее
поколѣніе, — „Мой вкусъ“ конечно почувствуетъ
чего ему недостаетъ: онъ сознаетъ, подъ гнетомъ
вскаго сосѣда, что онъ совсѣмъ не —
„Мой вкусъ“, а скорѣе, „Моя прихоть“. Ему
не нравится: „Востока перлъ драгой, розы
Кашемира, садовъ волшебная и дивная краса,
хотя все это вещи прекрасная на всякой *окусъ*“
а нравится ему *фалла*, *ландишъ* — вещи тоже
хорошія. Но такое несправедливое предпочте-
ніе одного другому, не есть уже вкусъ — вкусъ,
дѣло великое, многообъемлющее — это, про-
сто *прихоть* или *пристрастіе*, *бользнь вкуса*.

Но, скажите, ради истинъ и поэзіи, — ка-
кая польза человечеству отъ прихотей част-
наго лица? Какое наслажденіе человечеству
отъ его *пристрастій*? — Что ему за дѣло до
личныхъ заблужденій, ошибокъ, слабостей каж-
даго изъ числа миллионовъ, населяющихъ зем-
ной шаръ? Конечно, человечество принимаетъ
къ свѣдѣнію прихоти, *пристрастія*, заблужде-
нія, ошибки, слабости Наполеоновъ; но въдѣ
Наполеонъ для человечества тоже дѣло не ма-
лое! Опять, не сами Наполеоны все это се-
общали въ релякцій исторіи. Встань хоть въ
годъ они теперь, — вѣрно бы три коректуры

„Только тамъ издадека
„Рѣзвымъ стадомъ собралися
„Золотыя облака.“

Налетать въ неожиданной тучѣ
Буря съ громомъ и огнемъ, —
Не пробьешь ты мракъ дремучій
Молодымъ твоимъ крыломъ.“

„Гдѣ же буря? . . . высь сіяетъ,
„Манить въ синій свой просторъ, —
„Посмотри, какъ расцвѣтаетъ
„Солнца радостнаго взоръ!
„О туда! чего страшиться
„Въ благоденственной странѣ!
„Какъ мнѣ волей не упиться,
„Какъ зарею не облиться,
„Какъ туда не мчатся мнѣ!“

продержали въ своихъ мысляхъ и дыхахъ. И
все же, Наполеоновъ не столько на свѣтъ,
сколько наберется людей способныхъ возвъ-
щать о своихъ прихотяхъ стихами!

Молодые люди! во имя божественной поэзіи
— побойтесь хоть потомства, если ужъ не
страшны вамъ современники, которые, честью
увѣряемъ васъ, такъ навѣрнулись къ стихамъ,
что — безжалостные — съ улыбкою перелесты-
ваютъ современную поэзію, и съ миромъ,
если не съ горькой улыбкой, проходить мимо
авторскихъ подписей и подписей даже „круп-
ныхъ.“ . . . .

О, горе, горе намъ! чувствуемъ — это от-
говитъ отъ Маяка, можетъ быть многихъ изъ
поэтовъ современныхъ, и — бидважка — онъ
на языкъ останется одноклпннъ въ своей каме-
нистой, прозаической пустынѣ: ни одна сти-
хотворная былинка не утѣшитъ глаза утомлен-
наго путника! . . . . Какъ же намъ быть?

Я ужъ право и не знаю! А можетъ той по-
рой они поучатся, поучатся, поучатся, поза-
падутся не одними звуками, и запоютъ какъ
Филомела . . . . счастливая надежда! . . . .
О, Маякъ готовъ готовъ хоть десять дѣтъ по-
этически „пустовать“ до возрожденія этой
живой весны на нашей связжводедовитой поэ-
зіи.

Редакт.

P. S. Да послужать сіи строки, выдвѣлен-
ныя болѣе сердечною отъ пустозвучанья Рус-
скихъ стиховъ, — отвѣтомъ на множество сти-
ховъ нами полученныхъ, которые нѣ будутъ
напечатаны.

И вспорхнула, расплеснула,
Крылья бьши свои,
И въ лазури потонула,
Въ золотыхъ волнахъ зари,
А межъ тѣхъ, какъ привидѣнье,
Буря кралась въ небеса
И покинула для хищеня
Ястребъ черные лѣса.

Я. ЩЕТКИНЪ.

ЗАВѢТНЫЙ КРАЙ.

Есть дивный край, страна заповѣдная,
Рубежъ ея на сѣверныхъ снѣгахъ,
И знойный югъ, другой рубежъ вѣчал,
Разсыпалъ блескъ въ привѣтливыхъ цвѣ-
тахъ.

И въ той странѣ, гдѣ расцвѣтаетъ лѣто,
Гдѣ вьюги мчитъ угрюмая зима,
Гдѣ ночь темна и долго нѣтъ разсвѣта,
Гдѣ ночь свѣтла и роскоши полна;
Гдѣ горь хребетъ улегся исполномъ,
Созрѣвшица въ груди своей зарывъ,
Гдѣ широко раскинулъ по долинамъ
Зернистыхъ жатвъ сіяющей разливъ.
Гдѣ моря зыбь, какъ нѣжная подруга,
Ласкается у пышныхъ береговъ,
И мчитъ корабль на грань земнаго круга,
Въ пустыню водъ, подъ сѣнью парусовъ.

Тамъ городъ есть, возмобленникъ при-
роды,

Красавецъ сынъ великаго отца;
Издалека къ нему сошлись народы
Съ богатствами для чуднаго вѣнца.
Какъ онъ красивъ, — могучее созданье!
Въ разсвѣтныи часъ весеннею порой,
Когда онъ ждетъ священнаго возстанья,
Царя свѣтилъ изъ влаги голубой!

Ни звука . . . . тишь . . . . подъ дым-
кою тумана,
Онъ дремлетъ . . . . мигъ . . . . и полная
огни,

Взопла на край святаго океана,
Въ шатеръ небесъ, красавица зоря.
Раскинуть блескъ и золотою влагой
Омылось тучъ свинцовое чело,
И веселясь кипучею отвагой,
Свѣтлю днѣ лучами расцвѣю.
Воспрянулъ градъ, — дрема съ него сле-
тѣла,

Онъ выкинулъ свой окриленный флагъ,
И вотъ стрѣла его твердыни засвѣтлѣла
Въ сини небесъ и трепетныхъ волнахъ.
И издали, въ жемчужный валь задива,
Вкругъ береговъ задумчива, свѣтла,
Плыветъ рѣка, парией горделивой,
И серебромъ кипитъ ея волна.
Играетъ жизнь: гремятъ толпы народа;
Разносится призывный въ храмы звонъ,
И градомъ симъ любитъ природа;
Пѣвецъ поетъ восторгомъ оживленъ:
„Привѣтъ тебѣ, страна заповѣдная!
„Завѣтныи край, ты красотой богатъ!
Люблю тебя, Россія, мать родная!
Какъ не любить тебя, роскошный Пе-
троградъ!

Я. ЩЕТКИНЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКАГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ:

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Домъ Оболенскаго въ отдаленной части
Москвы.*)

МАРІА (*одна, смотритъ въ окно*).

Нѣтъ! онъ нейдетъ . . . Гдѣ онъ замедилъ?
Ночь на дворѣ — такъ долго ждать за-
ставить?

Безсовѣстный! А говорить, что любить,
Что я ему всего дороже — каждый часъ
Который проведетъ онъ не со мной — ему
потеря!

Нѣтъ! онъ давно ужъ такъ не говоритъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Москвѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ привезъ меня

сюда —
Онъ ужъ непрежній, онъ нетотъ. — Гдѣ ласки,
Гдѣ счастье и любовь? Задумчивъ, мра-
чень,

И молчаливъ . . . Ахъ бѣдная Марія!
Твои златые пролетѣли дни . . .

Я сирота — мнѣ онъ одинъ остался въ мирѣ,
И если онъ меня покинетъ, онъ разлю-
бить —

Кто мнѣ привѣтомъ сердце отогрѣетъ?
(*Слышитъ шумъ*).

Онъ? Нѣтъ! Не онъ . . . вѣщаетъ сердце

Не добрѣ... О Пресвятая! защити его —
Въ недоброе такое время,
Кто поручиться можетъ, что бѣда и горе
Не сторожатъ насъ на пути? Отецъ мой
добрый!

На горе ты благословилъ меня, и счастье
Мелькнуло, пролетѣло птичкой мимолет-
ной...

Пахомко и Марія.

Марія.

Ахъ! Это ты, старикъ? Что такъ давно
Тебя не видно? —

Пахомко.

Все заботы, да работы,

Матушка —

Марія.

У всѣхъ у васъ заботы!

И мужъ мой говорить мнѣ тоже,
И ты....

Пахомко.

Что дѣлать? Мы на то родились,
По заповѣди Божьей, во трудахъ путь
жизни

Вести до отдыха....

Марія.

А гдѣ-же будетъ отдыхъ?

Пахомко.

Гдѣ? Матушка! Тебѣ о томъ
И рано помышлять, и для чего —
Веди въ веселыи жизнь. Вѣдь, слава Богу,
Тебя Господь благословилъ супругомъ...
Что ты задумалась? Ты плачешь?
Скажи, что сдѣлалось? Позволь мнѣ,
Вѣрному рабу, узнать причину скорби?

Марія.

Я не грущу, а вотъ — гдѣ онъ — его со
мною нѣтъ!

Пахомко.

И, слава Богу! сохранить его Господь!

Марія.

Боюсь не разлюбилъ-ли онъ меня...

День цѣлый

Проходитъ часто безъ него. Гдѣ онъ?

Что дѣлаетъ? И кто мнѣ скажетъ

Что не разлучница какая увлекла его!

Пахомко.

Одна разлучница у васъ — служебный
долгъ,

Его супругу твоему нельзя оставить.

Не съгуй, матушка!...

(Молчаніе)

А я къ тебѣ пришелъ

Челомъ ударить, попросить тебя —

Марія.

Скажи, что я могу?

Пахомко.

Охъ! многое ты можешь!

Вотъ видишь — совершается бѣда такая,
Что злой совѣтъ бояръ рѣшилъ недавно
гибель

Такого человѣка, о которомъ Русская
земля

Заплачетъ горько. Но его спасти

Ты можешь быть, успеешь —

Марія.

Я!

Пахомко.

Ты.

Марія.

Какъ? Скажи!

Пахомко.

Да, просто, матушка — ты попроси су-
пруга,

Да, знаешь — попроси его сердечнѣе, съ
любовью,

Такъ попроси, какъ будто за отца род-
наго

Тебѣ просить пришлось —

Марія.

А кто же тотъ, скажи,

О комъ просить я буду?

Пахомко.

Онъ — человѣкъ большой,
Но впалъ въ несчастіе такое, что теперь
Жизнь его въ рукахъ враговъ —

Марія.

Жизнь? Господи помилуй!

Старикъ! скажи мнѣ: кто же мой супругъ?

Пахомко.

Какъ будто ты не знаешь!

Марія.

Онъ мнѣ говоритъ,

Что Княжій онъ околышчій, а имя

Иванъ Овчина. —

Пахомко.

Если онъ сказалъ,

Такъ, стало, такъ и должно быть.

Марія.

Старикъ!

Лукавишь ты со мною! Богъ съ тобой!

Послушай:

Пусть онъ простой Околышчій, но отъ
чего же

Чего бы я ни захотѣла, все готово —

И снѣди сладкія, и платье дорожное.

А между тѣмъ его приказъ и слово —

Изъ дому ни ногой; въ Москвѣ первопре-
стоольной,

Я жить должна, какъ будто-бы въ какой
Обители пустынной. Гдѣ проводить дни?

За чѣмъ запретъ столь строгій... Страшно!

Мнѣ иногда приходитъ въ мысль...

Пахомко.

Какад,

Матушка, приходитъ мысль тебѣ?

Марія.

Та... Нѣтъ!... Онъ не злодѣй — злодѣй

не можетъ

любить такой любовью — на лицѣ его

Такад свѣтлая душа... Старикъ! Онъ

не злодѣй?

Не крестя онъ отъ суда людскаго? И

душа его

чиста, какъ Божія заря на небѣ!

Не правда ль?

Пахомко.

Правда, матушка. Гони ты отъ себя

Всѣ мысли черныя, и вѣрь ему!

Марія.

Какъ Богу,

Ему готова вѣрять! Еслибъ цѣлый свѣтъ

сказалъ мнѣ: онъ злодѣй! Я цѣлому бы

свѣту

сказала: *Нѣтъ! онъ не злодѣй!*

Пахомко.

О чистая душа!

Марія.

Старикъ!

Ахъ! ради Бога — Скажи! кто онъ? Ты знаешь —

Пахомко.

Я...

Марія.

Ты знаешь, ты скрываешь отъ меня!

Пахомко.

Когда-бъ онъ былъ злодѣй, такъ, какъ, скажи, его

Просить о милости —

Марія.

А если онъ простой Окольниковъ, какъ на совѣтъ Болгарскій Онъ можетъ быть доступенъ?...

Пахомко (*въ сторону*)

О, хитра!

По батюшкѣ пошла! А почему-жъ не такъ

Онъ храбрый Воевода —

Марія.

Воевода?

Пахомко.

Только чина

Онъ меньшаго, но любимъ....

Марія (*испугавшись*).

Кѣмъ онъ любимъ!

Пахомко.

Тебѣ мерещится все некое — Не дѣвицей красной Не вдовушкой боярской, не женой чужею, А Болгаринъ однимъ...

Марія.

Ну?

Пахомко.

А Болгаринъ этотъ

Спленъ въ совѣтъ Княжескомъ, и можетъ Спасти страдальца отъ напрасной смерти...

Когда захочетъ твой супругъ — спасенъ онъ будетъ,

Охъ! помоги — Охъ! попроси его!

Марія.

Старикъ! Послушай — кто былъ мой отецъ?

Кто мать моя была? Ты ихъ знавала —

Пахомко (*смущался*).

Знавала-ли?

Марія.

Гдѣ они?

Пахомко (*указывая на небо*).

У Бога!

Марія.

И какъ запомню, все была я сиротой, Меня *Маріей* звали *горемыкой* — я всегда жила

Въ семьѣ чужой. Когда явился онъ,

И мнѣ сказали, что онъ будетъ мнѣ супругомъ, —

Я отдала ему жизнь, руку, сердце — все, Все отдала ему предъ алтаремъ я Божьимъ!

Старикъ! Меня обманываешь ты!

Ты знаешь, кто былъ мой отецъ, кто мой супругъ....

Пахомко.

На что же знать тебѣ? Счастливей-ли ты будешь

Когда узнаешь все? Праматерь Енву Сгубило вотъ такое-же желанье знать!

Марія.

Пусть губить — знать хочу я! Говори!

Пахомко.

А спрашивала-ль у супруга ты?

Марія.

Онъ говорилъ, что онъ Окольниковъ Овчина,

А мой отецъ кто былъ — не знаетъ;

Что онъ меня увидѣлъ, полюбилъ,

И еслибъ дочь была я рыбака —

Простаго селѣнина — Знать не хотеть онъ!

Пахомко.

Вотъ, матушка, учись-же у супруга

Любить и — вѣрять!

МАРІА.

Для чего при немъ,
Ты не приходишь? Для чего просилъ ты,
Несказывать, кто ты, что ты бываешь
здѣсь?

Ты хитрый плутъ — ты показаться на
глаза

Ему не смѣешь!

ПАХОМКО.

Развѣ нянюшка тебѣ
Не говорила, что я добрый человѣкъ,
Что я тебѣ добра желаю?

МАРІА.

Добрый человѣкъ
Скрывать себя не станеть . . .

ПАХОМКО.

Если такъ,
Такъ я и не приду —

МАРІА.

Ахъ! не сердись, старикъ!
Но эта неразгаданная тайна,
Но это сиротство, какъ тяжело оно —
У всякаго отецъ, и мать, и братья.
А у меня — кто у меня?

ПАХОМКО.

Супругъ, который любитъ. . .

МАРІА.

Но тотъ, кому я просьбой у супруга
Жизнь вымолю, кто онъ? Какъ я начну,
Когда не знаю, за кого просить я стану?

ПАХОМКО.

Ты такъ скажи ему, что няня
Тебѣ порасказала, будто по Москвѣ
Идутъ такія вѣсти, что одинъ великій
И важный человѣкъ судомъ Болрескимъ
Ко смерти осужденъ — что видѣла ты сонъ,
Что такъ тебѣ придумалось — а лучше
Возьми ты слово напередъ, что если

любить онъ,

Такъ за него стараться будетъ —

МАРІА.

За кого-же?

ПАХОМКО.

За дядю Княжескаго, Старицкаго Князя
Андрея Иоанновича.

МАРІА.

Дядю Князя — Великаго?

ПАХОМКО.

Да, за него. Молись усердно Богу
Чтобъ сердце твоего супруга онъ смягчилъ,
Чтобы рѣчамъ твоимъ далъ силу убѣж-
денья,
Чтобъ сердце распялось отъ рѣчей тво-
ихъ. . .

МАРІА.

И онъ, спасень быть можетъ?

ПАХОМКО.

Можеть!

МАРІА.

Мной?

ПАХОМКО.

Господь дастъ младенцу силу слова!
Дастъ слово твой супругъ — его онъ

сдержитъ,

И будетъ благодать съ тобой Господня! —

МАРІА.

Я умолю его, я упрошу его! Ахъ! злые
люди —

Ужели и супругъ мой въ ихъ совѣтъ?

Скажи. . . Но тамъ въ кольцо ударили —
онъ — онъ

Ты слышишь? Онъ . . . супругъ мой!

ПАХОМКО.

Матушка! прощай —

И обо мнѣ ни слова, ради Бога —

Повѣрь, что я тебѣ добра желаю —

МАРІА (*прыгал по комнатамъ*).
Онъ, онъ!

ПАХОМКО (*съ стороны*).

О Господи! какъ любить!

А онъ ее, онъ такъ-ли любить! серд-
це человѣка!

Какъ ты темно — какъ разгадать тебя?

(*Пахомко уходитъ*).

ОВОЛЕНСКІЙ И МАРІА.

МАРІА.

Мой милый другъ, мой золотой, безцѣн-
ный.

Сокровнице мое!

ОВОЛЕНСКІЙ (*обнимал ея*).

Моя Марія.

МАРІА.

Ахъ! полюбоваться

Мнѣ дай тобой, мой соколъ златокрылый!

Усталъ ты — дай твой мечъ тяжелый
я спину —

Сядь, отдохни!

ОВОЛЕНСКІЙ (*содитса*).

Марія, милый другъ! благодарю.

МАРІА.

Какъ долго ты не шель!

ОВОЛЕНСКІЙ.

А развѣ скучно

Тебѣ, когда не вмѣстѣ мы?

МАРІА.

Еще-бы весело! День цѣлый. . . .

ОВОЛЕНСКІЙ.

Что же дѣлать!

Дѣла —

МАРІА.

Богъ съ ними! что тебѣ за радость
За ними убивать твое веселье?

ОВОЛЕНСКІЙ (*мрачно*).

Какъ? веселье

Убивать?

МАРІА.

Прости меня, а, право, мнѣ одной
Чего на мысль не придетъ, если нѣтъ тебѣ!

ОВОЛЕНСКІЙ (*улыбался*).

А что жь такое въ мысль тебѣ приходитъ?

МАРІА.

Я позабыла все, какъ со мной,

И съ радости готова плакать!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Дитя!

МАРІА.

Нѣтъ! сердцемъ я состарѣлась. . . .

ОВОЛЕНСКІЙ.

Давно-ли?

МАРІА.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы сюда прѣехали,
въ Москву,

Мнѣ кажется, такой ты сталъ печаль-
ный, скучный. . .

ОВОЛЕНСКІЙ.

Печальный, скучный, если ты со мной?

Полно — дай мнѣ вина, Марія — уто-
мился я

Пить мнѣ хочется, а чара романен
Меня развеселить.

МАРІА (*печально*)

(Не поцѣлуй Маріи,

А чара романен развеселить его!)

(*уходитъ медленно*)

ОВОЛЕНСКІЙ (*одино*)

Мнѣ жаль тебя, моя Марія—

Я точно измѣнился — я не тотъ,

Я самъ себѣ разсудка дать не смѣю. . . .

И зачѣмъ мою судьбу, мятежную судьбу,

И страсти огненные соединилъ

Съ ея невиннымъ, добрымъ сердцемъ?

Я ее любилъ — люблю. . . . Но, горе че-
ловѣку,

Когда не чистая любовь, святая

Сердца связала, а корысть. . . .

Не сердца я ея искалъ, и не Маріи —

Сабуровыхъ родства — а съ нимъ. . . .

(*ударилъ въ грудь*)

Здѣсь нѣтъ покоя — голова молъ горитъ,
Что будущее ты мнѣ скажешь?

(*ходитъ и останавливается*).

Господь! не видишь въ судъ съ рабомъ,
Кто оправдается предъ тобою—кто пос-
мѣетъ,

Передъ тобою съ простотою младенца
стать,

И въ сердце заглянуть безъ трепета свое.
(*Молчаніе*).

Какъ счастливъ я бывалъ, когда без-
печный, смѣлый

Забывъ вчера, о завтрашнемъ не помы-
шляя днѣ,

Я только въ бой стремился, и съ мечемъ
Былъ друженъ, и крамолы чуждый, сму-

тамъ
Боярскимъ насмѣхался. . . . будто огнен-
ные змѣи,

Теперь они облачили меня. . . .

МАРІА (*входитъ*)

Вино.

Ты пить просилъ.

ОВОЛЕНСКІЙ.

А, да! благодарю. Марія!

(*садится*)

Ты что-то, въ самомъ дѣлѣ, такъ печальна—

МАРІА.

Нѣтъ, ничего — я весела —

ОВОЛЕНСКІЙ.

Слѣдъ здѣсь

Какъ ты мила, какъ хороша ты, милый
другъ!

МАРІА (*жико*)

Что мнѣ начать съ нимъ говорить?

Какъ прежде много словъ, рѣчей бывало—
(*въ слухъ*)

Сердце говорило—а теперь. . . — Могу-ли,
Мой милый — просьба у меня къ тебѣ. . .

ОВОЛЕНСКІЙ (*разстѣянно*).

Какая?

Аль ферязь новую, аль поясъ золотой —
МАРІА.

Нѣтъ! ихъ и безъ того мнѣ много —

Не износить и въ сорокъ дѣтъ.

ОВОЛЕНСКІЙ.

Ну, что же?

МАРІА.

Нѣтъ! . . . . (*робко*) я теперь въ Москвѣ,
а до сихъ поръ,

Еще я не видала, ни Кремля,

Ни княжнихъ теремовъ и ни святыхъ со-
боровъ—

ОВОЛЕНСКІЙ.

Ну —

МАРІА.

Мнѣ все хотѣлось бы увидѣть ихъ—поз-
воль —

Я въ теремѣ моемъ, какъ птичка въ
дѣткѣ. —

ОВОЛЕНСКІЙ (*сурово*).
Этого нельзя! — Что по Москвѣ бродить?
И безъ того тебѣ есть чѣмъ заняться

дома —
Шей мнѣ ширинку, свойъ нижи кокош-
никъ —

МАРІА (*тихо*).
(Какъ мнѣ начать — ему я обѣщала. . .)
(*Въ слухъ*)

Еще . . . .

ОВОЛЕНСКІЙ.
Скажи смѣле?

МАРІА.
И ты исполнишь?

ОВОЛЕНСКІЙ. (*усмѣхался*).
Я не знаю —
ты, можетъ быть, попросишь, что-бы я
тебѣ

Вчера поворотилъ на завтра —

МАРІА.
Нѣтъ . . . . (*робко*) скажи . . . Ты въ
Княжескомъ Дворѣ бываешь;
ОВОЛЕНСКІЙ. (*изумляясь*).
Къ чему такая рѣчь!

МАРІА.
Мнѣ . . . Няня говорила —
ОВОЛЕНСКІЙ. (*успокоиваясь*).
О Боярахъ? Что-жь такое?

МАРІА.
Что будто многіе тебя Бояре любятъ
ОВОЛЕНСКІЙ. (*усмѣхался*).
Богъ знаетъ!

МАРІА.
Слушаютъ тебя —
ОВОЛЕНСКІЙ.

Быть можетъ —
МАРІА.

Вотъ, еслибъ ты говорилъ Боярамъ,
И заступился за страдальца . . . Добрымъ
дѣломъ

Ты Богу угодишь, а я тебя еще
любить сильнѣе буду — такъ любить . . .
ОВОЛЕНСКІЙ.

Что за страдальецъ? Что такое?

МАРІА.
Къ нянѣ

Приходилъ . . . какой-то мужъ благоче-
стивый . . . .

Юродливый онъ что ли . . . говорить,
Слухъ носится —

ОВОЛЕНСКІЙ.
Послушаемъ Московской сплетни —
МАРІА.

Что будто бы совѣтъ Боярской осудилъ

ОВОЛЕНСКІЙ. (*въ сторону*).
(Что говорить она?)

МАРІА.
На смерть . . . роднаго дядю —
Но ты меня пугаешь — (*Оболенскій гитчико*
взглядываетъ на нее)

ОВОЛЕНСКІЙ.
Гогори, когда ты начала!

МАРІА.
Роднаго дядю . . . Старицкаго Князя . . .
И если ты захочешь попросить, то мо-
жешь

Спасти его . . . .

ОВОЛЕНСКІЙ. (*Въ бытность*).
Кто смѣлъ тебѣ внушить
Такия рѣчи? — Говори, Марія, кто такой
Благочестивый мужъ? За чѣмъ, какъ былъ
онъ здѣсь?

МАРІА.
Ахъ! Ради Бога . . .

ОВОЛЕНСКІЙ.
Няню, глушую старуху —
Сюда ее . . .

МАРІА.
Мой другъ!

ОВОЛЕНСКІЙ.
О! Ты не искренна со мной!
Смотри мнѣ въ очи прямо — ты лукавишь,
МАРІА.

Мой милый!
ОВОЛЕНСКІЙ.

Говори мнѣ все — желанье,
Смотрѣть на Кляжій теремъ, на Москву
И толковать о томъ, о чѣмъ вамъ знать
не должно —

МАРІА.
Но самъ ты виноватъ, за чѣмъ мнѣ не-
позволить,
На свѣтъ и на людей взглянуть хоть
разъ . . .

ОВОЛЕНСКІЙ.
Несчастная! Ты хочешь погубить — себя
— мени —

МАРІА.
О Боже правосудный!

ОВОЛЕНСКІЙ.
Знаешь-ли, что если
Тебя увидятъ здѣсь, узнаютъ . . . знаешь-
ли кто ты?

МАРІА.
Я . . . я . . . не знаю! . . .
ОВОЛЕНСКІЙ. (*Насмѣшливо*).
Будто ты не знаешь,
Будто няня выболтала всей тайны
Тебѣ не смѣла —

МАРІЯ.
Тайны?

ОВОЛЕНСКІЙ.

Вудто не сказала
Кто быть супругъ сестры твоей! — И ты
Со мной лукавишь? Я — глупецъ, — я ду-
малъ

Что сердце женское коварству недоступно!

МАРІЯ.

О Боже! Какъ онъ страшенъ!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Родъ Сабуровыхъ въ тебѣ
Не измѣнилъ своей породы хитрой.

МАРІЯ.

Какъ? развѣ я Сабурова?

ОВОЛЕНСКІЙ.

Притворство!

МАРІЯ. *(Не слушая его)*.

Такъ развѣ о сестрѣ моей несчастной,
Мнѣ няня, со слезами, говорила, какъ она
Плѣнила красотою вѣстителя Москвы,
И онъ надѣлъ ей на главу Княжой вѣнецъ;
И какъ потомъ плѣнился онъ другою,
И бѣдную сослалъ въ безвѣстныя края,
И съ молодой Литвянкой счастливъ былъ!

О мой супругъ! скажи мнѣ гдѣ она?
Гдѣ бѣдная сестра? Гдѣ мой отецъ?

ОВОЛЕНСКІЙ.

Не знаешь ты? *(Тихо)* измѣна, ложь — от-
крыто

Здѣсь тайное удѣжище Маріи —
Старуха няня дастъ отвѣтъ за все,
И кто благочестивый этотъ мужъ . . .
Скажи, Марія . . . *(Долго смотрявши на нее)*
нѣтъ! Она невинна —

Она не знаетъ тайныхъ гибельныхъ сѣтей
Какія злоба разстидаетъ вкругъ меня!

Сядь сюда, Марія . . . Полно плакать . . .
ты расскажешь мнѣ

Все — я тебя прощаю — ты не знала . . .
видишь:

Не долженъ ли скрыватьъ я отъ людей,
Что ты въ Москвѣ, что ты моя жена?
Послушай . . . я расскажу тебѣ . . .

Великій Князь Василій,

Въ юности, женился на сестрѣ твоей.

Красавица была Соломонія

Какъ ты, Марія! Богу не угодно было
Благословитъ ихъ бракъ дѣтьми. Тогда

въ Москву
Прѣхалъ Глинскій Князь. Съ нимъ дочь
была

Красавица. Василій престарѣлый
Былъ увлеченъ Елены красотой —
Сестру твою отвергнулъ онъ, сослалъ;

Вашъ славный родъ погибъ въ изгнаньи,
въ ссылкѣ.
И казнь постигла тѣхъ, кто прекословить
смѣлъ.

Всѣ согласились съ Княземъ. —

МАРІЯ.

Всѣ? И ни кто, ни кто
Не смѣлъ сказать ему правдивыхъ словъ?

ОВОЛЕНСКІЙ.

О, ты еще не знаешь,
Какъ трудно сильнымъ правду говорить —
Максимъ Премудрый, Беклемишевъ, мой
отецъ

Осмѣлился — ихъ смерть постигла и из-
гнаше!

Тебя увидѣлъ я, тобою плѣнился я;
Ты въ сиротствѣ жила у тетки преста-
рѣлой —

Ты, разлученная съ родными, ничего не
знала

И тетка говорить тебѣ не смѣла —

МАРІЯ.

А мой отецъ?

ОВОЛЕНСКІЙ.

Онъ умеръ.

МАРІЯ.

Мать?

ОВОЛЕНСКІЙ.

Не спрашивай меня.

Ты видишь-ли, Марія, почему
Мой бракъ съ тобою я скрывалъ, какъ
танишу?

Я голсовою любовью твою купилъ.

Василій умеръ — Власть къ Еленѣ пе-
решла,

Она Россіей править именемъ сыновнимъ.

МАРІЯ.

И ты меня покинешь, какъ Василій
Мою сестру . . .

ОВОЛЕНСКІЙ. *(Смуцилась)*.

Я? . . . Боже сохрани! . . . Моя подруга,
Моя Марія . . . Но съ твоимъ няней,
Мнѣ должно говорить, съ болтуней ста-
рой —

Марія! Счастіе твое въ повиновеніи мнѣ!
Я возвратитъ хотѣлъ сестрѣ твоей и роду
Богатства, славу — можетъ быть, я воз-
вращу —

МАРІЯ.

Не отнимай любви — мнѣ ничего не надо!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Пошли мнѣ няню . . .

(Марія уходитъ)

ОВОЛЕНСКІЙ.

Слабую жену

Обманывать легко — но, Бога, совесть —
замолчи, злодѣйка!

Когда противъ Елены думалъ я возстать,
Предвидѣть могъ ли я, что все ея рука,
Все мнѣ отдать говота будетъ — почести

и славу
И первымъ въ сонмищѣ Бодръ меня по-
ставитъ,

И . . . Женщина . . . Елена! . . . Разга-
даль-ли я? . . .

Вънецъ твой Княжій — онъ . . . не защи-
титъ тебя.

Отъ страсти тайной . . .
Оболенскій, Оболенскій!

Судьба тебя льветъ — по цвѣтамъ
Ведетъ тебя, но подь цвѣтами

Таятся змѣи . . . .
(Рѣшительно)

Все узнать! Потомъ разсудимъ — гдѣ
Гдѣ нѣя? что она нейдетъ? — Враги мои!

Вы все могли узнать, — сказать Еленѣ
могутъ —

Тогда . . . . Местъ женщины ужасна . . .
Нѣтъ, враги мои!

Перехитрить себя не дастъ вамъ Оболен-
скій.

Я сѣти ваши разорву, какъ паутину . . .
МАРІЯ. (Оди).

Гдѣ онъ? . . . О Боже! Какъ онъ страшенъ,
Столь грознымъ въ первый разъ увидѣла
его!

И за чѣмъ раскрылъ онъ бездну,
Отъ которой закружилась голова моя?

Такъ то была не сказка — былъ? Отецъ,
сестра,

Но онъ не все сказалъ — не все — онъ не
Иванъ Овчина —

Охъ! Сердце, сердце бѣдно! ты носшь,
Ты тоскуешь! — Черный воронъ
Здѣсь клюетъ — тоска кручина!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Мрачный лѣсъ. ЛИТОВСКІЙ КОЛДУНЪ, и
вокругъ него ВАЙДЕЛОТЫ).

(Гуля и громъ. Нарядкѣ
слышны выстрѣлы).

ХОРЪ.

Греми, пылай огонь перкуна,
Стенай и плачь угрюмый лѣсъ!
Свершилась грозная судьбина
И кара гибельныхъ небесъ!

Колдунъ.

Гдѣ вы, могучіе потомки Гедимша?
Гдѣ, гдѣ вы, Витовта отважные сыны?
Мечъ Русскій молніей сверкаетъ луче-
зарный,

И пала слава доблестной отчизны!
Давно-ли мы къ стѣнамъ Москвы

Съ хоругвию Олгерда подходили,
И дань несли намъ Русскіе Князья
И въ храмъ Свенторога дивный огонь го-
рѣлъ!

Плѣнь и гибель пролетѣли,
И, сѣдой служитель алтарей,

Я пережилъ паденіе Боговъ Литвы —
Ужли переживу паденіе нашей славы?

Симеонъ Бѣльскій (съ несущимъ
раненаго).

Дайте умереть — здѣсь . . . Лучше умереть
Чѣмъ славу зрѣть врага — побѣду, и без-

сильно
Ему покорствовать . . . Идите въ бой —
вы мнѣ ненужны . . .

(Они, принесше Бѣльскаго уходять)
Колдунъ (подходить къ нему).

Скажи намъ, храбрый воинъ — Что бой?
Симеонъ Бѣльскій.

На что тебѣ?
Смѣяться хочешь ты, надъ тѣмъ, кто уми-
раетъ!

Колдунъ.

Смѣяться!
Симеонъ Бѣльскій

Да, кто побѣжденъ — позоръ тому!
Колдунъ.

Не счастье ли играетъ нами? Битва —
Игра, и часто храбрый трусомъ побѣж-
денъ!

Симеонъ Бѣльскій.

Охъ! еслибъ такъ — О, еслибъ, умирая,
Я видѣлъ счастья игру въ позорѣ нашемъ

Нѣтъ! то не случай былъ — онъ вождь
великій —

Со скрежетомъ зубовъ я говорю: онъ
вождь великій!

Какъ быстро сдвинулъ онъ полки — какъ
этотъ бой,

Рѣшительный, кровавый, былъ разчи-
танъ —

Онъ въ Вильну отворилъ ему дорогу!
И въ браши видѣлъ я его — какъ ангелъ

смерти,
Онъ по рѣдамъ леталъ съ стальной сѣки-
рой, . . .

Отчизна бѣдная! — Погибло все!

(Забывается)

Колдунъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не все погнбло!
 Когда намъ счастье измѣнило, измѣнила
 храбрость,
 И силы челоуѣка слабы стать въ борьбу
 Мы силы ада движемъ — сильнаго вождя
 Мы побѣдимъ очарованьемъ адскимъ!
 Сюда, лѣсовъ Литовскихъ Вайделоты!
 Внимайте: побѣдила насъ Москва, и Князь
 младевецъ,
 Литвянки Глинской сынъ, надъ старымъ
 Королемъ
 Побѣду торжествуетъ. — Движемъ наши
 силы,
 Сзовемъ духовъ изъ ада и земли, огня,
 воды,
 Вѣдмъ Киевскихъ и Финскихъ чароуѣвъ,
 Раздуемъ искру, западимъ пожаръ —
 Вождь Русскій, чьей рукой Москва сильна
 Опутанъ демонскою сѣтью властолюбья!
 Задушимъ мы его въ таинственныхъ сѣ-
 тяхъ —
 О, страшно онъ погибнетъ —
 Мечтая взять вѣнецъ, онъ голову поло-
 жить,
 И съ головой его падутъ главы столь
 многихъ,
 Рѣкою кровь полетѣтъ — позабудетъ Русь
 побѣды,
 И разтерзаютъ грудь ея крамолы и вра-
 жды,
 И юный ихъ властитель грознымъ будетъ
 Царству!

Совершайся ада мечь!
 Зло, раздоръ, погнбель, брани,
 Ухищренье, мщенье, ясть,
 Съ адскимъ пламенникомъ въ длани
 На могучаго вождя
 Поспѣшите, поспѣшите!
 Какъ туманомъ ослѣпите
 Очи свѣтлые его!
 Будто хитрою змѣю,
 Въ сердце, въ умъ его вползите,
 Въ ядъ глетворный обратите
 Свѣтъ ума и солица свѣтъ . . .
 Мщенью, злобѣ мѣры нѣтъ!

(Громъ. — Выстрѣлы утихаютъ.
 Колдунъ и Вайделоты исчезаютъ).

Поляки (бѣгутъ черезъ сцену)

Спасайтесь!

Русскіе (преслѣдуетъ ихъ)
 Съ нами Богъ!

Оволенскій. (Съ мечемъ)

Сюда, друзья! гоните,

Тамъ, черезъ лѣсъ! Захватывайте путь!

Дорогу имъ отрѣжьте — бейте сборъ!

(Уводъ Бѣльскаго).

Что вижу я? Здѣсь Польскій вождь? Ско-
 рѣй помочь!

Сим. Бѣльскій.

Прочь — вы враги!

Оволенскій.

Мы не враги, когда окончень бой!

Сим. Бѣльскій.

Вы побѣдили, и — вы Русскіе — нѣтъ смерть
 отраднѣе?

Оволенскій.

Кто это? Симеонъ! Тебя-ли вижу я?

Ты-ль, Симеонъ, измѣнникъ, врагъ мой
 лютый

Сим. Бѣльскій. (Подымаясь).

То голосъ Оболенскаго.

Оволенскій.

Возьмите, — сберегите

Для казни жизнь его!

Сим. Бѣльскій.

Стой, гордый побѣдитель!

Не твой я — Божій; не тебѣ, но Богу,
 Отвѣтъ свой дамъ! Не разлучай съ мо-
 гилой,

Дай мнѣ спокойно умереть, съ отрадой,
 Что за отчизну я животь свой положилъ

Оволенскій.

Ты за отчизну? Умиралъ, преступенье,
 Ты хочешь прикрывать коварной ложью!

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! я негу — однажды въ жизни
 Нарушилъ я присягу родинѣ моей,
 И тяжело былъ наказанъ, и очистилъ
 Прощеньемъ Короля побѣгъ и стыдъ мой,
 И голову за родину кладу. Князь Оболен-
 скій!

Напомни смертный часъ — передъ могилой
 Всѣ оболщенья исчезаютъ. Горе тѣмъ,
 Кто правъ въ глазахъ людей, но въ сердце
 Находить судъ свой неумытныи — бере-
 гись!

Когда изъ мутнаго потока истекають
 И храбрость и побѣда! . . . Боже! духъ
 мой прими!

(Умираетъ).

Оволенскій (упирается на мечъ).

И только? И отъ Бѣльскаго, могущаго
 въ бояхъ,

Несытаго на почеть, буйнаго вельможи,
 Гореть праха? (Наклоняется на мечъ
 его) умерь! Богъ его прости!

О, если избирать на здѣшнемъ, бѣд-
 номъ свѣтѣ —

Двѣ участя завидны — или въ битвѣ часть

И душу положить за друга и за ближних,
Иль первымъ быть однимъ, среди жи-
выхъ людей,
Какъ солнце одиноко посреди свѣтилъ не-
бесныхъ!

Блаженъ, кто пролилъ за отчизну кровь
и отдалъ душу . . .

Но, что-же? Для чего меня хранила въ
битвахъ
Десница Бога? Я щадилъ-ли жизнь въ
бояхъ?

И для чего стезей непостижимой
Меня къ величію вела и довела,
И въ сонмъ избранныхъ — ить! ты
среди нихъ не *первый* Оболенскій!

Еще ты не властитель . . . — Трепетъ
по костямъ,
Едва лишь помышленіе душъ коснется..

Когда хоругвь победы на стѣнахъ Ка-
зани
Я водрузилъ — я помню ночь — я помню
сонъ . . .

Подъ костровъ, подъ заревомъ Казани
Сонъ тяжкій мною овладевъ —
То сонъ-ли былъ, или мечтанье на яву?
Мечталась мнѣ какая-то жена

Закрытая воздушнымъ покрываломъ
И она мнѣ подавала . . . Шапку Моно-
маха!

И умъ мой помутился, и съ тѣхъ поръ
Мнѣ не было улады, нивъ побѣдахъ,
Ни въ шумѣ брани, ни среди пировъ ве-
сельныхъ!

Нѣтъ дружбы для меня и нѣтъ любви—
Все мысль одна — проклятая, губитель-
ная мысль! . . .

Свершишь моя мечта, или исчезни,
Дай мнѣ покой — о, совершишь хоть на
мгновенье! . . .

Преступникъ! славу добрую на что мѣ-
няешь ты?

Проклятемъ замѣнить благословенье,
адамъ рай! . . .

Въ недоступной высотѣ
Великокняжескій святой престолъ по-
ставленъ . . .
(*Задумывается*).

А, еслибъ могъ я въ будущее заглянуть . . .
(*Колдунъ идетъ изъ лпса*).

Кто это? Привидѣнье полуночи, или де-
монъ

Во образъ бродящій челоука?
Колдунъ.

Привѣтствую тебя, Великій Князь Мо-
сковскій!

Оволенскій.

Ты ошибаешься—здѣсь нѣтъ Князей Мо-
сковскихъ!

Колдунъ.

Привѣтствую тебя Великій Князь Мо-
сковскій!

Оволенскій.

Ошибся, старецъ, ты!

Колдунъ.

Привѣтствую тебя,
Великій Князь Московскій!
Оволенскій.

Кто ты?

Колдунъ.

Лѣсовъ Литовскихъ житель,
Полѣвка я живу въ дремучихъ сихъ дуб-
ровахъ,

Ничто не скрыто предо мною—ни сердце
челоука,

Ни будущаго тайны. Изъ моей пещеры
Я вышелъ Русскаго вожда увидѣть — че-
ловѣка

Избраннаго судьбою на подвиги и царство!
Оволенскій.

Ты будущее можешь предсказать?

Колдунъ

Могу-ли?

Оволенскій.

Ты тайны можешь мнѣ открыть, кото-
рыхъ

Взоръ челоука проникать не можетъ?

Колдунъ.

Могъ-бы, но несмѣю! Содрогнется и без-
страшный сердцемъ,

Когда предъ нимъ таинственной судьбы
Поднять туманные грядущаго покровы!

Оволенскій. (*Схватываетъ его за руку*).
Старецъ! Подними ихъ предо мной!

Колдунъ.

О, суетной пытливости рабы!

А если сердце затрепещетъ, если духъ
Въ тебѣ смутится, когда тайны грозныя
судебъ

Лицемъ къ лицу увидишь ты?

Оволенскій.

Открой мнѣ ихъ!

Бери — я золота тебѣ дамъ много —

Колдунъ.

На что мнѣ золото? Имъ мудрости не
купишь!

Твое исполню я желанье. Цѣпь свою сними
И скинь шлемъ — стань здѣсь — вол-
шебнымъ кругомъ

Я очерчу тебя — ни шагу изъ него —
И имя Бога твоего призвать не смѣй

Мли погибнешь ты средь легионовъ тем-
ныхъ!
ОВОЛЕНСКІЙ (*цѣпится отъ*
ужаса).
Не содрогайся сердце и отъ устъ моихъ
молтва прочь!

Колдунъ.

РЕЧИТАТИВЪ.

Сюда, вы, духи темные, придите,
И изъ лѣсовъ дремучихъ, водъ глубокихъ,
Пещеръ подземныхъ, изъ палачаго огня
Изъ аера, гдѣ тучамъ грозите —
Сюда!

(*еромъ*.)

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съйте громъ
рѣшетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите
Духи тьмы!

Колдунъ.

Откройся тайна человѣку,
Скажись ему его судьба,
Да видитъ онъ грядущее очамъ.
Яснѣй, чѣмъ сердца тайны своего!

(*Видныя, мрачныя лѣсы исчезаютъ,
видныя волшебный котель съ ог-
немъ, и около него тлѣющая при-
видыня*).

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Гей, лей!
На пагубу людей,
Мы собрались,
Мы принеслись!
Кипитъ котель очарованій
И гибнетъ человѣка умъ
Въ огнѣ волшебныхъ обаяній
И тяжкихъ и преступныхъ
думъ!

(*Женщина является подъ покрываломъ, въ
рукахъ ея вѣнецъ, въ другой кинжалъ*).

ОВОЛЕНСКІЙ.

Она! опять она — вѣнецъ, кинжалъ и
покрывало!

Сними его — дай видѣть, кто ты,
Проклятое видѣнье! кто ты, кто ты?
Голосъ.

Я Елена!

ОВОЛЕНСКІЙ.

А золотой вѣнецъ — чей?

Голосъ.

Мономаховъ!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Кому его — кому?

Голосъ.

Тебѣ!

ОВОЛЕНСКІЙ.

А слышь Елены?

(*приидыня подымаетъ кинжалъ*)

Никогда! нѣтъ, нѣтъ!

Будь проклята ты, адская мечта... Го-
сподь! спаси меня!

(*Она выбѣгаетъ изъ круга, и все исчезаетъ*).

ОВОЛЕНСКІЙ (*запинался за
тѣло Симеона Блѣвскаго*).

Что это? Не ступень ли къ трону? Трупь!
Гдѣ я?

Колдунъ (*злобно*).

Что? Счастливей ты сталъ? Скажи —
Теперь ты будущее знаешь!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Обаятель!

Я на костръ велю сожечъ тебя!
За чѣмъ ты страшную открылъ мнѣ тайну,
За чѣмъ ты въ образы мечты мою облекъ!

Колдунъ.

Благодарю тебя!

ОВОЛЕНСКІЙ (*почти шепотомъ*).

И мой онъ будетъ? вѣнецъ?

И не погибну я?

Колдунъ.

Нѣтъ! Долголѣтень, славень,
Ты будешь, но страшись: настанетъ часъ
твой,

Когда двѣ свидятся сестры
Во мракѣ, средь ночной поры,
При свѣтѣ мѣсяца младаго;
Кольца страшися золотаго
И зелья берегись лихаго!

(*насмѣшливо*).

Привѣтствую тебя, Великій Князь Мо-
сковскій!

(*Громъ. Колдунъ пропадаетъ. Слышныя трубы*).

1-й ВОЕВОДА (*входъ*).

Сюда! Онъ здѣсь — мы здѣсь его найдемъ!

2-й ВОЕВОДА (*входъ*).

Привѣтъ тебѣ, нашъ сильный поведитель!
Знамена Польши и Литвы тебѣ прино-
симъ —

3-й ВОЕВОДА.

Изъ Москвы прѣхалъ къ намъ Бояринъ —

4-й ВОЕВОДА.

Польскіе послы тамъ ждутъ тебя.

1-й ВОЕВОДА.

И плѣнники рѣшенья ожидаютъ.

2-й ВОЕВОДА.

И войско ждетъ побѣдоноснаго вожда!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Сюда Боярина введите и Пословъ.

(*входятъ Шуйскій, послы и воины*).

Князь Васи́лій Шу́йскій! Ты-ли?
За чѣмъ въ такой ты путь рѣшился
дальнѣй?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Велѣніемъ Великія Княгини,
Съ побѣдами тебя поздравить — гривну
золотую

Вручить тебѣ, отечества спаситель!
Ханъ Крымскій, изумленный подвигомъ
твоимъ

Не смѣлъ на насъ подвигнуть хищныхъ
ордъ,

И предлагаетъ миръ, и проситъ пощадить
Литву и Польшу. Рядъ твоихъ побѣдъ
довольно безопаситъ нашу землю.

Миръ заключи. Спѣши — тебя въ Москву
Зоветь на торжество Великая Княгиня
И санъ тебѣ велѣла объявить
Намѣстника Смоленска и Казани!

Всѣ.

Ура! Намѣстникъ надъ Смоленскимъ и
Казанью!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Благодареніе, Князь Шу́йскій. Вамъ, то-
варищи мои,
Благодаренье!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Но смущенъ, ты, блѣденъ?
Не раненъ-ли ты, Князь?
ОВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Славный подвигъ,
Купилъ трудомъ ты тяжкимъ!

ОВОЛЕНСКІЙ (*вздвигнувъ*).
Да!

Онъ дорогъ мнѣ пришелся. . . .

ПОЛЬСКІЙ ПОСОЛЪ (*входитъ*).

Славный Воевода!

Отъ Короля привѣтъ тебѣ!

ОВОЛЕНСКІЙ.

А, панъ вельможный!

Ты видишь ли; сдержалъ я слово,
Какое далъ въ Москвѣ?

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Сдержалъ!

ОВОЛЕНСКІЙ.

Что скажешь намъ теперь?

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Король прислалъ,

Тебя просить о мирѣ —

ОВОЛЕНСКІЙ.

Вотъ — теперь давай мириться!

Пойдемъ и отдохнемъ за чашей круговой!

Сборъ трубить!

Всѣ.

Ура! Намѣстникъ надъ Смоленскимъ и
Казанью!

Н. ПОЛЕВОЙ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

Написанные А. С. Пушкинымъ (въ его молодости), къ одному товарищу и со-
считаннику своему по Царскосельскому Лицею *).

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes:
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня портрета моего,
Но — списаннаго съ натуры;
Любезный другъ, онъ скоро будетъ готовъ
Хоть и въ миниатюрѣ.

Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ классовъ;
Не глупъ, сознаюсь въ томъ безъ чиновъ
И безъ приторныхъ ужимокъ.

* Стихи эти сообщены намъ почтенимъ товарищемъ и соученикомъ незабвеннаго Пуш-
кина — Барон. П. Ф. Гревенсомъ. — Помѣщаемъ ихъ здѣсь (съ построчнымъ прозаическимъ
переводомъ), какъ драгоценность еще не обнародованную, какъ вѣрную характеристику
Пушкина, и въ самизъ напечатанную, какъ достопамятное исторіи нашей литературы. *Ред.*

Онц ил не фѣт де бабиллард,
 Ни Доктор ен Сорбоне —
 Plus ennuyeux et plus braillard
 Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
 Ne peut être égalée;
 J'ai le teint frais, les cheveux blonds
 Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
 Je hais la solitude;
 J'abhorre et noises et débats,
 Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
 Et, d'après ma pensée,
 Je dirais ce que j'aime encor. . .
 Si n'étais au Lycée.

Après celà, mon cher ami,
 L'on peut me reconnaître:
 Oui! tel que le bon Dieu me fit,
 Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'éspèglerie,
 Vrai singe par sa mine,
 Beaucoup et trop d'étourderie.
 Ma foi — voilà — POUCHKINE.

Не бывало еще ни болтуна,
 Ни Сорбонскаго доктора,
 Скучнѣе и горластѣе
 Моей особы.

Стань мой съ высокимиъ
 Не можетъ быть въ уровень;
 Я свѣжъ лицомъ; волоса мои *белокуры*, *)
 А голова кѣрчава.

Люблю и свѣтъ, и шумъ его,
 Ненавижу одиночество;
 Терпѣть не могу досаду и *перехоровъ* **)
 А — отъ малой части — и ученья.

Спектакли, балы мнѣ очень нравят-
 ся ***)

И — по дунѣ (по мысли) —
 Сказалъ бы что еще люблю. . .
 Еслибъ не находился въ лицѣ.

Послѣ этого, милый другъ,
 Узнать меня можно:
 Да! такимъ какъ Богъ создалъ меня
 Хочу всегда казаться.

Настоящій демонъ въ шалостяхъ,
 Настоящая обезьяна по виду,
 Я вѣтренникъ большой и даже *черезъ*
 чуръ.
 По чести — таковъ — ПУШКИНЪ.

СЕРЕСКАЯ ДУМКА.

На берѣгъ моря
 Дѣвица сидѣла, —
 У ногъ ея въ травкѣ
 Струя зашипѣла.
 “Что моря обширнѣе?” —
 Дѣвица сказала:
 “Что поля длиннѣе,
 Газели быстрѣе? —
 Что меда прятнѣй,
 Что брата дороже?” —
 “Дитя!,” — такъ изъ струйки

Сказала ей рыбка: —
 “Не небо ль обширнѣе
 Глубокаго моря, —
 Не море-ль длиннѣе
 Широкаго поля; —
 Не глазъ ли быстрѣе
 Бѣгучей газели; —
 Не сахаръ-ли слаще
 Сотоваго меда; —
 Не мужъ-ли дороже
 Родимаго брата???, —

Г.

*) Въ молодости Пушкина волоса его были почти свѣтлорусы.

**) Прекрасное свойство автора — родное не всямъ литераторамъ нашего вѣка.

***) Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неистощаема — какъ истинный ге-
 ній. Таковъ именно былъ юноша Пушкинъ, когда *присылалъ мнѣ первые стихи свои для*
печати. И теперь еще храню я, какъ клеймодъ, *собственноручное письмо его*, въ которомъ
 онъ напоминалъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти.

П Ъ С Н Я

(Изъ собранія пѣсень Русскаго моряка).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Флотамъ Балтійскому и Черноморскому.

Есть два моря — міра грани,
 Близъ Невы и близъ Кубани;
 Ихъ — Россійскаго Орла
 Распущенныя широко
 Обнимаютъ два крыла.
 Красотою — Неба сынъ;
 Что сказалъ — на томъ поставить!
 Насъ двоихъ, врагамъ на страхъ,
 Держитъ онъ на двухъ моряхъ.
 Дѣти вольнои мы стихія,
 Мы два брата, два родные,
 Два младыхъ богатыхъ,
 Сторожимъ его моря.
 Наше поле — водъ равнина,
 Звѣздный сводъ — шатеръ у насъ,
 Бури шумъ — родимой гласъ!
 Мы выросли, два крѣпкихъ сына,
 По часамъ, не по годамъ!
 Разумъ — руль у насъ на диво;
 По двумъ вѣтра сторонамъ,
 Вьются стройно, горделиво,
 Молодецкихъ силъ краса —
 Два стосаженныхъ уса;
 Латы — дубъ съ насѣчкой мѣдной;
 Копья — рѣжутъ Небеса;
 Флагъ Георгія побѣдный
 Вѣетъ, насъ приосѣня;
 И какъ черными шелками,
 Какъ полными тѣнями,
 Заткана у насъ броня
 Вся снастями — кружевами;
 Подса — какъ изъ огня,
 Пушекъ съ прошивью чугуной,
 Съ надписью: *не тронь мена!*
 Словно тучъ отзывъ перуный,
 Слышны наши голоса.

Русь межъ ними ставъ высоко,
 Царствомъ сильнымъ процвѣла,
 Поль-земли всей заняла.
 Царь великій ея править:
 Славою, силой — Исполнѣ;
 И блѣютъ, какъ свѣтъ лунный,
 Вмѣсто крыльевъ — паруса!
 Ими вѣтры разсѣваемъ,
 Ими бури догоняемъ,
 По водамъ и въ небесахъ,
 Такъ летимъ, что птицамъ страхъ!
 Смѣло, вольно мы гулемъ!
 И Начальникъ нашъ одинъ,
 Князь — красавецъ, Царскій Сынъ;
 Еще въ силахъ не развился,
 Еще усь не проявился,
 А ужъ Онъ глядитъ Орломъ!
 Въ важны думы углубился
 Онъ наследственнымъ умомъ;
 Въ молодыхъ очахъ играетъ
 Мыслей свѣтъ, какъ молній свѣтъ:
 Царскій Сынъ намъ обѣщаетъ
 Жить для славы и побѣдъ!
 Двое насъ — его все войско:
 Оно сильно — какъ волна!
 Нравъ у насъ живой, геройской,
 Какъ морская глубина!
 Царь перстомъ лишь намъ укажетъ
 Слово Царское лишь скажетъ:
 „На враговъ идти пора!
 Море дрогнетъ, брегъ шатнется,
 Все предъ нами потрясется,
 Изъ враговъ — костей гора!
 И по свѣту пронесется
 Молодецкое: *Ура!*

ЗАЙЦЕВСКІЙ.

П Р О З А.

КОРНЕИЙ ГАУТМАНЪ

УЧРЕДИТЕЛЬ ОСТЪ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.

Повѣсть - Легенда.

Кто умъ свой въ даръ принесъ родимой сторонѣ,
Кто не щадилъ трудовъ и жизни для отчины,
Кто мостомъ въ славу легъ для ней,
Того молва внесетъ въ свои преданья,
Запишетъ въ лѣтопись вѣковъ;
Его прославленное имя, —
Какъ отдаленный гулъ — въ потомствѣ прозвучитъ,
Въ народной пѣснѣ отзовется,
И въ дивной сказкѣ старика,
И въ первомъ лепетѣ младенца.

ПѢСНЯ ДѢВЫ-БУРЬ *Ундины Басбоса.*

I.

ПЕРВОЕ ИМЯ ДѢВЫ-БУРЬ.

Рѣдки радости въ нашей жизни; ланди. И вотъ однажды это небо
но все не такъ рѣдки, какъ ясные Голланди, загороженное мѣлъчай-
днѣ подѣ туманнымъ небомъ Гол- шими облачками, прояснѣло какъ

совѣсть праведника сквозь немощи человечества, прояснило и отразилось въ зеркальной глади Бисбоса, одного изъ тѣхъ хамелеоновъ, которыми такъ богатъ нашъ земной шаръ. Не тоже ль и въ жизни: есть минуты покоя, въ которыхъ и мятежному лицу предателя, какъ влагъ утихшаго озера, по волею отражать чистый ликъ неба, такъ отечески украшающаго всѣхъ земнородныхъ, безъ разбора, праведныхъ и неправедныхъ.

Солнце было уже далеко за полдень, а все еще красовалось дивами творческой любви и всемогущества — свѣтомъ, теплотой и жизнью, — равно освѣщало, согрѣвало, и плодотворило крапиву и пшеницу, едва лишь заколосившуюся будущимъ плодомъ. Люди не смотрѣли на небо, — имъ нѣкогда: одинъ покупалъ, другой продавалъ, третій обманывая обоихъ, наживался; словомъ, и тогда люди все то дѣлали, что и теперь, все, кромѣ того что должно, — только въ другимъ формахъ: не съ такимъ яснымъ убѣжденіемъ, что это дурно, какъ мы, не съ такимъ отчетомъ въ подробностяхъ, — почему дурно? Не удивлялись люди солнцу — оно присмотрѣлось: удачный кругъ сыра — въ тысячу кратъ болѣе привлекалъ ихъ сочувствіе, взоры, удивленіе, — и тогда какъ и теперь.

Не говорю о золотѣ, алмазахъ, продуктахъ того же небеснаго химика — солнца: ужъ ихъ-то люди и сравнивать не смѣли съ солнцемъ, неліцеприятною причиною всѣхъ сокровищъ всѣхъ царствъ земной природы: на золото, алмазы, такъ легко, усладительно смотрѣть, они такъ радужно озаряютъ своекорыстное земное сердце, они, однажь лучезаръ, все существо человеческое наполняютъ

точно живительной теплотой; они — истинная душа и жизнь подлуннаго: а солнце? взгляни на него — ослѣпишь, постой на немъ — сгоришь. Не стойте и смотрите на него! за чѣмъ оно? и безъ него у насъ есть свѣчи, фонари, каминны, и вотъ — слава Богу! — живемъ себѣ, обходимся. Такъ люди разсуждали и тогда и теперь, если не словами, то ужъ непременно дѣлами, и не смотрѣли на солнце, на небо; а на Живущаго въ небесахъ и по давню не смотрѣли, и смотрѣть не хотѣли, — Его невидно, стало быть до Него и дѣла нѣтъ; а Ему самому прилично ли заниматься такимъ червякомъ, пылинкой, какъ чловѣкъ? — Не смотрѣль на небо вмѣстѣ съ другимъ и молодой Голландецъ, лежавшій въ камышахъ на берегу зеркальнаго Бисбоса, подъ тѣнью развѣсистой ивы, куда онъ спрятался отъ докучливыхъ лучей солнца; нѣтъ, однакожь, не такъ, — онъ не смотрѣлъ, но изрѣдка поглядывалъ вверхъ, отрывая иногда глаза свои отъ рукописной книги, которую казалось, хотѣлъ онъ проглотить. Въ тѣ минуты, когда пылавшіе взоры, какъ бы гонимые сильной внутренней молитвой, возлетали къ небу — очарователемъ былъ видъ юноши: непорочность дѣвы и сила мужа переливались изъ одной черты въ другую, на его прекрасномъ лицѣ, на которомъ попеременно отпечатывались и исчезали всѣ движенія его души, волнуемой жаднымъ чтеніемъ книги: скорбь, гнѣвъ, умиленіе, поминутно смѣнялись одно другимъ. Наконецъ сильный трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу, онъ вскочилъ на ноги, сжалъ судорожно кулаки, вперилъ взоры на небо . . . . . руки его обустылились, лицо выгладилось отъ морщинъ произведен-

ныхъ корчами досады, онъ упалъ на колѣни, всплеснулъ руками: — Господи! . . . возопилъ онъ, и казалось сердце его рвалось наружу съ жалобою къ Богу — бѣдная, добрая моя родина! какъ тебя истерзали! . . . . Кровожадные! вы еще не насытились кровью братьевъ, искупленныхъ тою же кровью Христовой какъ и вы! Не ему ли же служить и они вмѣстѣ съ вами? Боже мой! долго ли еще Голландецъ не будетъ знать, уцѣлѣть ли голова его до завтра, хотя бы Ты, Милосердый, и пощадилъ ее? роптать ли мнѣ или уничтожиться въ незнаніи Твоихъ неиспытанныхъ Судебъ, всегда, всегда праведныхъ у Тебя. — всегда благодѣтельныхъ для человека? . . . О! вразуми меня, Владыко, чѣмъ бы я могъ искупить мое безцѣнное отечество отъ неслыханныхъ страданій . . . . Жизнь отдать? . . . О! съ радостью! Но ее и даромъ возьмутъ безчеловѣчныя Испанды . . . Въ другихъ земляхъ покорители щадятъ побѣжденныхъ, сродняются съ ними, вводятъ ихъ въ свою народную семью, заставляють любить благоготворное свое владычество какъ *изъ благое Спасителя, какъ легкое бремя* Христово. Но насъ — дѣтей одного отца, подданныхъ одного властителя, казнить и вѣшаютъ, жгутъ и морятъ, не за вины гражданскія, за разномысліе богослововъ: вѣрнъ или погибай! Но развѣ *пмакати* (*) Герцога Альвы и его *кровожаго трибунала* — есть символъ духовнаго вѣрованія, и они — лютые мучители наши — Едомляне нашего Израиля, держатъ называться поборниками Бога живаго! Они! Истребители жизни, губители своихъ о Христѣ братьей! . . .

*) См. статью Нидерландскіе Гѣзы.

проклятіе на гордыню ихъ! гибель имъ за гибель! . . . Да, прижры живы еще въ преданіяхъ: есть земли, гдѣ ничтожный поселенинъ, одушевленный и вразумляемый Тобою на благо своей родинѣ, спасалъ ее и опрокидывалъ неотразимое безъ Тебя Все, все для Тебя возможно, Господи! . . . ничтожнѣе, немощнѣе меня нѣтъ въ Голландіи . . . а только такихъ ты и избиралъ — почти дитя, что могу я безъ Тебя? — Но съ Тобой, Всесильный, я какъ новый Давидъ, сражусь пращей — и гдѣ полчища Голиафовъ?

Онъ умолокъ, и склонилъ голову въ благоговѣйномъ молчаніи, какъ бы призывая благословеніе и силу свыше. Нѣсколько минутъ оставался онъ въ этомъ положеніи; наконецъ всталъ. Лице его сіяло необыкновеннымъ свѣтомъ. Какой величественный, красивый станъ! Онъ прошелся по берегу, и будто осматривалъ окрестности, но въ самой вещи, голова его тяготѣла отъ множества думъ; глаза, еще такъ недавно горѣвшіе огнемъ, теперь отливались стекляннымъ матомъ, онъ весь погрузился въ самого себя.

— Одно другаго ужаснѣе! згорилъ онъ опять, остановясь и скрести руки, — чего ты не вынесла бѣдная Голландія? Какой языкъ выразить всѣ ужасы, совершенныя въ наше время? И при всемъ томъ прочитанное мною о систематической рѣзнѣ *Гези* нашихъ въ Н. Арденѣ, Зетфенѣ и Гарлемѣ поразяетъ свою истинною: я вижу какъ бы собственными глазами этихъ безстрашныхъ Гарлемскихъ героевъ, защитниковъ своей новой Нумандіи, вижу — какъ они, осажденные тысячами Фредерика Толедсаго, безпомощныя, почти безоружныя, изнурен-

ные голодомъ, истаеваютъ подъ бременемъ горя и туги; какъ твердыни ихъ готовы распахнуться передъ хищнымъ врагомъ, и кто внушаетъ имъ новыя средства къ защитѣ? слабая тѣломъ, но сильная духомъ женщина, знаменитая Гасселааръ — новая Дебора нашего вѣка! она оживляетъ убитый духъ своихъ согражданъ, и сыны новаго Израиля съ новымъ рвеніемъ летятъ умирать на проломахъ стѣнъ, уже заваленныхъ трупами друзей ихъ и ближнихъ. Но что можетъ безсиліе противъ силы, ополченной, сверхъ меча побѣды, своимъ мнимымъ сердоболіемъ? Несчастныи Гаарлемъ впускаетъ предателей въ свои стѣны, остальцамъ обѣщана жизнь, но герои любви къ отечеству должны запечатлѣть легковѣріе свое кровію. 1800 защитковъ погибають подъ казнями новаго Альвы, его ужаснаго сына; они падутъ до одного и всѣ истреблены до одного, какъ огромная гекатомба древности; рѣки крови Голландской обгаляютъ жертвенникъ мира! И Богъ милосердія и щедротъ попускаетъ такимъ неистовствамъ! . . . да; Испанцы жестоко отмстили Гаарлемцамъ, за торжество ихъ родичей! . . . нѣтъ; не въ слабахъ читать долѣе; эти ужасы превосходятъ мѣру терпѣнія человѣческаго! не ужели Богъ правды допустить насъ до конца погибнуть, не возвратитъ скитальцамъ приюта родины, не водворитъ насъ на прежнее пепелище? — И кто имѣетъ болѣе права на счастливую жизнь, какъ не Голландецъ честный, дѣятельный, предприимчивый — даже на невозможное? И что же? таланты обречены на смерть, достатокъ манитъ жадность грабителя; сила вѣласть надъ узниками согражданъ — преступ-

леніе, оканчивающееся висѣлицею; юношество растетъ безъ образованія, если не слѣдуетъ ученію Фарисеевъ-Папистовъ; всѣ средства уничтожены, всѣ пути завалены преградами для не-Римлянъ (опго omachen). Честный отецъ мой, гражданинъ разоренной Гауды, мирно жилъ занимаясь своимъ промысломъ, пиво его варницъ славилось во всѣхъ Нидерландахъ; всѣ избытки свои посвящалъ онъ благу общественному и воспитанію меня съ братомъ, не былъ даже ни Гѣзомъ ни проповѣдникомъ новой вѣры: и бѣдный отецъ мой лишень послѣдняго достоянія, едва не попалъ на костеръ инквизиціи! какъ вепрь, преслѣдуемый ловцами, долженъ былъ онъ, переодѣтый рыбакомъ, скрываться въ здѣшнихъ камышахъ, искать убѣжища въ дыравомъ шалашѣ, замѣнявшемъ ему домовитое приволье. Питомецъ ученаго Редерейкера*) Пулхира, я, вмѣстѣ съ нимъ и семействомъ моимъ долженъ искать себѣ спасенія въ неизвѣстности, не прославленный ни единымъ патриотическимъ подвигомъ. . . . Другіе страдаютъ болѣе моего, рождаются и умирають съ безвѣстности; но мнѣ не хотѣлось бы умереть, огрубѣвъ въ ничтожество. Наставникъ мой отказался дальше учить меня: онъ увѣрилъ отъда, будто передалъ мнѣ всю свою ученость, а я чувствую, что я ничего не знаю, томлюсь жаждою новыхъ свѣденій, жажданіемъ возвыситься, прославить мою отчизну, и готовъ принять чашу страданій, готовъ испить ее до дна, лишь бы на днѣ ея было благо отечества. . . . Боже праведный! Допустишь ли меня, слабого юношу, поработать въ святомъ твоёмъ виноградѣ, содѣй-

*) См. статью Нидерландскою Гѣмъ.

ствовать возвеличенію моей родины? Долголи намъ мучиться и терпѣть . . . или ты, Всевидящій, не видишь? . . . или мы несчастные, не твое созданіе, а какого же, *инаго Бога развѣ тебе?* . . .

— Грѣхъ роптать Корнелій! И Корнелій вспыхнулъ, обернулся: передъ нимъ старецъ весь въ сѣдинахъ: ему казалось болѣе старлѣть отъ роду, но румянецъ на бѣломъ лицѣ и пламень въ глазахъ, обличали свѣжесть и силу юноши — «грѣхъ, мой сынъ, роптать на Того, который Самъ пострадалъ всѣми родами страданій, до самой смерти крестной, позорной смерти, предназначенной для изверговъ человѣчества. Онъ — самъ добро; такъ что же мы? Нѣтъ, не ропщи мой сынъ, благоговѣй и изучай пути вѣчнаго блага, всюду и для всѣхъ вымощенные терниемъ, мечемъ, крестомъ. Не скрыты эти пути отъ смертныхъ, Корнелій.

— Почему же ты знаешь мое имя? Я здѣсь пришлецъ — отвѣчалъ съ робостію Корнелій.

— Я зналъ твоего дѣда, твоего отца Питера Гаутмана, всю твою родню, когда вы жили въ Гаудѣ, зналъ и тебя Корнелій съ тѣхъ поръ, какъ ты — постигъ различіе между Испанцемъ и Голландцемъ, между Папистомъ и Протестантомъ; — зналъ тебя когда ты учился у друга моего Пулхира и не насыщался его ученіемъ — знаю, что ты избранное орудіе Божіе, на благо твоей родины, если не согласишься съ пути истины и добра — съ пути Христова . . .

— Кто ты, старецъ, что говоришь мнѣ такія слова, не чуждыя моихъ желаній? спросилъ Корнелій, съ нѣкоторою довѣрчивостію.

— Имя мое? зачѣмъ оно тебѣ? довольно, едва скажу, что я ви-

дѣлъ и самъ перенесъ, вмѣстѣ съ моимъ отечествомъ, болѣе нежели ты прочелъ въ этой книгѣ. (онъ указалъ на Корнелиеву книгу, лежавшую подъ деревомъ). Я прибавлю: часъ твой не приспѣлъ еще, но недалеко. Учись, приобретай все что можешь приобрести, — завтра же поѣзжай въ Лейденъ: все готово, отецъ отпустить. Но береги каждую минуту; счетомъ онѣ отпущены тебѣ до того времени, пока отечество призоветъ тебя на свое дѣло. Теперь я долженъ вразумить тебя — садись, мой сынъ, противъ меня. Онъ сѣли и старецъ продолжалъ: я долженъ вразумить тебя на счетъ того, о чемъ ты такъ скорбѣлъ, за что осмѣлился роптать на Бога знаешь ли слова писанія? *Сынъ мой! не изнемогай подъ наказаніемъ Господнимъ: кого любить, Господь, того Онъ называетъ, и беретъ того сына, котораго приемлетъ.* Вотъ — ключъ тебѣ къ Исторіи нашихъ страданій! Радуйся и не скорби! Тѣ — любимцы Неба, чья чаша исполнена страданій. Но съ этимъ вмѣстѣ любимцу же не прощается и то, за что слугу только прогоняютъ! А развѣ и мы чисты предъ Богомъ? Развѣ и мы не раздѣляемъ грѣховъ и беззаконій человѣчества? — Ты помнишь сынъ мой, что пророки Израилевы, вдохновенные свыше, говорили иногда Тиру и Сидону: „горе Тиру и Сидону отъ множества ихъ кораблей, добычи и сокровищъ! „Исторія шесть разъ уже повторила это „горе!“, подтвержденное самою *любовью* — *Богочеловѣкомъ*: „какъ трудно имущимъ богатство войти въ царство небесное, скорѣе канатъ пройдетъ въ уши иглиныя. Горе имущимъ богатство!“ Шестъ разъ, говорю, повторялось и подтверждалось это „горе!“ Камня на камень не осталось отъ *градозъ седмилѣтъ Тиру и Си-*

дона. Ихъ величіе богатство, и пороки наслѣдовалъ Кароагенъ — и гдѣ онъ! — Венеція, Генуа, Испанія пріютъ еще или уже допиваютъ чашу круто растворенную горемъ. Голландія становится на ихъ мѣсто: флоты наши бороздятъ уже Сѣверное и Средиземное моря, 70.000 моряковъ, на 2.000 кораблей, перевозятъ сокровища въ Ганзу, Скандинавію, Московію, въ Португалію и на оборотъ. Славная ловля сельдей на сѣверовосточныхъ берегахъ Шотландіи, какъ-бы изъ милости, удѣляетъ часть барышей своихъ настоящимъ хозяевамъ сельденосныхъ морей. Но и нравы наши далеко уклонились отъ чистоты нравовъ добрыхъ Христіанъ. Налита уже чаша горя и для Голландіи, но еще далеко не переполнена, а ты уже ропщешь. Знаешь ли ты мѣсто на которомъ стоишь?

— Знаю, отецъ мой, — побережье озера Бисбось.

— Это наше Мертвое море, поглотившее Голландскіе Содомы и Гоморры, — какъ думаешь, безвинно, или за дѣла Содомскія? —

— Могу ли судить о послѣдствіяхъ, которыхъ причина мнѣ неизвѣстна. Однѣ легенды народныя, однѣ баллады нашихъ редерейкеровъ ознакомили меня съ ужаснымъ проваломъ здѣшняго округа.

— Я могу тебѣ рассказать о немъ гораздо вѣрнѣе: родной отецъ мой и весьма немногіе жители Зейдъ Голландскаго — Ваарда, *) какъ новая семья Лотова, спаслись одни отъ всеобщей гибели.

Любознательный Корнелій горѣлъ нетерпѣніемъ послушать расказовъ-едва не самовидца, и весь обратился въ слухъ и вниманіе.

“Апрѣль мѣсяць 1421 года, началъ старикъ, ознаменованъ былъ ужа-

*) Waard — окопъ.

снѣйшими бѣдствіями въ Нидерландахъ: но знаешь ли кто накликалъ ихъ? Братоубійственные раздоры *Гуковъ* и *Кабильювовъ*, **) въ которыхъ сынъ возставалъ противъ матери, дядя рѣзалъ племянника, жена отравляла мужа, Голландецъ колочъ Голландца. Междоусобія эти уже нѣсколько десятковъ лѣтъ раздирали отечество наше, руками собственныхъ дѣтей — терзали его! Такова была война за права Графини Якобы, сунруги Герцога Глочестерскаго. Страшный пожаръ 23 Апрѣля истребилъ цѣлую треть города Амстердама, который, своимъ внутреннимъ благосостояніемъ, процвѣтаніемъ промышленности и торговли, становился уже на чреду первостатейныхъ приморскихъ городовъ Европы. Но бѣдствіе еще ужаснѣйшее скопилось надъ Голландією и Зееландією . . . .

— И твой отецъ?

— Былъ очевидцемъ его: онъ и прадѣдъ твой спаслись одни изъ всего селенія, въ которомъ жили ихъ семейства.

— Мой прадѣдъ?

Да; дѣдъ отца твоего, нашъ благодѣтель, нашъ другъ, которому мой отецъ одолженъ былъ чудеснымъ своимъ избавленіемъ. Не подалеку отъ Дорта былъ рыцарскій замокъ одного изъ предковъ фамиліи Бредероде. Онъ принадлежалъ къ партіи Гуковъ. Богатствамъ его не было счета, легіонъ вассаловъ его заставлялъ трепетать не только окрестныя селенія, но и муниципальный совѣтъ города Дорта. Вся восточная часть

(**) Hoeksen en de Cabelliauwsen: имя партіи такъ называемыхъ *Крючковъ* и *Трески*, нѣчто въ родѣ *Гвельфовъ* и *Джибеллиновъ*. См. *Вагенаара* и другія Голландскія Исторіковъ.

Зейдъ Голландскаго Ваарда дрожала передъ силою феодальнаго хищника; онъ напоминалъ, пороками своими и насиліями, исполина Финардуса, чье ненавистное имя и теперь еще раздается въ народныхъ пѣсняхъ Фландріи. Ни одна красивая дѣвушка, ни одна замужняя вассалка, не смѣли показывать ся на глаза этому варвару. Всѣ онѣ исчезали—не извѣстно куда, какъ бы похищенные невидимой силой. Слухъ носился, что они дѣлались жертвами неистоваго Графа. Такъ, по крайности, говорила молва, иногда преувеличенная, но рѣдко вовсе несправедливая. Звуки чашъ и буйный хохотъ пирующихъ, пѣсни скороходовъ и вопли несчастныхъ жертвъ, раздавались въ проклятомъ его замкѣ. Замокъ сей былъ дѣйствительно проклятъ однимъ богобоязненнымъ пилигримомъ, и вотъ по какому случаю. Къ числу вассаловъ Кастеляна принадлежали семейства отца моего и твоихъ предковъ. Амата, старшая сестра твоего дѣда—чудо красоты и добродѣтели, была еще въ колыбели невѣстою моего отца. Неистовый Графъ поклялся разстроить этотъ бракъ, велѣлъ схватить отца моего, и отослать его за море; но отецъ мой успѣлъ заблаговременно скрыться; между тѣмъ какъ невѣста, воспитывавшаяся у Дортскихъ *Бегинъ* (*) похищена была—кѣмъ? — неизвѣстно. Всѣ догадались, кто ея похититель; бросились въ замокъ, плаками, умоляли, — напрасно! угрозы могли еще менѣе дѣйствовать. Одинъ благочестивый пилигримъ рѣшился прибѣгнуть къ убѣжденіямъ вѣры; но

*) Такъ назывался первоначально страннопріимный орденъ *Сестръ Милосердія* или благочестія, существующій и нынѣ въ католическихъ государствахъ.

его вытолкали съ безчестіемъ изъ замка. Переправясь на противоположный берегъ рѣки Мерведе, омывавшей подножіе этого разбойничьяго гнѣзда, — вдругъ видитъ онъ, на балконѣ высокаго терема, бѣдную Амату, за которой гонится самъ неистовый Кастелянъ, еще шагъ и она—его добыча — Боже! прими меня!—вскрикнула несчастная и бросилась въ рѣку. „Да будешь проклять ты и твой замокъ!“, произнесъ торжественно пилигримъ, и порѣчныя нивы скрыли странника отъ преслѣдованій Кастеляна. Благочестивый мужъ, одаренный какимъ-то духомъ предчувствія, умѣлъ передать свое убѣжденіе двумъ семействамъ, потерявшимъ въ утопленницѣ всю надежду на родственныи союзъ между собою. Облакивая горе свое, они переѣхали сперва въ Дортъ, откуда прадѣдъ твой переселился потомъ въ городъ Гауду—твою родину. Но трагедія только что начиналась.

Съ 17 на 18 число Апрѣля 1421 года, въ такъ называемую Елисаветинскую ночь, предсказаніе пилигрима исполнилось: жесточайшій морской ураганъ, какъ внезапная кара небесъ, налетѣлъ съ сѣверо-запада на приморскія дюны; цѣлыя горы валовъ грянули на плотины, потрясли ихъ основанія и расторгли слабый оплотъ, противу поставленный напору стихіи Божіей человѣческими руками. Рѣка Маасъ и рукавъ ея Мерведе поднялись необъятной стѣной, и съ ужаснымъ ревомъ обрушились на древнее гнѣздо Батавовъ — такъ называемый Зейдъ - Голландскій *окопъ*. (*) Число городовъ, мѣстечекъ, селеній и замковъ, погрязшихъ въ этой безднѣ водѣ, простиралось

(* Zuyt-Hollands-Waard.

до 72, число погибшихъ жителей обоого пола до 100,000, душъ. На мѣстѣ проклятаго замка образовалась бездонная прорва (*) и на другой день послѣ сего ужаснаго событія не осталось и самаго мѣста, на которомъ, за два дня еще, качались подъ небесами его высокія стрѣльчатыя башни.

— Ужасно! Ужасно! сказала расстроганный Корнелій.

— Семейство отца моего и твоего праѣда, продолжалъ старецъ, находились тогда въ Дортъ, городъ, основанномъ нѣкогда на сѣверовосточномъ краю погрязшаго округа. Но каково было ихъ изумленіе, когда лучи возшедшаго солнца освѣтили необоримую пучину? бурно и яростно клубились волны ея на мѣстѣ древняго пепелища Голландцевъ. Городъ Дортъ очутился на острову! . . . невозможно описать тебѣ всѣхъ ужасовъ этого грознаго и вмѣстѣ единственнаго событія: оно выше всѣхъ описаній. На мѣстѣ плодоноснѣйшаго округа Южной Голландіи образовалось цѣлое внутреннее море, котораго дно было изрыто стремленіемъ воды; высіе или намоиные холмы превратились въ песчаныя бесплодныя отмѣли, и только четыре возвышеннѣйшія пункта уцѣлѣли посерединѣ озера, какъ четыре надгробныя памятника надъ поглощеннымъ округомъ, надъ древнею колыбелью народа Голландскаго; только уединенный рыбацкій или ладыя гонимая вѣтромъ, посѣщаютъ изрѣдка, эти гнусныя кенотафы.

— Но мнѣ сказывали еще многое въ моемъ дѣтствѣ о Голландскомъ *вольтижерѣ* или *Примракѣ* — кораблѣ про *Пламъ св. Эльма*; наставникъ

*) Kill — тоже что новое *Гирло* (устье — лѣжа) въ рѣкахъ Черноморскихъ.

мой читаль мнѣ *Легенду о Теофи-нустѣ*; всего же болѣе прельстилъ меня рассказъ о *Дня-бурѣ*, объ *Унди-нѣ Бисбоса*, и вотъ я каждый день прихожу сюда, и ничего этого не вижу; — правда ли это, или одинъ вымыселъ поэтовъ?

— Исторія несчастной *Аматы*, продолжалъ старецъ, подала поводъ къ множеству толковъ и распространилась во всемъ народѣ; толки эти подтверждались многими самовидцами. Рыбаки и случайные плователи по Бисбосу увѣряли не разъ, что во время шквала, видали они какъ безплотный призракъ, таинственный духъ въ видѣ женщины, поднимается изъ безднъ сего внутренняго моря, носится надъ его поверхностью и въ заунывныхъ жалобахъ, стонетъ надъ кладбищемъ столькихъ человѣческихъ жилищъ, деревень, городовъ и замковъ; и теперь еще ходитъ повѣрье въ народѣ, будто въ разливахъ пучинъ Бисбоса, разсѣаемыхъ бурною, виднѣются верхи тѣхъ самыхъ церквей, гдѣ молились предки утопшаго народа, и теперь еще увѣряютъ самовидцы, будто они видали не разъ островерхіе шпицы высокихъ теремовъ, гдѣ нѣкогда пировала буйная молодежь или хищныя кастеляны; гдѣ искаженное человѣчество, въ полупьяномъ неистовствѣ, пѣло разгульныя пѣсни; гдѣ въ мрачномъ тайникѣ рыдала обезславленная невинность. . . .

— Итакъ, воскликнулъ Корнелій: *Ундина Бисбоса*, таинственная *Дня-бурѣ*, не чужда мнѣ по крови Гаутмановъ, обращающейся въ моихъ жилахъ. И она, подобно мнѣ, оплакиваетъ погибель своихъ единоземцовъ!

— Оплакивай ихъ мой сынъ, но не ропщи; Господь не даромъ сказала устами избранныхъ своихъ:

еще не покаялся, или также же погибнет!

— Прости меня, отецъ мой, отъ вѣчалъ юноша, слушающій его съ глубочайшимъ вниманіемъ: я не такъ смотрѣлъ на это все, никто мнѣ такъ не говорилъ, какъ ты; — я буду бѣгать, бояться грѣха; я сохраняю чистоту души и чувствъ, сдѣлаюсь достойнымъ сыномъ навазуемой и милуемой Голландіи. Если отечество потребуеть и жизни моей въ жертву, то эта жертва будетъ чиста — и не осквернится порокомъ.

— Я увѣренъ въ этомъ, сказалъ таинственный незнакомецъ и не отчаеваюсь увидѣть исполненіе твоихъ обѣщаній. Прости! я увижу еще съ тобою!

Съ этимъ словомъ, прежде нежели Корнелій успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, собесѣдникъ его исчезъ за ивами.

Полный благоговѣнія и священнаго восторга, отъ всего что общилъ ему старецъ, Корнелій долго еще стоялъ, вперивъ глаза въ ту сторону, гдѣ старецъ скрылся между деревьями. Почувствовавъ усталось, онъ снова прилегъ подъ любимую свою иву, сталъ перевертывать листы своей книги, хотѣлъ было продолжать чтеніе, но столкновеніе идей въ его головѣ такъ было сильно и разнородно, что вниманіе его развлекалось на каждой строчкѣ. Онъ закрылъ книгу, облокотился на правую руку, обратился лицомъ къ *Грозовой прощель* (Donderkill), прежнему мѣсту жительства проклятаго кастеллана, и далъ свободу думамъ рыться въ пучинѣ по ихъ направленію; онъ искалъ глазами того берега, съ котораго несчастная Амата, преслѣдуемая своимъ похитителемъ, брошена въ воду. Состояніе души его было не сонъ, но и не бдѣніе:

разстроенный юноша находился въ такомъ-то магнитическомъ изступленіи . . . Вдругъ видитъ онъ — необъятное зеркало озера, дуновеніемъ вѣтерка, подергивается морщинами; морщины множатся, растутъ, переливаются одна за другою; вѣтерокъ становится вѣтромъ, начинаетъ дуть со всею яростию бури: каждая волна вырастаетъ съ гору, почти касается облаковъ. и вотъ — изъ за хребта громаднаго девятаго вала, слышится Корнелій очаровательные звуки, мелодическій голосъ *Дняи - Буря*, передъ которымъ смолкаетъ самая буря! *Ундина Бисбоса*, поетъ ему слѣдующую строфу изъ своей Баллады:

Кто умъ свой въ даръ принесъ родимой
сторонѣ,

Кто не щадилъ трудовъ и жизни для
отчизны,

Кто мостомъ къ славы легъ для ней,
Того молва внесетъ въ свои преданья,
Запишетъ въ лѣтопись вѣковъ.

Его прославленное имя,

Какъ отдаленный гулъ, въ потомствѣ
прозвучитъ,

Въ народной пѣснѣ отзовется,
И въ дивной сказкѣ старика,
И въ перомъ лепетѣ младенца!

Сердце Корнелія сильно бьется: притаивъ дыханіе, онъ весь превращается въ слухъ; но волшебные звуки умолкли: волны закатались по прежнему; вѣтеръ брызгами разметывалъ сѣдые верхи валовъ. Корнелій ищетъ волшебницу въ хлябяхъ озера, старается пробить взорами неизслѣдимую пучину; но внутренность ея подернута мракомъ и заслоненная имъ волшебница не является.

— Кто ты, существо таинственное?— восклицаетъ Корнелій. Кто ты очаровавшая меня своимъ пѣніемъ? Сладокъ голосъ твой, какъ

струя, освѣжающая путника въ безводной пустынь! Но какова ты сама, неразгаданная, если неземной твой образъ отвѣчаетъ тѣмъ сладостнымъ звукамъ, которыми ты обворожила меня! Дай мнѣ увидѣть дѣло рукъ Творца моего въ прекраснѣйшемъ изъ Его созданій?

Съ этимъ словомъ, страшно заревѣла алмазная гора; девятый валь озера разлетѣлся въ билліоны брызговъ, и надъ утихшими водами Бисбоса плавало въ лазоревомъ облакѣ милое созданіе — простиравшее объятія къ усыпленному: существо это манило къ себѣ пылкаго юношу, но невидимая сила приковала его къ землѣ; душа его лѣтѣла на встрѣчу очаровательницы, но брѣнное тѣло не повиновалось его волѣ. Онъ громко вскрикнулъ, призывая желаніями и взорами прелестную Ундины. Наконецъ, она сжадилась надъ страдальцемъ и, спустясь къ новому Прометею, шепнула ему тише шеста листьевъ на деревѣ, кротче дыханія человѣческаго, звучнѣ арфы Золовой:

„Молва внесетъ тебя въ свои преданья“ . . .

— Меня? Молва! Въ свои пре-

данья! и кто я, слабый юноша? . . . Но кто ты сама, неразгаданная, безъимянная радость моего сердца, дѣва чаровница — пробудившая во мнѣ всю силу мужа? . . . Не покидай меня! Будь спутницей моей жизни — ты, мое счастье, моя слава!

— Пусть этотъ поцѣлуй послужитъ тебѣ залогомъ нашего вечнаго союза: я увижусь еще съ тобой въ образѣ болѣе чувственномъ, и потомъ — еще разъ въ жизни — предстану тебѣ въ образѣ духовномъ. . . .

— Но гдѣ и когда?

— Въ первый разъ — тамъ, куда ты собираешься ѣхать, . . .

— Въ Лейденъ? — а еще, и еще, и на вѣки?

— На неведомомъ тебѣ острову.

— Имя твое?

— У меня ихъ три: первое имя мое — *любовь къ отечеству*; второе имя мое.

Тутъ свистъ вѣтра перервалъ слова прелестной Ундины. Корнелій хотѣлъ обнять исчезавшій призракъ, но таинственная Дѣва-Бурь скрылась въ бездонномъ кладбищѣ древней Голландіи . . . Корнелій Гаутманъ пришелъ въ себя.

II.

ЛЕЙДЕНЪ.

Не вдругъ однакожь Корнелій Гаутманъ пришелъ въ себя, послѣ того что мы описали. Онъ ни какъ не могъ отдать себѣ отчета въ настоящемъ своемъ положеніи: несвязные образы, какъ толчея атомовъ на солнцѣ, продолжали порхать во-кругъ его ложа; они цестрѣли еще всѣми радужными цвѣтами въ глазахъ его—какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ! Онъ вѣрять и не вѣрять случившемуся. Осмотрясь кругомъ, мечтатель нашъ видитъ себя въ томъ же облокотившемся положеніи, какъ за секунду до появленія Дѣвы-Бурь; чувствуетъ, что онъ ни на минуту не разставался съ окрестностями, на которые до того смотрѣлъ; очень хорошо помнить, что глаза его ни на минуту не закрывались; еще свѣжо ощущеніе мягкихъ жгутихъ устъ Ундины, послѣ дѣйствиаго поцѣлуя . . . Онъ помнить наизусть содержаніе усладительной пѣсни, какъ бы на его счетъ сочиненной: повто-

ряеть эту пѣсню отъ слова до слова; пытается снѣть ее, и поетъ не ошибаясь ни въ одномъ звукѣ. Ужели это сонъ или видѣніе? Сколько ни ломалъ онъ себѣ голову, не могъ рѣшить, или лучше сказать, не хотѣлъ искать этого рѣшенія; ему не до того было. Ундины, ея звуки, смыслъ рѣчей, ея лицо, красота, ея дѣственный поцѣлуй, поглотили всѣ его способности. Уже солнце склонилось къ западу, — вотъ садится, — вотъ уже скрылось; прохлада вечера стала освѣжать его члены, легко прикрытыя лѣтнею одеждою; онъ едва вспомнилъ что пора домой. Всталъ, поднялъ свою книгу и ни на минуту не разставаясь съ своими фантастическими призраками, медленно пошелъ домой, какъ бы опасаясь отъ скорой ходьбы, растерять свои умоительныя наслажденія.

Старикъ Питеръ, сильно встревоженный необыкновенно долгимъ отсутствіемъ сына, обрадо-

вался его приходу. Онъ закрылъ разложенную передъ собою Библию, изъ которой толковалъ онъ значеніе картинокъ малолѣтнему сыну своему Фредерику; малютка бросился на шею своего брата; отецъ подаль ему руку, которую Корнелій почтительно поцѣловалъ, и спѣшилъ въ объятія матери, сидѣвшей за самопрядкой.

— Гдѣ ты былъ, Корнелій, до сихъ поръ?

— Батюшка! отвѣчалъ онъ: отпустите меня скорѣе въ Лейденъ, тамъ я наберу новыхъ познаній: мнѣ тѣсно, мнѣ душно въ этой книжкѣ. Только въ школахъ Лейденскихъ, только у мужей ученыхъ, богатыхъ свѣдѣніями, могу я сдѣлать полезныя гражданинствъ.

— Неблагодарный, возразила мать, лаская своего первенца: — это ли плата добродушному и честному отцу за его попеченія о тебѣ? это ли отрада, которую думала найти въ тебѣ моя материнская нѣжность? Не успѣлъ набраться учености у своего негоднаго редерейкера, ужъ забываешь и мать! Не успѣлъ опериться, и уже летишь изъ гнѣзда родимаго. Бѣдная мать, родное дѣтище отвергаетъ тебя! Тутъ Алида Гаутманъ, простая, добрая, но почти безграмотная Голландка XVI вѣка, залилась слезами:

— Мнѣ забыть, отвергнуть васъ, мои добрые, бездѣльные родители? о! нѣтъ, ни когда: да и вы не повѣрите этому, матушка, вскричала Корнелій, прижимаясь къ груди своей матери.

— Мамаша! добрая мамаша! не плачь! нашъ Нель не поѣдетъ; не огорчай его, сказалъ Фредерикъ. Малютка нѣжно любилъ своего брата: слышавъ безпрестанныя похвалы ему отъ учителя своего Пулхира, отъ отца своего и многихъ посѣтителей богатаго дома

ихъ въ Гаудѣ, — онъ привыкъ уважать Корнелія какъ существо высшаго разряда, какъ втораго отца своего, какъ покровителя, даннаго ему Богомъ. Не правда ли, Нель, ты не покинешь насъ, продолжалъ малютка: старый другъ нашъ Пулхиръ уѣхалъ теперь въ Антверпенъ къ своимъ; кто же будетъ учить меня, если ты такъ же уѣдешь; я тоже хочу учиться, Корнелій, хочу чтобы и про меня сказали, какъ про тебя? — онъ все знаетъ.

— Не далеко ты уѣдешь, дружокъ, сказала ему Корнелій съ горькою улыбкою: если остановишься при однихъ свѣдѣніяхъ твоего брата. Главное знаніе мое состоитъ въ томъ, что я ничего не знаю. Тутъ Корнелій задумался... Отецъ съ гордостью взглянулъ на своего сына, а мать и маленькой Фредерикъ, не понимая его, уставили глаза, и, смотря на своего любимца, какъ-бы спрашивали другъ у друга: не рѣхнулся ли ихъ Корнелій?

Корнелій былъ однакоже въ полномъ умѣ: онъ былъ выше своего вѣка и очень чувствовалъ недостаточность приобретенныхъ имъ тогда свѣдѣній, для достиженія своей цѣли. Пудовая ученость тогдашнихъ редерейкеровъ и коллегіальныхъ педагоговъ не потянула бы и фунта въ наше любознательное, положительное столѣтіе: Математика Корнелиева хромала на обѣ ноги, какъ два бедра косаго треугольника на своей базѣ. Астрономія была тогда еще въ младенчествѣ: Кеплеровъ, Ньютоновъ, Гершелей не было и въ поминѣ. Между тѣмъ герой нашъ чувствовалъ всю не обходимость математическихъ свѣдѣній для морехода, — званія, къ которому влекло его тайное, непостижимое побужде-

ніе: положительный умъ его никакъ немогъ ужиться съ тогдашними полу-богословскими, по-юридическими, и полу-астрологическими тонкостями. Корнелій Гаутманъ ни куда-бы не погодился и въ наше время, какъ народный ораторъ въ Парижской палатѣ депутатовъ. Онъ былъ религиозенъ по убѣжденію слова Божія: первую прочитанною имъ книгою было благовѣстіе четырехъ Евангелистовъ; онъ страстно любилъ отечество: любовь къ нему была первымъ чувствомъ, которое внушали ему родители, простые, но честные, не ученые, но умные Голландцы, и разожгли современные ему бѣдствія. Впрочемъ, отецъ его былъ и не безъ свѣденій, не безъ опытности: до женидбы своей на Алидѣ, матери Корнелія и Фредерика, до поселенія своего на жительство въ Гаудѣ, — онъ ѣздилъ даже за море, кое что видѣлъ, и еще болѣе того слышалъ: любилъ говорить о видѣнномъ, любилъ рассказывать о слышанномъ, и такимъ образомъ любовь отца къ мореплаванію перешла, въ рассказахъ о дальнихъ странствіяхъ, къ любознательному его сыну; питическую мечтательность Корнелія, поддерживалъ учитель его Родерей-Каусъ Пулхиръ.

Въ роковой этотъ день суждено было Корнелію дивиться и удивлять. Пришедъ въ себя послѣ кратковременнаго раздумья, онъ рѣшился, во чтобы ни стало — открыть родителямъ своимъ и душу свою и чувства; рѣшился рассказать имъ все, что было за душою, и такимъ образомъ старики узнали о свиданіи его съ таинственнымъ старцемъ и съ неразгаданною имъ Дѣвою-Бурь. Малютка Фредерикъ, въ душу котораго уже запала искра пламени

пожигавшаго Корнелія, умный и понятливый не по лѣтамъ, милый мальчикъ, слушалъ рассказы его съ величайшимъ вниманіемъ; самое это вниманіе обличало въ юной душѣ его — будущаго предводителя Голландскихъ флотовъ, доблестнаго исполнителя братнихъ предположеній: какъ Ахиллъ въ Скиросѣ, онъ ухватился за мысль щекотавшую его своимъ величіемъ

— О! какъ весело будетъ слушать, когда всѣ люди заговорятъ о нашемъ Корнеліи въ такихъ умныхъ сказкахъ, какія ты рассказывала мнѣ, милая маменька; когда Редерейкеры сложатъ пѣсню о братѣ моемъ, положить ее на музыку, и вси Голландія заучить ее и запоетъ, какъ пѣсню отцу отечества! — Вдохновенный малютка запѣлъ было извѣстный національный гимнъ —

Wilhelmus van Nassauwen!

И пѣсней этой до того одушевилась всѣ бывшіе въ хижинѣ, что готовы были вторить запѣвшему ребенку.

— Господь да услышитъ тебя, милый добрый мой Фрицъ, сказалъ Корнелій, и со всею братскою нѣжностію бросился цѣловать Фрица въ очи, щеки, въ уста.

— Съ Богомъ, милый Корнелій, сказалъ растроганный отецъ: только глаголь воли Вышняго могъ развязать уста сего неопытнаго младенца, который, за минуту еще возставалъ противъ поѣздки твоей въ Лейденъ. Время дорого, мой сынъ: завтра же отправляю тебя въ Лейденъ къ другу моему Адриану фанъ-деръ-Верфу, доканчивать курсъ ученія твоего у знаменитаго Мерулы. Трудись, учись и больше всего, направляй ученье свое въ славу Божию и на пользу родины, — иначе наберешься только

пыли, и первому тебѣ она засыплетъ глаза. Сколько я зналъ ученыхъ слѣпцовъ, которые, изъ своихъ занятій, сдѣлали только игрушку, забаву, препровожденіе времени или ремесло — ради куска хлѣба; бѣдные ни какъ не могли связать ученыхъ гремушекъ своихъ съ духовными пользами чело-вѣчества; а какъ изъ нихъ добыть оиміамъ въ славу Божию — и понятія не имѣли .... Бойся, мой Корнелій, ученой гордости: помни Легенду о *Теофилусѣ* *), продавшемъ за нее душу свою врагу чело-вѣчества; не надмѣвайся отъ познаній своихъ павлиномъ, какъ тотъ отъ своего хвоста, хотя бы всѣ составы вселенной раскрылись передъ тобою. Знай, что Христосъ есть свѣтъ истинный *просвѣщающій всякаго чело-вѣка, грядущаго въ міръ*, и только онъ даетъ истинную премудрость всякому просящему. Добрая Алида моя, помоги мнѣ испросить у Отца Небеснаго благословеніе, нашему благочестивому сыну!

И добрая жена домовница, христіанская мать семейства, Алида Гаутманъ, соединя руки свои съ руками отца и мужа, молча, но благоговѣнно возложила ихъ на чело Корнелія, уже стоявшаго передъ отцомъ и матерью на колѣняхъ. Если люди не слышали ихъ словъ, то Господь ихъ услышалъ: ихъ отгадалъ можетъ быть сынъ ихъ Корнелій Гаутманъ, уже вступившій въ возрастъ взрослого юноши. Примѣръ братняго благочестія, увлекъ и младенца Фредерика, готоваго вступить въ отроческій возрастъ: онъ также сталъ возлѣ брата своего на колѣни и принялъ то благословеніе Христоролюбивыхъ родителей своихъ, съ

которымъ такъ легко жить въ міръ семъ добродѣтельному сыну.

Отославъ жену свою и меньшаго сына въ другой покой временнаго ихъ пріюта, готовить все къ отъѣзду Корнелія въ Лейденъ, Питеръ Гаутманъ остался одинъ съ своимъ милымъ дѣтищемъ и усадя его близъ себя, досказалъ ему много недомолвленнаго въ прежнихъ бесѣдахъ.

По сердцу была юношѣ отцовская рѣчь. Добрая почва жаждетъ добраго сѣмени, росы и дождя небеснаго. Въ то необразованное время, юноши осязательно сознавали еще величіе и пользу старческой мудрости. Въ этомъ должны уступить они юношамъ нашихъ временъ, которые, набивъ голову ученой трухой и битыми блестящими стеклушками, не своривъ, не усвоивъ ихъ себѣ, не составивъ ничего цѣлаго, не выяснивъ цѣли, никого въ грошъ не ставятъ. Тогда юноши за первый залогъ благословенія небеснаго почитали покорность воли своей свѣтамъ отца, считали за чистое золото каждый фактъ опытности старца въ дѣлахъ жизни: они слушали съ жадностію, печатлѣли въ сердцахъ своихъ уроки мудрости и приобрѣтали *опытность по вѣр-*— прежде опытности по собственному испытанію; повторяли не съ улыбкою ироніи, смыслъ одного новѣйшаго стиха:

„Блаженъ кто вѣруетъ; тепло ему на свѣтъ!“

И имъ было точно *тепло даже подъ полярнымъ небомъ!* вѣра въ providѣніе Божіе согрѣвала сердца ихъ; и оттого, можетъ быть, тогдашнее юношество меньше впадало изъ одного безразсудства въ другое, еще болѣе пагубное; меньше было заносчиво въ своихъ приговорахъ, обо всемъ — почти всегда

*) Читатели найдутъ ее въ статьѣ моей „первообразы Донъ-Жуана и Фауста.“

или несомнительных или невѣрныхъ, какъ бы ни казались они блистательны; менѣе полагаю на свои силы, заботливѣе искаю этихъ силъ тамъ, гдѣ можно найти ихъ. Тогда юноша былъ юноша, т. е. человекъ сознающійся словомъ и дѣломъ что онъ еще далеко не мужъ, и еще дальше отъ мудрости старца, и безконечно ничтоженъ передъ премудростью Божіею, о которой наши юноши или не считаютъ занужное думать, а если и думаютъ, то говорятъ, — прости Господи!... Не потому ли, впрочемъ, наши юноши такъ презираютъ нашихъ старцевъ, что эти старцы, въ свою очередь, были точно такимиже юношами? Въ такомъ случаѣ, и хлопотать не о чемъ: какъ мприли, такъ и отмиряется. Но юноша, кто бы ты ни былъ: хочешь быть почтеннымъ старцемъ? — Будь прежде самъ почтительнымъ юношей!...

На другой день послѣ благословенія родительскаго, Корнелій Гаутманъ, нагруженный рекомендательными письмами и полномѣснымъ кошелькомъ, сидѣлъ уже въ легкомъ *Кирибу* *) и легкъ по гладкой дигѣ въ столицу Рейнландіи — знаменитый *Lugdunum Batavorum*.

Ничто не могло сравниться съ нетерпѣніемъ его скорѣе приѣхать въ Лейденъ. Часы казались ему столѣтіями; города и села мелькали мимо его; уклоняясь отъ мѣстъ гдѣ господствовали Испанцы, возчикъ его взялъ вѣво на Дортъ, на Роттердамъ, и такъ далѣе. Корнелій Гаутманъ

*) *Кирибу* — національный голландскій экипажъ — совершенное подобіе дѣтскихъ тележекъ въ игрушечныхъ лавкахъ.

измучилъ своего возчика безпрестанными спросами—скоро ли? — Наконецъ, радостное: — вотъ Лейденъ! — сказанное проводникомъ, пробудило Корнелія, погрузившагося въ глубокія размышленія.

— Гдѣ Лейденъ? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ и впился въ него ядными глазами. Распросамъ не было конца. Это что? — рѣка новый Рейнъ? — Это что? — высокая Вендсъ Поортская башня.— Стало быть мы приѣхали! — разумѣется. Го! Питъ!.. Го! Генсъ! кричалъ возчикъ, похлопывая бичемъ и *Питъ съ Генсомъ* — два толстыхъ Фризонскихъ *Гартдрафера* (рысака) съ слона ростомъ, взбѣжали на подъемный мостъ Гохевендскихъ воротъ. Цѣпи брякнули разъ, два, три, и путешественники были въ Лейденъ, и кирибу Корнелія Гаутмана остановился передъ подъездомъ краснокирпичнаго дома. Въ домѣ томъ жилъ *Мейнгеръ* Адрианъ фанъ-деръ Верфъ, первенствующій бургомистръ города Лейдена, задушевный пріятель Корнеліева отца. Дружба ихъ была стариннымъ завѣтнымъ наслѣдствомъ и переходила въ ихъ фамиліяхъ отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну.

Описать одинъ домъ голландскій, значить, описать ихъ тысячи, по причинѣ весьма естественной: почти всѣ дома голландскіе (я говорю о городскихъ) выстроены на одинъ ладъ. Таже самая простота, чистота, пять оконъ, расположеніе извнѣ и снаружи, т. е. *субъективно и объективно* — какъ говорятъ вынѣшніе Нѣмцы на своемъ полулатинскомъ нарѣчій. Мы поступимъ въ этомъ случаѣ какъ систематикъ Линней съ растеніями: опишемъ общій родъ до-

мовъ, и предоставимъ расписывать виды ихъ новѣйшимъ Жюлье и де-Кандолямъ.

Домъ Адриана фанъ-дерь Верфа имѣлъ пять оконъ на улицу и четыре этажа въ вышину, кромѣ чердака и подваловъ. Середину нижняго яруса занимала подъѣздная зеленая дверь, раздѣленная, вопреки обычаю другихъ странъ, на два поперечныхъ, а не долевыхъ раствора: одинъ верхній для служанки, когда позвонять съ улицы, другой для входа въ аллею, или мраморныя сѣни: когда отворялись обѣ половинки. Передъ дверью — развѣсистое на обѣ стороны крыльцо о пяти ступенькахъ, по которому всходили не прямо, а съ двухъ боковъ, параллельно фасаду дома. На наружномъ или объективномъ фасѣ крыльца, находился проломъ или лазейка въ подвалъ, мѣсто жительства крысы, въ которомъ, кромѣ ихъ, пряталась всякая грубая утварь домашняя, начиная отъ бочекъ съ саломъ и пенькой, до боченковъ и боченочковъ съ *Капартеи-Сектомъ* (*Secco de Caparia*), любимымъ виномъ того времени, виномъ, о которомъ говорить съ такою любовію Джонъ Фольстафъ, въ безсмертныхъ твореніяхъ Шекспира. Домъ оканчивался пирамидально: изъ конической вершины фасада его, выходилъ обточенный князецъ, служившій крапомъ для подъема тюковъ съ краснымъ товаромъ на чердакъ, — другую кладовую. Надъ дверьми, медальонъ, съ означеніемъ года постройки и слѣдующею надписью: *Doe well en zie niet, om, т. е. дѣлай добро и не оглядывайся*, — превосходная, хотя и обветшавшая на практикѣ тенденція! Въмѣсто колокольчика у наружной двери, по тогдашней модѣ, прекрасный бронзовый молотокъ, который натягивался не легче

тетивылука или луковой тетивы по правописанію нѣкоторыхъ новѣйшихъ *знахарей* нашего языка. *) На звукъ ударовъ этого молотка по металлической набойкѣ на дверяхъ, отворялась верхняя половинка ея, и толстая говорливая кухарка Гритта, или субтильная Ясни, служанка дома, подбоченясь увѣсистымъ фертикомъ, высовывалась до половины своего корпуса и повторяла обычный свой афоризмъ: *Wat beliest? Что угодно?* — и потомъ, узнавъ съ двухъ первыхъ словъ *всего* посѣтителя, или проводила его на лѣво въ бѣдную или отправляла на право въ контору: всѣ тогдашніе граждане Голландіи были по большей части купцы. Противоположную часть нижняго этажа занимала кухня и прачешная. Улитковая лѣстница вела изъ аллеи на верхъ въ гостинныя и спальни. Столовая комната съ огромнымъ каминомъ — окнами въ садъ, составлявшій заднюю часть дома. Но что за садъ! Длинный, узенькій, какъ рукавъ пожарной помпы. По бокамъ средней дорожки, оканчивавшейся огромною *мишенью* (*Het Doelen*) для стрѣльбы изъ лука и самопала, сидѣли въ разныхъ положеніяхъ зеленые львы, лебеди, дельфины и т. п. мастерски вырѣзанные изъ живыхъ кустовъ стриженаго дрока. Между этими животными, образцами нидерландскаго безвкусія по садовой части, пестрѣли клумбы тюльпановъ, рункуловъ, анемоновъ и гіацинтовъ, вырощенныхъ стараніемъ какого нибудь фанъ Эдена Гаарлемскаго *Блумиста* (цѣточника). По обѣимъ сторонамъ тойже сред-

*) Не тѣхъ ли которые пишутъ *услышалъ, увидаль?* ПР. НАБОРЩИКА.

ней аллеи прозябали въ футлярахъ своихъ, раскрашенныхъ зеленою масляною краскою съ бѣлыми и черными обручиками, двѣ огромныя вѣковыя липы; середнія вѣтви ихъ, тѣсно сросшіяся между собою, образовали родъ триумфальныхъ воротъ, сквозь которые проходили торжественно стрѣльца — побѣдителя своихъ антагонистовъ. Вокругъ каждой липы, находилась покойная скамья, на которой усаживались неумытные судьи ловкаго выстрѣла. На одной сторонѣ сада возвышалась готическая голубятня, которой крылатые жители, какъ ни обстрѣливали ихъ посѣтителемъ сада, можетъ стать — одни не постигали пользы и удовольствія ихъ воинственныхъ забавъ, и при первомъ выстрѣлѣ всегда разлетались по соседнимъ дворамъ, кромѣ развѣ одной насѣдокъ, которыхъ и самый ужасъ не могъ отлучить отъ птенцовъ. Тутъ то надобно было посмотреть, какъ нѣжность материнская — даже и въ самой птицѣ — превозмогала ея врожденное, непреодолимое отвращеніе отъ пороку. Съ другой стороны сада въ соответственность голубятни, находился птичникъ, въ верхнемъ отдѣлѣ котораго за рѣшеткою, щебетали кенары, соловьи, и другія пѣвчія пташки; а нижнее отдѣленіе его служило пріотомъ двумъ золотымъ королевскимъ фазанамъ, добытымъ, — на вѣсь золота — изъ Японіи, черезъ Лисабонъ. Посерединѣ аллеи — кругъ, занятый мраморнымъ бассейномъ, изъ центра котораго билъ фонтанъ живой воды наполнявшій часть водоема, прилегающую къ его периферіи. Въ этомъ обводномъ миниатюрномъ каналѣ шныряли золотыя, алыя, розовыя, черныя и цѣгія китайскія рыбки. Всѣ эти

мѣстности сада нужно было описать какъ будущую сцену событій, слѣдуя новѣйшимъ драматургамъ, которые прежде всего знакомятъ читателей своихъ, не только съ мѣстомъ дѣйствія, но и съ костюмомъ своихъ героевъ. Избавляю однакожь себя и читателей отъ послѣдняго труда тѣмъ охотнѣе, что женскій костюмъ тогдашняго вѣка найдутъ они на новыхъ модныхъ картинкахъ нашего времени, издаваемыхъ при Беллизарой *Revue Etrangère*, а на мужской костюмъ могутъ заглянуть въ Рембрандтову или Рубенсову эрмитажную галерею. Войдемъ лучше за нашимъ героемъ въ бесѣдную комнату фандеръ-Верфова дома. Въ ней не все было такъ просто какъ въ сердцѣ ея радушнаго хозяина, простота его чернаго платья не ссорилась съ наружною роскошью зажиточнаго гражданина. Стѣны комнаты, отъ потолка до панелей, обиты рытымъ утрехтскимъ бархатомъ и выложены золоченымъ карнизомъ. Штофные малиновые съ разводомъ занавѣсы и подзоры украшали оба окна бесѣдной. Возлѣ этихъ оконъ хозяинъ или гость его, усѣвшись въ богатыя готическія — нынѣшняго фасона — кресла, не будучи ни къмъ видимъ, сколько душъ угодно, могъ звать на прохожихъ по улицѣ, которые, безъ всякаго умысла рисовались для потѣхи зрителя въ небольшомъ овальномъ зеркалѣ, нарочно для того прилаженномъ у наружной оконницы. Въ этомъ положеніи нашель хозяина дома введенный къ нему въ бесѣдную нашу Корнелій. Хозяинъ былъ не одинъ: передъ нимъ, за столомъ, нагруженнымъ кушаньемъ и напитками, сидѣлъ небольшой человекъ въ черной бархатной скуфѣ, въ черномъ

стамедномъ платьѣ и красныхъ шерстяныхъ чулкахъ; человѣчекъ сей былъ также не безъ дѣла: онъ разрѣзывалъ огромный пирогъ съ дичиной. Двухъ стариковъ раздѣлялъ прекрасный юноша, почти однихъ лѣтъ съ новоприбывшимъ гостемъ. При видѣ Корнелія, почтительно вручившаго хозяину письмо отца своего, Адрианъ фанъ деръ Верфъ поставилъ недопитую рюмку вина и расправя усы свои и бородку, привѣтливо подвинулъ табуретъ и пригласилъ незнакомаго гостя раздѣлить его скромную трапезу. Ободренный такою ласкою, Корнелій, не безъ робости однакожь, присѣлъ на край табурета, и въ почтительномъ молчаніи ждалъ, что будетъ. Два другіе собесѣдника осматривали приѣзжаго съ любопытствомъ: само по себѣ разумѣется, что разрѣзъ пирога съ дичиной также остановился. Едва успѣлъ радушный хозяинъ прочесть письмо, какъ приѣзжій уже былъ въ его объятіяхъ и радостныя восклицанія добраго Адриана возвѣстили двумъ другимъ собесѣдникамъ его имя. *Благословенъ грядый во имя Господне! мигъ тебѣ — дорогой мой гость, сынъ лучшаго моего друга! Профессоръ!* сказала онъ, обращаясь къ собесѣднику въ красныхъ чулкахъ, представляю тебѣ Корнелія Гаутмана, сына перваго пивовара во всей Голландіи, котораго благотворную влагу ты такъ охотно пьешь: прими его какъ втораго моего сына, напои его, утоли жажду его познаній въ глубокомъ морѣ твоей учености! а ты, сынъ мой, Питъ — заставь твоего новаго брата, забыть, что онъ не

въ домѣ родительскомъ: будьте оба — одна душа въ одномъ тѣлѣ! — да здравствуетъ новый сынъ мой Корнелій! Всѣ налили за его здоровье, и прежде нежели герой нашъ успѣлъ опомниться, онъ уже былъ осыпанъ всѣми знаками самаго дружескаго, самаго радушнаго приѣма. Старичекъ въ черной бархатной скуфьѣ, былъ тотъ самый Мерула, знаменитый географъ, гидрографъ, и теоретикъ мореплаванія, къ которому адресовалъ его таинственный старецъ. Такимъ-то образомъ начало сбываться постепенно все предсказанное имъ герою нашему на берегахъ Бисбоса. *И въ этотъ же самый день, какъ нарочно, молодой Питеръ фанъ деръ Верфъ, поступалъ также въ классъ къ ученому Мерулѣ для окончанія своего курса наукъ.*

Вскорѣ вино, разумянивъ щеки двухъ стариковъ, придало ихъ умной, простой бесѣдѣ всю занимательность, приобретаемую образованностью ума нестѣсненнаго оковами приличій. Практическія свѣдѣнія Бургомистра, и теоретическія познанія Профессора были въ полномъ разгулѣ. Молодые люди слушали двухъ почтенныхъ стариковъ, не могли послушаться ихъ, и пожимая другъ у друга руки, клялись утѣшить родителей своихъ самыми блистательнымъ успѣхами въ наукахъ. Такъ кончился первый день проведенный Корнеліемъ въ Лейденѣ у новаго благодѣтеля своего и втораго отца Адриана фанъ деръ Верфа, день рѣшительный, имѣвшій влияніе на всю послѣдующую жизнь нашего героя. . .

Ш.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА.

Корми того кто голоденъ, учи того кто жаждетъ познаний, говоритъ заморская пословица, и ее можно было вполне примѣнить къ нашимъ двумъ новымъ друзьямъ студентамъ, Питеру ванъ-деръ Верфу и Корнелию Гаутману, настоящимъ богатырямъ въ ученѣ. Учились они не по днямъ, а по часамъ: не довольствуясь лекціями своего наставника, повторяли ихъ дома, и тогда какъ другіе студенты посвящали свободные часы своей разгульной жизни въ шинкахъ и публичныхъ баняхъ*), они просиживали цѣлыя ночи за теоремами, наблюдали ходъ небесныхъ тѣлъ, задавали другъ другу задачи и на другое утро неразъ удивляли своего профессора какимъ нибудь новымъ открытіемъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ. Въ нѣскольکو мѣсяцовъ, доказали они что

*) Тогдашнія бани были мѣстомъ сборища разгульной молодежи среднихъ вѣковъ и нередко театромъ постыднѣйшихъ пороковъ.

можетъ благонамѣренный юноша. одаренный прилежаніемъ и умомъ. Девизомъ ихъ было извѣстное выраженіе древности.

Fugit hora, sagre Diem!

И оба они, къ первому публичному экзамену, не только догнали, но и перегнали всѣхъ своихъ сверстниковъ: изъ младшихъ учениковъ знаменитаго Мерулы, они торжественно были провозглашены старшими студентами (*Seniore*) его частныхъ курсовъ. Знаменитый Университетъ Лейденскій тогда не существовалъ еще. Первымъ былъ Корнелій, а Питеръ вторымъ. Старикъ Мерула чуть не плакалъ отъ радости, восхищаясь успѣхами своихъ двухъ любимцовъ: они получили 1-й ученую степень Разумѣется, все это возбуждало зависть въ нѣкоторыхъ студентахъ, а особенно въ одномъ матушкиномъ сынкѣ, котораго родительница-баловница прочла въ женихи прелестной дочери одного сосѣдняго помѣщика, рыцаря Янна ванъ деръ-Дуза. Тѣмъ лестнѣе бы-

ло торжество двухъ юныхъ друзей, заслужившихъ его своими успѣхами въ наукахъ. Счастливый день сей былъ ознаменованъ праздникомъ въ домѣ первенствующаго Бургомистра. Это просто былъ пиръ на весь міръ. Множество то варищей Питера, и все отборнѣйшее юношество Лейдена приглашены радостнымъ отцомъ на званый обѣдъ — къ его сыну. Вино Канарское и пиво Голландское лились рѣками. Послѣ обѣда, открыта въ саду хозяина публичная стрѣльба — первый призъ достался Корнелію, а второй его другу. Редерейкеры лейденской камеры сочинили на этотъ торжественный день самый сахарный, самый напыщенный *Battement* (пастораль), въ которомъ тогдашніе Бателеры (скоморохи), одѣтые пастухами Сициліи, съ разцвѣченными посохами, въ испанскихъ мантияхъ и беретахъ, въ пестрыхъ лентахъ, перьяхъ, и въ греческихъ сандаляхъ, разыгрывали роли свои не хуже французскихъ *Freges de la passion*. Въ особенности плѣнилъ всю публику, одинъ Нидерландской *Trasioso*, изъ труппы Брюссельской, игравшей при дворѣ Испанской Регентины.

Такъ текли дни Корнелія въ Лейденѣ между занятіями учебными и самымъ дружественнымъ проведеніемъ времени въ семействѣ благодѣтеля его фанъ деръ Верфа. Съ каждымъ новымъ днемъ, дружба молодыхъ людей скрѣплялась тѣснѣе и тѣснѣе. Питеръ зналъ всѣ тайны Корнелія и часто смѣялся надъ мечтательностью своего задумчиваго друга. Иногда — увлекаемый его пламенною фантазією, онъ, въ свободные дни, слѣдилъ съ нимъ красавицъ лейденскихъ на гульбищѣ: ему хотѣлось увѣрить ся, до какой степени справедлива

была надежда Корнелія увидѣть Ундину Бисбоса въ чувственномъ образѣ милой живой красавицы. Но всѣ розыски были тщетны: городъ Лейденъ, какъ и всѣ города Голландіи, былъ набитъ красавицами, но портретъ Ундины Корнеліевой не являлся. Наконецъ, рѣшили — оставить дѣло на волю Божию, и благообразный, веселый Питеръ воспользовался рѣшимостью своего друга, положилъ всѣми мѣрами развлечь Корнелія отъ мечты его — во что бы ни стало. Пользуясь временемъ вакацій, они часто пускались на удалыя прогулки въ легкой рыбацкѣй ладѣ по Лейденскому или Гаарлемскому озеру, другому внутреннему морю Голландіи, и тутъ то развивалась, во всей полнотѣ своей, мужеская смѣлость неустрашимаго Корнелія и искусство его въ управленіи парусами; иногда пускались они стрѣлять кроликовъ и птицъ на высокія песчаныя холмы оксаническаго поморья — называемые дюнами — это была любимая охота юнаго Гаутмана. Передъ нимъ разстилалась тогда во всемъ величій своемъ необозримая гладь океана, со всѣми ужасами, со всею необъятною массою его водъ. Нерѣдко, опираясь на пицаль свою, онъ вперялъ взоры въ безбрежную даль видимаго горизонта и увѣрялся нагляднымъ образомъ въ шарообразности обитаемой имъ планеты: иногда оставался онъ по цѣлымъ часамъ въ семъ нѣмомъ созерцаніи неизмѣримѣйшаго изъ подлунныхъ созданій! восторженный духъ его уносился за предѣлы Божьяго міра, сближался съ создателемъ, совлекался земнаго тѣла. О! какъ хотѣлось ему тогда, окривая духовною силою, взлетѣть горѣ — въ высь заоблачную, или на легкопарусномъ кораблѣ —

умчаться въ эту синюю даль, за черту небосклона, въ инныя земли, въ инныя моря, еще неизвѣданныя никѣмъ изъ его соотчичей! Въ благоговѣнномъ безмолвіи своемъ, онъ могъ перечестъ всѣ біенія трепетавшаго отъ полноты желаній своего сердца . . . . Вдругъ — пробуждалъ его окликъ добраго, веселаго Питера — и тогда — скромный, нѣжный Корнелій готовъ былъ выдти изъ себя, готовъ былъ прибить нескромнаго друга, который такъ грубо, такъ вещественно извлекалъ его изъ области упоительныхъ созерцаній . . . . О надежды Корнелій ушелъ одинъ на любимыя свои дюны и тамъ провель едва не цѣлыя сутки. Но тутъ уже не другъ его Питеръ, а другое знакомое лицо — Бисбоскій старецъ, сынъ жениха Аматты Гаутманъ, наперстникъ Ундины его — извлекаетъ мечтателя изъ его моральнаго обаянія.

— Что ты дѣлаешь здѣсь, Корнелій? — спросилъ его незнакомецъ, — одинъ и въ эту пору? тебя ищутъ друзья твои въ Лейденѣ! не хорошо огорчать ихъ такою долгою, бесполезною отлучкою. Ступай лучше домой и сообщи первенствующему Бургомистру радостную, желанную вѣсть о смѣлѣ Герцога Альвы.

— О смѣлѣ Альвы! вскричалъ обрадованный Корнелій: но кто сказалъ тебѣ о томъ, таинственный другъ мой?

— Я это знаю — это вѣрно: передай друзьямъ.

— И такъ всѣ наши бѣдствія скоро кончатся, возразилъ юноша.

— Не такъ скоро еще, какъ ты думаешь? Но чего же ты медлишь? скажи Адриану фанъ деръ Верфу, что слышалъ, и добавь къ тому, что за радостью часто слѣдуетъ горе: онъ долженъ понять меня. Про-

щай! — Неиди за мной!., сказала старецъ и быстрыми шагами скрылся въ чащѣ деревьевъ, за ближними холмами. Точно невидимая сила приковала Корнелія на мѣстѣ. Онъ опомнился, когда раздался у подошвы холма голосъ Питера; тотъ громко звалъ своего друга. Корнелій почти готовъ былъ принять встрѣчу старика за видѣніе и въ безотчетной раздумчивости, сошелъ на восточную сторону дюны, гдѣ ожидалъ его Питеръ, видимо озабоченный долгимъ его отсутствіемъ. Разстройство Корнелія его поразило.

— Что ты дѣлалъ здѣсь неосторожный скиталецъ? Развѣ не видишь какая буря сбирается на небѣ? Битыхъ три часа ищущу я тебя здѣсь по дюнамъ и осипъ отъ крику: зову тебя цѣлый часъ, и ты мнѣ — хоть бы слово!

— Я не слыхалъ тебя, добрый братъ мой Питеръ.

— Чѣмъ же былъ ты такъ занятъ? Не опять ли мечтами объ Ундины своей, о таинственномъ старцѣ?

— Я сей часъ говорилъ съ нимъ.

— Ты вѣрно шутишь Корнелій. Я объжалъ всѣ холмы и не видалъ ни одного живаго существа, кромѣ красноглазаго кролика и двухъ бѣлыхъ чаекъ.

— Я говорилъ съ нимъ, повторяю тебѣ, и онъ мнѣ далъ порученіе къ твоему отцу.

— Часъ отъ часу нелегче, продолжалъ недовѣрчиво Питеръ; ты здѣсь озлѣбъ Корнелій, ты весь дрожишь: вотъ мой кирибу — поѣдемъ домой! Я нарочно взялъ для тебя запасный плащъ Садисъ и поѣдемъ: батюшка обезпокоенъ твоимъ отсутствіемъ. Чаша подогрѣтаго вина съ пряностями возстановитъ твой силы, и добрый юноша завертывалъ друга своего

въ плащъ, усадилъ его въ евой кирабу и велѣлъ кучеру гнать какъ можно скорѣе въ Лейденъ. Но какъ ни скоро они ѣхали, ихъ застала страшная буря и проливная непогода промочила ихъ до костей.

Когда оба они просохли у камина, и возстановили силы своимъ универсальнымъ лѣкарствомъ своего времени — *medicamentum gratia probatum* (виномъ подогрѣтымъ съ приностями) — Питеръ видя что другъ его нѣсколько поуспокоился, захотѣлъ съ нимъ объясниться. Корнелій пересказалъ разговоръ свой со старикомъ.

— Чудно! отвѣчала молодой фанъ деръ Верфъ: если только видѣніе твое не сонная греза.

Въ это время вошелъ въ покой мейнгеръ Адрианъ. Въ рукахъ у него было письмо отъ Филипа фанъ Марникса изъ Роттердама. Благогородный Баронъ С. Альдегондъ извѣщалъ Лейденскій Магистратъ о смѣнѣ Герцога Альвы и назначенія Дона Луиса Реквесенса правителемъ Нидерландовъ.

— Теперь скажу и я что старикъ твой — добрый вѣстникъ.

— Какой старикъ? спросилъ Адрианъ.

— Пусть самъ Корнелій расскажетъ вамъ батюшка, что случилось съ нимъ въ Дюнахъ. И Корнелій передалъ Бургомистру что слышалъ и видѣлъ.

— Какоежъ горе быть можетъ ужаснѣе того, которое терпѣла Голландія отъ жестокостей Альвы?

— Не знаю, достопочтенный Адрианъ: но вѣрность перваго извѣстія заставляеть меня вѣрить и второму.

— И ты не знаешь имени своего незнакомца?

— Не знаю.

— И ты не спрашивалъ какъ зовутъ его?

— Спрашивалъ; но онъ вѣроятно не хотѣлъ мнѣ довѣрить своего имени.

— Кто бы ни былъ онъ, сказалъ Бургомистръ, но извѣстія его благонамѣренны. Я сообщу ихъ городовому совѣту.

Адрианъ простился съ ними и пошелъ ужинать безъ своихъ друзей; они такъ устали, что покой былъ для нихъ нужнѣе пищи.

Но Бургомистръ не мѣшкалъ, онъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ ратуши — синдиковъ и бургомистровъ Лейдена, и передавъ имъ свои опасенія, совѣтовалъ начальнику городской стражи осмотрѣть всѣ посты: не изъ лѣности, а потому что самъ онъ былъ гражданскій, и плохо зналъ военное дѣло. Къ несчастію Лейденцовъ, командиръ городоваго войска былъ не Голладецъ: служилъ нѣкогда въ кондотьерахъ Венеціи и душою былъ преданъ Испанцамъ. Это обстоятельство довольно хорошо объяснило бы городовому совѣту, почему передовья шанцы его и вся команда сеньора Убальдино была въ такомъ безпорядкѣ; но городовой совѣтъ Лейдена ничего не зналъ о томъ, и хотя душою былъ преданъ партии принца Стадгаудера, но также плохо зналъ дѣло военное, какъ и самъ первенствующій Бургомистръ. Такъ то вотъ всегда недостатокъ въ одной распорядительной и добросовѣстной головѣ можетъ подвергнуть опасности цѣлой городъ, цѣлую область, цѣлое государство.

На другой день послѣ обѣда Корнелій получилъ безъимянную записку; въ ней написано было слѣдующее:

Что я говорилъ тебѣ вчерашняго числа на дюнахъ, то сбывается на дѣлѣ. Герцогъ Альва точно смѣненъ, но

городу оттого не легче. Реквесенъ ршился взять его и пользоваться невозможностию Принца Оранскаго подать помощь Лейдену, хочет напасть на него въ распахъ; обратитъ въ вѣно Испанци послѣднюю твердыню Голландцовъ. Скажи о томъ Бургомистру.

Часъ отъ часу болѣе и болѣе изумляемый Корнелій, отнесъ записку неизвѣстнаго къ своему благодѣтелю, и пока тотъ съ совѣтомъ приметъ надлежащія мѣры для защиты города и продовольствія его на случай осады, предложилъ Питеру тайно отправиться съ нимъ вдвоемъ поразвѣдать, что дѣлалось — за городомъ.

День клонился къ вечеру когда они, переодѣтые рыбаками, вышли за Гохевендтскіе ворота. Прилежно осматривая входящихъ и выходящихъ. отошли они отъ города на четверть часа пути и усѣлись на южномъ берегу Рейна. Рѣка струила по прежнему свои воды, ни одна живая душа не показывалась на побережной дигѣ. Одни лягушки квакали въ камышѣ. Окрустность начинала темнѣть и скоро все подернулось вечернимъ туманомъ. Рога новаго мѣсяца чуть показывались на облачномъ небѣ, вдругъ послышался крикъ, заглушаемый проклятіями. Броситесь на помощь къ страждущему, не зная — кто онъ? было для двухъ друзей нашихъ дѣломъ одной минуты. И чтожь увидѣли они? Двухъ испанскихъ мародѣровъ, двухъ настоящихъ богатырей, изъ которыхъ одинъ, сбивъ съ ногъ неизвѣстнаго имъ челоуѣка, заколачивала ему ротъ платкомъ, а другой вязала ему руки. Напрасно страждущій просилъ о пощадѣ и призывалъ Бога въ свидѣтели, что не зналъ ни вѣдалъ куда скрылся горившій съ нимъ *незнакомый старикъ*, — два разбойника, повидимо

му посланные за этимъ старикомъ, смѣялись надъ несчастнымъ своимъ плѣнникомъ и, сопровождая каждое слово свое могучимъ пинькомъ, увѣряли страдальца, что ему бояться нечего, что въ войскѣ ихъ Генерала Вальдеса ожидаетъ его *высокое мѣсто*, и при этомъ одинъ изъ двухъ негодьявъ, какъ бы желая дать ему предвкусіе висѣлицы, надѣвалъ уже на шею жертвы своей арканъ, которымъ готовился прикрутить его къ сѣдельной лукѣ. Двѣ лошади мародѣровъ ржали, привязанныя къ плотинному столбику на порѣчьѣ . . . .

— Прочь! Кто далъ вамъ право вязать свободнаго Голландца, вскрикнулъ громовымъ голосомъ Корнелій Гаутманъ, и мужественно напалъ на ближайшаго къ нему мародѣра, между тѣмъ, какъ молодой Фанъ деръ Верфъ, отрывалъ отъ бедра Испанца огромный палашь и бросилъ его въ руку.

— Сагага! Взревѣлъ бѣшеный Испанецъ и, оставя избитаго имъ незнакомца на попеченіе своего товарища, бросился какъ тигръ на Корнелія.

У двухъ противниковъ завязалась борьба на смерть.

Крикъ товарища привлекъ вниманіе другаго мародѣра. Полагая въ сумеркахъ вечера, что нападающій одинъ, онъ — выхватя палашь свой готовился раскрыть имъ голову дерзкаго *сырника* — имя, которымъ называли тогда Кастильцы всѣхъ жителей Нидерландовъ. По счастью, фанъ деръ Верфъ успѣлъ ослабить силу замаха подставленнымъ древкомъ своей уди — единственнымъ орудіемъ его защиты. — Древко было выдѣлано изъ крученой жимолости и, притупя ударъ, не могло однако спасти Корнелія отъ поруба. Кровь хлынула изъ бедра его, но силь-

ный и ловкій югоша успѣлъ уже бросить Испанца въ воду.

— Ищи теперь палаша своего! сказала онъ зажимая текущую кровь.

Между тѣмъ, избитый Лейденецъ еще недовязанный мародѣрами, видя гибель своихъ избавителей, успѣлъ освободиться отъ своихъ путъ, и накинувъ арканъ на шею другаго Испанца, повалилъ его на землю, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ нанести новый ударъ Корнелию или великодушному его другу.

Тутъ листъ судьбы совершенно перевернулся: оставшійся въ живыхъ Испанецъ, принужденъ былъ служить *языкомъ* отъ войска Вальдессова для Лейденскихъ *сырниковъ* Скрученный собственнымъ своимъ *лассо* (арканомъ) и совершенно обезоруженный, онъ посаженъ былъ на свою же собственную лошадь; а раненый Корнелий, перевязанный его шарфомъ, на другую. и оба, подъ эскортою удалца Питера и избитаго незнакомца, отправились прямо къ Лейденской ратушѣ, возлѣ которой находился домъ ея переизнествующаго Бургомистра.

Пока все это происходило за городомъ, до Бургомистра дошла внезапная вѣсть, что Капитанъ городской стражи пропалъ безъ вѣсти. Онъ давно уже поселился въ Лейденъ и принялъ даже протестантскую вѣру. Кто бы могъ ожидать отъ него подобнаго поступка? Было ль то небреженіе или измѣна—объяснить мудрено. Во всякомъ случаѣ, время было дорого. Гарнизонъ крѣпости не могъ оставаться безъ начальника, а городъ безъ собственной защиты: опытъ сей часъ доказалъ какъ не надежны были тогдашніе вольнонаемныя роты (Vrij — Compagnie). Уже начи-

нали разноситься слухи, о выступленіи новаго испанскаго отряда, назначеннаго для занятія Лейдена, и все пришло въ волненіе. Громовой гулъ набатнаго колокола пробудилъ дремавшій народъ, собралъ въ ратушу всѣхъ членовъ городского Магистрата, и уже открыто было полное засѣданіе совѣта, когда дошло до него извѣстіе о новоприбывшихъ. Между тѣмъ какъ хирургъ перевязывалъ рану Корнелия, трое остальныхъ его спутниковъ введены были въ присутственную залу. Узнавъ въ одномъ изъ нихъ испанскаго воина, народъ едва не разорвалъ его на части.

По первому докладу Питера не медленно открыто было формальное слѣдствіе.

— Кто ты? спросилъ Предсѣдатель совѣта, обращаясь къ испанскому плѣннику на родномъ его языкѣ: тогда всѣ почти образованные Голландцы говорили по Испански.

— Прапорщикъ Гранадскихъ волонтеровъ Донъ Антоніо, Педро, Маріа, Сальвадоръ . . .

— Будетъ, будетъ! г. Прапорщикъ — скорѣе къ дѣлу! ваша фамилія?

— Маркизь де Сильва досъ Агусъ Фрескасп, отвѣчалъ съ самодовольствіемъ Гранадскій Гидалго.

— Кто же далъ вамъ право, Маркизь де Сильва, душиить и бить на смерть свободнаго согражданина нашего Ананію де Барса?

— Мы не душили его, а хотѣли только . . .

— Не душили, злодѣи! а не ты ли закидывалъ мнѣ на шею мертвую петлю, когда я не могъ сказать тебѣ куда дѣвался разговаривавшій со мной незнакомецъ?

— Какой незнакомецъ? спросилъ заботливо бургомистръ.

— Съдой старикъ съ длинной бородою.

— Старикъ? подумаль Адрианъ, припоминая слова Корнелія, и полученную имъ наканунѣ записку.

— Онъ одѣтъ какъ наши бателеры, и узнавъ что я здѣшній житель, хотѣлъ вручить мнѣ какое то письмо.

— А на что вамъ былъ нуженъ этотъ старикъ?

Плѣнникъ отвѣчалъ довольно ловкимъ изворотомъ: — Я почиталъ гражданина вашего сообщникомъ этого старика, и хотѣлъ его представить начальству.

— Законное начальство его — Магистратъ города Лейдена; возразилъ Езекія Фолькертсъ, Синдикъ Лейденской Ратуши.

— А законное начальство вашей ратуши? спросилъ презрительно плѣнникъ.

Фанатикъ Езекія сжалъ судорожно кулаки и грозно взглянулъ на своего плѣнника — Суевѣрный папистъ! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ: злочестивый воинъ Сеннахирима! тебѣ ли упрекать насъ въ беззаконіи, когда падачи Испанія разсѣкли всѣ узы, связывавшіе ее съ Нидерландами? Вспомни Наарденъ, Зѣтфенъ, Гаарлемъ, — несчастный Гаарлемъ, гдѣ я лишился всего моего семейства. Права наши. . .

— Здѣсь не мѣсто и не время судить о нихъ, достопочтенный со братъ Езекія, сказалъ первенствующій Бургомистръ. — Вы не отвѣчали на вопросъ мой Г. Маркизь: безопасность города требуетъ однакоже, чтобы муниципальный совѣтъ зналъ въ чемъ дѣло. Вы должны непременно сказать мнѣ истину: кѣмъ и откуда вы посланы; если не хотите чтобы я поступилъ съ вами какъ съ разбойникомъ. Отвѣчайте же мнѣ

коротко и ясно: по какому случаю искали вы старика, о которомъ такъ пристрастно допрашивали Ананію де Барса? Кто этотъ старикъ?

Плѣнникъ молчалъ.

— Вы не хотите отвѣчать?

Молчаніе продолжалось.

— Схерперъ! вскричалъ неистово Езекія, и рыжій исподилъ ужаснаго вида, въ саженъ ростомъ въ платѣ кроваваго цвѣта, вошелъ въ присутственную палату.

— Развяжи языкъ этому нѣмому: ревнулъ бѣшеный Езекія. Испанецъ увидѣлъ что съ нимъ не шутять, и вспомня о правѣ возмездія, за употребленное имъ право силы, принужденъ былъ объявить всю истину.

Тутъ узнали члены совѣта всю справедливость предсказаній таинственнаго старца. Его вѣрно было схватить какъ убійцу Капитана Убальдино, начальника Лейденскихъ вольныхъ ротъ; измѣника ослѣпившаго такъ искусно городской совѣтъ, что предательства его ни какъ не подозрѣвали. Старикъ убилъ его въ ту минуту, когда Убальдино, находившійся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Испанцами, готовился предать имъ всѣ вѣренныя ему шанцы, и ему — мнимому шпиону Испаніи — отдавалъ письмо для врученія Генералу Вальдесу. Они сами видѣли какъ Убальдино палъ отъ руки его, а письмо разорванное въ клочки было брошено въ рѣку. Когда о томъ донесено было Вальдесу, Генераль сей послалъ ихъ нагнать старика и представить его къ себѣ живаго или мертваго. Но онъ избѣжалъ погони бросаясь въ челнъ и уплылъ отъ нихъ. Одинъ Лейдердорпскій крестьянинъ указалъ имъ на человѣка, разговаривавшаго съ таинственнымъ старикомъ

и они — принявъ его за сообщника, хотѣли его представить своему начальству. Таковы были странныя подробности о Бисбоскомъ старцѣ, котораго кромѣ Гаутмана, де Барса и неизвѣстнаго крестьянина, иикто не видалъ въ окрестностяхъ Лейдена.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ фанъ деръ Верфъ — это идеалъ истаго сына отечества, и если имя его намъ неизвѣстно, то извѣстны его подвиги на пользу отчизны.

Все собраніе положило прибить плакатъ, съ приглашеніемъ безъ имяннаго благодѣтеля своего принять участіе во всѣхъ будущихъ распоряженіяхъ городского совѣта.

Остальныя свѣденія, сообщенныя плѣнныимъ Испанцемъ, заключались въ томъ, что авангардъ испанскаго войска простиравшагося до 10,000 человекъ *), подъ начальствомъ Генерала Доиъ Франциска Вальдеса, послѣдуемый значительнымъ числомъ осадныхъ орудій и воинскихъ снарядовъ, спѣшилъ къ городу форсированными маршами и долженъ былъ черезъ два дни, занять деревню Лейдердорпъ, въ получасъ пути отъ самаго Лейдена.

— Когда плѣнникъ былъ выведенъ изъ залы, и члены совѣта остались одни, Арианъ фанъ деръ Верфъ предложилъ имъ немедленно обезпечить защиту города.

— Но что можемъ мы предпринять въ столь короткое время? спросилъ его одинъ членъ совѣта: войско Принца Оранскаго далеко Средства наши такъ ограничены, что съ ними трудно защитить Лейденъ и разстроенные измѣнникомъ Убальдино внѣшніе форты;

*) По инымъ историкамъ до 7.000 человекъ.

что можемъ мы неопытные въ военномъ дѣлѣ, противъ регулярнаго хорошо устроеннаго войска, войска, котораго духъ подкрѣпленъ чувствомъ превосходства своего передъ нами, и недавнимъ торжествомъ подъ Гаарлемомъ, и новою, блистательною побѣдою при Монкергейде?

— А развѣ и у насъ нѣтъ правъ гордиться своею народностію? возразилъ съ достоинствомъ фанъ деръ Верфъ: развѣ снятіе осады Алмарской не торжество для — Голландца?

— У насъ есть еще и другая пружина силы, сказалъ Езекиа Фолькертсъ.

— И эта пружина?

— Гаарлемъ.

— Гаарлемъ! . . .

— Гарлемъ! гдѣ все погибло? . .

— Все кромѣ чести! продолжалъ фанъ деръ Верфъ. — У насъ есть еще отчаяніе наше; отчаяніе, не разъ производившее чудеса; у насъ есть чувство мести, замѣняющее матеріальную и нравственную силу.

— Да! возразилъ Адрианъ фанъ деръ Верфъ: Господь не даромъ сказалъ устами пророковъ своихъ: *слезами стюощи веселіемъ пожнутъ.*

И въ эту торжественную минуту всеобщаго ужаса, великодушный фанъ деръ Верфъ явился Миннинымъ Голландіи: благородная душа его была выше опасностей: любовь къ отечеству придала ему сверхъестественныя силы; онъ постигъ, что паденіе Лейдена нанесло бы рѣшительный ударъ его бѣдствовавшей отчизнѣ: *be, or not to be (быть или небыть)* дѣлалось его девизомъ, и другой Мининъ нашель другаго Пожарскаго.

— Сограждане товарищи! сказалъ сей великій мужъ: у насъ есть руки и воля; Господь укрѣпитъ мыш-

цы рабовъ своихъ, если мы найдемъ достойнаго предводителя. Я хочу вамъ сдѣлать два предложенія.

Товарищи молча и почтительно слушали своего достойнаго представителя. Онъ продолжалъ: — Предложимъ согражданамъ нашимъ принести въ даръ отечеству всѣ наши частныя запасы. Ты, Езекия Фолькертсъ, котораго усердіе и вѣрность непоколебимы — прими на себя исчисленіе и храненіе ихъ. Будь хлѣбодаромъ своихъ собратій. Городовой совѣтъ долженъ скупить по сегодняшней оцѣнкѣ весь хлѣбъ, всю муку, всю живность. Эта спасительная мѣра да будетъ первою заботою нашею. Согласны? . . .

— Всѣ подняли руки въ знакъ одобренія.

— Теперь предложу вамъ другую мѣру, основанную на опытѣ вѣковъ. Изберемъ немедленно новаго Схаута съ диктаторскою властію: которой я первый готовъ покориться.

— Но кого избрать? сказала нѣсколько голосовъ.

— Одного, и едва ли не надежнайшаго всѣхъ прочихъ, могу я вамъ указать: онъ не далеко отъ насъ.

— Гдѣ? спросили нѣкоторые.

— Въ замкѣ Ноортвейкскомъ. Неужели забыли вы о благородномъ поэтѣ-вѣтязѣ Янѣ фанъ-деръ Дузѣ?

— Но онъ лежитъ израненный на одрѣ болѣзни, сказала одинъ членъ совѣта.

— Но за коготоже получены имъ сіи знаменитыя раны, если не за отечество? не за любезную ли всѣмъ намъ Голландію? развѣ онъ получалъ ихъ по расчету? развѣ герой думалъ о себѣ, принимая славныя раны сіи за родину? нѣтъ товари-

щи. Онъ забывалъ о себѣ во время бѣдствій отечества: онъ несъ ему въ даръ и кровь свою, и жизнь свою и умѣнье. Ему ли отказаться отъ новой славы, защититъ послѣдній оплотъ Голландіи — нашу душу и благо — нашъ древній Лейденъ? Онъ одинъ, или никто — при помощи Божіей — спасетъ послѣднюю твердыню Голландіи; его опытность да управитъ нашимъ мужествомъ, укрѣпитъ мышцы наши на дѣло ратное, укажетъ каждому воину его мѣсто и ту стезю, по которой искусно направленная храбрость можетъ одолѣть и самую силу.

Съ восторгомъ радости принялъ весь совѣтъ предложеніе Адріана фанъ деръ Верфа и поручилъ ему, не выходя изъ собранія, написать посланіе къ изувѣченному герою. И вотъ что написалъ онъ къ Яну фанъ деръ Дузу, будущему спасителю Лейдена:

Высокоблагородный рыцарь!

Сильное Испанское войско, подъ начальствомъ Генерала Вальдеса подступаетъ подъ Лейденъ. Упасъ нѣтъ ни оружія, ни запасовъ: но граждане Лейденскіе не боятся смерти; они богаты — любовью къ отечеству. Тѣлу ихъ не достаетъ головы — искуснаго предводителя. Примите на себя это бремя: оно не раздавитъ раменъ героев!

Здравствуйте!

Отъ имени Лейденскаго совѣта:

Адрианъ фанъ деръ Верфъ,

Первенствующій Бургомистръ.

И въ ту же самую ночь отправленъ былъ удалецъ Питеръ, сынъ новаго Минина — фанъ деръ Верфа, и на слѣдующее утро новый Пожарской явился по воззванію новаго Минина!

Когда Питеръ прибылъ въ помѣстье Ноортвейкское, благород-

ный владѣлецъ его, въ первый разъ, вставъ съ постели и опираясь на плечо своей милой, единственной дочери, вышелъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ и взглянуть на лампаду міра, на благотворное солнце.

Съ восторгомъ радости любовалась попечительная дочь плодомъ дѣтской заботливости своей, облегченіемъ отцовскихъ страданій.

— Батюшка! говорила ему престелная Минна (такъ называлась она): О! какъ весело мнѣ смотрѣть теперь на лучи этого свѣтла, когда оно освѣщаетъ твое выздоровленіе! какъ миль мнѣ день твоего перваго выхода, какъ привѣтливо зеленѣетъ надеждою эта сочная мурава, по которой ступаешь ты теперь опираясь о плечо мое! нѣкогда и ты, по смерти матери, посиль меня слабую сироту, замѣнялъ мнѣ собою весь міръ, лелѣлъ мое беспомощное младенчество — а теперь удостоилъ меня Боръ служить жезломъ твоей старости и болѣзни! Только одна счастливая дочь въ состояніи постичь то, что чувствуетъ твоя Минна.

— Только одинъ, подобный мнѣ, счастливый отецъ, въ состояніи благодарить Творца своего за сокровище, которымъ онъ, въ избыткѣ благодати, надѣлилъ меня, недостойнаго столь великихъ щедротъ.

— Ты ли не достоинъ ихъ нѣжнѣйшій изъ отцовъ, благороднѣйшій изъ людей, мой герой, честь отечества, моя радость!

— Что же сдѣлалъ я для отечества, моя Минна, чего бы не сдѣлалъ послѣдній изъ единоплеменниковъ моихъ? Каждый солдатъ можетъ получить честныя раны въ бояхъ за родину; но его не называютъ

еще за это героемъ; еслибы имена всѣхъ ветерановъ нашихъ записывались славой въ скрижали вѣковъ, для нихъ бы не достало письменнаго матеріала. Честію отечества называю я только того воина, котораго раны или славная смерть принесли отечеству его существенную пользу, спасли отъ гибели его родичей, возвратили достояніе ограбленнымъ, прекратили народное бѣдствіе.

— Но виноватъ ли ты, милый батюшка, что не имѣлъ къ тому случая: не такъ ли? ты вѣрно бы имъ воспользовался: не для славы, я въ томъ увѣрена, нѣтъ: а изъ любви къ человѣчеству?

— Благодарю тебя, моя Минна — любовь моя, за такое христоролюбивое мнѣніе. Будь увѣрена, что я всегда былъ готовъ, и всегда готовъ буду пользоваться возможностью доказать это на дѣлѣ.

— Какъ ты доказываешь это своими твореніями, своей упоительной поэзіей, а въ особенности послѣдней твоей балладой, которую такъ пріятно было мнѣ положить на музыку.

— Присядемъ подъ тѣнь этой шелковицы и спой мнѣ любимый свой куплетъ изъ моей баллады. Усадивъ отца своего на скамью, Минна сбѣгала за гитарой и начала ее настраивать.

Такъ простъ былъ великій мужъ сей въ своемъ частномъ быту. Такъ ограничены были его желанія, коихъ единственною цѣлю была или польза общая или радость ближнихъ его.

Любовное сердце его милой дочери было отголоскомъ души отца. И она готова бывала всегда забывать себя въ благосостояніи ее окружающаго. За то все ихъ любило въ окрестности, за то уважали ихъ всѣ горожане Лейденскіе, ко-

торымъ скромный бытъ ихъ былъ знакомъ; незатѣливое, простое гостеприимство помѣщика нортвейкского держало всегда настежь привѣтливую дверь скромной столовой Патріархальныя нравы хозяйевъ ея привлекали туда не одного поѣтителя. Ни одинъ изъ нихъ безъ различія сана и званія, не былъ униженъ тѣмъ видомъ покровительства, съ которымъ многіе изъ новѣйшихъ амфитріоновъ допускаютъ къ пышному столу своему. такъ называемыхъ, *неаристократовъ*. Для этихъ *мамъ великихъ людей* — бѣда и питье — государственное дѣло; просвѣщенная, умная бесѣда о предметахъ достойныхъ вниманія мыслителя — второстепенная вещь. Вино, трюфели, карты, какой-нибудь промахъ ближняго, модный спектакль — вотъ единственный предметъ ихъ любопытныхъ разговоровъ, за то, какъ поучительны эти разговоры! *Умный*, а по лексикону свѣта, *пустой* чеповѣкъ — заснетъ, слушая рассказы, отъ которыхъ и сами модники украдкой позѣвываютъ, особливо послѣ бутылки Кремана, Лафита или Сен-Пере. Литераторъ, ученый — для нихъ поденщики, *facchini*! Гастрономъ, картежникъ, острословъ — вотъ ихъ идеалы! У модныхъ женщинъ другая бѣда: мнимыя приличія, какъ рогатка, какъ ежъ втискиваются во всѣ сношенія, и въ чемъ же состоятъ эти приличія? знать гдѣ, когда и куда надѣтъ — или какъ говорится у нихъ, *одѣтъ* платье съ рукавами длинными и короткими, сидѣтъ всегда куклой на вытяжку, если предметъ суда и пересудъ незамужняя дѣвица; излишняя веселость въ женщинѣ, если она замужняя. Какъ будто излишняя веселость, умъ, любезность смертный грѣхъ, и непременно должны служить вывѣскою кокет-

ству. Охъ! ужъ мнѣ эти суды и пересуды! Когда нибудь поговорю о нихъ подробнѣе!.. Но куда я залетѣлъ изъ среднихъ вѣковъ, изъ Ноортвейкского замка?.. Проклятыя отступленія! Они напоминаютъ мнѣ два старинные стиха Бахаріаны Хераскова:

Отъ ренмы убѣгаю,
И ренму полагаю!

Но — *satis*! Гдѣ-бвишь мы оставили нашихъ добрыхъ Ноортвейкскихъ хозяевъ? Кажется въ саду, на муравѣ подъ развѣсистую шелковицею? точно такъ! И вотъ мм. гг. и государыни, не успѣла престельная дочь рыцаря-поэта взять первыхъ аккордовъ на стройной гитарѣ своей, какъ знакомый намъ Питеръ фанъ деръ Верфъ, подалъ хозяину сада посланіе Лейденской ратуши.

Отецъ посланника не ошибся: онъ хорошо зналъ человѣческое сердце. Письмо сдѣлалось цѣлебнымъ бальзамомъ для больного. Глаза его запылали и радость сверкнула въ нихъ такимъ яркимъ лучемъ, что Мишна фанъ деръ Дузь угадала содержаніе письма, прежде нежели отецъ открылъ его своей милой дочери. Первымъ чувствомъ ея былъ невольный страхъ за ту жизнь, которую она цѣнила выше своей собственной; но ласковый и вмѣстѣ знаменательный взглядъ отца пробудилъ въ ней второе чувство и оно восторжествовало надъ первымъ: чувство это — любовь къ отечеству и надежда на милость Божию. Благородная дочь была достойна благороднаго отца своего. Избраніе отца ея въ Схауты Лейдена было всеобщимъ признаніемъ его опытности, мужества и ума; торжественнымъ вѣнцомъ его военныхъ доблестей, его гражданскихъ добродѣтелей. Молча при-

звала она на достойнаго отца своего благословеніе Божіе, и съ подавленнымъ ропотомъ и нѣжною заботливостію отпустили его на подвигъ великій.

Новый Схаутъ, не смотря на слабость силъ своихъ, тотчасъ отправился въ Лейденъ. Въѣздъ будущаго спасителя въ ожидавшій его городъ, былъ настоящимъ триумфомъ, какъ почти всѣ входы (*не исходы*) народныхъ любимцевъ. Первымъ дѣломъ Схаута было обозрѣть внутреннія силы города и наружныя его укрѣпленія. И тѣ и другія оказались далеко неудовлетворительными. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и времени передъ прибытіемъ враговъ, которыхъ всѣ съ трепетомъ ожидали, не позволили ветерану-вождю исправить въ двои сутки, запущенное въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Неутомимый фанъ деръ Дузь, сдѣлалъ однакоже все что могъ для защиты Лейдена: успѣшилъ занять вѣкъ стѣнъ его нѣсколько шанцовъ, и уничтожилъ тѣ, которые могли обстрѣливать крѣпость Лейденскую съ ея разныхъ сторонъ. Второю мыслью его было намѣреніе перевезти не наглядный клейнодъ свой — нѣжно любимую и единственную дочь свою въ защищаемую ими цитадель. Ей надлежало служить залогомъ спасенія Лейдена. И все благородное юношество, (а въ числѣ прочихъ и молодой де Фалькъ, соперникъ Корнелія по наукамъ, и претендентъ на руку красавицы) вызвалось сопровождать въ родимый городъ свой прелестную Минну фанъ деръ Дузь, какъ палладіумъ своего освобожденія. Можетъ быть кромѣ восторга признательности, въ порывъ сей вмѣшивалось и другія — менѣе безкорыстныя чувства: всѣмъ извѣстна была нѣжность

фанъ деръ Дуза къ его дочери, всѣ знали что она дороже для него самой жизни; не всѣ были увѣрены, что отчизна была для него дороже дочери и эта эгоистическая мысль патріотовъ Лейденскихъ заставила ихъ желать присутствія юной красавицы въ тѣхъ стѣнахъ, кои вѣрены попеченію новаго Схаута. Черезъ нѣсколько часовъ Минна фанъ деръ Дузь была уже въ объятіяхъ своего родителя; всякъ догадается, что онъ избралъ мѣстомъ пребыванія своего домъ честнаго друга своего Адріана фанъ деръ Верфа

Между тѣмъ нашъ герой прежде всѣхъ защитниковъ Лейдена, пролившій кровь свою за его безопасность, былъ въ состояніи все незавидное: порубъ въ бедрѣ его произзель воспаленіе, воспаленіе произвело сильную лихорадку, и бѣдный Корнелій Гаутманъ, не обратившій съ горяча вниманія на свою рану, лежалъ безъ памяти въ своей комнатѣ, бредилъ о *Дльвъ бурь*, о прелестной Ундины, о таинственномъ старцѣ, и такъ пролежалъ онъ еще нѣсколько недѣль, пока искусство врачей и попеченія хозяевъ не возвратили ему употребленія разсудка и силъ.

По прибытіи Минны, отецъ ея и семейство Гаутмана отдохнули отъ дневныхъ трудовъ своихъ въ ея обществѣ. Она и весельчакъ Питеръ старались развлечь озабоченныхъ отцовъ своихъ за радушнымъ хозяйскимъ столомъ.

— А что вашъ больной? спросилъ Схаутъ хозяйскаго сына.

— Все въ томъ же положеніи какъ и вчера: бредъ его постепенно усиливается.

— Развѣ здѣсь есть больной? спросила заботливо Минна.

— Лучшій мой другъ, отвѣчалъ ей Питеръ.

— Замѣчательный молодой человекъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— И храбрый юноша, примолвилъ Схаутъ,—первый Голландецъ, пролившій кровь за спасеніе Лейдена. Тутъ разсказалъ онъ дочери слышанное имъ отъ членовъ совѣта о заключеніи съ Гаутманомъ.

Всѣ эти извѣстія сильно заинтересовали юную гостью. Она пожелала знать исторію храбраго юноши, и Питеръ разсказалъ ей уже извѣстное читателямъ нашимъ изъ первыхъ главъ повѣсти. Питеръ давно кончилъ свой разсказъ, но присутствовавшіе все еще слушали.... всѣхъ болѣе поразилъ онъ чувствительную Минну.

— Да, продолжалъ Питеръ, когда Корнелій разсказывалъ мнѣ свой чудесный сонъ или видѣніе на берегахъ Бисбоса, мнѣ показалось, что восторженное расположеніе его духа слышало таинственный призывъ судьбы на какое-то неясное, великое предпріятіе: *уверенность въ этомъ призваніи сдѣлалась положительною идеею всей его жизни.* Была минута, прибавилъ Питеръ, въ которую онъ представлялся мнѣ чуть чуть не помѣшаннымъ: такъ несбыточны показались мнѣ его мечтанія. Я взялъ его за пульсъ и такъ громко захохоталъ, что скромный Корнелій мой разсердился не на шутку.

— И имѣлъ на то полное право, сказалъ отецъ, неволью нахмурясь. Легковѣріе иногда смѣшно, недовѣрчивость опасна. Въ природѣ есть столько тайнаго, неразгаданнаго, что вся мудрость наша становится въ тупикъ; должна сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Законодатели наши, сознавая бытіе тайныхъ второстепенныхъ силъ и возможности обаянія....

— Въ этомъ случаѣ, возразилъ владѣтель Ноортвейкскій, я со-

Гл. II.

вершено несогласенъ съ тобою, добрый другъ мой Адріанъ: юридическое наказаніе колдовства не есть еще свидѣтельство объ его существованіи; гораздо труднѣе отвергнуть сознание самихъ подсудимыхъ.... А что самъ я видѣлъ, того не смѣю отвергать: во время похода моего во Францію съ несчастнымъ графомъ Эгмонтомъ, я видѣлъ шотландскаго горца; при С. Кентенѣ онъ доказалъ мнѣ, что есть такъ называемое *двойное зрѣніе.*

— Что до меня, продолжала Минна, я скорѣе готова вѣрить въ чувство *симпатіи*, о которомъ такъ много писано и говорено. Оно точно въ природѣ: влечетъ насъ къ предмету вовсе намъ незнакому, безъ сознанія побудительныхъ къ тому причинъ....

Минна имѣла, можетъ быть, своимъ причины защищать возможность *симпатіи*: она увлекалась уже въ неизвѣстный ей міръ любви, объясненіе которой было тайна будущаго. И какая дѣвушка станетъ отрицать эту утѣшительную возможность? Что бы случилось тогда съ любовью взаимною, съ платоническимъ союзомъ сердець, о которомъ такъ подробно и такъ красиво говорили романтики XVI—XVII вѣка? Да! Минна точно вѣрила въ симпатію; безотчетное сочувствіе влекло ее къ мечтателю Бисбосскихъ береговъ.... Въ эту минуту она дорого бы дала, чтобы ей дозволено было хоть разъ, такъ, изъ любопытства, взглянуть на этого чудака, восторженнаго жениха *призрака-невѣсты.* Но, при всей простотѣ тогдашнихъ нравовъ, не смѣла она, какъ благовоспитанная дѣвушка, безъ воли своего родителя, безъ уважительныхъ причинъ, изъ одного дѣвичьяго любопытства, заглянуть въ комнату моло-

даго Гаутмана, котораго и самое званіе раздѣляло съ нею. И такъ дочери благороднаго Схаута Лейденскаго, пришлось отложить исполненіе своей невинной прихоти до выздоровленія Гаутмана. Но прихоть эта сильно пробудилась, потомъ, болтливостью одѣвавшей ее служанки. Кромѣ званія камеръ-юнгферы Мияны, добрая и проворная Янси исполняла и должность *гестры милосердія*: ежедневно носила пищу больному и случайно промолвилась, что Корнелій Гаутманъ былъ почти также хорошъ собой, какъ раненый охотникъ (*Адонисъ*), на картинѣ (*Рубенса*), висѣвшей въ бесѣдной комнатѣ фанъ деръ Верфова дома

Здѣсь должны мы сдѣлать небольшое историческое отступленіе о началѣ осады Лейдена. Кромѣ гражданъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, на защиту окрестныхъ фортовъ, созваны были охотники изъ ближайшихъ вассаловъ Ноортвейкскаго помѣстья. Едва успѣли они занять назначенныя имъ мѣста, какъ того же дня въ вечеру прибѣжалъ гонецъ съ вѣстью о вступленіи аванпостовъ Вальдесовыхъ въ Лейдердорпъ и овзятіи приступомъ тамошняго шанца. На другой день потянулся весь непріятельскій корпусъ въ обходъ города Лейдена и его загородныхъ укрѣпленій, — какъ удавъ, огибающихъ кольцами огромнаго тѣла своего вѣрную добычу, какъ пучина морская, готовая поглотить одинокій корабль. Несчастные граждане Лейдена, пассажиры корабля сего, застигнутаго бурей, видѣли себя вдали отъ всякой помощи человѣческой, и кромѣ Бога, неустрашимости своего вождя, личнаго своего постоянства и мужества, не могли имѣть ни на что ни какой надежды. Наконецъ, послѣ крат-

ковременнаго, хотя и упорнаго сопротивленія, всѣ внѣшніе шанцы Лейденскіе были взяты: грозная судьба Гаарлема уже простирала руку свою на разрушеніе послѣдней твердыни Голландіи. . . . 26 мая 1574 года кольцо осады стѣснилось: непріятельскій генераль устроилъ вокругъ города 62 батареи. Всѣ подвозы съѣстныхъ припасовъ пресѣчены.

Но члены городского совѣта и граждане Лейденскіе не унывали. Мудрымъ распоряженіемъ начальства, продовольствіе ихъ было обезпечено по крайней мѣрѣ на мѣсяць, а въ продолженіе этого времени, надѣялись они получить помощь отъ Принца Оранскаго.

Защитники города дрались какъ львы и отражали приступъ за приступомъ, какъ вдругъ всѣ военныя дѣйствія Испанцовъ остановились. У стѣнъ города явился трубачъ, послѣдуемый герольдомъ, съ чрезвычайнымъ порученіемъ Вальдеса къ фанъ деръ Дузу и Бургомистрамъ.

Все народонаселеніе Лейдена хлынуло къ потернѣ, сквозь которую Испанскій посланный долженъ былъ проходить. Ему завязали глаза и провели его такимъ образомъ къ ратушѣ, при громкихъ ругательствахъ разъяренной толпы. Схауть и члены совѣта хотѣли, чтобы всѣ граждане и защитники Лейдена были свидѣтелями переговоровъ, и рѣшились принять герольда Испанскаго на крыльцѣ своей ратуши.

— Начальники и граждане Лейдена! началъ посланный: именемъ Главнокомандующаго осадой — предлагаю вамъ воспользоваться высокимъ его снисхожденіемъ.

— Снисхожденіемъ волка къ овечьему стаду, заревѣло нѣсколько голосовъ.

— Но мы не овцы, вскричалъ одинъ смѣльчакъ; мы доказали это на сегодняшнемъ приступѣ.

— Друзья мои! замѣтилъ Адрианъ: предлагаю выслушать посланнаго. Званіе его — неприкосновенно.

И вся буйная толпа замолкла какъ заштилѣвшее море.

— Граждане и начальники Лейдена! предлагаю вамъ честныя условія! генераль Вальдесъ обезпечиваетъ вашу жизнь и имущество; онъ даетъ полную амнистію возмущенному городу и . . . .

— Отступаетъ отъ нашихъ стѣнъ?

— Не будетъ разыскивать вины тѣхъ, которые внушили вамъ пагубную мысль невозможной защиты . . .

— Благодарны его превосходительству за нашу жизнь и его безкорыстіе, продолжалъ фанъ деръ Дузъ, но

Fistula dulce canit volucrem dum decerit aucerps!

(*Ловецъ увеселяетъ птицу сладкимъ звукомъ своей свирли*).

Какъ ни наигривай Испанія амнистію на своей свирли, мы не перестанемъ отыгриваться пушками, пока хоть одинъ вооруженный Испанецъ останется подъ стѣнами Лейдена.

— Неосторожный! возразилъ Герольдъ: ты дашь отчетъ въ своей дерзости: еще слово, и ты расквешься въ своихъ необдуманныхъ рѣчахъ.

— Прочь его! закричалъ народъ: прочь демона соблазителя съ его амнистіею!

— Граждане! сказалъ старикъ изъ толпы: рѣчи вождя вашего — сама мудрость!

— Таинственный старецъ! таинственный старецъ! вскричалъ одинъ голосъ.

— Гдѣ, гдѣ! Но волны народа поглотили обоихъ.

— Скорѣ смерть въ бою чѣмъ погибель на вислицѣ или на кострѣ! . . . Говори за насъ благородный Схаутъ . . . чувства наши тебѣ извѣстны: повторили сотни голосовъ.

— Герольдъ Вальдеса! сказалъ фанъ деръ Дузъ: скажи пославшему, что здѣсь слышалъ; объяви ему, что Начальство Лейдена и его граждане поклялись защищать пепелище свое до послѣдней капли крови, до послѣдняго выстрѣла, до послѣдней крохи хлѣба; что они желаютъ лучше погибнуть всѣ до единаго, возобновить въ стѣнахъ своихъ примѣръ древней Нуманціи, сжечь послѣднее имущество, женъ и дѣтей и потомъ принять честную смерть на развалинахъ своей родины, чѣмъ предать Израиль свой въ руки новаго Синахирима!

— Клянемся! вскричала восторженная толпа, и Герольдъ тѣмъ же порядкомъ выведенъ былъ изъ города, т. е. ему завязали глаза и выпроводили его за потерну.

IV.

ВТОРОЕ ИМЯ ДѢВЫ БУРЬ.

Ярость Вальдеса вышла изъ границъ; онъ велѣлъ обложить городъ еще тѣснѣе, и траншеи были открыты.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ помощи со стороны осажденныхъ и въ тщетныхъ ожиданіяхъ сдачи города со стороны осаждающихъ. Городовой Магистратъ нашелъ нужнымъ привести въ извѣстность свои запасы. Во всемъ городѣ оказалось на лицо *не болѣе ста тридцати ластовъ зерноваго хлѣба на 14.000 жителей!* Страшная перспектива для будущаго!

Такая скудость въ съѣстныхъ припасахъ заставила городовой совѣтъ уменьшить число раціоновъ: определено выдавать ежедневно *не болѣе полуфунта печенаго хлѣба на*

каждаго человѣка; свѣжее молоко употреблялось только на битые масла *). Всѣ ужасы голода, какъ коршунъ надъ трупомъ умирающаго, уже носились надъ злополучнымъ Лейденомъ; послѣдствія еще ужаснѣйшія были впереди.

Печальны были народныя собранія, еще унылѣе — засѣданія совѣта.

— Во что бы то ни стало, сказала однажды Схаутъ въ домашней бесѣдѣ съ другомъ своимъ Адрианомъ, а должно увѣдомить Принца Стадгаудера о положеніи нашемъ.

— Но какимъ образомъ? возразилъ хозяинъ: кто рѣшится взять

*) См. WAGENNAAR, Vaderlandsche Historie.

на себя такую опасную миссію? А еслибъ и удалось посланцу нашему пробраться сквозь непроницаемую цѣпь непріятельскихъ аванпостовъ; то какъ получить потомъ отвѣтъ отъ Принца?

— Разумѣется, продолжалъ владѣлецъ Ноортвейка, вопросы эти должно рѣшить и исполнить истинному сыну отечества, который бы кромѣ самоотверженія и необыкновенной ловкости, одаренъ былъ и необыкновеннымъ умомъ. Слова эти и многія другія имъ подобныя запали въ душу Питера фанъ деръ Верфа, и онъ долго ломалъ себѣ голову, какъ бы осуществить надежды двухъ главныхъ начальниковъ Лейдена.

Наконецъ лучезарная мысль блеснула въ умѣ догадливаго Питера, и онъ передалъ ее выздоравливавшему другу своему Корнелію, который съ восторгомъ одобрилъ ее. Въ саду первенствующаго Бургомистра — была, какъ мы видѣли прежде, высокая голубятня, съ множествомъ голубей. Два друга рѣшились привести мысль сію въ исполненіе: разрознить нѣсколько паръ голубей съ ихъ голубками и отправить за городъ, по ту сторону Испанскихъ линій; одинъ изъ двухъ, Питеръ или Корнелій, взялъ бы на себя опасную заботу ихъ вывести, а другой наблюдалъ бы за прилетомъ ихъ въ голубятню съ письменными извѣстіями объ успѣхѣ своего посольства. Записки эти, для легкости, предположили они скручивать такимъ образомъ, чтобы можно было воткнуть ихъ во внутренность пера привязаннаго къ голубиной лапкѣ. Обрадовавшись своему общему изобрѣтенію, Питеръ фанъ деръ Верфъ и Корнелій Гаутманъ рѣшились донести о выдумкѣ своей первенствующему Бургомистру и Схау-

ту Лейдена: ни тотъ ни другой изъ двухъ юношей не придумали еще какъ переправить голубей за Испанскія линіи. Но развѣ молодость долго разсуждаетъ, когда внезапная, свѣтлая идея поражаетъ ея воображеніе? Не долго думали и наши два юные друга. Питеру, какъ главному изобрѣтателю проэкта, предоставлена была первая честь извѣстить о немъ своего отца и Городоваго Схаута. Ни того ни другаго не было дома, пока Питеръ, полный своимъ изобрѣтеніемъ, побѣждалъ ихъ отыскивать въ совѣтъ, выздоравливавшей Корнелій вышелъ, въ первый разъ, подышать свѣжимъ воздухомъ въ тотъ садъ, гдѣ находилась голубятня.

Тысячи несвязныхъ мыслей роились въ головѣ юнаго мечтателя. *Любовь къ отечеству*, первое имя таинственной Дѣвы-Бурь, сливалось въ пылкомъ воображеніи съ самымъ образомъ милой Ундины, а смыслъ ея имени съ его обязанностями къ милому отечеству. Сегодня за обѣдомъ долженъ онъ былъ въ первый разъ ознакомиться съ новымъ лицомъ — дочерью Лейденскаго Схаута, о красотѣ которой, о патриотическихъ чувствахъ и нѣжномъ участіи въ его болѣзни, слыхалъ онъ не разъ отъ своего друга и горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть эту красавицу-патріотку; и кто знаетъ? не мечталъ ли пламенный юноша о возможности сблизиться съ нею тѣснѣйшими узами симпатіи? Сердце юноши волканъ, въ который трудно проникнуть. Желанія и надежды улетаютъ далеко на волшебныхъ крыльяхъ воображенія! Но къ этой мысли пріятнаго сочувствія присовокуплялась другая идея менѣе утѣшительная: Корнелій слышалъ отъ друга своего,

что дочь благороднаго владѣльца Ноортвейкскаго, еще въ младенчествѣ назначалась въ невѣсты молодому де Фалку, отъявленному сопернику его по ученію, сопернику по стрѣльбѣ, и что больше всего — сопернику по чувствамъ. Молодой де Фалкъ принадлежалъ къ аристократической кастѣ, и хотя въ это время народныхъ тревогъ и замѣны папизма новою религіею народа Голландскаго — протестантизмомъ, много предразсудковъ уничтожено было общимъ мнѣніемъ, но раздѣленіе кастъ еще наблюдалось, или говоря азыкомъ того времени, — *Иудеи къ Самарянамъ еще не прикасались*: конечно, герой любви къ отечеству, знаменитый фанъ деръ Дузь, могъ быть выше готическихъ предубѣжденій своего вѣка; но они росли вмѣстѣ съ нимъ и могли имѣть вліяніе на семейную его жизнь . . . Корнелій хотѣлъ и почему-то боялся увидѣться съ его прекрасною дочерью. Въ этихъ думахъ вошелъ онъ въ садъ Бургомистра дома . . .

Не успѣлъ еще онъ подойти къ большой липовой аркѣ, застѣнявшей пріютъ голубей, будущихъ вѣстниковъ спасенія Лейдена, какъ услышалъ сладостные мелодическіе звуки, и невольно затрепеталъ. Густыя вѣтви развѣсистаго дерева закрывали отъ него скамью, на которой сидѣла неизвѣстная пѣвица; но серебристый, дѣвственный голосъ, производившій эти волшебные звуки, былъ знакомъ. Онъ гдѣ-то слышалъ его: звуки эти рокотали въ ухахъ его во время боѣзни; онъ слышалъ ихъ во время магнитическаго усыпленія своего на берегахъ Бисбоса . . . И вотъ прислушивается къ нимъ и различаетъ внятно первые два стиха той самой пророчествен-

ной пѣсни, которую напѣвала ему очаровательная Дѣва-Буръ, Ундина Бисбоса, — *любовь къ отечеству!* . . . »Это она! моя радость! невѣста моего сердца!» И съ этимъ словомъ, восторженный юноша бросился къ своему таинственному идеалу. Шумъ древесныхъ вѣтвей, потрясенныхъ внезапнымъ движеніемъ Корненія, испугалъ пѣвицу: гитара, на которой она вторила своему пѣнію, выпала изъ ея рукъ . . . но что случилось съ Корнелиемъ, когда онъ увидѣлъ передъ собой чувственное олицетвореніе своего идеала? онъ окаменѣлъ, онъ приросъ къ землѣ. Передъ нимъ стояла лицомъ къ лицу сама Дѣва-Буръ — таинственная Ундина Бисбоса: на прекрасномъ дѣвственномъ лицѣ ея, онъ узналъ каждую черту, каждую очаровашую его прелесть. Вотъ милый привѣтливый ея взглядъ, такъ нѣжно плѣнявшій его своею выразительностью, вотъ коралловыя уста, на которыхъ горѣлъ еще поцѣлуй его. Нѣтъ сомнѣнія, — это она: его милая Ундина, явившаяся ему *въ образъ болѣе чувственномъ, менѣ фантастическомъ*. Онъ едва вѣрнулъ глазамъ своимъ, и рука его, судорожно протянувшись впередъ, дерзнула прикоснуться къ рукѣ олицетвореннаго своего идеала, какъ бы съ намѣреніемъ удостовѣриться, не новый ли это призракъ. Электрическій ударъ былъ послѣдствіемъ сего волшебнаго прикосновенія, и какъ гальваническая струя разлился по сердцу бѣднаго юноши. Но движеніе это возвратило силы испуганной красавицѣ; чувство негодованія замѣнило ощущеніе страха. Она отдернула руку свою отъ дерзкаго незнакомца.

Благоговѣнно, сталъ онъ передъ ней на одно колѣно, и умоляюще

голосомъ пролепеталъ ей: Ундина души моей! Благодарю, сто разъ благодарю тебя за исполненіе твоего обѣщанія . . . да! это ты, продолжалъ онъ простирая къ ней руки свои; я нашель тебя опять — моя *Любовь къ отечеству* и узнаю *второе имя* твое; ты мнѣ обѣщала сказать его въ Лейденѣ. О! скажи мнѣ его скорѣй — скажи тѣмъ звучнымъ шопотомъ зефира, которыми ты произнесла нѣкогда свое — *первое имя*; скажи мнѣ его тѣмъ гармоническимъ голосомъ, который сей часъ игралъ въ ухахъ моихъ, когда ты начинала повторять здѣсь свою пѣсню . . . Твое *второе имя* — моя *Ундина*?

— Вы ошибаетесь, или шутите надо мною, сказала съ достоинствомъ дѣвушка: я дочь благороднаго рыцаря, — *Минна* . . .

— *Минна* — *Любовь*! . . . О какое милое, очаровательное имя: (*) и пылкій, едва не обезумѣвшій отъ радости мечтатель, обнималъ колѣна красавицы, осыпалъ поцѣлуями ея руки.

— Что вы? Что вы? Какъ вамъ нестыдно! Г. Гаутманъ! *Минна* догадалась что это онъ, — по воспоминанію ли рассказаннаго ей, или по *симпатіи*, для ней самой непонятной: — пустите меня! вскричала она съ негодованіемъ: я дочь благороднаго рыцаря *Фанъ деръ Дуза*; расскажу ему дерзость вашу и вы будете отвѣчать за свой безумный поступокъ.

Гаутманъ вскочилъ какъ громомъ пораженный; на минуту закрылъ глаза рукою и какъ бы старался собраться съ мыслями. Онъ не зналъ что отвѣчать, какъ оправдаться: онъ понялъ свою ошибку.

— Да! сказалъ онъ: я точно помышляю. Какое-то обаяніе овладѣло

*) De min — значитъ по Нидерландски *любовь*.

вдругъ всѣми моими чувствами. Не смѣю даже и извиниться передъ вами. Но, продолжалъ онъ умоляющимъ тономъ: не судите обо мнѣ по наружности. Я не хотѣлъ, я не могъ оскорбить васъ . . . клянусь всѣмъ что имѣю драгоценнѣйшаго въ мірѣ, клянусь ва . . . Тутъ слова замерли на устахъ его: онъ не смѣлъ договорить остальнаго. Новзоры его досказали *Миннѣ* кѣмъ онъ желалъ бы поклясться.

Въ глазахъ красавицы были страхъ, досада, стыдъ и . . . сказать ли? . . . *взаимное сочувствіе*, настроенное расказами о *Корнеліѣ*, любовничествомъ видѣть его, похвалами отца и всѣхъ членовъ *Бургомистра* семейства. Мнимый сумасшедшій — и ктоже могъ его за это винить? — мнимый сумасшедшій ужасалъ ее; но возбуждалъ и жалость *Минны*: она вспомнила его странную исторію и не постигала какимъ образомъ изступленный *Корнелій* могъ принять ее, дочь *Схаута Лейденскаго* — за *Бисбоскую Ундину*? Но самое сближеніе это поражало ее своею неожиданностью . . . какая дѣвушка, при всей своей скромности, можетъ долго сердиться на такого сумасшедшаго, который — и въ бреду своемъ, — принимаетъ ее за существо неземное?

И она почти готова была принять все случившееся за сонъ.

— Простите ли вы меня, благородная *Минна* *фанъ деръ Дузъ*, за невольную мою дерзость, если я осмѣлюсь объяснить вамъ причину моего изумленія. Непостижимое сходство ваше . . .

— Оставимъ это, сказала торопливо *Минна*, потушивъ въ землю голубые глаза свои: признанія въ ошибкѣ вашей для меня довольно; позвольте мнѣ теперь васъ оставить!

— Еще одинъ вопросъ: — Умо-
ляю васъ: кто сочинилъ ту пѣс-
ню, которую вы пѣли? кто
сложилъ ея волшебную музы-
ку?

— Пѣсню сочинилъ мой отецъ, а
музыку — я, отвѣчала съ робостію
Минна.

— Вы? воскликнулъ удивленный
Корнелій.

— Кромѣ отца моего, она ни ко-
му еще неизвѣстна въ Лейденѣ.

— Отчего же я знаю ее наизусть?

— Вы! отвѣчала изумленная Мин-
на. Это невозможно: вы слышали
только первые стихи этой пѣсни.

Вмѣсто возраженія Корнелій
взялъ гитару, пропѣлъ мнимой Ун-
динѣ своей весь знакомый намъ куп-
летъ: онъ не ошибся ни въ одномъ
словѣ, ни въ одномъ звукѣ. Мин-
на не знала что и подумать.

— Теперь вѣрите ли, Минна, что
есть вещи, въ которыхъ нѣтъ ни-
какихъ средствъ дать себѣ отчетъ?
Вѣрите ли теперь, что я видѣлъ
васъ на берегахъ Бисбоса въ фан-
тастическомъ образѣ *Дивы-Бурь*?
Видѣлъ васъ, олицетворенная *лю-
бовь* моя къ отечеству! и не зная вто-
раго имени *Дивы-Бурь*, предвкушая
радость увидѣть васъ въ Лейденѣ
— искалъ васъ и не находилъ ни
въ одномъ дѣвственномъ образѣ,
встрѣчавшемся моимъ взорамъ! На-
конецъ я нашелъ васъ, нашелъ меч-
ту Ундины въ образѣ чувствен-
номъ, узналъ второе имя ея — и имя
это — *любовь*!

— О! если только дѣло въ *люб-
ви* къ отечеству, сказала Минна, до-
вольно ловко уклоняясь отъ на-
стоящаго смысла Корнеліева наме-
на, то и я сочувствую вамъ въ
этомъ случаѣ . . .

— Вы сочувствуете мнѣ? почти
вскрикнулъ Корнелій, въ разст-
роенной головѣ котораго смѣша-
лись опять всѣ общія понятія че-

ловѣческія съ суевѣрными басня-
ми его вѣка.

— А почемужъ нѣтъ? продожа-
ла Минна, постепенно собираясь съ
духомъ. Я точно сочувствую вамъ:
развѣ *любовь* къ отечеству не вторая
жизнь каждой дочери Нидерлан-
довъ?

Съ этимъ словомъ робкая дѣ-
вушка, какъ легкій призракъ лѣт-
ней ночи, исчезла за липовыми вѣт-
вями:

— Да! возразилъ Корнелій, смо-
тря въ слѣдъ ушедшей красавицѣ:
и твое имя, какъ ты сама — *любовь*

Долго не могъ придти въ себя
нашъ Корнелій. Онъ присѣлъ на
ту самую скамью гдѣ сидѣла пре-
лестная Минна. На струнахъ за-
бытой ею гитары, едва умолкли
тѣ стройные звуки, которые такъ
недавно еще вторили ея очарова-
тельной пѣсни. И эту волшебную
музыку сложила сама Минна; и
слова этой пѣсни сочинилъ отецъ
ея — Тиртей Голландіи Янъ Фанъ
деръ Дузь, поэтъ — *внѣзвѣдъ*, *пѣвецъ*
любви! (*) и эту же Минну — *любовь*
видѣлъ онъ Корнелій Гаутманъ въ
таинственномъ образѣ *Ундины* *Бис-
боса*, напѣвавшей ему тѣже самыя
стихи, тѣже самыя звуки! Сближе-
ніе было дѣйствительно волшеб-
ное. И послѣ этого, могъ ли Кор-
нелій Гаутманъ не вѣрить въ *при-
званіе* свое къ великимъ патриотическимъ
подвигамъ? О, нѣтъ! онъ имъ вѣ-
рилъ: и Христіанинъ вѣруетъ въ
предопредѣленіе свыше; и Корнелій
вѣрилъ отъ души, во всей просто-
тѣ своего дѣвственного, непороч-
наго, неблазнаго сердца! . . . Минна
— *любовь*! . . . сказалъ онъ радо-
стно: такъ вотъ *второе*, чув-
ственное имя твое, моя прелестная

*) Янъ фанъ деръ Дузь извѣстенъ множе-
ствомъ прелестныхъ латинскихъ эро-
тическихъ стиховъ и своимъ высо-
кимъ патриотизмомъ.

Дива-Бурь! . . . да! ты должна быть, ты будешь подругой дней моихъ, — моя любовь къ отечеству моя вочеловѣченная Ундина!

Ты дочь рыцаря, а я сынъ простаго гражданина; но развѣ мы не дѣти общей нашей матери Голландіи, развѣ постоянство и мужество не сближаетъ разстояній? О, Минна души моей! я заслужу тебя моими подвигами, куплю тебя моею кровію и, окриленный тобою, перелечу за неприятельскій станъ, доставлю вѣсть о бѣдствіяхъ Лей-

дена Нидерландскому герою и пришлю вѣстника спасенія къ защитникамъ Лейдена: мои познанія въ языкахъ обмануть бдительность Испанцевъ . . . а ты, гитара Минны, благороднѣйшей изъ дѣвъ Нидерландскихъ! — будь мнѣ проводникомъ и защитою въ моемъ скитальческомъ, опасномъ пути! — Тутъ, прижавъ гитару къ устамъ своимъ, онъ надѣлъ ее на перевѣсь и, полный надеждъ и желаній, смѣло и гордо спѣшилъ къ первенствующему Бургомистру.

***

V.

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА.

Питеръ фанъ деръ Верфъ нашель отца своего и Схаута въ городовомъ Совѣтѣ. Всѣ члены съ восторгомъ приняли предложеніе Бургомистра сына. Голуби могли быть единственною почтою между осажденнымъ городомъ и арміею Принца Нассау. Но, какъ уже замѣтили мы выше, молодые изобрѣтатели летучей почты не подумали о примѣненіи теоріи къ практикѣ; а это было не легко.

— Вотъ тутъ и запытал, замѣтилъ знакомецъ нашъ Езекия Фолхертсъ.

— Прежде всего, сказалъ Схаутъ, надобенъ удалецъ, который вызвался бы, исполнить столь опасное порученіе, — а гдѣ взять такого удалца?

— Онъ готовъ, отвѣчалъ спокойно Питеръ.

— Ты? мой добрый Питеръ: спросилъ дрожащимъ голосомъ Адрианъ.

— Могли-ли вы сомнѣваться, батюшка? развѣ я не сынъ вашъ?...

Слезы радости и страха, слезы гордости и родительской нѣжности, брызнули изъ глазъ добродѣтельного отца: онъ былъ радъ и не радъ вызову своего великодушнаго сына. Но онъ вспомнилъ Соломонію, доблестную мать Маккавеевъ и положила руку на чело своего Пита, сказалъ:

— Благодарю тебя, новый нашъ Маккавей, за тотъ подвигъ благочестія, которымъ ты украшаешь сѣдины отца твоего. Ты не посрамилъ моея крови.

— А развѣ она не достойнѣ нашей родины? спросилъ Питъ.

— Человѣческая жизнь въ рудѣ Божіей, сказалъ храбрый Схаутъ: я самъ живой примѣръ для тебя; сто разъ искалъ я смерти . . . . .

— И нашель славу, досказалъ молодой фанъ деръ Верфъ.

— Растроганный отецъ, молча благословилъ своего сына. Тутъ новое лицо вошло въ присутственную палату.

— Желаніе хорошо, да выполнить-то какъ?—Подумаль ли объ этомъ? завель опять Езекиа Фольхертсъ, обратясь къ питеру. Безъ того . . . . .

— Пропадешь ни за кусокъ сыру, прибавилъ съ участіемъ Схаутъ.

— Объясни же намъ подробно твой прозектъ, началъ перенствующій Бургомистръ. Но великодушный сынъ его хранилъ молчаніе. Онъ и не подумаль о возможности исполненія.

— Если именитый совѣтъ дозволить, то я, соучастникъ первой мысли моего друга, объясню все дѣло удовлетворительнымъ образомъ.

— Ты Корнелій?

— Да, Питъ: я обдумаль все, и берусь исполнить предположеніе наше.

— Нѣтъ; я не доущу тебя; ты едва всталъ съ смертнаго одра.

— Но я выздоровѣлъ; у тебя здѣсь престарѣлый отецъ, котораго вся жизнь посвящена пользамъ своихъ единоземцевъ; твой первый долгъ быть его подручьемъ. Ты носишь имя уже прославленное гражданскими добродѣтелями, а мнѣ еще нужно составить себѣ имя, прославить имя отца моего, и стать хоть позади этихъ достойныхъ сыновъ отечества нашего. —

Благородный споръ двухъ юношей, споръ за славу, за жертву от-

чизнѣ, извлекъ у членовъ собранія непритворныя слезы.

— Блаженно чрево носившее тя! сказалъ синдикъ Езекиа. Знаки общаго одобренія покрыли эти слова.

— Говори Питъ, сказалъ Бургомистръ. Но Питъ не зналъ что сказать

— Такъ, говори же ты, Корнелій, произнесъ Схаутъ: собраніе наше благословляетъ тебя и слушаетъ.

Одинъ сынъ Адриана казался недовольнымъ: онъ клялъ недостатокъ своей изобрѣтательности и не могъ ничего сказать.

— Вотъ мой прозектъ, скромно продолжалъ молодой Гаутманъ. Недалѣе вчерашняго дня, читаль я Ассирійскую исторію, и примѣръ Зогира во время осады Вавилона поразилъ меня удивленіемъ: онъ возбудилъ во мнѣ желаніе спасти городъ, гдѣ я нашель втораго отца, брата и . . . . единственную цѣль моей жизни. Мое призваніе славнѣ Зогирова. Тотъ изувѣчилъ себя чтобы предать невинный городъ въ кровавыя руки завоевателей, а я — гораздо безопаснѣ Зогира — могу спасти единоземцевъ, братій моихъ отъ голода, болѣзни и лютой враговъ.

Всѣ, не исключая и Питера, внимательно слушали новаго Зогира.

— Вамъ извѣстно мое языкознаніе, достопочтенный Адрианъ: по испански говорю я какъ природный Кастилецъ, по-итальянски какъ житель новаго Рима. Въ видѣ итальянскаго пѣвца, будтобы плѣннаго вами, убѣгу я изъ Лейдена и спущусь съ какого нибудь окопа. Велите стрѣлять по мнѣ какъ по бѣглецѣ. Провидѣніе довершитъ остальное. Я возьму съ собой гитару: она, и эта блѣдность моя послѣ болѣзни — будутъ мнѣ вѣсто паспорта. Наигривая и рас-

пѣвая баркароли Венеціи и кантилены испанскія, проберусь и сквозь Вальдесовъ станъ, достигну первыхъ постовъ арміи Принца Виллема и передамъ ему все что сохвѣтъ Лейдена найдеть нужнымъ мнѣ поручить.

Члены совѣта поражены были предложеніемъ юноши и тайно совѣтовались между собою.

— А наши голуби.

— Мнѣ ли забыть о нихъ, милый Питъ, когда съ ними сливается единственная греза моя о счастіи? шепнулъ Корнелій, значительно пожимая руку своего друга; но другъ вовсе не понималъ его, герой нашъ, однакоже, не заботясь отомъ, продолжалъ вслухъ: ты спустишь ихъ въ калѣткѣ, на челнокѣ послѣ моего побѣга; но сдѣлай это въ ночную пору, чтобы осаждающіе не догадались и, если я останусь въ живыхъ, ты получишь вѣсть о томъ по голубиной почтѣ, какъ мы условились съ тобою.

Всѣ старики съ удивленіемъ слушали умнаго Корнелія и одобрили его планъ, отпустили молодыхъ людей готовить все къ отбытію Корнелія, а сами занялись—обсужденіемъ той депеши, которую посланецъ ихъ долженъ былъ заучить наизусть для сообщенія Принцу Стадгаудеру.

Вечеру все было готово. А гитара? она вѣдь чужая! какъ унести ее не спросясь . . . что подумаютъ? — надо, непременно надобно спросить позволенія самой Минны! и вотъ Корнелій улучилъ время когда она была одна у любимыхъ своихъ лицъ.

Не знаемъ о чемъ думала милая мечтательница, но преданіе говорить что внезапный приходъ Гаутмана ее сильно испугалъ. Болѣе всего опасалась она повторенія утренней сцены. Но Корнелій не посмѣлъ

бы и самъ повторить ее. Такъ былъ робокъ съ женщинами нашъ дѣвственный юноша.

— Благородная Минна! сказалъ онъ почтительно, подавая ей—гитару. Вы позабыли ее здѣсь, вашу гитару, и она подала мнѣ мысль освободить городъ, защищаемый вашимъ родителемъ. Она необходима мнѣ при совершеніи подвига, возложеннаго на меня отечествомъ. Позвольте ее взять съ собою не безумцу оскорбившему васъ, но посланцу отца вашего. Другихъ правъ я на нее не имѣю.

— Если она вамъ нужна г. Гаутманъ! сказала Минна, охотно извинявшая изступленіе юноши, лишь бы только оно не повторилось—то гитара моя къ услугамъ вашимъ. Сумракъ вечера не позволилъ Корнелію различить цвѣта лица ея въ эту минуту: но лицо Минны пылало, какъ можетъ быть и лицо Корнелія.

— Онъ вреклялся передъ ней колѣно и поцѣловалъ подарокъ прелестной Минны, не смѣя тоже сдѣлать съ ея рукою.—Гитара эта, сказалъ онъ восторженнымъ голосомъ, проведетъ меня къ предназначенной цѣли, если только вы благословите меня на священное дѣло— спасеніе родины.

Минна не поняла было его словъ, но когда юноша объяснилъ ей въ чемъ дѣло, то она, тронутая его самоотверженіемъ, а можетъ быть и по симпатіи къ тому, кто такъ скромно доказывалъ ей любовь свою, не могла не протянуть руки Корнелію, хотя изъ обыкновенной вѣжливости.

— Встаньте, г. Гаутманъ! ради Бога встаньте! я давно васъ простила. Да благословить васъ Богъ на доброе дѣло. И невольная слеза блеснула въ глазахъ красавицы: она вспомнила объ опасностяхъ

которымъ по видимому, такъ бескорыстно подвергался ея обожа- тель. Она не могла уже болѣе сомнѣваться въ любовь его, не смотря на всю свою скромность. Отвѣча- ла ли она на любовь Корнелія—это было еще загадкою.

Но испытаніе было слишкомъ сильно: Корнелій не могъ его вы- держать; не могъ не прильнуть гу- бами къ бѣлоснѣжной рукѣ, бла- словловявшей его на путь къ бла- городному подвигу и едва не пере- пугала вторично робкую Минну. Вся дрожь отъ страха, она бояз- ливо отдернула руку свою и гото- ва была бѣжать, но юноша пред- варилъ ее.

— Не пугайтесь, Минна: я уже не тотъ безумецъ, который привелъ васъ сегодня въ трепеть. Это — послѣднее прости Голландскаго юноши благородной дочери своего отечества. Если вы, чистый ангель, благословили меня на дѣло общаго спасенія, то не раскаивайтесь, что придали мнѣ силъ совершить мой подвигъ. Или я освобожу Лейде- мь, или Лейденъ меня никогда не уви- дить.

Съ этимъ словомъ онъ бросился опрометью изъ сада. Глаза Минны слѣдили его до дверей Бургомис- трова дома: взоры мысленные слѣ- дили его быть можетъ гораздо да- лѣе, нежели сама Минна воображала.

Взойдя на большеркъ *Блихъ во- ротъ* (de Witte-poort), ведущихъ въ городъ Лейденъ по лѣвому берегу Рейна, Корнелій подавъ руку другу своему, молодому фанъ деръ Верфу.

— Прости, мой другъ, сказалъ ему Корнелій: ночь довольно сте- мнѣла и я могу отправиться въ путь.

— Дай мнѣ прежде осмотрѣть, крѣпка ли веревка?

Осмотрѣвъ ее, добрый Питеръ спросилъ значительно своего дру- га, нѣтъ ли у него какихъ нибудь порученій?

— Скажи той, которую ты от- гадалъ уже, прежде чѣмъ я смѣлъ назвать ее, что я заслужу ее мои- ми подвигами или погибну. Или нѣтъ ... не говори ничего: пусть говорятъ дѣла мои, когда Богъ поможетъ ихъ совершить. Съ этимъ словомъ, удалецъ нашъ спу- стился съ большерка, и навязавъ гитару Минны на свой *беретъ*, ки- нулся вплавь черезъ обводный ка- налъ, который широкою водяною лентою опоясывалъ наружный видъ Лейденской крѣпости.

— Кто идетъ? закричалъ часо- вой, и не получая отвѣта, по услов- ному знаку Питера, выстрѣлили холостымъ зарядомъ, по пловцу.

Ведеты Испанскіе отвѣчали бѣ- глымъ огнемъ; перестрѣлка эта произвела величайшее смятеніе въ станѣ Вальдеса и мнимый итали- янскій музыкантъ благополучно вытащенный изъ воды, предста- вленъ Испанскому Генералу. Исто- рія не говоритъ ничего о свиданіи ихъ; но вѣроятно хитрость Кор- нелія удалась: блѣдность лица его, изобрѣтательный умъ, много спо- собствовали къ подтвержденію его басни. Онъ наговорилъ Вальдесу что хотѣлъ, о состояніи города и ловко вырвавшись изъ западни — на другой день былъ уже въ окре- стностяхъ Рейнбѣрха, у одного мызника. Съ этимъ вѣрнымъ сы- номъ отечества принялъ онъ на- длежащія мѣры къ поимкѣ челна, который дѣйствительно приплылъ туда къ слѣдующей ночи, съ сво- ими крылатами пассажирами. Пер- вымъ дѣломъ Корнелія было извѣ- стить осажденныхъ объ этомъ первомъ успѣхѣ.

VI.

ГОЛОДЪ, МОРЬ, ИЗБАВЛЕНІЕ.

Между тѣмъ осада продолжалась съ величайшимъ ожесточеніемъ со стороны Испанцевъ; осажденные съ прихвѣрнымъ мужествомъ отбивали ежедневные приступы и защита ихъ шла довольно успѣшно: но главный союзникъ Вальдеса въ Лейденѣ, агентъ на котораго онъ всего болѣе надѣялся — былъ голодъ. Онъ начиналъ показываться въ городѣ недѣлю спустя, послѣ отбытія Гаутмана, и по мѣрѣ истощенія съѣстныхъ припасовъ, духъ храбрыхъ гражданъ примѣтна упалъ, а надежды Вальдеса возрастали.

Цѣлый мѣсяць прошелъ со дня перваго извѣстія и новый крылатый гонецъ не являлся. Народъ начиналъ роптать. Въ городѣ ста-

ли обнаруживаться примѣты заразительныхъ болѣзней — неминуемая слѣдствія скудости и дурнаго качества пищи. И это ужасное бѣдствіе тяготѣло не на однихъ низшихъ классахъ жителей; всѣ сословія гражданъ Лейденскихъ, отъ Схаута до простаго миллионера, отъ бургомистра до послѣдняго носильщика, терпѣли муки голода въ равной степени.

Вотъ одна изъ ужасныхъ сценъ того времени, взятая нами изъ лѣтописи самовидца — Пастора.

«Грустно, и съ поникшей головою, выходилъ я изъ дома молить, послѣ воскресной моей проповѣди, которой почти нѣкому было слушать. Здоровые были на стѣнахъ, больные въ домахъ, умира-

юціе на улицахъ: обезлюдѣвшій Лейденъ представлялъ видъ безмолвной пустыни. Истомленный голодомъ пастырь, я съ горестію смотрѣлъ на погибель моего духовнаго стада и присѣлъ отдохнуть на паперти церковной; но чтоже увидѣлъ я?—верхъ униженія человѣческаго! голоднымъ волкъ въ образѣ человѣческомъ, сосѣдъ мой Арендъ де Фризь, боролся съ оголодавшимъ псомъ и отнималъ у него полуобглоданную кость! человѣкъ побѣдилъ однакоже четвероногаго и вырвалъ изъ нечистой пасти его оскверненную имъ добычу; испуганное животное убѣжало съ жалобнымъ воемъ. Напрасно убѣждалъ я несчастнаго вспомнить, что онъ Христіанинъ и подумать о томъ что дѣлаетъ.

— Тебѣ хорошо, сказалъ онъ, иступленнымъ голосомъ; тебѣ хорошо, старая церковная крыса; ты сытъ, подбирая крохи съ трапезы общественной, а я двѣ недѣли не ѣлъ. Объ одномъ жалѣю, сказалъ нештовый, что упустилъ своего неприятеля;—и съ лютостію звѣря принялся онъ грызть отнятую имъ у собаки кость, какъ Уголино, по описанію Данта, грызъ черепъ врага своего Руджіери И зтотъ самый Арендъ де Фризь былъ, за двѣ недѣли назадъ, однимъ изъ смиреннѣйшихъ агнцовъ моей паствы: былъ истиннымъ сыномъ Иараила. Боже! отпусти немощи человѣческой! подумалъ я, и побрелъ къ своему голодному и холодному приюту, въ которомъ болѣе недѣли уже не было ни огня, ни хлѣба.

Но день сей былъ днемъ постепенныхъ ужасовъ и изумленія. Пройдя нѣсколько шаговъ, я наткнулся на окоченѣвшій, трупъ Гритты, жены несчастнаго Аренда, у насъ кшихъ грудей которой замеръ

собственный ея младенецъ. Я бросился было помогать имъ, но оба изсохшіе остава—и мать и дитя—были уже бездыханны. Напрасно звалъ я иступленнаго мужа и отца, помочь мнѣ предать земли его ближнихъ, или по крайности сходить за гробокопателями. Онъ обратился въ настоящаго животного, и ничего не понимая кромѣ возможности лишиться своей обглоданной кости, почти съ ревомъ бѣжалъ отъ меня въ другую улицу. Не успѣлъ я прочесть молитвъ надъ усопшими, подойти къ дому моего *костера* (пономаря) и поручить ему исполненіе послѣдняго долга, какъ позванъ былъ неизвѣстнымъ мнѣ мальчикомъ въ отдаленную улицу города; мальчикъ привелъ меня въ полуразвалившуюся лачугу и тамъ я нашель—не мертваго, но умирающаго отъ голоду старца. Бѣлая всклокоченная борода его—обличала древность лѣтъ его и долговременныя страданія.

— Честный *Домине* *)! сказалъ мнѣ добрый мальчикъ, самъ едва живой отъ истощенія: помоги доброму дѣдушкѣ.

— Кто онъ? спросилъ я: но мальчикъ не умѣлъ мнѣ отвѣчать. Изъ словъ его могъ я только понять, что старикъ былъ нездѣшній. Мальчикъ самъ не зналъ его имени и помнилъ старика по одному благодѣніямъ къ своему семейству: младенцы благодарнѣе взрослыхъ людей. Послѣ смерти хозяина—отца мальчикова миллионера, убитаго на вылазкѣ противъ Испанцевъ, старикъ былъ ангеломъ—хранителемъ больной его матери и малолѣтней сестры. Мать его вскорѣ потомъ

*) Такъ называютъ въ Голландіи пасторовъ.

умерла, а сестра, отправясь просить милостыни, пропала без вести въ то время, какъ самъ благодѣтель ихъ забодѣлъ. Я спѣшилъ принять его исповѣдь и выслушать послѣднюю волю, но старецъ уже былъ безъ языка. Онъ принялъ, однакожь, изъ недостойныхъ устъ моихъ разрѣшеніе въ грѣхахъ, и изъ рукъ моихъ — можетъ быть во сто разъ его грѣшнѣйшихъ — Святое Причастіе, и отошелъ какъ праведникъ на лоно Авраама. Но каково было мое удивленіе когда въ усопшемъ старцѣ узналъ я таинственнаго незнакомца, не разубѣждавшаго согражданъ моихъ къ повиновенію властямъ, и бывшаго какъ бы оракуломъ народной любви къ отечеству. Передъ смертию своей указалъ онъ мнѣ на лежавшій близъ него свитокъ. По успеніи праведнаго, я подивился его христіанскому спокойствію, и омывъ его слезами умиленія, прочелъ слѣдующее въ его свиткѣ.

«Скоро десять дней, какъ я не ѣлъ: чувствую что брѣнное тѣло мое близко къ разрушенію. Доблестные защитники и граждане Лейдена! благодарю васъ за публичный вашъ вызовъ присутствовать въ нашемъ совѣтѣ; но я хотѣлъ и могъ быть однимъ исполнителемъ его мудрыхъ распоряженій: — оставлю вамъ въ наслѣдство — мои брѣнные останки. Предайте ихъ родной землѣ, и да возрадуюсь я въ утробѣ ея о имени вашемъ, если защитите пепелища и вѣру отцовъ своихъ отъ навѣта и козней вражескихъ. Вы хотѣли знать мое имя, имя благодѣтеля и друга вашего, какъ вы вездѣ говорили. Имя перваго я не заслужилъ, имя друга вашего уношу съ собою во гробъ, вмѣстѣ съ собственнымъ моимъ именемъ. Открывъ его, я

изъявилъ бы вамъ притязаніе на честолюбивые замыслы, которыхъ не питаю. Быть полезнымъ отечеству, разсѣвать пшеницу а не плевелы на почвѣ общественной — вотъ все мое честолюбіе: счастливъ, если достигъ моей цѣли, если съмя мною посѣянное процвѣтетъ и принесетъ плодъ въ душахъ вашихъ; если вы иногда вспомните о безыменномъ, но всегда вамъ вѣрномъ другѣ. Слабость моя усиливается, рука нѣмѣетъ. Господи! удостой меня . . . причаститься благодати твоей въ здѣшней жизни . . . и въ будущей!» —

Здѣсь оканчивалась рукопись старца. Я отнесъ ее въ городской совѣтъ и всѣ члены его присутствовали на погребеніи таинственнаго старца, котораго христіанскій конецъ былъ едва ли не удивительнѣе и самой его жизни. Онъ послужилъ мнѣ темою умиленнѣйшей изъ проповѣдей моихъ. Не суетнымъ краснорѣчіемъ, но примѣромъ жизни усопшаго, старался я, недостойный рабъ Божій, раздуть священное пламя того мужества которое осажденные сыны отечества такъ доблестно показали на дѣлѣ.»

Вскорѣ, однакожь, ужаснѣйшій изъ бичей Божіихъ — страшная чума — болѣзнь, дотолѣ неслыханная въ Голландіи, обнаружилась въ осажденномъ голодномъ Лейденѣ. Уже не румяные здоровые Голландцы, а блѣдныя тѣни ихъ скитались по улицамъ Лейдена и падали сотнями возлѣ опустѣлыхъ домовъ. Живые не успѣвали хоронить умершихъ отъ голода и язвы, отцы чуждались дѣтей, мужъ бѣжалъ отъ зараженной жены, сестра покидала умиравшаго брата; многихъ, еще дышащихъ; изъ опасенія заразы, зацѣпляя вѣрочьями,

бросали въ вырытыя ямы, и только одинъ неусыпный надзоръ правителей могъ удерживать отчаянный народъ отъ повторенія сихъ неслыханныхъ ужасовъ!

Столько язвъ Египетскихъ ожесточило неистовую чернь. Толпы оболоченныхъ лазутчиками Валдеса начали собираться передъ ратушей и доможь первенствующаго бургомистра.

— Хлѣба или сдачи! кричали буйные мятежники.

— Хлѣба или смерти! ревѣли доведенные до изступленія патриоты. Ни одного животного, почти ни одного куска хлѣба не оставалось въ городѣ. Ничтожные остатки сберегались для умирающихъ и дѣтей. Дочь Схаута лежала больная отъ истощенія въ жесточайшей горячкѣ и бредила о великодушномъ Корнелии, какъ о погибшемъ отъ руки враговъ. Тутъ узналъ неутѣшный отецъ тайну сердца несчастной Минны, которую такъ рачительно скрывала она отъ всѣхъ: тайну эту могла понять и разслушать одна родительская нѣжность, одна опытность и умъ рыцаря-поэта: другой бы никто не отгадалъ ее.

Вмѣсто отвѣта на буйные крики бѣшеной черни, благородный вѣзъ отворилъ изступленнымъ спальню своей дочери, гдѣ она, на одрѣ болѣзни, боролась со смертью.

— Вы жалуетесь, что ближніе ваши падаютъ отъ изнуренія, что дѣти ваши умираютъ съ голоду; а развѣ единственная отрада жизни моей, умирающая дочь моя, покоится на розахъ? Друзья мои! Богъ посылаетъ народныя бѣдствія не для того, чтобъ люди бунтовали противъ властей, страдающихъ тогда страданіями всѣхъ, но для того что грѣхи наши требуютъ таковой очи-

стительной жертвы: покаяніе, терпѣніе въ смерти, вотъ наша доля — несчастные братья. О! еслибъ вы знали всю полноту горечи раздирающей мое сердце при видѣ вашихъ страданій! вѣруйте, что Кто такъ смиряетъ насъ, Тотъ и вознести насъ можетъ — идите въ храмы Божіи и молитесь молитвою мытаря . . . .

При сихъ словахъ, изступленіе народа утихло. Мятежники просили прощенія на колѣняхъ и уныло вышли изъ дому. Въ эту самую минуту раздался звукъ набата. — За мною друзья! сказалъ герой Лейдена, исторгая мечъ: слышите набатный колоколь — новый приступъ. Братья! пойдемъ требовать хлѣба у нашихъ враговъ! дадутъ! если мы не опустимъ рукъ, пока онѣ еще могутъ подниматься! И, за минуту передъ симъ, бушевавшая толпа мятежниковъ послѣдовала за героемъ. Приступъ былъ отраженъ, тишина водворилась въ городѣ, но не на долго. Вскорѣ, другая, яростнѣйшая толпа мятежниковъ, узнавъ что главною преградою къ сдачѣ города былъ мужественный Адрианъ фанъ деръ Верфъ, съ неистовымъ крикомъ требовала его къ себѣ изъ присутствія ратуши; но старецъ Адрианъ лежалъ безъ чувствъ отъ изнуренія и голоду въ сосѣдней залѣ. На мѣсто его вышелъ къ народу сынъ его Питеръ. Буйная толпа требовала еще разъ сдачи города и грозилась убить бургомистра и сына его, если они не поднесутъ ключей города испанскому полководцу.

— Истощенный отецъ мой лежитъ безъ памяти, отвѣчалъ имъ неустрашимый Питеръ; но ни его рука, ни моя не поднимется на позоръ нашей родины; ни онъ, ни я не поднесемъ ключей города Лейдена

иноземцамъ ни онъ ни я не подпишемъ безчестнаго договора о сдачѣ города: еще ли вы не понимаете карающей руки Божіей, въ которой готовы и безконечныя милости для смиренныхъ сердецъ? Сокрушите же сердца ваши, а не начальниковъ! Если же вамъ, для посрамленія вашего, нужна смерть моего отца, онъ васъ ждетъ какъ агнецъ стригущаго, и я—Питеръ фанъ деръ Верфъ, сынъ отца отечества, я самъ готовъ проводить къ нему убійцу, для которыхъ онъ истаскаетъ отъ голоду и трудовъ: если вы считаете мою смерть для васъ полезною, то я бросаю послѣднее орудіе моей защиты — саблю мою; лучше желаю погибнуть отъ руки отвергшихъ меня братій, чѣмъ принять Иудино золото за продажу ихъ пепелища *).

Столько доблестей въ начальникахъ Лейдена оживили сверхъестественнымъ мужествомъ подчиненныхъ: всѣ граждане и воины, старики и младенцы, дѣвы и жены Лейденскіе, въ надеждѣ на Бога, поклонились во святомъ его храмѣ умереть на стѣнахъ своей крѣпости, лечь костями подъ развалинами ихъ; мертвыя бо срама не мрутъ.

Столько вѣры, героизма и самоотверженія не могли не тронуть милосердія Божія, и народъ, выходя изъ церкви, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, увидѣлъ бѣлаго голубя, который летѣлъ прямо къ фанъ деръ Верфову двору. Питеръ тотчасъ узналъ своего питомца, и вся толпа хлынула къ дому первенствующаго бургомистра. Крылатый гонецъ былъ точно голубь, пущенный Корнелиемъ, и въ перѣ, прикрѣпленномъ къ од-

ной изъ его ножекъ, найдена слѣдующая записка:

Мужайтесь, храбрые защитники Лейдена! за вашу свободу отечество рѣшилось принести великую жертву: цѣлый округъ за спасеніе одного города героевъ! Крѣпитесь еще нѣсколько дней, избавители недалеко!

Буассотъ,

Адмиралъ Голландіи и Зеландіи.

Таинственная эта записка явно показывала, что Корнелий достигъ своей цѣли; но какимъ образомъ и откуда Адмиралъ Буассотъ, котораго эскадра крейсировала въ Океанѣ и поражала флоты Испанскіе, могъ понасть съ кораблями своими въ Лейденъ? Тѣмъ не менѣе надежда скорой помощи оживила алчущій городъ. Граждане Лейденскіе поклонились еще разъ держаться до нельзя Храбрый Схаутъ ихъ былъ раненъ, и Питеръ фанъ деръ Верфъ, бывшій у него за адъютанта, повелъ толпы защитниковъ на проломъ, пробитый накануне; въ одну ночь проломъ былъ заваленъ обломками домовъ, разбитыхъ въ окрестностяхъ Вентскихъ воротъ (Weents-poort) неприятельскими ядрами.

Это было въ исходѣ сентября. Многіе жители, пишетъ историкъ Вегенааръ, недѣль по семи не видали ни куска хлѣба; зажиточнѣйшіе питались кониною, бѣднѣйшіе наваромъ изъ сырыхъ кожъ; мясо самыхъ нечистыхъ животныхъ почлось бы тогда лакомствомъ; многіе собирали сухіе оскребли рыбьею чешуею, оглоданные кости, скупали ихъ и высасывали; лизали въ кухонныхъ стокахъ запекающуюся кровь убитыхъ животныхъ. Кромѣ умершихъ съ голоду, моровой язвой погибло въ городѣ Лейденѣ, во время осады, около 6000 душъ*.

*) Собственныя слова Питера фанъ деръ Верфа, внесенныя въ народныя лѣтописи.

*) Wegenaar, Vaterlandsche Historie.

Наконецъ пробить столь долго желанный часъ искупленія. Провинціальныя Штаты Голландіи, желая избавить и спасти городъ Лейденъ отъ конечнаго разрушенія, (ибо взаимное ожесточеніе двухъ враждующихъ сторонъ превосходило всякое вѣроятіе*) приказали пробить дыку Эйсселя близъ Капелле въ шестнадцати мѣстахъ, и сдѣлать огромный прорывъ между Дельфсгавеномъ и Роттердамомъ, чтобы волнами Нѣмецкаго моря (de Noort Zee) смыть осаждавшихъ съ лица земли Голландской. Но дѣйствіе прорывовъ уничтожалось сѣверо-восточными вѣтрами, которые непрерывавали дуть во все продолженіе сентября, и отгоняли морскую воду: долго стояла она однимъ полуфутомъ выше уѣздной грани, отдѣляющей Рейнландію отъ Делфтланда. Тѣмъ не менѣе Испанцы, почти плавая въ водѣ, принуждены были снять осаду Лейдена и спастись бѣгствомъ: Голландцы успѣли уже овладѣть Зегваардскимъ округомъ и Зутермеэрской дорогой; вода доходила тогда до Звигтенскаго протока. Но вотъ подулъ свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ. Октября 3-го числа 1574 года, на разсвѣтъ дня, раздались по городскому валу радостныя крики: «*флотъ! флотъ!*» И все бѣдствовавшее народонаселеніе бросилось къ обводному валу; больные тащились опираясь на здоровыхъ; весело загудѣли колокола; овдовѣвшая мать несла и вела малолѣтнихъ дѣтей своихъ, благочестивый сынъ под держивалъ изнуреннаго отца, старость опиралась на молодость и

* Во время приближенія Буассотова флота, одинъ Зееландскій матросъ, вырвавъ сердце у одного убитаго Испанца, бросилъ его собакамъ и приговаривалъ: и вамъ не съѣсть, такъ оно жестоко (горько — bitter)!

на оборотъ. Восторгъ былъ всеобщій, и чудо еще невиданное въ Лейденѣ, цѣлый флотъ плоскодонныхъ судовъ, нарочно для того выстроенный въ Роттердамъ, мудрымъ распоряженіемъ Виллема I, подъ командою славнаго Адмирала Буассота, при звукѣ трубъ и литавръ, при радостныхъ кликахъ и выстрѣлахъ, плылъ по затопленнымъ полямъ и лугамъ на помощь къ осажденному Лейдену, священному палладиуму Голландской свободы!

Въ восемь часовъ утра того же числа, флотъ-спаситель торжественно причалилъ къ твердынямъ Лейденскимъ, передъ которыми одинъ плававшая палатки и замолчавшія орудія, на безлюдныхъ шанцахъ, свидѣтельствовали о преждебывшемъ присутствіи грозной рати враговъ. Упорство Испанцевъ разбилось о постоянство Голландіи, какъ волны морей о каменную грудь тѣхъ гранитныхъ оплотовъ, которые ополсываютъ ея поморье.

Для голоднаго города выставили свѣжую, здоровую пищу, устроили пиръ, на которомъ цѣлое народонаселеніе Лейдена, какъ дѣтей одной семьи, угощали храбрые Буассотовы моряки. Ачужность умирающихъ отъ голоду была столь велика, что многіе падали безъ чувствъ возлѣ пищи, возвратившей имъ жизнь: нужна была вся сила убѣжденія, вся сила вещественная, чтобы предварить гибельныя послѣдствія пресѣщенія. Всѣ начальники флота, часть экипажа и добрый наипъ Корнелій, тотчасъ по выходѣ на берегъ, отправившись въ церковь благодарить Бога Избавителя. Зрѣлище было истинно назидательное, говорятъ современные дѣтописцы: «*грубѣйшите, едва не полудикіе моряки*

заридали какъ дѣти, когда въ храмѣ Божіемъ, при звукѣ органа, на родномъ ихъ нарѣчій, раздались звуки псалмовъ, переведенныхъ на голландскій языкъ и славныхъ фанъ-Марниксомъ, другомъ и сподвижникомъ любимца народнаго, отца отечества и героя Виллема I.»

«На слѣдующій же день, продолжаетъ лѣтопись, подулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ; онъ согналъ воду морскую въ ея пучины, и осушилъ почву Голландскую, съ которой вѣтеръ морской дѣйствительно смылъ враговъ Голландіи и принесть спасеніе осажденнымъ.»

Такова была осада Лейдена, и его освобожденіе—настоящая поэма въ исторіи, которую не смѣли мы ни украсить ни пополнить нашими

* Zo lange de Stadt en Republik in Wezen is.

** Чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о постоянствѣ гражданъ Лейденскихъ при этой достопамятной осадѣ, въ слѣдующемъ 1575 году, учрежденъ былъ знаменитый Лейденскій Университетъ, или Высшее Государственное Училище (s'Lands-Hoogeschool), котораго кураторомъ (попечителемъ) наименованъ былъ герой Лейдена, витязь-поэтъ фанъ деръ Дузъ, а славному фанъ Марниксу, владѣльцу Синтъ-Альдегонскому, возвращенному изъ плѣна, поручено быть главнымъ основателемъ этого святилища наукъ. Онъ немедленно выписалъ *первыхъ профессоровъ* (Hoogleeraats) изъ Гейдельберга, славившихся тогда своею ученостію. Въ числѣ ихъ былъ тогда назначенъ и извѣстный Мерула, получившій одну изъ первыхъ кафедръ новоучрежденнаго университета. Признательное правительство не ограничилось наградами мужества Лейденскаго начальства: оно почтило всѣхъ защитниковъ города особымъ знакомъ отличія: велѣно отчеканить медаль съ изображеніемъ вдали замка Лейденскаго; по правую сторону медали былъ выбитъ левъ, держащій саблю и опи-

вымыслами. Простота разсказа нашего есть отпечатокъ истины, которой мы держались. . . Современное правительствомъ опредѣлило праздновать этотъ день снятія осады, какъ событіе великое, торжественное въ исторіи Нидерландовъ, пока городъ (Лейденъ) и самобытность Нидерландовъ* будутъ существовать**.

Повсемѣстный восторгъ о благополучномъ окончаніи Лейденской осады, лучше всякихъ возгласовъ свидѣтельствуемъ какъ высоко цѣнило отечество самоотверженіе цѣлаго города героев! Мы не прибавимъ къ исторіи ни слова: поэзія фактовъ поглощаетъ здѣсь всю поэзію басни!

рающійся на урну рѣки Рейна, при которой находится Лейденъ. Посреди медали, городъ сей представленъ въ видѣ женщины, увѣнчанной лаврами. Въ одной рукѣ ея копьѣ съ шляпою свободы, а въ другой зеркало, оббитое змѣею (символомъ мудрости); вся олицетворенная эмблема Лейдена посажена на туюкъ суконъ, прообразующихъ главнѣйшую промышленность горожанъ. Къ туюку суконъ прикрѣплена хартія съ изображеніемъ академіи. Этого мало: городовое начальство Лейдена захотѣло почтить и самыхъ животныхъ, служившихъ къ снятію достопамятной осады, и доставлявшихъ ей извѣстіе отъ Принца Оранскаго. По смерти крылатыхъ гонцовъ своихъ — голубей, изъ нихъ набиты были чучелы, и теперь еще держатъ они въ лапкахъ своихъ тѣ перья, въ которыя вкладывались письма о судьбѣ города. Имъ воздана почестъ едва ли не одинакая съ капитольскими гусями, которыхъ крики спасли древній Римъ во время нашествія Галловъ. Хозяевамъ этихъ голубей выданы были отъ городского магистрата новые гербы, на которыхъ изображенъ гербъ Лейдена съ нѣсколькими голубями.

VII.

ПИРЬ ГОРОЙ.

Нѣсколько времени спустя послѣ снятія осады, когда всѣ ужасы военной жизни служили только темой и утѣшеніемъ бесѣдъ, когда человѣкъ, согрѣтый тепломъ лѣтняго солнца, не только скинулъ штормовой плащъ горя, но и готовъ былъ считать его даже лишнимъ, если не по уму, то ужъ навѣрное по чувству,—у первенствующаго бургомистра былъ торжественный пирь, на который приглашено было все окрестное дворянство, все именитое купечество Лейденское. Когда благодатная влага французскихъ виноградниковъ разогрѣла веселость присутствующихъ, одноглазый, но зоркій Адмиралъ Буассотъ, попросилъ Мицну

фанъ деръ Дузь пропѣть собранію знакомую читателямъ пѣсню ея отца. Долго отговаривалась красавица недавнимъ выздоровленіемъ своимъ отъ болѣзни. Но гость былъ неумолимъ, и что хуже всего, къ нему присталъ и подбившій хозяинъ, другъ отца ея, Адрианъ фанъ деръ Верфъ.

— Да кто изъ насъ не былъ боленъ? А вотъ же мы всѣ готовы запѣть и пѣть безъ устали до утра! Общая радость и вамъ, дорогая гостья, придастъ силы. Ну-те же, въ родной семьѣ, раскатитесь соловьинымъ голоскомъ, разогрѣйте Нидерландское сердце, а вѣдь слова то пѣсни не просто написаны, это гласъ народа, и помяните если не

пророка такъ угадчика, она будетъ вторымъ національнымъ нашимъ гимномъ!

Сравненіе это тронуло автора, и онъ, дотолъ молчавшій по скромности, самъ обратился къ дочери.

— Ну! что же, Минна? видишь, всѣ просятъ, сказалъ онъ ей.

— Но у меня нѣтъ моей гитары, робко сказала покраснѣвшая дѣвушка.

— Самъ гитаристъ нашей эскадры не за горами, сказалъ значительно Адмиралъ, и по мановенію его, прислуживавшій вмѣстѣ съ молодымъ фанъ деръ Верфомъ, названный братъ его Корнелій Гаутманъ, введенъ былъ въ залу пира, но уже переодѣтый итальянскимъ пѣвцомъ: въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ оставилъ Лейденъ, отправляясь сквозь тысячи смертей за спасеніемъ Лейдена: за плечами гитара, на головѣ труверскій беретъ, изъ подъ котораго разсыпались по плечамъ его каштановыя кудри; вдохновеніе во взорахъ, любовь на устахъ. Онъ смялъ съ себя гитару и почтительно поднесъ ее прекрасной Миннѣ: узнавъ ее, она невольно смутилась. Потомъ, оправясь, сказала Корнелію:—оставьте ее у себя на память о нашемъ подвигѣ!

— И только? шепнула ей Корнелій, увлеченный невольнымъ чувствомъ. Минна смутилась еще болѣе и ничего не отвѣчала. Тутъ Корнелій растерялся въ свою очередь, и измѣня тоя, продолжалъ: Если благородная Минна позволитъ мнѣ вторить своей пѣснѣ *любви къ отечеству* . . . .

Минна бросила на Корнелія одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые не позволяли сомнѣваться въ ея согласіи. Взглядъ сей ошмядотворилъ нашего героя.

Корнелій былъ превосходный му-

зыкантъ. Наставникъ его Пульхиръ развилъ въ немъ и это прекрасное дарованіе. Звучно, гармонически затрепетали струны его гитары, подъ перстами, вдохновенными славой, любовью и надеждой, самовластно приводили въ трепетъ сердца слушателей. Одно изъ сердець билось сильнѣе прочихъ. Присутствовавшихъ очаровали и стихи и музыка, и пѣвица и музыкантъ. Любовь къ отечеству пламенила у всѣхъ во взорахъ, потрясала всѣ сердца. Фанъ деръ Дузь, герой осады Лейденской, торжествовалъ какъ поэтъ *любви къ отечеству*. Различіе званій исчезло въ общемъ восторгѣ: люди всѣхъ состояній обнимались какъ братья. На пиру торжествовавшего Лейдена, не было ни рыцарей, ни гражданъ: тутъ были одни Голландцы! Тутъ душа пировъ своего времени, адмиралъ Буассотъ, искуснымъ образомъ воспользовался симъ торжественнымъ моментомъ; и послѣ тоста провозглашеннаго хозяиномъ за здоровье принца и храбрыхъ моряковъ Голландіи, онъ наполнилъ бокаль, провозгласилъ тостъ храбрыхъ защитниковъ Лейдена, здоровье Лейденскаго вождя Тиртея и его дочери. Когда кубки были напѣнены и осушены, герой Лейдена сказалъ:

— А виновника сегодняшней радости нашей, трубадура нашего мы и позабыли!

— Нѣтъ, сказалъ значительно Буассотъ: о его награду велѣлъ мнѣ принцъ Стадгаудеръ ходатайствовать у васъ, знаменитые Лейденскіе герои.

— Для того, кто жертвовалъ за насъ жизнью, у насъ нѣтъ ничего завѣтнаго, закричала со гласомъ голосовъ.

— Всѣ ли защитники Лейдена

одинадцать мыслей со мною? продолжал доблестный Адрианъ.

— Всѣ до единого, отвѣчали граждане; и всѣ руки, по обычаю тогдашняго времени, поднимались въ знакъ согласія за трапезой.

— Всѣ? спросилъ Адмиралъ, сдѣланнаго подлѣ него Яна фанъ деръ Дуза.

— Всѣ! отвѣчалъ благородный рыцарь.

Минна потупила глаза, грудь ея сильно волновалась, Корнелій былъ виѣ себя: онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ. Онъ зналъ, какой награды просить себѣ отъ отечества и видѣлъ даже возможность получить ее въ самомъ смятеніи Минны; но мысль о де Фалкѣ, соперникѣ, женихѣ Минны съ младенчества сильно его беспокоила. Онъ еще не зналъ что случилось въ его отсутствіе: что де Фалкъ былъ убитъ во время вылазки; что сама Минна открыла тайну сердца отцу своему. . . . Знатность рода рыцаря пугала простолюдина и онъ медлилъ высказать всю душу свою, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ.

— Корнелій! сказалъ Буассотъ, отъ тебя зависитъ теперь просить себѣ награды; скажи намъ, чего ты себѣ желаешь.

— Какъ бы ни велики были твои требованія, прибавилъ первенствующій бургомистръ, уполномочиваю тебя Корнелій Гаутманъ, *землякъ нашъ по мужеству*, если не по рожденію, просить всякой, отъ насъ зависящей награды.

— Я просилъ бы васъ усыновить меня, если бы вы уже не сдѣлали этого и. . . замолчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ фанъ деръ Дузь: я, Схаутъ Лейдена и предводитель его защитниковъ, священнымъ долгомъ своимъ почитаю свидѣтельствовать

передъ всѣми и каждымъ, что ты Корнелій Гаутманъ, *усыновленный* гражданинъ Лейдена, одинъ, своею неустрашимостью и самоотверженіемъ, рѣшилъ судьбу осады; ты виновникъ и сегодняшняго общаго нашего торжества, ты. . .

— Стало быть, перервалъ Адрианъ фанъ деръ Верфъ, нѣтъ награды, которой бы ты не былъ въ правѣ просить, если только она зависитъ отъ насъ.

Но Корнелій молчалъ; видно было, что два равносильныя чувства, застѣнчивость и любовь, волновали его душу.

— Чтоты молчишь Корнелій? продолжалъ значительно Адмиралъ: неужели ты, отъявленный удалецъ и смѣльчакъ, котораго неустрашимости и уму дивилось все наше войско, боишься больше друзей, чѣмъ непріятеля.

— Если такъ, сказалъ Корнелій нѣсколько ободренный, но запинаясь о каждую своею фразу—если соотечественники столь высоко цѣнить ничтожный подвигъ мой, то пусть высокая награда, которою я попрошу, оправдаетъ ихъ мнѣніе! Я прошу. . .

— Чего? спросилъ фанъ деръ Дузь: отвѣчай благородный юноша! и будь увѣренъ, что ни одна награда не будетъ выше твоего подвига. Еще разъ спрашиваю: чего ты хочешь?

— Руки твоей дочери!

Все собраніе замолкло; въ немъ можно было разслушать каждое бѣненіе сердца; прекрасная Минна фанъ деръ Дузь, едва переводила дыханіе. Корнелій тоже.

— Ты назвалъ его благороднымъ юношею, сказалъ Буассотъ ты — благороднѣйшій изъ защитниковъ Лейдена, стало быть ты возвысилъ его до твоей славы; онъ поклялся заслужить ее и. . .

— Она твоя! отвѣчалъ герой и всталъ съ своего мѣста; за нимъ поднялось все собраніе. Корнелій былъ уже у ногъ обомлѣвшей Минны.

— Минна!... только и могъ онъ произнести, протянувъ ей свою руку.

— Корнелій! Батюшка! вскрикнула Минна и бросилась въ объятія старика.

— Знаю! все знаю, дѣти мои! — Милосердый Боже—спаситель Голландіи! благослови ихъ . . . .

— Благослови ихъ! раздался голосъ всего собранія, между тѣмъ какъ отецъ, соединивъ ихъ руки, благословлялъ жениха и невѣсту.

Дѣти бросились обнимать его, потомъ обняли другъ друга.

— Bravo! bravo! закричалъ Ад-

миралъ, стуча изо всѣхъ силъ кулакомъ по столу.

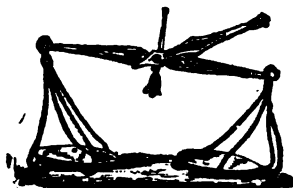
— Bravo! ура! раздалось со всѣхъ сторонъ: все рукоплескало, топало, стучало, шляпы и шапки летали въ потолокъ.

— Вотъ такъ-то лучше, сказалъ Адмиралъ, ведя жениха и невѣсту на почетное мѣсто за столъ.

— Эй! вина! —

И пиръ пошелъ горой.

Городъ Лейденъ былъ *посаженымъ отцомъ* на этой свадьбѣ и послалъ гонца къ настоящему отцу Корнелія: онъ пригласилъ къ себѣ на новый *пиръ горой* пивовара Гаутмана; онъ пригласилъ его на эту великолѣпную свадьбу, торжествовать бракъ сына его съ благородною дочерью витязя фанъ деръ Дуза, владѣльца Нортвейка и *иныхъ*.

VII.

MAXIMUM et MINIMUM

ЖИТЕЙСКАГО СЧАСТЬЯ.

Если море во время вѣтра, — а когда на морѣ нѣтъ вѣтра? — разсѣчете плоскостью поперегъ валовъ, вы получите извилистую линію, очень похожую на змѣя, когда онъ ползетъ, увидите рядъ вершинъ и рядъ подошвъ волненія. Послѣ вершины слѣдуетъ подошва, за подошвой слѣдуютъ вершины. — Если случайно столкнутся двѣ вершины, — высота этой горы удвоится, если столкнутся подошвы двухъ валовъ — подъ ними пропасть удвоится.

Ежели вы разсѣчете вдоль человеческую жизнь такую же плоскостью, получите такую же извилистую линію — рядъ возвыше-

ній и паденій. Не превозносите сидящій на вершинѣ! еще мигъ, и ты — въ пропасти... «Мимо идохъ и сенебъ!» не ропщи, не горюй низверженный къ подошвѣ житейскихъ волнъ! еще мигъ — и ты будешь вознесенъ. Особенно этотъ законъ максимума и минимума человеческого счастья разителенъ въ жизни избранныхъ Божіихъ, людей великихъ.

Корнелій Гаутманъ былъ правъ: для его земнаго счастья было мало одной жизни; переходъ его къ земному счастью былъ слишкомъ быстръ, слишкомъ необыкновененъ; изъ безвѣстнаго гражданина вдругъ сдѣлаться мужемъ дочери знаменитаго рыцаря; предметомъ

удивленія и любви своихъ единоземцевъ!

“На все предѣль отъ Бога положень!,”

И счастливцевъ нашъ испыталъ эту истину надъ самимъ собою. Звѣзда его счастья — дошедшая до своего апогея, начинала опять блѣднѣть и скрываться за облаками . . . не вдругъ, однакожь, закатилась она, эта благодатная звѣзда его радостей! Судьба какъ бы щадила въ лицѣ Корнелія, своего любимаго, благородную жертву любви къ отечеству: любви священнѣйшей, когда-либо воскресившей сердце смертнаго. Судьба готовила Корнелія, пресыщеннаго всѣми сладостями трапезы жизненной, къ иному высшему назначенію: онъ долженъ былъ доказать современникамъ и потомству, что можетъ вынести человекъ, предназначенный пройти сквозь всѣ роды превратностей, какъ *злато искушенное въ горниль*, и какъ онъ можетъ выстрадать славу свою, если постоянно цѣлюю человека сего — общее благо!

Исторія Корнелія Гаутмана заключаетъ въ себѣ много поучительнаго. Но на него можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія — обкомъ Титана и взоромъ Христіанина. Человекъ матеріальный увидитъ въ немъ благороднаго атлета, котораго преслѣдуетъ безжалостный рокъ; увидитъ въ немъ одну изъ тысячи жертвъ фатализма, и взгляды его на этого мужа скорбей и желаній можетъ возбудить дерзновенный ропотъ на Провидѣніе. Но человекъ Христіанинъ будетъ осмотрительнѣе въ судѣ своемъ: онъ не ограничится только фактами, проникнетъ въ завітный тайникъ сокровеннаго, и пополнить недосказанно исторію: элементы процесса Корнеліева съ Промысломъ Божиимъ найдеть онъ въ собственномъ своемъ

сердцѣ. Онъ изслѣдуетъ всѣ побужденія своего героя, не увлекаясь наружностію его дѣйствій. Онъ спроситъ себя, всѣ ли побужденія эти были такъ чисты, какъ почитала ихъ толпа — эта *misera plebs* — которой массивные приговоры такъ часто подтверждаются цѣлыми поколѣніями? И тогда, можетъ быть, найдеть онъ что не всѣ побужденія эти были такъ чисты, какъ казались они съ перваго взгляда. Человекъ — всегда человекъ. Божественная природа его такъ тѣсно связана съ землею, вещественною своею оболочкою, что весьма трудно опредѣлить ихъ настоящія границы; и тогда — самая *любовь къ отечеству*, по видимому, одушевлявшая Корнелія, окажется въ началахъ своихъ болѣе земнымъ, чѣмъ небеснымъ чувствомъ. Не будемъ же скоры въ сужденіяхъ нашихъ о несправедливости бѣдствій постигающихъ великаго мужа; уклонимся отъ ропота на Предвѣчный Промысль, и убѣдимся, единожды на всегда, въ той истинѣ — что наружность обманчива въ волшебномъ фонарѣ нашей жизни. Великій Зодчій міровъ ведетъ человека неисповѣдимыми путями къ его назначенію; всѣ пути его святы, благостны и правы. Если въ жизни сей, за нѣкоторыя заблужденія наши, мы можемъ потерпѣть бѣдствія, то насъ ждетъ жизнь лучшая за предѣлами гроба, и награда добра, нами совершеннаго, превзойдетъ и заслуги наши и самыя ожиданія! —

Первымъ лишеніемъ Корнелія Гаутмана была потеря отца и матери, умершихъ на его рукахъ; вторымъ — потеря дочери, родившейся два года спустя послѣ его свадьбы — прелестнаго ангела, живаго подобія своей матери; и такъ

же какъ она названной Минною; третьимъ лишеніемъ была потеря общаго имущества ихъ съ братомъ Фредерикомъ, конфискованнаго въ Лисабонѣ на собственномъ ихъ кораблѣ въ 1580 году.

Чтобъ объяснить причину послѣдняго событія, мы должны обратить вниманіе читателей на тогдашній ходъ дѣлъ въ самой Португаліи.

Древняя династія законныхъ ея Королей пресѣклась въ лицѣ неустрашаемаго Донъ - Себастіана. *Храбрецъ до безразсудства*, какъ называется его исторія, онъ погибъ въ 1578 году смертію героя, во время похода своего противъ Мавровъ Африки на Арзильскомъ берегу.

По смерти Донъ - Себастіана, мѣсто его заступилъ престарѣлый Кардиналь Д. Генрихъ; управлялъ Португалією только нѣсколько мѣсяцевъ и скончался 31 января 1581 года, оставя государство свое въ добычу алчнымъ наследникамъ.

Какимъ образомъ это наследство присвоилъ себѣ Филиппъ II, всѣмъ читавшимъ исторію довольно извѣстно; а кому—нѣтъ, того отсылаемъ къ тогдашнимъ лѣтописямъ. Полководецъ Филиппа II, Герцогъ Альва, вторгся въ Португалію съ многочисленнымъ войскомъ и, пользуясь народными смятеніями и разстройствомъ дѣлъ временнаго правительства, въ короткое время покорилъ всю Португалію и отнялъ ее у Браганцскаго дома.

Послѣ утвержденія Испанскаго владычества въ Лисабонѣ, первымъ дѣломъ Герцога Альвы было нанесть самый чувствительный ударъ той націи купцовъ, которой несмѣтнымъ богатства и неимовѣрная дѣятельность разрушила всѣ политическія планы его въ Нидер-

ландахъ. За годъ предъ тѣмъ, уже подписанъ былъ актъ союза семи соединенныхъ провинцій Батавскихъ низовьевъ, и смѣлые купцы сіи, которыхъ Герцогъ Альва продолжалъ называть мятежниками, но которыхъ самобытность признали многія Государства Западной Европы, не смотря на угрозы Филиппа II, продолжали торговать съ Португалією почти въ глазахъ самой Испаніи, у воротъ завѣтнаго для нихъ Средиземнаго моря. И такъ повторяю, первымъ политическимъ дѣйствіемъ Герцога Альвы въ Португаліи, былъ изданный отъ Королевскаго имени декретъ, по которому все имущество Голландцевъ, *какъ мятежныхъ Испанскихъ вассаловъ, подвергалось конфискаціи, во влѣкъ гаваняхъ Пиренейскаго полуострова*

Благосостояніе семейства К. Гаутмана, и его младшаго брата, требовало чтобы самъ Корнелій, попечитель и глава семьи своей, озаботился спасеніемъ остатковъ ихъ общаго достоянія, и собралъ хотя долги съ своихъ Португальскихъ корреспондентовъ.

Къ несчастію, событія не оправдали его надеждъ. Когда Корнелій Гаутманъ прибылъ въ Лисабонъ, многіе изъ должниковъ его, воспользовавшись обстоятельствами, вопреки всѣмъ правамъ частной собственности, уклонились вовсе отъ уплаты долгаго своему корреспонденту, подъ предлогомъ исполненія воли новаго правительства; другіе—болѣе совѣстливые—отложили платежи до заключенія мира; несъма немногіе должники ничтожныхъ суммъ, вспомя Богa и справедливость, удовлетворили Корнелія—втайнѣ. Но главный должникъ его, должникъ, въ честиности котораго онъ не имѣлъ еще причинъ сомнѣваться,

находился въ Индіи, ибо тогда путь въ отдаленные эти края не былъ уже полубаснословнымъ преданіемъ, какимъ считалось до того сказаніе Геродота о путешествіи Финикіанъ вокругъ Африки и на островъ Атлантиду. Знаменитый Васко де Гама и его послѣдователи проложили уже для Португаліи путь въ Индостанъ и Китай.

При помощи небольшой суммы денегъ, собранной съ должниковъ, Корнелій Гаутманъ рѣшился на отважное предпріятіе. Отправляя назадъ меньшаго брата своего чрезъ Францію къ женѣ, съ небольшимъ денежнымъ пособіемъ, онъ рѣшился на время разстаться съ жизнію—съ милой родиной и женою и, подъ именемъ нѣмецкаго купца, отправиться лично къ должнику своему въ страну золота и алмазовъ. Должникъ этотъ Донъ Антоніо де Фаріа или де Фаріеръ, — ближній свойственникъ Португальскаго правителя Малакки, извѣстный смѣльчакъ, — подобно многимъ Остъ-Индскимъ Португальцамъ своего времени, — прѣмъ-являющій мирное званіе гражданина на опасное и весьма прибыльное ремесло морскаго разбойника; былъ удалецъ, котораго неслыханные подвиги наполняютъ почти всю первую часть апокрифнаго путешествія Мендеса де Пинто.

Но удалство Дона Антоніо было еще тайною въ Лисабонѣ: Жилблазь Индіи — Мендесъ де Пинто, еще не издавалъ тогда своихъ невѣроятныхъ описаній и, можетъ быть, находился въ плѣну у Манджуровъ, которыхъ буйныя орды покоряли тогда Китай.

Корнелій Гаутманъ полагалъ, что корреспондентъ его Донъ-Антоніо преспокойно занимается торговлею въ Малаккѣ, откуда онъ получилъ

отъ него послѣднее извѣстіе. И такъ пиллигримъ нашъ пустился для опыта своего въ мореплаваніе . . . прямо въ Малакку.

Не станемъ затруднять читателей скучными выписками изъ путеваго журнала корабля Донъ-Педро де Сетуваль, на которомъ путешественникъ нашъ отправился въ Индію: сухая реляція, о курсахъ и вѣтрахъ благополучнаго плаванія можетъ показаться интересною не для всѣхъ читателей нашихъ. — Поговоримъ лучше о чувствахъ нашего героя, передъ которымъ открывался новый, таинственный міръ, новый волшебный край, на роскошные берега котораго не ступала еще ни одна нога просвѣщеннаго Голландца! О! какъ сильно забилось сердце Корнелія Гаутмана, когда на палубѣ корабля Д. Педро де Сетуваль, раздались радостные крики: *берега, берега!*

Онъ пожиралъ глазами цвѣтущее поморье пролива Сондскаго, отдѣляющаго островъ Яву отъ Суматры. Новыя небеса; новое прозябаніе, новый климатъ, незнакомое народонаселеніе, особенный родъ земныхъ, воздушныхъ и водяныхъ явленій, растений и животныхъ— сильно возбуждали его любознательность и пытливый умъ.

Португальскій шкиперъ Себастьянъ до Мелло, уже не разъ плававшій въ Индію, насказалъ Корнелію столько чудесъ о богатствѣ ея областей, о разнообразіи источниковъ благосостоянія народнаго, о выгодахъ торга золотомъ, алмазами и пряностями, что нашъ Голландецъ не могъ заслушаться его разсказовъ, иногда продолжавшихся до поздней ночи; но какой ночи? ночи тропической, роскошнѣе всякаго дня! ночи, дышущей нѣгою и ароматомъ!

Въ душѣ Корнелія, зародилась, можетъ быть, по слабости чело- вѣческой, не одна мысль о благо- состоянїи родины. Къ ней вѣроят- но примѣшивались и другїя чув- ства личнаго эгоизма.

Смотря на это чистое небо, на эту цвѣтущую, вѣчно юную при- роду, осыненную темной зеленою вѣковыхъ кокосовъ — сихъ испо- линовъ Индѣйскихъ лѣсовъ, душа путника, утомленного долгимъ пла- ванїемъ, долгимъ однообразїемъ безбрежнаго моря, — невольно про- буждается къ новой жизни. Че- ловѣкъ переносится въ невѣдомый ему мїръ очарованїй: начинаетъ вѣрить сказкамъ о фелхъ, джи- нахъ и перїяхъ; о странахъ меда и млека, о которыхъ такъ часто го- ворятъ и пишутъ восточные стя- хотворцы. — О! еслибъ въ этомъ мї- рѣ чудесь, думалъ про себя нашъ Корнелій, могъ я кончить вѣкъ свой съ избранною моего сердца — съ единственною любовью души моей, *Минною-любовью*, идеаломъ мо- ей юности!

И въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бы ус- тыдась эгоистической мысли сво- ей, онъ вспомнилъ о первомъ име- ни своего идеала — о любви къ отече- ству . . . . не смѣлъ рѣшить въ душѣ своей, которая изъ двухъ — для него священнѣе.

И другая мысль, какъ проблескъ

свѣта въ ночи, какъ внезапное вдо- хновенїе зародилась въ душѣ его.

— Да! сказалъ самъ въ себѣ Кор- нелій; я могу, я долженъ изучить Индію, провести туда моихъ еди- ноземцевъ, водрузить на этомъ по- морьѣ отечественный флагъ воз- ставшаго льва Голландїи. Тогда только, или никогда, праправнукъ мой, по пророчественной пѣснѣ Дѣвы-Бурь пролепечетъ мое имя; ибо оно освятится вѣковымъ во- споминанїемъ обще-полезнаго дѣ- ла. И вотъ какимъ образомъ, опять таки не безъ примѣси эгоизма и славолюбія, укрѣпилась въ душѣ Корнелія высокая мысль раздѣ- лить владычество Индѣйскихъ мо- рей, между Голландїею и Испанїею, вѣчными соперниками на морѣ и сушѣ. Въ это время восторга, Кор- нелій, по видимому вовсе забылъ о первоначальной причинѣ прив- лекшей его въ Индію. Онъ забы- валъ себя и своихъ въ благосостоя- нїи своей родины. Да! только та- кимъ, высокимъ мужамъ, пода- вляющимъ въ душѣ своей червя земли, неразлучнаго съ челоувѣче- ствомъ, предоставлено свершать великіе подвиги: *себлюбїе въ жерт- ву любви къ отечеству!* вотъ лозунгъ великаго дѣятеля, и такимъ былъ герой нашъ Корнелій Гаутманъ.

Но исполненїе далеко еще было отъ первоначальной мысли.

IX.

ВЗРЫВЪ КОРАБЛЯ.

Не успѣлъ корабль Д. Педро де Сетуваль обогнуть мѣлей острова, прозваннаго въ послѣдствіи *Дварсэ инъ де Вехе* (залбужденіе въ пути), какъ раздался крикъ на палубѣ столь же страшный, какъ были радостны первые крики.

Пожаръ! пожаръ!—Гдѣ? гдѣ? вскричалъ испуганный шкиперъ, и множество голосовъ. На верхнемъ деке, не было никакихъ слѣдовъ пожара: всѣ бросились внизъ: но и на второй палубѣ не было признаковъ огня.

— *Бочки горятъ!* вскричалъ чей то голосъ. Корнелій и шкиперъ прикладывали руки къ бочкамъ, но всѣ они были холодны какъ ледь.

Дальнѣйшіе распросы открыли наконецъ, что внизу дѣйствительно загорѣлось: комиссаръ разда-

вавшій водочную порцію въ ахтерлюкъ, по непростительной неосторожности, привязалъ открытый фонарь къ верхней бочкѣ, надъ другою бочкою изъ которой цѣдилъ онъ водку; искра отъ свѣчи брызнула въ открытую втулку и спиртъ загорѣлся. Оба дна бочки выскочили, пылавшая влага разлилась по трюму и зажгла близлежащую грудку угля. Нѣсколько ведеръ воды вылитые на горѣвшія вещества, погасили однакоже пожаръ; такъ по крайности думалъ шкиперъ и весь его экипажъ. По непростительной безпечности, оправдываемой только пословицей: «кого Богъ хочетъ наказать, — умъ отниметъ» всѣ вышли опять на палубу и, по видимому, никакая опасность не угрожала болѣе

кораблю. При попутномъ пасатномъ вѣтрѣ, корабль шель по семи узловъ и, къ разсвѣту, надѣялись не только обогнуть Пуло-Шизангъ и выдти изъ пролива Сондскаго, но и миновать параллель рѣки Санкапинана на островѣ Суматрѣ.

Кромѣ вахтенныхъ и пѣсколькихъ приѣзжихъ въ Индію пассажировъ, въ числѣ которыхъ находился и нашъ Корнелій, всѣ улеглись преспокойно спать кто въ койку, кто на постель. Но не прошло и часа времени, какъ ужасное слово, *горимъ!* разбудило снова весь экипажъ.

Въ этотъ разъ опасность была тѣмъ значительнѣе, что пожаръ обнаружился въ другой грудѣ угля подмоченнаго водкою; мѣсто новаго пожара было загромождено тройнымъ рядомъ спиртовыхъ бочекъ. Весь ахтеръ-люкъ до того наполнился дымомъ что въ немъ почти нельзя было дышать. Нѣсколько смѣльчаковъ, хотѣвшихъ остановить дѣйствіе огня, задохлись. Неустрашимый Корнелій, едва живой, выскочилъ оттуда.—Что намъ дѣлать? спросилъ шкиперъ, у своего храбраго и умнаго пассажира.

— Бросить въ воду весь порохъ, спасти судно отъ взрыва, отвѣчалъ Корнелій.

Шкиперъ не согласился. Странное самонадѣяніе ослѣпляло его на счетъ возможности спасти свой корабль. Онъ боялся бѣды, гораздо менѣе достовѣрной; боялся остаться безъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, на случай схватки съ Малайскими пиратами. Донъ Себастьянъ де Мелло слыхалъ не разъ, что порохъ лучшее средство защиты — противъ этихъ головорѣзовъ. За каждымъ мысомъ поморья, въ глазахъ его рисовалась разбой-

ничья *проа*, набитая безпощаднымъ племенемъ Индѣйскихъ корсаровъ, съ *крисомъ* за поясомъ и съ жаждой крови въ глазахъ. Но настоящая опасность была важнѣе; огонь усиливался: изъ ахтеръ-люка онъ пробивался уже въ каюты компанію, а оттуда до кроить камеры (пороховой казны) одинъ шагъ!

— Чтожъ вы раздумываете? и минута дорога, закричалъ голосомъ командира Корнелій, въ досадѣ на нерѣшимость шкипера, и оторопѣлость экипажа.— Лейте воду на огонь! и всѣ руки зашевелились: кромѣ воды почерпнутой изъ моря, почти вся водяная провизія была вылита въ люки, хотя безъ всякой видимой пользы. Въ это критическое время, новое бѣдствіе постигло корабль: отъ безпорядка въ управленіи, онъ ударился о какой-то каменный рифъ, чрезъ который перелетѣлъ съ быстротою молніи. Сострясеніе было ужасно: всѣ составы корабля хрустнули, и вода стала прибывать въ трюмъ съ невѣроятною быстротою.

Двѣ стихіи угрожали экипажу: огонь и вода, два непримиримые врага, соединились на этотъ разъ для пагубы человѣчества.

— Прорубай корму! за кричалъ Себастьянъ де Мелло: спускай лишнюю воду.» Приказаніе было исполнено со всею покорностію страха. Но корабль сдѣлался бездонною воронкою, сквозь которую влага морская лилась въ одно отверстие и выливалась въ другое.

— Руби мачты! вскричалъ отчаянный шкиперъ, совершенно потерявшій разсудокъ и, упавшая стѣнга развозможила ему голову.

Jesus, Maria! заревѣлъ во всѣ голоса экипажъ, упавшій на колѣни, и съ жалобными воплями умолялъ о спасеніи: пречистую мать Божию и святаго Іосифа. Одни при-

зывали св. Иакова Компостельскаго, другіе св. Себастіана, покровителя Португаліи. Никто не думалъ о томъ, что мудрый Творецъ, призывающимъ святое имя Его, сказалъ *ищите и обрѣтите!* Тутъ однакоже кто-то посовѣтовалъ погибающимъ поручить судьбу свою, послѣ Бога, нѣмецкому пассажиру Корнелію Гаутману, котораго смѣлость и хладнокровіе не измѣнялась ни на минуту; и весь экипажъ — ухватясь за эту мысль, какъ за якорь спасенія, добровольно и радостно подчинился его начальству

— Гребные суда на воду! закричалъ Корнелій въ поданный ему рупоръ; и гребныя суда, состоявшія изъ барказа, яла и шлюпки, были немедленно спущены. Но по новому несчастію, въ темнотѣ ночи, первый изъ нихъ: т. е. барказъ, который былъ ветше прочихъ, отъ торопливости спускавшихъ его, неровно слетѣлъ съ боканцовъ, и ударясь однимъ бокомъ о поверхность моря, разбился и потонулъ. Весь экипажъ не могъ никакъ помѣститься на ялѣ и шлюпкѣ.

— Вяжи запасные стеньги и доски! кричалъ Гаутманъ, одинъ изъ цѣлаго экипажа, не потерявшій присутствія духа. И въ самое короткое время, — запасный рангоутъ былъ сплоченъ и сплавленъ.

Шлюпкѣ назначено буксировать этотъ плотъ и прикрѣпленный къ нему ялъ.

Спасеніе корабля было невозможно. Минуты дороги. Спуская людей своихъ, Корнелій не позабылъ сунуть себѣ за пазуху небольшой компасъ, морскую карту и путевой журналъ, который онъ, для собственной своей практики, велъ во все продолженіе пути.

На плотъ и шлюпку погружена была часть провизіи, которую можно было взять съ собою, не слыш-

комъ обременяя ихъ, и безъ того уже, нагруженныхъ народомъ. Корнелій съ однимъ негромъ, съ двумя Португальцами и однимъ Яванцомъ, должны были послѣдніе съѣхать съ корабля и помѣститься на яликѣ. Въмѣсто воды, принуждены были погибавшіе взять съ собою нѣсколько боченковъ мадеры; но вся эта провизія погружена была на шлюпкѣ и на плоту: и яликъ былъ такъ малъ, что едва могъ поднять назначенныхъ на него шесть человекъ.

Но каково было негодованіе и ужасъ оставшихся, когда Корнелій съ пятью товарищами своими, готовясь спуститься въ яликъ, услышалъ неистовые крики штурмана, командира шлюпки: — руби буксиръ и гребни сильнѣе! Корабль загорался со всѣхъ концовъ, и безчеловѣчные Португальцы, о спасеніи которыхъ герой нашъ такъ заботился, оставляли его съ пятью товарищами, безъ всякихъ средствъ спасенія, на пылавшемъ суднѣ!! погибель была неизбѣжна: Корнелій простился съ жизнію, съ семействомъ, съ родиною и любимыми мечтами своими; поручилъ ихъ и душу свою милосердію Всеблагого . . . . .

Ужасенъ былъ видъ бѣдствовавшего корабля! изъ всѣхъ портовъ его клубился густой дымъ, и вихри огненные, какъ крылья ангела истребителя, со всѣхъ сторонъ охватывали свою добычу. Раскаленные пушки палили сами собою: вопли товарищей раздирали душу Корнелія; но не потрясли вѣры его въ благое Провидѣніе, безъ власти котораго не *спадетъ ни единый волосъ съ главы человека!*

Прижавъ къ устамъ медальонъ съ портретомъ жены своей, въ послѣдній разъ уже, при заревѣ пожара взглянулъ Корнелій Гаутманъ

манъ на прекрасныя черты своей благородной подруги, скрылъ образъ ея у своего вѣрнаго сердца, съ рѣшительностію Христіанина завернулся въ плащъ и ожидалъ неминуемой смерти . . . .

Еще мигъ—корабль и все бывшее на немъ, съ громовымъ трескомъ, взлетѣло на воздухъ . . . . Всѣ члены могучаго летуна морей, растерзанные, разбросанные по широкому полю воды, догарали какъ послѣдняя искра жизни твореніи! Все погибало въ безмолвныхъ хлябяхъ морскихъ, кромѣ хранимаго самимъ Провидѣніемъ. . . . Господь благоволилъ спасти избраннаго для подвиговъ великихъ — да подтвердится непредложность святой его истины: *«Любящіе Бога въ ближнихъ своихъ не посрамится!»* Послѣдующее выписываемъ мы изъ дневника самаго Корнелія Гаутмана.

«Взлетѣвъ на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ, я лишился чувствъ и опомнился, когда холодъ морской воды привелъ меня въ память: должно думать, что я, послѣ полета моего, сильно ударился о какой нибудь осколѣкъ взорваннаго судна; ибо чувствовалъ нестерпимую боль во всѣхъ членахъ. Первымъ машинальнымъ дѣломъ моимъ было ухватитья за срубленную до взрыва гротъ-мачту, плававшую вмѣстѣ съ реями и снастями, между множествомъ обгорѣлыхъ и еще горѣвшихъ обломковъ корабля: но первое цевольное движеніе чувства моего, послѣ столь чудеснаго избавленія, была благодарность къ Богу . . . . Кое-какъ взмогъ на спасительную мачту, я началъ разсматривать окружавшіе меня предметы. Еще не разсвѣтало, но при тускломъ свѣтѣ полузагасшихъ огарковъ и занимавшей утренней зарю, я уви-

Гл. II.

дѣлъ себя совершенно одинокимъ посреди необозримаго Яванскаго моря, вдали отъ обитаемыхъ береговъ, которыми такъ любовался я наканунѣ. Положеніе мое было столь бѣдственно, что я не зналъ, радоваться мнѣ или горевать о сохраненіи моей жизни: вмѣсто внезапной смерти во время взрыва корабля, ожидала меня ужасная пытка и при концѣ ея таже самая смерть, но смерть гораздо мучительнѣйшая первой. Она представлялась мнѣ, то въ образѣ акулы, которой несытая пасть разѣвалась уже на свою вѣрную добычу; то видѣлъ я блѣдный призракъ голода, рисовавшійся въ моемъ разстроенномъ воображеніи, и что всего ужаснѣе — посреди этой пучины водъ морскихъ, подъ этимъ палищимъ небомъ, я осужденъ былъ умирать отъ жажды, за немнѣніемъ прѣсной воды . . . . О! если бы невѣра въ Провидѣніе, я конечно предпочелъ бы всѣмъ ожидавшимъ меня ужасамъ смерти — кратко-временную и не столь мучительную смерть, съ которой такъ легко было мнѣ соединиться: стоило только сдѣлать одно движеніе и я нашелъ бы конецъ моимъ страданіямъ въ безднѣ, такъ привѣтливо манившей меня. Но я не дерзалъ роптать на десницу Божию — и карательную и милосердную. Я рѣшился хранить вторичный даръ неба, бѣдственную жизнь мою — можетъ быть еще пригодную моимъ ближнимъ: а ближними моими считалъ я все челоѣчество послѣ моихъ милыхъ родичей: я рѣшился жить покуда то угодно будетъ. Зиждительно челоѣческой жизни и смерти.

Въ эту торжественную минуту, горестныя мысли мои прерваны были внезапнымъ шумомъ и сто-нами: я увидѣлъ вблизи отъ себя

человѣка боровшагося съ волнами, и первымъ движеніемъ моимъ была мысль — подать ему помощь. Отрѣзавъ наскоро, карманнымъ ножомъ моимъ, одинъ марса-шкотъ, полоскавшійся въ водѣ, около мачты и, закрѣпивъ конецъ этой снасти, я бросилъ ее несчастному и велѣлъ за нее ухватиться: онъ собралъ послѣднія силы и мнѣ, не смотря на собственную слабость мою, удалось вытащить погибающаго на спасительное дерево моей гротъ-мачты. Это былъ Яванецъ, товарищъ моего бѣдствія, находившійся вмѣстѣ со мною на взорванномъ кораблѣ: четверо другихъ товарищей нашихъ, столь же безчеловѣчно покинутыхъ Португальцами, погибли во время взрыва. Придя въ себя, несчастный Яванецъ, еще болѣе моего избитый въ паденіи (онъ бросился еще до взрыва съ палубы), пораненъ былъ и обожженъ разными осколками взорваннаго судна: инстинктъ самосохраненія, безъ всякаго сознанія возможности спастись, заставилъ его употребить все искусство свое въ плаваніи, и удалиться отъ мѣста нашего бѣдствія. Но когда онъ готовъ былъ ухватить обломокъ срубленнаго бегинъ-рея, плававшій около корабля, послѣдовалъ взрывъ, и несчастный пловецъ пораженъ былъ въ голову, горящимъ осколкомъ, обжегшимъ ему всю спину; ударъ сей до того оглушилъ его, что отъ нестерпимой боли, онъ принужденъ былъ выпустить схваченный имъ рей: ручки крови изъ проломленной головы заливали ему глаза, онъ начиналъ тонуть . . . но прохлада морск. воды, въ которую онъ погружился, произвела и надъ нимъ спасительное дѣйствіе: утопающій пришелъ въ чувство и вынырнулъ на поверхность; соленая вода об-

мыла его раны и кровь; онъ снова увидѣлъ свѣтъ и схватился за первый, попавшійся ему корабельный трапъ. Такимъ образомъ, отдыхая въ своемъ изнурительномъ плаваніи — доплылъ онъ до гротъ-мачты, послужившей къ моему собственному спасенію; и двое несчастныхъ, изувѣченныхъ, вдали отъ всякихъ обитаемыхъ береговъ, отъ всякой человѣческой помощи, нашли себѣ пріютъ на древесномъ пнѣ иплыли на немъ, сами не зная куда, безъ весель, безъ парусовъ, по необозримому морю! . . . Но Провидѣніе было кормчимъ древеснаго пня . . . Осмотря, поутру, окружавшую насъ пучину я примѣтилъ на морѣ свѣтлую струю: насъ сильно несло теченіемъ на востокъ.—У меня за пазухой уцѣлѣлъ подмоченный путевой журналъ, я просушилъ его и небольшую карту мою на солнцѣ. Соображая приблизительно послѣднее мое наблюденіе съ прошедшимъ временемъ послѣ того, я увѣрился, что насъ несетъ струею къ безчисленной купѣ камней, отмѣлей и островковъ, простирающихся отъ устья рѣки Тангаранга на сѣверъ отъ Явы до утесовъ *Двухъ Братьевъ* (Twee Gebroeders), и что если мы не найдемъ на нихъ людей, то хотя пріютъ и какія нибудь средства возстановить наши силы. О! какъ благодарилъ я Бога что, можно сказать, его рука сунула мнѣ за пазуху карту мою, журналъ и карманный компасъ. Лучи утренняго солнца озарили на краю горизонта какой то тусклый предметъ. Мы не могли различить, земля ли то была или пловучее судно? но этотъ темноватый пунктъ былъ путеводною нашею звѣздою: весель нѣтъ, ускорить наше плаваніе нечѣмъ: мы придумали помочь своему горю: бинжаломъ то-

варища моего и карманнымъ ножомъ моимъ привались было освобождать отъ нашей мачты одинъ расколотый въ падении рей; но трудъ этотъ былъ не по нашимъ силамъ и инструментамъ. Надо было ограничиться однимъ лисель-спиртомъ. Съ величайшими усилиями и не безъ опасности оборваться въ воду, удалось намъ очистить такой лисель-спиртъ съ гротъ марса - рея и послѣ невѣроятныхъ и непрерывныхъ трудовъ, при помощи ножа и *криса* (кинжала, неразлучнаго съ поясомъ каждаго Яванца), обточили мы изъ лисель-спирта родъ потеси вмѣсто весла. Но прежде чѣмъ приступили къ этой новой работѣ, надлежало отдохнуть; собравшись съ силами мы старались воспользоваться нашимъ новымъ орудіемъ; но вскорѣ потомъ, нестерпимый полуденный жаръ заставилъ насъ отложить гребло, пока не соберемъ съ духомъ. Нестерпимая жажда томила насъ, голодъ начиналъ также мучить; силы таяли на подъэкваторномъ солнцѣ. Морская вода такъ горька и солоня, опасность пить ее такъ пугала насъ, что мы могли только отъ времени до времени освѣжать ею лицо и запекшіяся уста. Отчаяніе, какъ тать, прокрадывалось въ наши души: спать мы не могли; боясь упасть въ море. Темноватое пятно вдали было единственнымъ маякомъ надежды, подкрѣплявшимъ насъ въ бѣдствіи. Помѣръ того какъ мы подавались впередъ, сама отдаленность видимо приближалась къ намъ. Отъ нетерпѣнія или страха, отъ изнеможенія или боли — не знаю я — но меня начинала бить лихорадка, я видѣлъ уже минуточку, въ которую линусь послѣднихъ силъ и упаду въ воду . . . голова какъ въ чаду; сонъ кло-

нилъ меня; я начиналъ бредить . . . Яванецъ, болѣе меня привычный къ знойному тропическому климату, посоветовалъ мнѣ привязать себя къ мачтѣ тою самою снастью, которая послужила къ извлеченію его изъ воды; я послушался его совѣта и осмѣлился задремать . . . тревожные сны заставляли меня вздрагивать каждую минуту . . . мнѣ снилась жена мол, братъ . . . тѣни усопшихъ друзей, летая вокругъ меня, манили въ свѣтло сиюю даль; я простиралъ къ нимъ объятія . . . но чей-то голосъ нашепталъ мнѣ: — *Еще не время!* и я . . . проснулся.

Укрѣпясь нѣсколько этимъ безпокойнымъ отдохновеніемъ, я открылъ глаза и посмотрѣлъ на моего израненаго товарища: онъ спалъ какъ убитый, привязанный къ марса-рею концомъ какой-то снасти. Одинокій въ мірѣ: у него — ни жены, ни брата: отецъ и мать давно умерли. Взятый въ плѣнъ Португальцами, онъ принялъ въ ру своихъ плѣнителей, не столько по убѣжденію, сколько по нуждѣ. Его освободили изъ неволи: онъ возвращался изъ Европы въ Якатру, городъ королевства тогоже имени, на о. Явѣ. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на мѣста, гдѣ протекло его дѣтство: на эту богатую, роскошную, неувядаемую природу; хотѣлось погрѣться на солнцѣ родины, поклониться могилѣ отцовъ и потомъ ѣхать куда глаза глядятъ: отечество его не существовало. Оно уступлено было Португалии сильнѣйшимъ изъ обладателей острова Явы — Султаномъ Матарамскимъ . . . . Товарищу моему было все равно, куда бы онъ ни отправился. Отечество его тамъ *гдѣ жить хорошо*. Представься случай и онъ сдѣлался бы морскимъ разбойникомъ не

хуже лучшаго пирата Малайскаго или Португальца XVI вѣка. Но случай не представлялся еще, и онъ былъ пока простымъ, порядочнымъ человѣкомъ . . . Нѣтъ! онъ былъ чѣмъ то болѣе: былъ человѣкомъ признательнымъ; онъ отдалъ бы двѣ жизни, еслибы ихъ имѣлъ, за спасеніе бѣдной жизни своего избавителя. И на что была ему спасенная жизнь? онъ самъ не зналъ хорошенько. Вѣрно Португальскіе патеры не успѣли еще объяснить ему этой завѣтной тайны, такъ ясно впрочемъ переданной намъ отъ Спасителя міра. . . — Спи спокойно! прошептала я, глядя на него. Спи спокойно, душа беззаботная! тебя никто, и ты ничего не ожидаешь! а я . . . . . Тутъ слезы отъ боли душевной, невольно брызнули изъ глазъ моихъ, и эта боль душевная была сильнѣе тѣлесной: всѣ надежды мои тонули въ пучинной степи широкаго океана! и вотъ вдругъ, летучая рыба, преслѣдуемая хищнымъ бонитомъ, выскочила изъ воды — и попала прямо въ клювъ другому разбойнику, кружившемуся надъ моремъ альбатросу!!!

Признаться-ли? . . . Въ это время голодъ и жажда заставили меня пожалѣть, за чѣмъ я не на мѣстѣ этого крылатаго хищника: о какъ бы тогда . . . . . тутъ голова моя опять закружилась . . . думать должно, что я громко забредилъ: мнѣ казалось, что я дѣйствительно превратился въ альбатроса и, ширясь по поднебесью, лечу на сѣверозападъ.

— Донъ Корнелій! закричалъ на изломанномъ Португальскомъ языкѣ мой простодушный Яванецъ, приползая ко мнѣ и схвативъ меня за руку: не мечитесь такъ сильно; вы оборветесь . . . я протеръ глаза и увидѣлъ себя на преж-

немъ мѣстѣ. Яванецъ протягивалъ ко мнѣ руку съ полусѣдленною рыбою, которую онъ поймалъ на лету: — Не хотите ли и вы отвѣдать? — Какъ звѣрь ринулся я на добычу свою, на сырую рыбу, и утоливъ кровью ея томившую меня жажду, почувствовалъ облегченіе: гортань моя нѣсколько освѣжилась—Такъ гибнетъ одинъ для спасенія другаго! подумалъ я, и молилъ милосерднаго Творца отпустить мнѣ немощь плоти человѣческой, заставившей меня какъ звѣря, упиться сырою кровью! Кто знаетъ? можетъ быть и мы съ товарищемъ попадемъ въ пасть какого нибудь морскаго чудовища!

Не знаю сколько времени продолжался бредъ мой и мертвецкій сонъ моего товарища, но когда душевные силы мои успокоились, когда мысли мои начали облекаться въ правильнѣйшія формы, когда туманность предметовъ стала проясняться въ глазахъ моихъ, я съ восторгомъ увидѣлъ, что мы не далеко отъ берега какой-то земли, осѣненной кокосовыми пальмами. Если бы не полное сознаніе случившагося въ сей роковой, ужасный, достопамятный день, я принялъ бы этотъ берегъ за поморье о. Суматры, первой земли Индійской, которую я увидѣлъ во время пожара на кораблѣ: такъ похожи были другъ на друга эти два поморья . . . . . Кто опишетъ радость нашу когда гротъ мачта толкнулась о кораловый рифъ и теченьемъ перекинулась вмѣстѣ съ нами за буруны? толчокъ былъ такъ силенъ, что мы едва не потонули у пристани. Но Предвѣчный кормчій управлялъ челномъ нашей жизни: насъ выкинуло на берегъ изувѣченныхъ, измученныхъ, избитыхъ — но живыхъ!

Хвала Всевышнему! мы спасены: чудовища морскія не съѣдятъ насъ, мы на берегу!»

Продолжать наши выписки изъ *неизданаго* дневника этихъ странствованій Корнелія Гаутмана, описывать его пребываніе на необитаемомъ острову Яванскаго моря, значило-бы повторять извѣстное читателямъ изъ позднѣйшихъ походовъ Робинсона Крузе, такъ удачно описанныхъ геніальнымъ Данииломъ де Фо. Скажу вкратцѣ, что по прошествіи нѣкотораго времени, рыбаки Яванскіе приняли спасенныхъ скитальцевъ на свою *проа* *) и отвезли ихъ въ Бантамъ къ начальнику Португальской факторіи: оттуда на галютѣ Нуэстра Сеньора дель Дестеро, отправились они въ Якатру, потомъ на Молуккскіе острова Тернатъ, Тидоръ и Мачіанъ, и наконецъ побывавъ въ Ачехъ прибыли въ Малакку. Узнавъ о близкихъ торговыхъ сношеніяхъ Корнелія Гаутмана съ домою Фаріевъ, славившихся тогда въ Португальской Индіи, начальникъ Бантамской факторіи доставилъ Корнелію всѣ средства доѣхать приличнымъ образомъ до Малакки. Сіи извилины въ пути нашего странствователя не были потеряны для его любознательности; онъ вездѣ собиралъ полезныя свѣдѣнія: записывалъ все, что видѣлъ, слышалъ, и общимъ выводомъ изъ соображеній его была неоспоримая истина, что Португальцы сдѣлались предметомъ ненависти туземцевъ, что героическія времена де Кастро для нихъ прошли, что правители и вицерыи ихъ отдаленныхъ заокеаническихъ колоній уже не отличались его аристидовскимъ безкорыстіемъ, что патриотиче-

*) Малайская однобокая лодка.

ское самоотверженіе первыхъ Лузитанцовъ Индіи осталось только въ преданіи, и храбрые защитники крѣпости Диу сдѣлались едва не баснословными героями ихъ народныхъ кантиленъ; что если неустрашимость знаменитыхъ предковъ перешла въ наслѣдіе потомкамъ, то цѣль смѣлыхъ подвиговъ ихъ совершенно измѣнилась. Со смертію послѣдняго Паладина ихъ — Короля Донъ Себастіана, умерло и самое слово *любовь къ отечеству*, перешедшему во власть Испанцевъ; каждый Португалецъ сталъ думать не о Государственной, — о своей личной пользѣ: правители колоній — подъ фирмою *друзей* своихъ и родственниковъ — начали сами вооружать разбойничьи суда, снабжали ихъ лиценціями на разграбленіе Индіи подъ видомъ проповѣди католицизма. Такая странная политика не могла не принести самыхъ губительныхъ плодовъ и возбудила противъ Португальскаго ига всѣхъ Раіи Индіи по ту сторону Гангеса. Если они хранили еще нѣкоторое приличіе въ присутствіи своихъ притѣснителей, то снимали съ себя этотъ невольный *desoium* — за первымъ мысомъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ мѣстопробыванія ненавистныхъ имъ пришлецовъ. Политика Португальскихъ владѣній была настоящею политикою Тиверіи и извѣстное изрѣченіе его: — *Oderint dum metuant* *) — могло служить ей девизомъ. Пагубное введеніе Испанской инквизиціи еще болѣе усилило народную ненависть. Неизбѣжная катастрофа — всеобщее возстаніе покоренныхъ народовъ Индіи — тлѣла подъ пепломъ и не доставало только удобнаго случая для всеобщаго взрыва! . . .

*) Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись.

Таковы были дѣла Португальцовъ въ Индіи, когда прибылъ туда нашъ Корнелій. Онъ ясно увидѣлъ, что первый народъ моряковъ, которому пришла-бы на умъ смѣлая мысль водрузить свой флагъ на Португало-Индійскихъ фортахъ, найдеть союзника въ каждомъ самостоятельномъ или покоренномъ племени, и Корнелій Гаутманъ, рѣшился усвоить это мѣсто отчизнѣ своей Голландіи; съ тѣхъ поръ великая мысль сія сдѣлалась предметомъ всѣхъ думъ его — идею всей его жизни . . . . Но онъ затаилъ ее въ сокровеннѣйшемъ тайникѣ души своей, берегъ ее какъ священный огонь древняго Рима. Въ первый разъ еще прибѣгнувъ онъ къ притворству; которое — по мнѣнію его *) — могла и должна была извинить одна высокая, патріотическая цѣль, къ которой стремились всѣ его побужденія. О себѣ и личныхъ выгодахъ онъ готовъ былъ позабыть, только бы удалось ему собрать что либо изъ долговъ своихъ, на деньги сіи возвратиться въ Европу, и тогда уже принести сокровищницу имъ накопленныхъ свѣдѣній на алтарь любви своей къ родинѣ — можетъ быть и любви своей къ славѣ.

Сильное противодѣйствіе симъ высокимъ намѣреніямъ ожидало его въ Малаккѣ.

Онъ не нашелъ тамъ должника своего Донъ Антонию. Но братъ его Донъ Педро Фаріеръ де Суза, бывший тогда Португальскимъ правителемъ въ Малаккѣ, зная

*) Таковы слова изустнаго преданія по-полняющаго недомолвки Исторіи. Мы думаемъ иначе: *Никакая цѣль не оправдываетъ предосудительныхъ средствъ Макдэвеловой политики.*

связи торговаго дома Гаутманова съ Португаліею и частныя дѣла его съ Д. Антоніемъ, предложилъ ему мѣсто въ собственномъ своемъ домѣ. Дѣятельность Гаутмана не позволяла ему проводить время въ праздности: подъ руководствомъ друга своего Луанъ-Бали, Яванца послѣдовавшаго за нимъ въ Малакку, онъ употребилъ досуги свои на изученіе Малайскаго языка, который въ этой части Индіи, точно тоже, что lingua franca въ Левантѣ. Нѣсколько лѣтъ проведенныхъ Гаутманомъ въ ожиданіи заимодавца, употребилъ онъ на разныя поѣздки по торговымъ дѣламъ самого Д. Педро: нѣсколько разъ ѣздилъ въ Ачехъ, Падангъ; въ Макаassarъ, Тернатъ, Тидоръ и Амбоину и на другія Молуккскіе острова: однимъ словомъ вызналъ Индію Португальскую какъ свои пять пальцевъ. Во все это время корреспондентъ его Д. Антонию де Фарверъ считался въ официальныхъ походахъ противъ извѣстныхъ тогда морскихъ разбойниковъ Гинимило и Коя Ацена; но въ тоже время имѣлъ и другое, тайное назначеніе: уничтоживъ двухъ Индійскихъ пиратовъ, онъ самъ занялъ ихъ мѣсто и началъ, подъ именемъ ихъ, производить ужаснѣйшіе грабежи по всему пространству Малавиіи. Никто однако не воображалъ, что этотъ удалецъ, котораго ожидали съ часу на часъ въ Малаккѣ, рѣшится — какъ онъ то сдѣлалъ потомъ — распространить пиратство свое до самыхъ береговъ Китая; такъ однажды случилось: смѣльчакъ Д. Антонию замыслилъ — ни болѣе, ни менѣе — разграбить Государственные рудники, слывшіе тогда богатѣйшими въ цѣломъ Китаѣ. Другъ сего Португальскаго Флибустьера, Китаецъ Симило, такими же

средствами награвившій себѣ огромныя богатства и жившій тогда въ Лямпѣ *) обѣщаль быть производителемъ Д. Антонія.

Предпріятіе его, однакожь, не удалось. Симило бѣжалъ отъ него, но Португальцы успѣли разграбить одну богатую обитель Китайскихъ Бонзовъ, гдѣ они приобрѣли несмѣтныя сокровища. Едва не баснословныя подробности объ этомъ походѣ описаны довольно живо спутникомъ Д. Антонія Португальскимъ скитальцомъ Мендесомъ дѣ Пинто. Нашествіе Манджуровъ на Китай и разстройство тамошнихъ дѣлъ много способствовали къ успѣху сего дерзкаго предпріятія, о которомъ молва дошла изъ Лямпо въ Малакку . . . . Все подавало надежду, что Донъ Антонио скоро воротится съ такою добычею, которая превзойдетъ всѣ ожиданія его кліентовъ . . . . Но вскорѣ узнали, что вся эскадра Д. Антонио погибла при выходѣ изъ рѣки Янтсе-Кіангъ: отъ всей экспедиціи осталось въ живыхъ только четырнадцать спутниковъ Д.

*) *Лямпо* или *Кингъ-Пофу*, превосходная Китайская гавань провинціи Че-Кіангъ, находящаяся на 10 миль отъ о. Хоу или Чу-сань, служила тогда пріютомъ для торговли Португальцовъ, тамъ находилась ихъ главная факторія, переведенная послѣ въ Макао.

Антонія, попавшихся въ плѣнь къ Китайцамъ и захваченныхъ послѣ Манджурами.

Это извѣстіе, подтвержденное годъ спустя возвратившимся изъ плѣна Татарскаго Мигелемъ Мартинецомъ, было громовымъ ударомъ для капиталистовъ, тайныхъ арматоровъ экспедиціи, и совершенно уничтожило надежды Корнелія Гаутмана. Одинъ Д. Педро Фарьеръ могъ открыто требовать своихъ фондовъ, какъ главный агентъ правительства, какъ офиціецъ собственности Португальцовъ, судья ихъ распръ и офиціальныи кліентъ покойника. Онъ конфисковалъ все оставшееся послѣ него имущество, и когда Корнелій Гаутманъ, предъявивъ свои долговья обязательства, вздумалъ было по нимъ требовать удовлетворенія, то алчный Д. Педро, совершенно снявъ маску и пользуясь своею властью, засадилъ Корнелія въ тюрьму, и оковалъ желѣзами: потомъ переслалъ его въ Гою, какъ опаснаго соглядатая Голландцевъ. Несчастныи Гаутманъ переходилъ изъ заточенія въ заточеніе и наконецъ, послѣ долгаго томленія въ оковахъ, отправленъ былъ въ Лиссабонъ. Варваръ Д. Педро разлучилъ его даже съ вѣрнымъ Яванцемъ, который сопровождалъ его въ Малакку.

Х.

НЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ.

Тюремное заточеніе въ среднихъ вѣкахъ было настоящею пыткой. Ужась беретъ когда читаешь въ современныхъ лѣтописцахъ, описаніе тогдашнихъ темницъ. Всѣ роды лишеній, всѣ роды истязаній, какъ предварительная казнь, разражались надъ несчастной жертвой, осужденной томиться въ темницѣ. Тогдашняя Лисабонская тюрьма отличалась особенно въ этомъ родѣ. Сырая и мрачная какъ могила, она едва освѣщена была на трехъ саженьяхъ вышины узенькимъ пролетнымъ окномъ, сквозь которое проникали одни лучи заходящаго солнца, какъ лучи послѣдней надежды на лучшую жизнь, оживляющей страдальца на смертномъ одрѣ. Четыре столба изъ грубо отесаннаго камня поддерживали островерхій сводъ, который уножаль еще болѣе унылость сей обители слезъ и напрасныхъ воплей. Къ одному изъ столбовъ прикованъ былъ бѣдный труженикъ

жизни, уже нѣсколько лѣтъ томившійся въ семь ужасномъ заключеніи.

Всклоченная борода его отросла до пояса; грязное рубище замякло ему одежду, камень служилъ изголовьемъ, пласть истлѣвшей соломы постелью; огромный кувшинъ воды, иногда не перемѣняемой по цѣлымъ суткамъ, стоялъ передъ нимъ для утоленія его жажды; единственною пищею его была корка черстваго хлѣба, которую раздѣлялъ онъ съ другомъ своимъ, мышенкомъ, единственнымъ живымъ собесѣдникомъ его протяжнаго плѣна!

И этотъ заживо погребенный человекъ, не полагавшій въ началѣ своего заточенія пережить и мѣсяца въ этой могилѣ, истомленный голодомъ, изможденный оковами, удрученный годами страданій и отчужденія, безъ надежды на помощь человѣческую, на состраданіе людей, былъ живъ еще, вкушалъ мирный

сонъ, не терялъ надежды на Бога. Нѣкогда счастливый выше ожиданий своихъ, смѣлый, самонадѣянный, вызывавшій судьбу на единоборство, — теперь брошенный въ пропасть изрыгую у подошвы девятаго вала бѣдствій, усмиренный превратностями, умилненный вѣрою въ Провидѣніе, въ правосудіе котораго онъ уже болѣе не сомнѣвался, несчастный узникъ несъ крестъ свой по заповѣди Спасителя, во всемъ смыслѣ этого слова — о диво! не тяготился крестомъ своимъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ лучъ благодати Господней растопилъ гордость его, усмирилъ гнѣвъ его на гонителей, озарилъ ему все ничтожество человѣка, — страдалецъ очистился отъ многихъ слабостей человѣчества; самъ Богъ міра и щедротъ помогаль ему нести крестъ страданій.

Узникъ началъ свыкаться съ своимъ заключеніемъ, какъ Божій съ своей темницею: онъ увѣрился наконецъ, что счастье и несчастье — относительны въ здѣшнемъ мірѣ, качаются какъ волна морская то внизъ то вверхъ. Можетъ быть утѣшала его и та мысль, что онъ не очернилъ еще жизни своей ни однимъ изъ преступленій, которыхъ воспоминаніе такъ тягостно для человѣка. О! какъ сладко для горестнаго не стыдиться своихъ воспоминаній! Для узника нашего они были неистощимымъ источникомъ наслажденій, новою жизнью. . . . Сонъ его убаюкивался мечтами, но уже менѣе своекорыстными чѣмъ прежде: суетная жажда славы и почестей не возмущала его ночей. . . . Иногда, воображеніе его рисовало ему, жену, ближнихъ, отечество со всѣми приманками жизни семейной, общественной; но тайный голосъ вѣры шепталъ ему: *«Не время еще!»* и желанія его умол-

кали; — христіански взывалъ онъ тогда къ Творцу своему: «Господи! Господи! яко злато въ горнильъ искусиль еси мя, яко всеплодіе жертвенное приими мя!» И ему дѣлалось легче; иногда, въ такой веселый часъ, начиналъ онъ насвистывать свою любимую пѣсню, балладу родины, которой волшебные звуки улаждали его въ счастливые годы юности. На знакомые звуки сии выбѣгалъ изъ щелки другъ его мышонокъ, такъ удачно имъ прикормленный, что зналъ призывъ своего питателя. Онъ забавлялъ его своею живостью, съ которою подбиралъ крохи его скудной трапезы: узникъ по-братски дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ своей скорби, воду слезъ своихъ. И узникъ нашъ бывалъ веселъ какъ царекъ, окруженный дворомъ; можетъ быть веселѣе многихъ царей въ порфирѣ. . .

Такъ текли дни, мѣсяцы, годы заключенія, которымъ усталый труженикъ потерялъ наконецъ и счетъ. Онъ былъ увѣренъ, что во все время владычества Испаніи въ Лиссабонѣ, ему — какъ Голландцу — нѣтъ инаго выхода изъ тюрьмы, какъ на костеръ инквизиціи. . . . Онъ не разъ уже пылалъ въ Лиссабонѣ: вопли еретиковъ, предаваемыхъ всеозженію, не разъ оглашали темницу нашего узника, находившуюся по близости лобнаго мѣста. Но благодаря Провидѣнію, объ узникѣ нашемъ забыли во время великихъ переворотовъ послѣдовавшихъ въ Португаліи, въ которой уже царствовалъ не Филиппъ II, а Герцогъ Браганцкій съ титуломъ Короля.

И вотъ — однажды, когда онъ игралъ съ мышонкомъ своимъ, ласкалъ своего маленькаго друга, утѣшался его прыжками, цѣловалъ его, выпускалъ, снова приманивалъ, и опять выпускалъ изъ рукъ, — за-

гудѣли затворы его тюрьмы, закричали двери на ржавыхъ петляхъ и откуда ни возмись — хищная кошка; какъ лютый тигръ ринулась она на невинную добычу свою и единственный другъ нашего узника былъ растерзанъ въ его глазахъ; и онъ не могъ подать ему никакой помощи: желѣзная цѣпь крѣпко держала его прикованнаго къ стѣнѣ. Ужасное испытаніе; Корнелій зарыдалъ какъ дитя, катадся по полу, рвалъ свои цѣпи и въ первый разъ возропталъ на свое несчастіе.

Но благое Провидѣніе, сжалясь надъ муками страдальца, и соразмѣряя испытанія человѣчества съ слабостію его природы, послало ему неожиданнаго утѣшителя. Въ тюрьму къ Корнелію вошелъ незнакомецъ, цѣною золота купившій у тюремщика блюдо кушанья, бутылку вина и скудную лампу едва освѣтившую мракъ темницы. Двери снова захлопнулись и посетитель несчастнаго ужаснулся, увидѣвъ своего друга въ настоющемъ его положеніи. Слезы состраданія брызнули изъ очей пришельца.

— Ты ли это, Корнелій мой! простоналъ онъ. Ты ли это, герой Лейдена, — радость друзей твоихъ, чье семейное счастье праздновалъ цѣлый городъ! Громкія рыданія заглушили сіи слова.

Дико озираясь на пришельца, отчаянный узникъ бросилъ на него взоръ недоумѣнія и досады: всѣ мысли его сосредоточены были въ одной: въ потерѣ послѣдняго своего друга; онъ полагалъ, что всѣ люди, всѣ ближніе и отечество давно о немъ позабыли: онъ почиталъ себя совершенно одинокииъ въ цѣломъ мірѣ взаимной любви. Память его, ослабленная многолѣтними страданіями измѣнила ему: онъ не узнавалъ своего гостя!

— Кто ты? спросилъ онъ недоумчиво.

Но гость узника уже лежалъ на его груди: то былъ братъ его, вѣрный другъ отыскавшій свое потерянное сокровище.

Не смѣю описывать этой сцены свиданія: она выше всякихъ описаній. Радость и восторгъ подобной минуты легко чувствовать, но невозможно рассказывать.

Торопливо бросилъ добрый Фредерикъ отмыкать замокъ цѣпи, которою бѣдный страдалецъ прикованъ былъ къ стѣнѣ. Корнелій, послушный какъ дитя, давалъ дѣлать съ собою, что угодно было избавителю. Многолѣтняя цѣпь его, зазвенѣвъ, упала на землю: Корнелій былъ въ объятіяхъ своего друга; при свѣтѣ лампы, оба всматривались въ черты другъ друга; оба едва вѣрили возможности свиданія въ этой жизни, и въ другомъ концѣ темницы, усѣвшись на холодную землю, раздѣлили скудный, но питательный обѣдъ: въ этотъ день самъ Фредерикъ не хотѣлъ дотронуться ни до какой пищи, пока не увидится съ драгоценнымъ ему узникомъ, ни одна капля не была во рту его, пока не снялъ онъ оковъ бременившихъ его Корнелія. И вотъ они оба — веселѣе чѣмъ на званомъ Лукуловскомъ пиру, вкушаютъ первый хлѣбъ радости и вино веселія. Говорятъ и ненаговорятся о ближнихъ. Когда силы Корнелія, ослабленные долголѣтнею истомою, начали возвращаться, онъ рассказалъ брату свое житье-бытье въ темницѣ и пролилъ не одну слезу о погибшемъ товарищѣ своего заточенія, о вѣрной мышкѣ, замѣнявшей ему все драгоценное въ мірѣ.

— Съ этихъ поръ, мой Корнелій, сказалъ ему Фредерикъ, участь твоя облегчится. Съ дозволенія

начальства ты будешь переведенъ въ заточеніе менѣе ужасное, — будешь помѣщенъ въ покойную комнату тюремнаго замка.

— А Минна моя? а отечество?

— И ихъ, можетъ быть ты скоро увидишь. Корабль мой, послѣ завтра, если вѣтеръ будетъ благоприятенъ, отправляется въ Голландію съ грузомъ. Какъ ни великъ окупъ за тебя требуемый, но я надѣюсь собрать его: ни одинъ сынъ отечества нашего не откажется участвовать въ освобожденіи благороднѣйшаго изъ Голландцевъ. Все состояніе мое уже обезпечиваетъ задатокъ твоего выкупа, остальное пополнить любовь друзей твоихъ, благодарность отечества.

— Братъ мой! другъ мой! сказалъ Корнелій: чѣмъ я заслужилъ такое самоотверженіе?

— А развѣ ты не былъ путешелемъ моей юности, не вложилъ души твоей въ тѣло своего питомца?

Того же дня переведенъ былъ Корнелій въ новую квартиру, и еслибы не затворы желѣзные, не отвратительное лицо тюремщика, не запрещеніе выходить, онъ могъ бы почестъ себя въ гостяхъ у приятеля. Здоровье и силы его, прилучшемъ челоѵколюбивѣйшемъ обращеніи съ нимъ, примѣтно возвращались къ нему. Одѣтый заботливымъ другомъ своимъ въ приличное платье, обезпеченный въ содержаніи, согрѣваемый надеждою увидѣть свою Минну, свое отечество, онъ снова могъ предаться любимымъ мечтамъ своимъ о дальней Индіи, мечтамъ не оставлявшимъ его и въ темницѣ: но мечты сіи были чище прежнихъ: ими руководило благо общее и патріотизмъ. Многое передалъ онъ своему брату и другу, существу —

почти столько же жилому какъ его Минна, какъ завѣтная страна его думъ, драгоценная Голландія. Кто бы могъ подумать однакоже, что и въ этомъ перекачѣ волны, въ этомъ переходѣ отъ лишеній къ довольству, отъ отчаянія къ надеждамъ, онъ не разъ вспоминалъ свою мрачную темницу, жалѣлъ о часахъ проведенныхъ съ погибшимъ другомъ своимъ, съ любезнымъ ему мѣшонкомъ! признательность сія — добродѣтель не многихъ — была всегда любимымъ чувствомъ добраго Гаутмана.

Но оставимъ его на нѣкоторое время и посмотримъ, что дѣлалось тогда въ Голландіи.

Въ Голландіи считали Корнелія Гаутмана погибшимъ. Жена его одѣлась въ трауръ и уже болѣе не снимала его. Небольшою суммою денегъ присланною ей изъ Лиссабона, и еще меньшею пенсіею, которую производилъ ей Аллодіальный наслѣдникъ отца ея, новый владѣлецъ Нортвейкскаго помѣстья, занимала она самую скромную квартиру въ Вестфризскомъ городѣ Энгѣйзенѣ, котораго жители, почти все купцы или мореходы, занимались сельдяною ловлею и торгомъ со Скандинавіею, Московіею и Португаліею: ибо послѣ возвращенія сей Державы подъ власть Браганцскаго дома (1588), торговля съ ея союзными штатами Батавскихъ Низовьевъ возобновилась.

Цѣль поселенія Минны Гаутманъ въ семъ небольшомъ городѣ, объяснялась возможностью получить скорѣйшія и ближайшія извѣстія отъ своего мужа. Но проходили мѣсяцы, годы, а о другѣ души ея и слуху небыло. Братъ его Фредерикъ Гаутманъ успѣлъ уже приобрести себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ отличный морякъ: на-

чавъ практику свою въ навигаціи со штурманскаго ученика, онъ достигъ скоро до званія штурмана, сопутствовалъ извѣстному Олифиру Брюнеалу или Беннелю, во время открытія имъ плаванія по Россійской Сѣверной рѣкѣ Печогъ (*) ходилъ не разъ въ Шпицбергень, къ Оркадскимъ островамъ на рыболовныхъ судахъ и не разъ бывалъ въ Лисабонѣ. Фредерикъ Гаутманъ былъ единственнымъ другомъ и покровителемъ своей невѣстки. Но отсутствія его были часты, продолжительны. Дѣятельность Корнелія развивалась уже и въ младшемъ его братѣ.....

Однажды, въ ожиданіи прибытія Фредерика на корабляхъ Энкгейзенскихъ изъ Португаліи, Минна отправилась на любимое гульбище свое — *обводную плотину* Вестфризи (*de Ring-Dijck*); вѣщее сердце влекло ее на берегъ того моря, котораго волны унесли съ собою всѣ радости ея жизни. За огромной отмѣлю Энкгейзеръ-зандъ видѣлся вдали о. Эркъ (*Urk*), какъ высокій маякъ безпрестанно обуреваемый волнами, — настоящее подобіе жизни ея; но этотъ островъ противустоявшій столько времени свирѣпому натиску моря, укрѣплялъ и ея духъ, въ борьбѣ съ враждебною ей судьбою. Минна не могла ни какъ разстаться съ мыслію, что Корнелій ея живъ, что она увидитъ его, заслушается его любопытныхъ, трогательныхъ рассказовъ . . . . Съ этою надеждою въ душѣ, отвергла она нѣсколько выгодныхъ партій, нѣсколько именитыхъ, богатыхъ жениховъ, которые пѣлись красотою Минны, брались выходить для нея у Синода Дордрехтскаго разрѣшеніе на но-

вый бракъ; ибо законные годы отлучки супруга ея давно миновали . . . . .

Молча сидѣла она одна съ своими думами на высокомъ гребнѣ плотины, прислушиваясь къ говору прилива: бурно хваталъ онъ о вѣковую одежду Рингъ-Дейка, — какъ вдругъ — нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ раздались въ устьѣ Зейдеръ-Зе между мѣлями Виригенской и Крепель-Зандской. Сердце Минны забилось сильнѣе прежняго; ей казалось что выстрѣлы происходили съ флота ожидаемаго изъ Португаліи, — Португаліи, страны далекой по разстоянію, но близкой къ мѣсту жительства Минны по сердцу: всѣ мысли ея, всѣ надежды были тамъ, всѣ ея радости могли придти къ ней только оттуда.

Все народонаселеніе города Энкгейзена, заслышавъ условные выстрѣлы, выбѣжало на плотину. Женны, дѣти, братья, друзья, арматоры ожидаемыхъ кораблей сбѣгались толпами встрѣчать мореходовъ на дигъ; вся она была унижена народомъ; общая радость оглашала веселымъ гуломъ своимъ Зейдерзейское поморье. Одна Минна чужда была всеобщаго восторга: для нея прибытіе кораблей было не болѣе, какъ великолѣпная картина въ родѣ тѣхъ живописныхъ *маринъ* (*marines*), которыми прославились въ послѣдствіи Рейсдали. Вернетты и Клодъ-Лоррени. Минна не смѣла радоваться, не ожидая ничего отъ судьбы; но не могла и оторваться отъ береговъ моря; каждый валъ на пѣнистомъ хребтѣ своемъ могъ принести ей надежду, если не увѣренность въ жизни Корнелія, и каждый валъ, какъ бы сговорясь съ судьбой бѣдной Минны, откатывалъ далѣе и далѣе надежды ея въ глубь моря.

(*) См. Scheltema, Russland en de Nederlanden. T. I.

Величественно, какъ триумфаторъ древности, тянулся многочисленный флотъ, возвращавшійся изъ Лисабона; но и для горестной Минны было на этомъ флотѣ одно лицо, привязывавшее ее къ жизни: на немъ находился братъ Корнелія, Фредерикъ. По мѣрѣ прибытія своего на рейдъ, при новомъ пушечномъ громѣ, при звукѣ трубъ и гобоевъ, при кликахъ всеобщей радости, корабли становились на якорь, и вотъ—съ одного изъ нихъ легко и весело спускается прекрасный блондинъ юноша съ полными, розовыми щеками, съ веселымъ лицомъ, съ молодецкою поступью: красавецъ этотъ—похожъ на Корнелія, но нѣсколько моложе; Минна узнала его; и при самомъ выходѣ на берегъ была уже въ объятіяхъ Фредерика Гаутмана, меньшаго брата Корнелія.

— А Корнелій! спросила она.

— Онъ живъ.

Живъ! . . . и съ этимъ словомъ радость едва не умертвила восторженную Минну.

Тронутые зрѣлищемъ этой радости, друзья и сосѣди Минны помогли Фредерику снести ее въ ближній домъ Энгейзенскаго синдика фанъ Нека, котораго братъ Корнелизонъ фанъ Некъ, въ званіи адмирала, долженствовалъ прославить нѣкогда имя Голландское въ Индіи.

Множество любопытныхъ собралось въ бесѣдную комнату фанъ Некова дома. Когда Минна приведена была въ чувство, Фредерикъ Гаутманъ объявилъ, что онъ открылъ мѣсто заключенія несчастнаго своего брата; что онъ едва живой находился въ Лисабонской

тюрьмѣ, что у него похищены были всѣ его бумаги, которыя онъ какъ великодушный сынъ отечества намѣренъ былъ отправить въ Голландію. Но не смотря на то, онъ приобрѣлъ драгоценнѣйшія свѣдѣнія, и могъ ими на вѣки обогатить свое отечество; доставить ему такія преимущества, какихъ никто и не воображаетъ; что Португальское правительство, вѣроятно подозрѣвая такія намѣренія, обложило свободу Корнелія неоплатнымъ окупомъ, — но что Корнелій отдаетъ единоплеменцамъ своимъ въ залогъ успѣха свою голову, если только торговые города Голландіи рѣшатся выкупить его изъ плѣна.

Вѣсть сія какъ побѣдный гулъ разнеслась по цѣлой Голландіи. Имъ Корнелія Гаутмана, сливавшееся съ именами фанъ деръ Дузовъ и фанъ деръ Верфовъ, уже было само по себѣ достаточнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ, и по всей Голландіи и Вестфризій открыты немедленные подписки.

Въ теченіе мѣсяца, выкупная сумма была собрана, и Фредерику Гаутману, брату знаменитаго узника, поручено отвезти ее въ Лисабонъ. Черезъ мѣсяць потомъ, Корнелій Гаутманъ возвращенъ былъ родинѣ и своему семейству: но первый вопль радости при свиданіи съ нимъ былъ послѣднимъ воплемъ въ жизни вѣрной его Минны. Она не пережила своего счастья и умерла въ объятіяхъ своего мужа, физически истощенная долгимъ горемъ и тщетнымъ ожиданіемъ. Такова была кончина супруги Корнелія, — его милой Ундины!

ПОСЛѢДНЕЕ ИМЯ ТАИСТВЕННАГО ПРИЗРАКА.

Оселокъ великихъ людей—несчастья! Корнелій выдержалъ и эту пробу. Сердце его закалилось въ непрерывномъ ряду испытаній. Всѣмъ существомъ преданный волѣ Промысла, онъ не ропталъ, но скорбѣлъ, глубоко скорбѣлъ, какъ человѣкъ лишившійся существа, которымъ цвѣла и украшалась его жизнь въ самыхъ даже страданіяхъ. Мало по малу и эти раны стали заживать.

Корнелій переродился; ни одной земной мысли, кромѣ блага отечества, ни одного земнаго чувства, кромѣ любви къ отечеству не осталось въ душѣ Корнелія. Съ нѣмой грустью, предалъ онъ землѣ драгоценный прахъ своей Минны, и какъ бы боясь опоздать къ своей цѣли, ускорялъ оснастку *первыхъ* Голландскихъ судовъ, назначенныхъ въ

Индію. По его предположенію, всѣ купеческія сословія городовъ Энгейзена, Гоорна, Амстердама, а въ особенности сего послѣдняго, какъ обширнѣйшаго изъ торговыхъ портовъ Голландіи, положили основаніе тому знаменитому обществу, которое сперва, подъ именемъ *Компаниі Отдаленныхъ Странъ*, а потомъ подъ гораздо положительнѣйшимъ названіемъ: *Голландской Остъ-Индской Компаниі*, сдѣлалось державою въ державѣ; отняло Восточную Индію у Португальцовъ и славно отмстило Лисабону и Гоѣ, столицѣ Португальской Индіи, за жестокія узмы Гаутмана и его тяжкое долговременное заточеніе.

Не духъ мщенія руководилъ однакожь великодушнымъ основателемъ колоссальной власти Голландцевъ въ Индіи, а благородное

желаніе упрочить лучшимъ образомъ судьбу Индѣйцовъ, страдавшихъ подъ игомъ Португаліи: имъ руководило желаніе возбудить мало малу благородное соперничество Европейской дѣятельности, и какой сынъ отечества не пора дѣль бы своей родинѣ? Корнелію Гаутману хотѣлось укрѣпить и усвоить соотечественникамъ своимъ сбытъ Голландскихъ товаровъ въ Индію и оборотные выгоды Индѣйской торговли. Если цѣль сія измѣнилась въ послѣдствіи, если колоссальное могущество Голландско-Ост-Индской компаніи, заступивъ мѣсто изгнанныхъ Португальцовъ, видало въ ихъ политическія и нравственныя погрѣшности, допустило въ совѣты свои эгоизмъ; если корыстолюбіе заразило ея мѣстныхъ правителей, то все сіе было зло неразлучное съ каждымъ человѣческимъ учрежденіемъ. Наконецъ 2 Апрѣля 1595 года отплыли съ Тенсельскаго рейда, первые четыре корабля, первые четыре *индохода* (Indienloopers), на которыхъ самъ Корнелій Гаутманъ находился въ званіи *Суперкарга* новоустроенной имъ Компаніи.

На пути своемъ въ Индію эскадра Гаутманова заходила на мысъ Тормендозо, прозванный потомъ мысомъ Доброй Надежды, заходила дважды въ Мадагаскаръ, тщателью осмотрѣла гавани сего острова; наконецъ 1-го іюня 1596 года увидѣлъ Корнелій Гаутманъ роковыя для него берега О. Суматры; потомъ пройдя сквозь Сондскій проливъ, эскадра бросила якорь передъ столицею царства Бантамскаго, занимающаго всю западную часть О. Явы. Султанъ Бантамскій принималъ было ихъ довольно радушно, но въ слѣдъ за тѣмъ, по тайнымъ проискамъ Португалъ-

цевъ, захватилъ Корнелія въ плѣнъ, и не иначе выпустилъ, какъ выискавъ за освобожденіе его значительный окупъ. Послѣ сего Португальцы Бантамскіе возбудили новыя неудовольствія между туземцами и Голландцами, такъ что дѣло дошло до оружія: торговыя сношенія прекратились и Корнелій съ эскадрою своей долженъ былъ 6 декабря того жъ года, оставить Бантамъ и отплыть въ Якатру. Осмотрѣвъ берега сего небольшого владѣнія и создавъ уже въ умѣ своемъ планъ города Батавіи, будущей столицы Голландской Индіи, Корнелій Гаутманъ по тѣмъ же проискамъ Португальцевъ принужденъ былъ оставить О. Яву, и отправиться сперва въ Ламбокъ, потомъ въ Баали, которыхъ островитяне оказали имъ гораздо болѣе гостепріимства, чѣмъ коварные Бантамцы. Потери въ людяхъ, которыхъ Гаутманъ лишился въ Бантамѣ и на пути, отъ меча Яванцевъ и туземныхъ болѣзней, заставили его счесть одно изъ судовъ своихъ. Намѣреніе Гаутмана было продолжать открытія свои до Молукскихъ острововъ, но экипажъ его возмутился. Изъ числа 249 человѣкъ, отплывшихъ съ нимъ изъ Голландіи на четырехъ корабляхъ, осталось въ живыхъ только 89; обстоятельства сіи заставили его пуститься въ обратный путь и 26 февраля 1597 года отправились они въ Европу, а въ 14 день августа того же года прибыли въ Амстердамъ. Не смотря на несовершенный успѣхъ сей первой попытки, всѣ предположенія Корнелія Гаутмана подтверждены были возможностью исполненія: при значительнѣйшихъ матеріальныхъ способахъ новой экспедиціи, они могли имѣть несомнѣнный успѣхъ. Корнелій

привезъ съ собою образки всѣхъ Индійскихъ товаровъ, нѣскольکو негровъ, Китайцовъ, Малабарцовъ, одного Япоца и извѣстнаго Гузуратскаго кормчаго, именемъ Абдула, совершенно знавшаго всѣ Индѣйскія моря. Послѣ чего прозекъ Корнелія завести торговыя конторы въ Индіи, признанъ основательнымъ, выгоднымъ и удобоисполнимымъ. По примѣру перваго *Общества Отдаленныхъ Странъ*, новыя компаніи учреждены были въ разныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, но всѣ они, по совѣту Гаутмана, соединены потомъ въ одно общее политическое тѣло подъ именемъ *Оств-Индской Компаніи*, нераздѣльно обладавшей востокомъ Индіи до исхода XVIII вѣка. Но первой попыткѣ сей было мало для дѣятельности Гаутмана: влекомый таинственною судьбою своею, онъ вызвался на новые подвиги: Зееландское отдѣленіе компаніи снарядило въ 1598 году новую экспедицію изъ двухъ кораблей, и поручило ее командованію неустрашимаго и опытнаго Корнелія Гаутмана, штурманомъ его на этотъ разъ былъ славный англійскій мореходъ Джонъ Девись, (John Davis), чье имя украшаетъ почти всѣ гидрографическія карты: онъ былъ ученикомъ знаменитаго Колумба Голландіи, проложившаго единоеземцамъ своимъ путь къ обогащенію себя и къ владычеству надъ морями. Первая часть сего втораго путешествія Гаутмана совершена благополучно. Эскадра его заходила по прежнему въ Мадагаскаръ, приставала къ островамъ Коморрскимъ и Мальдивскимъ, посѣтила Кочинъ на Малабарскомъ берегу и наконецъ 21 іюля стала на якорь въ Ачешскомъ рейдѣ, передъ сѣвернымъ берегомъ о. Суматры Аль-Радинъ, султанъ Ачешскій,

дружелюбно принявъ Голландцевъ, заключилъ съ нимъ первый временный договоръ, дозволивъ имъ нагрузить суда свои перцемъ и вдругъ, посреди торжественнаго пира, даннаго начальнику экспедиціи Корнелію Гаутману, захватилъ его въ плѣнъ съ нѣсколькими сотоварищами. Многіе Голландцы заплатили при этомъ жизнию за несбыточное желаніе выручить начальника своего вооруженною рукою.

До 1600 года, считали Гаутмана убитымъ: въ этой печальной увѣренности, корабли его отправились въ Малакку, потомъ заходили въ Цейланъ и 29 іюля 1600 года благополучно прибыли въ Миддельбѣрхскую гавань.

Но Корнелій Гаутманъ и въ самомъ плѣну у Ачешцовъ жилъ для славы своего отечества. Онъ старался передать брату своему Фредерику, вмѣстѣ съ нимъ захваченному, всѣ предположенія свои на счетъ колонизаціи той части Индіи въ которой они находились; занимался съ нимъ астрономіею и открылъ до 300 новыхъ звѣздъ, раздѣленныхъ на 13 созвѣздіи и помѣщенныхъ потомъ на небесномъ глобусѣ извѣстнаго фанъ Блаува (van Blaauw). Шкиперъ Павелъ фанъ Каарденъ, заходившій въ Ачешъ 31 декабря 1600 года, видѣлъ тамъ Корнелія Гаутмана, и приглашалъ его увезти съ собою, но онъ, потерявшій въ Голландіи все драгоценное его сердцу, сказалъ фанъ Каардену: «Я могу и здѣсь быть полезнымъ отечеству, въ благъ котораго я привыкъ заключать мое собственное. Не смотря на козни Португальцевъ, я успѣлъ возстановить въ Ачешѣ доброе мнѣніе о моихъ единоеземцахъ. Сверхъ того, бывъ отпущенъ къ тебѣ на честное слово, и измѣня

ему, я могу подвергнуть опасности жизнь товарищей моего плена. Отвези Голландіи мой прощальный привѣтъ и мою пламенную молитву о ея благоденствіи. Если султанъ Аль-Радинъ сдержитъ свое обѣщаніе и освободитъ меня съ товарищами, то надѣюсь нѣкогда принести странническій посохъ мой на алтарь отечества, и въ возмездіе за любовь мою къ нему, испросить у Голландіи сажень родимой земли для моей могилы. Какъ милостыни попрошу я тогда у единоплеменцевъ, чтобы они сложили изнуренные кости скитальца Гаутмана близъ милаго ему праха, близъ незабвенной Минны, первой любви моей юности!

Это были послѣднія слова слышанныя фанъ Каарденомъ изъ устъ благороднаго странника. Аль Радинъ султанъ Ачемскій, заточившій потомъ Корнелія во внутреннія области своихъ владѣній, по новымъ прояскамъ Португальцевъ, не переставалъ однакоже уважать его, и по усиленнымъ просьбамъ К. Гаутмана, уже бывшаго на одрѣ смерти, возвратилъ свободу его десяти товарищамъ.

Вотъ, какъ братъ его Фредерикъ Гаутманъ въ одномъ *ненапечатанномъ* письмѣ къ другу Корнелію, Питеру фанъ деръ Верфу въ Лейденѣ, описываетъ трогательную кончину нашего героя.

«Около вечера получили мы въ скромной хижинѣ нашей повелѣніе Сабандара Ачемскаго, возвратившее намъ свободу. Но свобода эта была только для насъ однихъ драгоценнымъ даромъ, а не для благодѣтеля и друга нашего Корнелія. Великая душа его была внѣ оковъ его брэннаго тѣла. Благо отечества и вѣра въ Провидѣніе были единственною цѣлью всѣхъ его дѣйствій. Давно душа сія порывалась

сбросить съ себя одежду персти, которая бременила ее: но часъ освобожденія еще не пробилъ для страдальца.

«И вотъ онъ заболѣлъ жесточайшею лихорадкою: первымъ дѣломъ умирающаго было отправить одного изъ насъ къ Сабандару Ачемскому узнать, не пріѣхалъ ли туда ожидаемый Нидерландскій корабль, на которомъ, по указу султанскому, мы должны были удалиться въ Голландію. Отвѣтъ былъ благопріятный: вождѣльннй корабль ожидалъ своихъ пассажировъ. Но главный изъ нихъ, но благороднѣйшій изъ людей — Корнелій нашъ — не въ состояніи былъ воспользоваться нашей общей радостью: мною кормчій — ангель смерти, ожидалъ его на кораблѣ жизни вѣчной.

— Милое отечество! лепеталъ больной: я вижу твой радужный берегъ; лучи лица Господня озаряютъ его ярче звѣздъ и солнца. Къ тебѣ, страна немерцающаго свѣта, къ тебѣ одной порывается духъ, еще прикованный къ жизни брэнніи! Разрѣши плотскіе оковы мои и дозвожь безсмертной душѣ воспарить къ предвѣчному свѣту!

«Усиліе, съ которымъ страждущій проговорилъ эти восторженные слова, истощили, по видимому, его силы. Всѣ товарищи мои заливались слезами, не исключая и султанскихъ проводниковъ, присланныхъ за нами, для доставленія насъ съ почестями въ Ачемъ, ибо всѣ любили и уважали праведнаго, даже сосѣдніе дикари, людицы — принимали въ немъ живѣйшее участіе. Лучшее доказательство, что истинная доблесть, рано или поздно, заставитъ всѣхъ и каждаго полюбить себя.

«Видя близость кончины моего добродѣтельнаго и великодушнаго

брата, я рѣшился отдать ему послѣдній христіанскій долгъ. Развернулъ молитвенникъ и началъ читать надъ нимъ отходныя молитвы.

«Родимые звуки моего голоса, какъ бы пробудили умирающаго: онъ прислушивался къ моему лепету, прерываемому рыданіями и самъ досказывалъ слова, которыя печаль сердечная заглушала въ моихъ устахъ.

«Когда я кончилъ, онъ окинулъ всѣхъ насъ свѣтлымъ своимъ взоромъ, который оживлялся въ это время необыкновенною выразительностію: то былъ послѣдній проблескъ его ума, послѣднее усиліе жизни въ борьбѣ со смертію.

— Братъ! друзья мои!... поцѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ.

«Мы наклонились, каждый въ свою очередь, и цѣловали его въ уста, и омывали руки его нашими горячими слезами.

— Къ чему стонъ и рыданія! Я счастливѣе васъ. Вижу солнце земли и солнце небесъ. А вы не видите послѣдняго.

«Одному изъ насъ — не помню которому, пришло на мысль обратиться къ умирающему Корнелію — одинъ стихъ изъ завѣтной пѣсни его тестя, которой звуки убаюкивали славную молодость нашего друга.

„Молва *внесетъ* тебя въ свои преданья, И этотъ стихъ снова пробудилъ моего брата.

— Чу! сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ. Слышите-ли вы пѣсню первой любви моей... вотъ она! вскричалъ онъ восторженнымъ голосомъ: вотъ она!... мой ангелъ утѣшитель!... она манитъ меня... она шепчетъ мнѣ свое третіе, послѣднее имя... Говори громче *Минна* — любовь моя! какъ зовуть тебя на *острову, невѣдомомъ юношѣ Корнелію?*... Вы слышали-ль отвѣтъ ея, братъ мой, друзья мои?... О восторгъ! о радость!... имя ея... *Моя Совѣсть!*... Она закрываетъ вѣжды мои... уста ея коснулись моихъ... устъ!... готовъ!... иду!...

«Это были послѣднія слова умирающаго Корнелія. Брата, друга нашего не стало!... Онъ умеръ, какъ жилъ!... Умеръ праведникомъ, которому *любовь къ отчезству, любовь ближнихъ и дальнихъ, собственная совѣсть* его, закрыли глаза!...

„Молва *внесла* его въ свои преданья.“

«Мы похоронили Корнелія съ честью подъ любимымъ его кокосомъ. Начертали имя, достопамятное для Голландіи, на корѣ дерева, уже осѣняющаго владѣнія Голландцевъ! Мы простились съ прахомъ друга и брата, и спѣшимъ на родину, ожидающую своихъ сыновъ скитальцевъ!»

П. КОРСАКОВЪ.

МАТЕРІАЛЫ.

ЭПИЛОГЪ

ВЪ ПОВѢСТИ КОРНЕЛІИ ГАУТМАНА.

Описаніе перваго путешествія Гаутмана предпринятаго въ 1595 году издано было на Голландскомъ языкѣ въ Амстердамѣ и Миддельбѣрхѣ въ 1598, въ листъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Первое путешествие Голландцевъ въ Восточную Индію*. Въ этомъ же году напечатаны были прибавленія къ нему, съ картами и гравюрами также въ листъ, и латинскій переводъ того же путешествія для ученыхъ иностранцевъ: *Diarium nauticum itineris Batavorum in Indiam Orientalem, annis 1595 — 1597. Amstelodami, in folio*. Другое изданіе въ 4-ку издано было въ Арнемѣ. Описаніе втораго путешествія съ присовокупленіемъ перваго издано было 1606 года, также въ листъ на Французскомъ языкѣ съ картами. Вотъ его титулъ: *Premier livre de l'Histoire de la Navigation aux Indes Orientales par les Hollandais et des choses à eux advenues*. Описанія эти были потомъ перепечатаны въ разныхъ собраніяхъ путешествій Голландцевъ. При-

мѣчательнѣйшее изъ нихъ есть *Recueil des voyages qui ont servi à l'établissement et aux progrès de la Compagnie des Indes Orientales, formée dans les Provinces Unies des Pays Bas, Amsterdam, 1702 — 1706, 5 vol. in 12 fig.* и другое 1725, въ 12 ч. съ присовокупленіемъ путешествія Хѣптера (Gonthier) — Виллема Схатена. Послѣ 1646 года Голландцы не публиковали ничего болѣе о морскихъ путешествіяхъ своихъ въ Восточную Индію. Открытія ихъ были тайною Остъ-Индской Компаніи.

Примѣчательнѣйшія экспедиціи послѣдователей Корнелія Гаутмана были слѣдующія:

Первая изъ нихъ послѣдовала вскорѣ за вторымъ походомъ К. Гаутмана; къ учрежденной имъ Компаніи присоединился Херардъ Баккеръ и нѣсколько Амстердамскихъ купцовъ: они снарядили и отправили въ Индію (1598), новую экспедицію состоявшую изъ восьми кораблей подъ командою Якова Корнелисона ванъ

Нека. Благополучно приставъ къ берегамъ о. Явы, они встрѣчены были самыми неприязненнымъ образомъ: Португальцы возстановили островитянъ противъ повоприбывшихъ, и дѣло дошло до кровавыхъ сраженій. Но благодаря ловкости кормчаго Абдула, о которомъ говорено въ текстѣ нашей повѣсти, и невинности Китайцовъ Яванскихъ къ Португалии, дружественныя сношенія между Голландцами и Яванцами были возстановлены, и первымъ изъ нихъ позволено было нагрузить суда свои пряностями и разными туземными тканями. Фанъ Некъ съ нѣсколькими судами отправился къ Молуккскимъ островамъ и узнавъ, что туземцы изгнали Португальцовъ изъ нѣкоторыхъ острововъ, ожидая только случая совершенно вытѣснить ихъ и изъ остальныхъ, устроилъ на островахъ сихъ разныя факторіи и конторы, заключилъ торговыя трактаты съ разными владѣльцами и воротился въ Европу съ драгоценнѣйшимъ грузомъ.

Успѣхъ экспедиціи фанъ Нека возбуждалъ всеобщее соревнованіе. Во всѣхъ приморскихъ городахъ Соединенныхъ Нидерландовъ образовались компаніи для столь прибыльнаго торгова; но частныя эти компаніи, причиняя вредъ другъ другу, были слишкомъ слабы въ отдѣльномъ видѣ своемъ и не могли противустать соединеннымъ силамъ Португалии и Испаніи. Эти обстоятельства заставили правительство Генеральныхъ Штатовъ соединить всѣ частныя компаніи въ одну огромную массу торговыхъ силъ, по проекту Корнелія Гаутмана.

Формальное учрежденіе новой компаніи послѣдовало 20 Апрѣля 1602 года и актъ учрежденія оной (oostgooj) изданъ былъ правительствомъ тогоже числа и года *)

Остъ-Индская Компанія раздѣлена была на десять камеръ или департаментовъ. Половина капиталовъ Компаніи и

половина *дивидендовъ* ея (барышей) принадлежала Амстердамской Камерѣ; четверть Камерѣ Зееландской, а остальная четверть Камерѣ Маасландской (городамъ Делфту и Роттердаму,) и Нортгадской Камерѣ (городамъ Гоорну и Энкѣйзену). Дирекція всѣхъ этихъ камеръ ввѣрена была должностнымъ администраторамъ; которыхъ число распредѣлено было такъ: въ Амстердамской камерѣ двадцать; двѣнадцать въ Зееландской и семь въ камерахъ каждаго изъ четырехъ послѣднепомянутыхъ городовъ. Каждый изъ акціонеровъ обязанъ внести въ казну Компаніи не менѣе 6.000 гульденовъ капитала; однимъ акціонерамъ городовъ Гоорна и Энкѣйзена дозволено было вносить по 3.000 гульденовъ. Общее собраніе Компаніи состояло изъ семнадцати Директоровъ: восьми изъ Амстердама; четырехъ изъ Зееландіи и по два изъ Маасланда и Нортъ-Голландіи, семнадцатый Директоръ выбирался поочередно изъ акціонеровъ, Зееландіи, Маасланда и Нортъ-Голландіи. Главное Правленіе собиралось по шести лѣтъ сряду въ Амстердамѣ и подва года въ Зееландіи. Корабли Компаніи должны были возвращаться изъ рейсовъ своихъ въ тѣ же самыя порты изъ которыхъ выходили. Каждый подданный Генеральныхъ Штатовъ, въ узаконенный срокъ, могъ представлять въ казну Компаніи свои капиталы. Компаніи даровано было право *объявлять войну и заключать трактаты* со всѣми державами Индіи, по не иначе какъ *отъ имени Генеральныхъ Штатовъ Государя Соединенныхъ Провинцій*, а отнюдь *не отъ своего имени*. Ей дозволялось строить крѣпости, набирать войска, выдавать патенты офицерамъ, по не иначе, какъ чтобы рядовые и офицеры ихъ присягнули навѣрность Государю *Соединенныхъ Провинцій и компаніи*. Въ свою очередь, Генеральныхъ Штаты обязались не иначе пользоваться войсками и кораблями Компаніи для защиты отечества, какъ съ ея на то со-

*) См. *Ryckdom van Holland*, door Luzac.

гласія. Адмиралтейству предоставлено было — взимать узаконенную пошлину съ компанейскихъ призовъ. Директоры не обязаны были отвѣчать ни своею личностію, ни имуществомъ, за долги Компаніи. Генералы компанейскихъ флотовъ и войска, возвратясь въ Европу должны были отдавать правительству отчетъ о дѣлахъ Индійской компаніи. Привилегія дана была на 21 годъ и ни одинъ Голландецъ не имѣлъ права въ продолженіе этого срока, предпринимать плаванія въ Индію мимо мыса Доброй Надежды или чрезъ Магелланскій проливъ.

По сказанію современныхъ летописцевъ, основной капиталъ компаніи простирался до 6,500,000 гульденовъ. По свидѣтельству же Л'Эпина онъ составлялъ 6,419,840 гульденовъ. При всей умѣренности, капитала сего было достаточно на первоначальные обороты компаніи, приносяшіе акціонерамъ богатые дивиденды. Барыши компанейскіе были столь значительны, что они съ избыткомъ покрывали всѣ расходы на вооруженіе флотовъ, постройку крѣпостей, домовъ и магазиновъ; на содержаніе войскъ и корабельныхъ экипажей.

Компанія эта, безпримѣрная въ исторіи преждебывшихъ временъ, послужила образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ компаній: послѣ оффиціального учрежденія своего, она отправила въ Индію цѣлый флотъ, состоявшій изъ четырнадцати судовъ подъ командою Адмирала Вейбранда ванъ Варнейка и годъ спустя потомъ снарядила другой такой же флотъ изъ тридцати кораблей, подъ командою Адмирала Гагена: вооруженіе этихъ двухъ флотовъ обошлось въ 2,200,000 гульденовъ.

Послѣ отплытія обоихъ флотовъ, компанія отняла у Португальцовъ о. Амбонну, за каковымъ приобрѣтениемъ, послѣдовало завоеваніе и другихъ Молуккскихъ острововъ. «Завоеваніе это, продолжаетъ авторъ книги о богатствѣ Голландіи, можетъ быть — важ-

нѣйшее всѣхъ послѣдующихъ: ибо оно доставило Государству исключительную торговлю пряностями (specerijen), и склонило въ пользу ея балансъ всей Европейской и Остъ-Индской торговли: по той причинѣ, что пряности составляли тогда главнѣйшую часть грузовъ кораблей, отправлявшихся изъ Индіи въ Европу.»

Первымъ Губернаторомъ Амбоины въ 1607 году былъ Фредерикъ Гаутманъ, меньшей братъ Корнелія и ученикъ его, бывшій потомъ Адмираломъ Остъ-Индской компаніи: именемъ его названы извѣстные рифы Houtman Abrolhos. Онъ первый издалъ для употребленія Европейцевъ въ Индіи Малайско-Мадагашскій словарь: *Spraakende Woord-Boek in de Maleische ende Madagarsche talen met veele Arabische en Turksche Woorden*. Amsterdam, 1603 in 4 (*Разговорный словарь языковъ Малайскаго и Мадагаскаго со многими Арабскими и Турецкими реченіями*, Амстердамъ 1603 въ 4-ку).

1615 годъ ознаменованъ былъ двумя достопамятными событіями въ основаніи Остъ-Индской Компаніи. Первымъ изъ нихъ было открытіе новаго пути въ Индію. Хѣнтеръ-Виллемъ Схаутенъ, болѣе извѣстный у насъ подъ именемъ Шутена, отправясь изъ Текселя вмѣстѣ съ Якобомъ Лемеромъ, какъ старшій офицеръ подъ его командою, открылъ въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года новый проходъ въ Тихое море, на Ю. отъ пролива Магелланова, которымъ плавали дотолѣ всѣ Остъ-Индскіе корабли, обходящіе полуденную Америку: новооткрытый проходъ сей названъ былъ въ честь начальника экспедиціи *Лемеровымъ Проливомъ*. Тотъ же самый мореплаватель, желая обезсмертить не собственное имя свое, а названіе родового своего города, назвалъ мысомъ *Гоорномъ* южнѣйшую оконечность Америки, служащую какъ бы столбомъ сихъ корабельныхъ воротъ, заключенныхъ съ

другой стороны островъ - штатовъ. Другимъ достопамятнымъ событіемъ тогоже 1619 года было завоеваніе крѣпости Якатры на сѣверозападномъ берегу о. Явы, въ небольшомъ владѣніи тогоже имени. На развалинахъ этой крѣпости, по предположенію Корнелія Гаутмана, основана была знаменитая столица Нидерландской Индіи и мѣстопробываніе Генераль-Губернатора компаніи, славный городъ Батавія.

Новыя завоеванія послѣдовали за первыми подвигами. Остѣ-Индская компанія овладѣла вскорѣ потомъ Мысомъ Добрая Надежды, превосходною станціею и мѣстомъ отдыха кораблей отправляющихся въ Индію: она изгнала оттуда Португальцовъ, равно какъ и изъ прочихъ острѣностей ихъ въ Восточной Индіи, оставя за ними почти одну столицу ихъ Гою.

Между годами 1616 и 1626, мореходы Остѣ-Индской компаніи открыли и обозначили большую часть береговъ пятой части свѣта нынѣшней Австраліи и назвали ее *Новою Голландіею*.

Карпентарія, часть тогоже материка, лежащая на югъ отъ Новой Гвиней, была открыта ими въ 1628 году и такъ названа въ честь Карпентира бывшаго тогда Генераль-Губернаторомъ Голланд-Индійскихъ владѣній.

Въ 1640 году компанія покорила власти своей полуостровъ Малакку и знаменитый проливъ тогоже имени. На слѣдующій годъ Португальцы заключили съ компаніею трактатъ свободнаго плаванія въ Индію: но трактатъ былъ нарушенъ и Голландцы овладѣли на о. Цейлонѣ крѣпостями Пунта де Галле и Коломбо, доставившія имъ исключительную торговлю корицею, между тѣмъ какъ о-ва Молукскіе обезпечили за ними же исключительный торгъ гвоздикою и мушкатнымъ орѣхомъ. Въ слѣдъ за приобрѣтеніемъ двухъ важнѣйшихъ гаваней на о. Цейлонѣ, компанія заняла и южную оконечность Индостана, Мысъ Ксмирингъ, и такимъ образомъ

приобрѣла значительное участіе въ тамошней жемчужной ловлѣ.

Земля или о. ванъ Дименъ (Van Diemens-Land) получила свое названіе въ честь ванъ Димена, Генерала Остѣ-Индскихъ-компанейскихъ войскъ и обще съ о. *Новой Зеландіи*, открыта была Абедемъ Янсеномъ Тасманомъ въ 1649 году. Въ 1663 году Остѣ-Индская компанія завела колонію на Мысъ Добрая Надежды *), и завоевала О. Макасаръ или Целебесъ.

Въ 1660 году дивидендъ компаніи доходилъ до 40 и 60 процентовъ. Въ 1807 онъ упалъ до 24 процентовъ.

Въ владѣніяхъ Остѣ-Индской компаніи принадлежатъ слѣдующія мѣста:

Весь сѣверный берегъ о. Явы, на которомъ находится городъ Батавія.

Острова Амбоина, Баца, Тернатъ, Малакка и Макасаръ.

На берегу Коромандельскомъ, Гвене-патамъ, Садраспатнамъ, Мазулипатнамъ, Палакатъ, Датскомъ, и Бенгиспатнамъ, гдѣ она содержитъ факторіи. На томъ же берегу владѣтъ она городомъ Негапатнамомъ и крѣпостью Гельдернъ.

(*) Во время первыхъ заведеній компаніи на Мысъ Добрая Надежды, тамошняя почва представляла видъ безплодной пустыни; но со дня поселенія Голландцовъ, всѣ хлѣбныя зерна Европы, всѣ плоды міра разведены были тамъ съ величайшимъ успѣхомъ и въ невѣроятномъ изобиліи. Превосходнѣйшіе сорта винограда Шампаніи, Бургоніи, Испаніи, о-вовъ Канарскихъ и Левантинскіе, насажены были въ Капскіе виноградники, и по сходству климата съ первоначальнымъ отечествомъ сего плода—произвела на дикомъ поморьѣ южной Африки отличнѣйшіе роды винъ, между которыми преимущественно славится Комстанское, считаемое однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ винъ въ цѣломъ мірѣ. Кромѣ Мыса Добрая Надежды и о. Цейлона, завоеванныхъ Англичанами, Нидерландскому Королевству возвращены всѣ владѣнія компаніи.

На берегу Малабарскомъ имѣтъ конторы въ Кочинъ, Кананоръ и Каувъ.

Сверхъ того производитъ значительный торгъ въ Мокъ, Гамеронъ, Суратъ, Бенгалъ, Японіи *) Китаю, Тункинъ, и на о-вахъ Суматрѣ и Борнео.

Въ городѣ Моку, что въ Аравіи, доставляетъ она пряности, и получаетъ на оборотъ ладанъ, мирру, разнаго рода камедь (gummi agabicum и другія) манну, кассію, бальзамъ, сабуръ, драконову кровь, кофе и другіе товары. Корабли ея заходятъ и въ другія Аравійскія гавани: Аденъ, Маскатъ, Бассору или Басрахъ.

Гамронъ, Гандарабисъ или Бендеръ-Абасси, есть единственная гавань Персіи въ Арабскомъ заливѣ, торгующая съ Индіею. Голландцы производили тамъ долго беспошлинный торгъ и товары ихъ доходили до Испагани; за право сіе обязаны они были доставлять правительству по условленной цѣнѣ известное число тюковъ шелковыхъ матерій. Въ обмѣнъ получала компанія золотыя и серебряныя штофныя ткани, богатые ковры, Караманійскую шерсть, жемчугъ, сердолики и иные товары. Напротивъ чего ввозила пряности, сахаръ, анисъ, инбирь, индиго, Сіампарское дерево, карлинъ, ладанъ, бензуй, ртуть, свинець, олово, мѣдь, полотно, и Испанскіе пистры.

Въ Суратъ ввозила она пряности, мѣдь, черепаховую кость, камфору, карминъ, олово, бензуй, сукна, и пр. На

*) И въ Японіи Голландцы заступили мѣсто Португальцовъ: они—единственные Европейцы допускаемые въ эту заветную имперію и раздѣляютъ выгоды Японской торговли съ Китайцами и Ликейцами. По трактату заключенному съ Императоромъ Японскимъ, они владѣютъ въ Нангасакскомъ рейдѣ не большимъ о. Дезимю, гдѣ факторія ихъ заключена какъ бы въ темницѣ и Оперъ гоофдъ ея несмѣлъ выхъать на Нангасакскій берегъ безъ формальнаго дозволенія Губернатора Японца.

оборотъ получала шелкъ, бумагу, шелковыя матеріи, индиго, селитру, лакъ, агаты, амѳіонъ и инбирь.

Царство Пегу доставляетъ ей лакъ золото, серебро, изумруды и сапфиры. Она отправляетъ туда пряности, амѳіонъ сандалъ, и бумажныя издѣлія Голландскія и Бенгалскія. Она имѣтъ особую контору въ Сіамъ, и получаетъ изъ сей страны въ изобиліи сарачинское пшено, слоновую кость, олово, свинець, Сіампарское дерево, оленье кожи и множество прекраснѣйшаго фарфору. Въ Сіамъ доставляютъ Голландцы пряности, ладанъ, красныя корольки, ртуть, сандалъ, сукна, Коромандельскіе кисей; одна компанія пользуется правомъ скупать все Лигойское олово и получаетъ отъ торга сего огромныя барыши въ Европѣ и Индіи.

Въ Японію отпускаетъ она шелкъ, матеріи шелковыя, сукна, двѣсти тысячъ оленьихъ кожъ, сто тысячъ сафьяновъ, пеньку, полотно, шерсть, ртуть, пряности, сахаръ, мекусъ, камфору, буру (богах), Сіампарское, и Бразильское дерево, фарфоръ, слоновую кость, и мѣлочные китайскіе товары. На оборотъ получаютъ оттуда серебро, мѣдь, и фарфоръ; что же касается до золота, несмотря на изобиліе онаго въ Японіи, выпускъ драгоцѣннаго металла сего строжайше запрещенъ.

Торгъ компаніи съ Китаемъ чрезвычайно выгоденъ. Она получаетъ изъ Поднебесной Имперіи множество шелку и шелковыхъ тканей; мѣдь, сталь, желѣзо, хлопчатую бумагу, бумажныя издѣлія, камлотъ, пеньку, и пеньковыя ткани, золото лучшей пробы, драгоцѣнные камни, лазурь, отличнѣйшій мраморъ, Аквильское, розовое, и черное дерево, чай всѣхъ сортовъ, сахаръ, мускусъ, заваренный имбирь, ртуть, ревень, янтаръ, и росный ладанъ; фарфоръ, и отличпо лакированные письменныя столики. На оборотъ же посылаетъ Китайцамъ пряности, полотно, сукна, саржи, стамедь, слоновую кость, сандалъ, янтаръ, бѣлыя

и красные корольки, и серебро въ обменъ на золото.

Царство Тункинское доставляетъ компаніи лучшей шелкъ, изъ котораго вытѣкаются превосходнѣйшія матеріи, мускусъ, и сабуръ (алоэ). Она же ввозитъ туда пряности, ртуть, карминъ, сукна, янтарь и разныя ткани. До раздѣленія торговли въ Суматрѣ Англичанами, Голландцы были единственные Европейцы торговавшіе съ симъ островомъ. Остъ-Индская компанія ихъ, собирала оттуда весь перецъ и уплачивала за него кисеями, полотномъ, и разными тканями. Главнѣйшія конторы находились въ Палембангѣ, Ямбин, и Падангъ; въ послѣднее мѣсто отправлялось множество тканей и соли, за которые туземцы уплачивали перцомъ, камфоромъ, бензоемъ, и золотымъ пескомъ.

Остъ-Индская компанія по два раза въ годъ продаетъ съ публичнаго торга свои товары: первая аукціонная продажа состоитъ изъ пряностей и производится въ апрѣль и маѣ. На второмъ аукціонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ распродаютъ всѣ возможные Индѣйскіе товары.

Торгъ пряностями есть, безъ сомнѣнія, важнѣйшая статья сбыта компаніи. Гвоздика, корица, мушкатный орѣхъ и маисъ (мушкатный цвѣтъ) доставляли ей огромнѣйшіе дивиденды. Со времени завоеванія Англичанами о. Цейлона она имѣетъ въ нихъ сильныхъ соперниковъ. Какъ особенный фактъ сего торга, долженъ замѣтить историкъ промышленности Голландо-Индѣйской одно любопытное обстоятельство, что компанія для поддержанія цѣнности своего главнѣйшаго товара въ Европѣ, неоднократно сожигала цѣлые грузы кораблей съ пряностями когда на нихъ бывала необыкновенный урожай въ ея Остъ-Индскихъ владѣніяхъ.

Голландо-Остъ-Индская компанія процвѣтала до тѣхъ поръ пока примѣръ ея не возбудилъ подражанія и не возникъ въ Индіи новый Англо-компаней-

скій колоссъ, покрывшій несмѣтными силами своими всѣ берега Индѣйскихъ морей.

Во время преобладанія Французовъ въ Голландіи, почти всѣ Нидерландскія Остъ-Индскія колоніи покорены были Великобританскими флотами; но при возшествіи на престолъ Нидерландовъ Оранской династіи, всѣ они, за исключеніемъ мыса Доброй Надежды и о. Цейлона, возвращены были въ 1814 году своимъ прежнимъ владѣтелямъ, какъ сказано выше.

Съ этихъ поръ новая эра благоденствія началась для Голландской торговли. Корабли ея забороздили снова Индѣйскіе моря и, нагруженные сокровищами Индіи, начали являться цѣлыми флотами въ многочисленныхъ гаваняхъ сѣверныхъ Нидерландовъ.

Тому же знаменитому царствованію перваго Короля Оранскаго дома предоставлено было судьбами Божиими оставить себѣ безсмертный памятникъ въ поздныхъ лѣтописяхъ Нидерландской торговли.

Глубоко сидѣвшіе въ водѣ корабли Остъ-Индской компаніи, съ тяжелыми и драгоценными грузами своими, не могли входить въ главный портъ Нидерландовъ, по причинѣ мѣлководія пролива Марсъ-Дипъ, отдѣляющаго о. Тексель отъ Гельдера и другаго пролива Пампсюъ, соединяющаго заливъ Зейдеръ-зеъ съ губой Эй, естественною рейдою Амстердамскаго порта. Корабли сіи должны были разгружаться или въ Тексель или въ другихъ гаваняхъ Нидерландскихъ. Перегрузка усиливала расходы, и безъ того уже значительные при выгрузкѣ и нагрузкѣ. Но и для разгруженныхъ *Индолоходовъ* (Indienlopers), по огромности ихъ, проходъ черезъ Пампсюъ сопряженъ былъ съ величайшими затрудненіями: они не иначе совершали его какъ при помощи камелей; отъ чего, болѣе или менѣе, терпѣла прочность скрѣпленія корабельныхъ члениковъ; что же до военныхъ

линейныхъ кораблей, то они оставались по обыкновенію на Тексельскомъ рейдѣ: рейдъ сей былъ для нихъ геркулесовыми столбами. Благодѣтельное королевское правительство придумало средство помочь сему горю. — Корабли тяжелые для моря ходятъ теперь по лугамъ. Проектъ сей, уже благополучно приведенный въ исполненіе, былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Мы поговоримъ о немъ здѣсь какъ о событіи весьма важномъ для Остъ-Индской торговли и какъ бы пополняющемъ наше послѣсловіе.

Чтобы достигнуть до этой цѣли нужно было прорыть отъ Гельдера огромнѣйшій каналъ чрезъ всю Нортъ-Голландію до самаго Амстердама. Предпріятіе сіе, необъятное само по себѣ, въ какой бы странѣ оно исполнено ни было, еще баснословнѣе казалось въ такой странѣ какъ Голландія, между морями ея окружающими и между множествомъ водъ, которыя пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ; и при всемъ томъ предпріятіе сіе совершилось: новый этотъ каналъ, глубиною въ двадцать пять футовъ, а шириною сто дватцать на протяженіи ста тридцати пяти верствъ, есть настоящій *tour de force* гидравлики и далеко превосходитъ объемомъ своего русла знаменитый каналъ Лангедокскій имѣющій только сорокъ футовъ въ ширину и пятнадцать въ глубину. Благодаря этому каналу, чуду искусства, купеческія и военныя суда всѣхъ размѣровъ и объемовъ, безопасныя отъ бурь морскихъ и тревоженій океана, преспокойно прогуливаются по среди значныхъ пажитей, пестрящихся стадъ и вѣтряныхъ мѣльницъ. Пузатые *индолоды*, нагруженные пряностями или трехдечные корабли, посылаемые въ Китай за чаемъ и снаряженные Амстердамскимъ купечествомъ, которое можетъ быть изъ въ глаза не видало, теперь являются предъ окнами своихъ хозяевъ. Много времени пройдетъ еще, пока жители береговъ этого цоваго

прѣсноводнаго моря, пастухи коровъ и овецъ и краспошекія Голландскія сырницы, отъ роду не видавшіе трехъ палубныхъ кораблей, привыкнуть къ визитамъ такихъ дальнихъ гостей.

Говорятъ что самъ Король Нидерландовъ, отличавшійся всегда благотворными и творческими идеями, былъ душою сего безсмертнаго предпріятія. Въ два года времени послѣ начала работъ, каналъ сей, въ Іюнь мѣсяцъ 1822 года, доведенъ уже былъ отъ Амстердама до Алькмаара, а въ Декабрь 1824 года, еще два года спустя, онъ былъ совершенно конченъ; сумма въ которую обошлись эти исполнскія работы, простиралась отъ десяти до двѣнадцати милліоновъ гульденовъ. Почтенныя старички - парички Голландіи, упрямые защитники старинки, или говоря словами Полеваго, приверженцы *кваснаго наптомизма*, громко кричали противъ этаго проекта, ворча про себя что новый каналъ есть бездонная бочка Данаидъ въ которую протекуть съ водою всѣ червопцы Голландіи; что предки ихъ торговали не хуже пышнѣйшаго и безъ этой новинки, что они-де жили себѣ да богатыли и огребали лопатами Индійское золото: въ особенности сътовали на это предпріятіе всѣ хозяева мѣлкихъ грузовыхъ судовъ; ни дать ни взять наши подмосковные ямщики, выражавшіе жалобы свои противъ желѣзной дороги на пѣсколькихъ газетныхъ столбцахъ. На нихъ однакоже не посмотрѣли и хорошо сдѣлали: всѣхъ пустяковъ не переслушаешь и дѣла съ ними не много надѣлаешь. Работы дѣйствительно были необъятны: тысячи землекоповъ съ тачками шевелились какъ муравьи въ углубленной безднѣ канала; губчатая почва земли безпрестанно сочила воду и заливала работы; нужно было разставить по всему протяженію канала множество цѣпныхъ помпъ или водоотливныхъ колодцевъ, достигшихъ однакоже своей цѣли. Во время рытья канала, страна — сквозь

которую онъ проходилъ, представляла какой-то видъ опустошенія посреди окрестностей цвѣтшихъ зеленою и всеобщимъ изобиліемъ. Вырытая земля была въ иныхъ мѣстахъ разложена постепенными слоями какъ лавки въ древнемъ амфитеатрѣ; въ другихъ мѣстахъ, огромныя массы ея, пирамидально насыпанныя, образовали родъ черныхъ холмовъ грязи; здѣсь виднѣлись всѣ роды кражей земныхъ отъ блага песку до желтой глины. Струи ржавчины или желѣзистой земли, какъ кровяныя жилы, бороздили края этой почвы; тамъ въ углубленіи пятнадцати или двадцати футовъ, на черномъ турфяномъ коврѣ, сверкали въ солнечныхъ лучахъ блестящія ракушки: словомъ сказать, говорить одинъ путешественникъ, посетитель канала во время работъ — этотъ дивный прорѣзъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытное зрѣлище, достойное наблюденій геолога. — Не менѣе былъ онъ (каналъ) любопытенъ и въ психологическомъ отношеніи: въ окрестностяхъ его стояли тысячи землянокъ и шалашей, въ которыхъ кочевало цѣлое народонаселеніе, составленное изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ; въ числѣ десяти тысячъ работниковъ, занимавшихся рытьемъ канала, едва ли четвертая часть принадлежала Сѣвернымъ Нидерландамъ; ни на одномъ почти лицѣ не примѣтно было слѣдовъ того довольства, которое проглядываетъ во взорахъ зажиточнаго Голландскаго крестьянина. Платье этихъ тружениковъ, по большой части яркаго цвѣта и все въ лахмотьяхъ, обличало въ нихъ дальнихъ скитальцевъ; дикой говоръ ихъ отзывался какимъ-то Вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ: это была колонія нищихъ со всѣхъ странъ свѣта, орда кочевцевъ, занимавшая кочевьемъ своимъ пространство нѣсколькихъ миль; грязныя биваки ихъ, посреди богатой и чистоюплотной Голландіи, казались какими-то логовищами медвѣдей или становьемъ дикарей Америки.

Иногда въ этихъ пропастьяхъ раздавались мелодическіе звуки долевой пѣсни или флажолетъ Швейцарскаго горца; рѣзкій смычокъ гудочника вторилъ бубенчикамъ цыганъ. И эта помѣсь людей имѣла своихъ, если не поэтовъ то рифмачей, излагавшихъ на какомъ-то полудикомъ нарѣчій счастье жизни веселаго землекопа: за одну дѣйту можно было купить экземпляръ этой славной расподіи... Стало быть для инаго поэта потоки грязной воды могутъ замѣнять струи Ипокрены... Все это описаніе заимствовали мы изъ дневника самовидца, показавшагося намъ довольно любопытнымъ и оригинальнымъ.

Близъ Занда, не подалеку отъ Гельдера, устроены при входѣ въ каналъ огромнѣйшіе шлюзы съ овальными бассейнами, гораздо глубже самаго канала. Можно себѣ представить какихъ трудовъ стоило вырыть подобную бездну и одѣть ее приличною одеждою: цѣлые лѣса Норвегіи вышиною футовъ въ сотокъ вбиты были въ эту бездонную почву и такъ глубоко вошли въ нее, что казались обыкновенными бревнами.

Наконецъ работа Египетская кончилась и каналъ былъ открытъ 30 декабря 1824 года.

Достопамятный день сей былъ какимъ-то семейнымъ торжествомъ для цѣлой Голландіи. Всѣ сословія Амстердама выбѣгали на встрѣчу гостю долгожданному, гостю невиданному, кораблю Остъ-Индскому съ полнымъ грузомъ!

12 числа декабря 1824, королевскій 44-хъ пушечный фрегатъ *Беллона* открылъ первую навигацію по новому каналу: онъ вошелъ въ него сквозь шлюзъ Виллемовъ и въ полчаса времени прибылъ въ Бейкслотъ.

14-го числа отправился онъ бечевой и въ 10 часовъ утра находился уже за Эйпендамомъ, около полудня миновалъ онъ Пюрмерендскій шлюзъ и продолжалъ дальнѣйшій путь свой по каналу до 5 часовъ по полудни. Здѣсь,

не доходя до Храфтской плотины (Graff-Duck), причалилъ онъ къ берегу и начевалъ по случаю необыкновенной темноты и сильно затуманившагося неба.

15 числа, на разсвѣтъ, подулъ сильный вѣтръ отъ SW. Водоливный Нортъ-Голландскіа мельницы молили только въ полвѣтра, воды въ каналъ было только въ полъ уровня; по несмотря на противный вѣтръ, фрегатъ продолжалъ свой путь, причалилъ того же вечера у Зеэхлиса, что близъ Алкмара.

16 числа, между 8 и 9 часами утра прошелъ городомъ вдоль Кудейка и Зейпа до Кухраскаго шлюза.

Купеческій фрегатъ *Христина Бернардина*, подъ командою капитана Зейльстра, прямо прибывшій изъ Батавіи, и въ первый разъ еще плившій Нортъ-Голландскимъ каналомъ въ Амстердамскую гавань, около четырехъ часовъ встрѣтился съ Белоною между Схакеромъ и Синтъ-Марстенсбрехтомъ, и при звукъ музыки, игравшей народную мелодію *Wilhelmus van Nassauven*, при повторенныхъ крикахъ *Ура!* салютовалъ королевскій фрегатъ 9-ю пушечными выстрѣлами.

17 числа, вѣтръ дулъ WNW. и свѣжълъ въ продолженіе цѣлой ночи и почти во весь этотъ день, съ сильнымъ градомъ и шквалами: не смотря на это Беллона, прошла между 9 и 10 часами утра изъ-за Зейпскаго шлюза въ Кухрасъ и приплыла около 5 часовъ вечера въ Виллемсоордъ.

Въ это время огромной величины *Каахъ* (*), плившій изъ Ньювендипа въ Амстердамъ, встрѣтился въ углу канала близъ Квельдербеэка съ Белоною, про-

(* Особого рода легкій транспортъ Голландскаго купеческаго флота.

летѣлъ мимо ее на всѣхъ парусахъ, не задѣвъ ни борта ея, ни снасти.

И такъ военный 44-хъ пушечный фрегатъ сидѣвшій 16 футовъ въ водѣ безъ батареи, не смотря на противный вѣтеръ, на бурю производившую въ другихъ мѣстахъ самая гибельная опустошенія; не зирая на густоту тумана, могъ совершить путь свой и пройти въ четверо сутокъ весь Нортъ-Голландскій каналъ, прорытый на протяженіи пятнадцати лигъ, на ширинѣ 120 футовъ, и даже въ самыхъ узкихъ мѣстахъ своихъ внутри городовъ Пюрмеренда и Алкмара; онъ могъ разойтись въ этомъ каналѣ съ купеческимъ кораблемъ огромнѣйшаго объема и сохранить дистанцію для взаимнаго салюта.

Стало бытъ ни одинъ изъ этихъ кораблей не встрѣтилъ никакого препятствія въ плаваніи своемъ по грязному грунту канала, который заставилъ многихъ усомниться въ успѣхъ сего достопамятнаго предпріятія; и такимъ образомъ открыто теперь свободное сообщеніе между Амстердамскимъ портомъ и Ньювендипомъ близъ Гельдера, одной изъ превосходнѣйшихъ гаваней Европы, гдѣ нерѣдко во время бурь, опустошающихъ разныя поморья, и погубляющихъ столько судовъ, сотни кораблей находятъ себѣ убѣжище; съ этихъ поръ, миновавъ опасности мореплаванія по бурному Зейдеръ-Зеэ, корабли Остъ-Индскіе, столько разъ погибавшіе въ пучинахъ сего залива, уже обезпечены отъ всякихъ бѣдствій, на опасномъ пути своемъ по морямъ Голландіи. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ судо-хозяевъ, и каждый арматоръ корабля, долго будетъ помнить отца отечества открывшаго имъ сей новый и безопасный путь.

П. КОРСАКОВЪ.

ПЕРДЕЛАНДОКІЕ ГЕЗЫ.

Опытность вѣковъ пояснила много важныхъ вопросовъ въ человечествѣ. Съеое время пережило много системъ въ политикѣ и философіи и общій выводъ былъ слѣдующій: лучшая система въ политикѣ и любомудрїи та, которой краеугольнымъ камнемъ служить простое ученіе Спасителя міра: *люби Бога твоего всѣмъ сердцемъ, а ближняго твоего какъ самого себя: Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ!*

Анти-религіозныя гоненія потрясли не разъ основанія христіанскихъ обществъ; иногда основанія самыхъ Монархій. Снисхождение къ заблужденіямъ ближняго, языкъ христіанской любви и истины, убѣжденія, основанныя на Божескихъ заветѣхъ, переданныхъ міру Евангелистами и Апостолами, — покорили гораздо больше народовъ, сдѣлали гораздо болѣе прозелитовъ, чѣмъ сила оружія и гроза преслѣдованій.

Заглянемъ въ исторію человечества; — въ его нравственный, общественный бытъ и выведемъ изъ нихъ положитель-

ные результаты. Что упрочивало владычество благочестивыхъ Монарховъ?... истина, правосудіе. Примѣръ не далеко: онъ у насъ передъ глазами; если скромность не позволитъ назвать Того, къмъ радуется отечество наше, то благодарное потомство, величавая исторія назовутъ его въ поученіе вѣкамъ и народамъ. То, о чемъ предки наши не смѣли думать — осуществилось, совершилось въ наше время чудесъ, великихъ подвиговъ, дивныхъ изобрѣтеній. Милліонъ вѣрующихъ, отторженныхъ временемъ, обстоятельствами отъ духовнаго стада, безъ насилія, безъ гоненій — одною силою убѣжденія, однимъ примѣромъ пастырей, — обратился къ православію, сопричастился единовѣрїю своихъ о Христѣ братьей. Примѣръ первый, единственный, неслышанный въ исторіи, — истинное торжество Евангелическихъ истинъ, — примѣръ изумившій всю просвѣщенную Европу! и кто способствовалъ совершенію сего великаго дѣла? не костры инквизиціи, не *трибуналы*

троси, не мечи бранные, не ужасъ казней,—одна сила любви, одно могущество убѣжденія; мудрое Правительство постигло свойство чловѣка мыслящаго въ отношеніи религіозномъ: оно убѣдилось въ великой истинѣ, что религія вѣчной любви водворяется любовью къ ближнему, снисхожденіемъ къ слабостямъ чловѣка. Такомъ былъ и есть чловѣкъ, вѣрующій на всемъ прострѣствѣ земнаго шара. Стѣсните его въ религіозныхъ мнѣніяхъ, погрозите ему, и онъ готовъ сдѣлаться мученикомъ своихъ заблужденій: покажите ему Святую истину, изложите ее языкомъ простой, христіанской любви, и онъ обратится.

Здѣсь же лучшее доказательство, что только та религіозная система хороша, которая основана на Евангельскомъ ученіи?

Точно тоже и въ любомудріи. Загляните въ исторію философскихъ системъ, такъ подробно изложенныхъ Германскими учеными. Тамъ, гдѣ суесть чловѣка возмечтаетъ перехитрить своего Бога, гдѣ чловѣкъ, въ гордомъ самонадѣяніи, вздумаетъ поставить свое вмѣсто Божьяго; гдѣ чловѣческой *туманный идеализмъ* заступитъ мѣсто христіанской положительности, — тамъ всѣ умозрѣнія его, какъ затѣя Пигмеевъ, какъ *зданіе на песокъ*, разлетится въ прахъ передъ лицомъ перваго урагана. Грандіозность и блескъ столпотворенія изумитъ сначала толпу; увлечетъ ее въ дедалъ мнѣній строителя, и чѣмъ онѣ будутъ отвлеченнѣе, туманнѣе, непонятнѣе, тѣмъ болѣе найдутъ себѣ приверженцовъ. Причина весьма естественна: земляное, полудіавольское самолюбіе чловѣка! Мечтая быть умнѣ другихъ — а кто изъ насъ не мечтаетъ? — чловѣкъ захочетъ блеснуть своею попятливостью передъ толпою, и — что всего забавнѣе — самъ, не достигая путаницы умозрителя, станетъ увѣрять другихъ, что только ему одному далось непостижимое для многихъ! и что послѣ? является новый систематикъ, новый Кантъ,

новый Фихте, новый Гегель, — одинъ другаго *стеклянные, индивидуальныя, объективныя, субъективныя, улетученные* и — теорія предметника обратятся въ посмѣшище для потомка! такова судьба суесть чловѣческихъ. Выводъ простъ и разителенъ: все Вавилонское столпотвореніе Германо-Философскихъ системъ (изъ которыхъ во многихъ — впрочемъ — есть много золота . . . . *подъ ступомъ*) не служить ли неоспоримымъ доказательствомъ, что одна христіанская философія, основанная на ученіи Богочловѣка и Его Святыхъ Апостоловъ — есть *истинное любомудріе*, залогъ *земнаго счастья чловѣка*? а не это ли счастье, есть *великая цѣль* чловѣческихъ усилій? цѣль, ведущая къ другой *высшей* цѣли, къ *счастью вѣчному*, на лонѣ Бога живаго, въ сонмѣ избранныхъ Его. И эта *повалъ эра христіанской, практической философіи уже наступила*. Уже вездѣ, не исключая и самаго отечества систематиковъ, зажигается заря невечернаго свѣта чистой, ясной, практической философіи; почти вездѣ — раздаются насмѣшки надъ вычурными, непонятными фразами такъ называемыхъ *идеалистовъ*, этихъ мнимыхъ мудрецовъ, этихъ спекуляторовъ на слабоуміе или гордость людскую. Простой языкъ истины евангельскихъ, опредѣленность мнѣній, снисхожденіе къ ближнему суть какъ бы клеймо настоящаго времени.

Не таковы были люди въ XV вѣкѣ, вѣкѣ гоненій политическихъ и религіозныхъ, вѣкѣ тонкостей богословскихъ и юридическихъ. Тогдашніе люди далеко не имѣли нашей опытности и мы — въ антитезу современности нашей — представимъ читателямъ М а я к а, одинъ историческій отрывокъ. Частныя подробности его можетъ быть извѣстны не всѣмъ, и именно поэтому, не недостойны будутъ ихъ любопытства. Мы побесѣдуемъ съ ними о *Нидерландскихъ Гѣзахъ*.

Гѣзы (de Gueuzen) Голландское слово; оно взято съ Французскаго языка, ко-

торый и въ XVI вѣкѣ былъ придворнымъ языкомъ Правителей Нидерландовъ; оно происходитъ отъ слова *gheux* — и значить по русски *пищій*. Кому оно, кѣмъ и когда придано, объяснить нашъ историческій разсказъ. Изъ него увидать читателя разницу между Русскимъ XIX и Нидерландомъ XVI столѣтій; между милосердіемъ правительства нашего и желѣзнымъ ярмомъ Филиппа II-го! да! пынѣшняя Россія сильнѣе тогдашней Испаніи; но матеріальная сила Правительства нашего удваивается религіознымъ и моральнымъ вліяніемъ его на умы своихъ подданныхъ. А эта сила крѣпче всякаго желѣза и адаманта! . . .

Послѣ отреченія Императора Карла V (5-го Октября 1555) наслѣдіе матери его Императрицы Маріи — Нидерландскія области — поступили во владѣніи сына его Филиппа II-го Короля Испанскаго, а по званію Графа Голландіи Филиппа III. Первымъ дѣломъ новаго Государя было насильственное искорененіе ереси во всемъ пространствѣ его владѣній: отвергнувъ мѣры кроткаго преслѣдованія еретиковъ (*ketters*) и иконоборцовъ (*Beeldstormers*), которые принимала политика его царственного отца, Филиппъ II-го, подстрекаемый Антоніемъ Перенѣ (*Antoine Perenot*) Епископомъ Атрехтскимъ, въ послѣдствіи Кардиналомъ Гранвелюю, открылъ (въ 1556 году) систематическое гоненіе на еретиковъ и иконоборцовъ. Противъ нихъ заключенъ былъ между Франціею и Испаніею наступательный трактатъ; подписанный двумя умопомоченными сихъ державъ, Кардиналомъ Лотарингскимъ и упомянутымъ нами Епископомъ, подъ вліяніемъ Герцога Альвы; и въ слѣдъ за тѣмъ обнародованы въ Нидерландахъ повсемѣстные манифесты или *плакаты* (*plakaeten*); эти мѣры строгости произвели смятенія въ нѣсколькимъ округахъ. Одинъ изъ знаменитыхъ Нидерландскихъ вельможъ, Виллемъ Принцъ Нассау-Оранскій, находясь тогда залож-

никомъ во Франціи, тайно рѣшился противодѣйствовать такимъ стѣснительнымъ мѣрамъ. Чтобы привести ихъ въ исполненіе высажено было во Фландріи (въ августъ мѣсяцъ 1558 года) до 2000 человекъ, только что прибывшаго изъ Бискаіи свѣжаго войска, и Маргарита Пармская, побочная сестра Филиппа II-го, назначенная Правительницею Нидерландовъ, предложила начальство надъ этимъ войскомъ Принцу Оранскому и Графу Эгмонту: по они отказались. Государственные чины, на основаніи дарованныхъ имъ правъ, просили Правительство избавить ихъ отъ постоа этихъ чужеземныхъ войскъ: по имъ отказано, подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы нужно защитить Валлонскіе провинціи наслучай внезапнаго вторженія сосѣдей; обѣщано вывести эти войска послѣ свадьбы Короля Филиппа съ дочерью Французскаго Короля Генриха II, въ январь мѣсяцъ 1560. — Еще въ августъ 1559 года, отплылъ Король изъ Флиссингена въ Испанію; несмотря на то, войска пробыли въ Нидерландахъ до пачала 1561 года, слѣдовательно цѣлымъ годомъ долѣ обѣщаннаго Королемъ.

Между тѣмъ Епископъ Атрехтскій возведенъ былъ въ санъ Архіепископа Мехельскаго и принялъ званіе Кардинала Гранвеллы. Въ Нидерландахъ открыто 12 новыхъ епархій. Новый Кардиналъ, первый Министръ Правительницы, грозилъ учредить въ нихъ *инквизицію* для удобнѣшаго исполненія плакатовъ. Эта страшная новость возбудила негодованіе Принца Оранскаго, которому Король собственпоручнымъ письмомъ какъ стадаудеру поручалъ ввести 12 новыхъ Епископовъ въ управленія ихъ новыми Епархіями; однакоже онъ умѣлъ скрыть свой истинныя чувства и вмѣстѣ съ Графомъ Эгмонтомъ и Горномъ порицалъ тогдашнихъ *Редерейкеровъ* или *народныхъ Баяновъ* за ихъ пасквили и публичныя насмѣшки надъ Кардиналомъ. Эти народныя баяны мно-

го способствовали къ ослабленію Католической партіи въ Нидерландахъ

Фламандо - Голландскіе Редерейкеры, поэты — драматурги и *скоморохи* (Bateliers) своего времени, принадлежали къ разнымъ литературнымъ обществамъ или такъ называемымъ *Камерамъ Риторичесъ*. Эти люди были настоящіе Тиртеи своего времени, — непримиримые враги Католицизма и Испанскихъ *плакатовъ* (*). Общества ихъ, которыхъ видимою цѣлью было образованіе Нидерландскаго народнаго языка, соединяли цѣль сію съ другою таинственною цѣлью, распространеніемъ протестантизма и ненависти къ его гонителямъ. Иногда при направленіи образованныхъ людей, каковы были другъ принца Виллема знаменитый Филиппъ Фанъ Марниксъ, владѣтель Ст. Альдегондскій и Янъ фанъ деръ Дузь — отличный латинскій поэтъ и воинъ, — иногда повторяемъ мы, эти народныя барды XVI вѣка возбуждая въ слушателяхъ своихъ благородное чувство любви къ отечеству, ободряя ихъ не къ одной защитѣ свободы вѣрованія, внушали имъ ту же терпимость, которой добивались сами; но гораздо чаще проповѣдывали фанатизмъ, и безпощадную *войну Неримлянъ* (Ongehoosden) съ Католиками; по ихъ внушенію и по воззваніямъ фанатическихъ проповѣдниковъ новой вѣры, неистовые *Бельдстормеры* (иконоборцы) ниспровергали лики католическихъ угодниковъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ сила этихъ изувѣровъ превозмогала. Весьма естественно, что послѣ такихъ неистовствъ, и Испанцы казнили безжалостно всѣхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, не щадили ни гдѣ ни редерейкеры, ни ихъ прозелитовъ. Приписывая имъ всѣ ужасы произведенныя иконоборцами, они вѣшали ихъ десятками на тѣхъ самыхъ веревкахъ, которыми осквернители святыни храмовъ стаскивали изваянія католиче-

скихъ угодниковъ съ ихъ подпожий. Но люди сіи проповѣдывали вѣру Христіанскую на языкъ понятномъ для простолюдина, они пѣвали Нидерландцамъ на ихъ родномъ нарѣчій о славахъ предковъ, которыхъ имена перенесли въ народныя сказки и мелодіи: они положили на музыку и теперь сохранившуюся въ Голландіи пѣсню: *Wilhelmus van Nassauwen*, — твореніе Марникса, поэта, вождя, друга и сподвижника Виллема I-го; поэтъ переложившаго псалмы Давидовы на Нидерландскій языкъ, поэтъ Богослова, котораго наставникомъ былъ знаменитый, женевецъ Кальвинъ.

Герою народнои пѣсни, о которой мы говоримъ, былъ глава Гезовъ принцъ Нассау-Оранскій. Какъ сборная труба, какъ вѣчевый колоколъ, какъ военный кличъ, — эта пѣсня народная созывала вокругъ пѣвца всѣхъ патриотовъ *Понизовыхъ* земель (*Neder-landen*). При бранныхъ звукахъ ея пробуждалось, вздремавшее мужество Нидерландцевъ: и рука воина, и рука старца, и рука юности еще не окуренаго порохоуъ, принималась за мечъ, напрягала тетиву лука; зажигала фитиль самопала противъ гонителя родной вѣры, похитителя наследственнаго имуществва, осквернителя ложа брачнаго, посягателя на дочернюю честь: а таковыми Редерейкеры представляли почти всегда, безграмотнымъ соотчичамъ своимъ, угнѣтателей вѣры и родины, *бусурмановъ папистовъ*, — однимъ словомъ Испанцевъ.

Одинъ изъ этихъ Редерейкеровъ Питеръ Схютематте казненъ былъ 1547 года въ Антверпенѣ за балладу сочиненную имъ на нѣкоторыя *штучки* (*stukjes*) или *вещицы* произведенныя *Миноритами* (*Minnebroeders*); другой поэтъ-тиртей, членъ Антверпенской камеры де *Violieren*, ревностный патриотъ Виллемъ Пулхиръ (*Poelgier*) родомъ изъ Гента, приговоренъ былъ въ 1536 году ко *всенародному покаянію* (*amande honorable*) съ наказомъ *не ен-*

* См. выше.

ставляти никогда въ риторикѣ ни добра ни худа (*).

Наконецъ всеобщая испависть противъ Кардинала до того усилилась, что Редерейкеры стали выводить его въ фарасахъ своихъ какъ дѣйствующее лицо на посмѣшище народу. Принцъ Оранскій, Графы Эгмонтъ и Горнъ, рѣшились написать о томъ къ Королю, (въ 1565); по изображая ему неблагопріятіе этихъ стихотворныхъ пападокъ на кардинала, они коснулись въ письмѣ своемъ и тѣхъ злоупотребленій, которые подали къ нимъ поводъ. Филиппу II крайне не хотѣлось ограничивать власти намѣстника своего въ Нидерландахъ онъ пригласилъ одного изъ трехъ сочинителей письма явиться къ себѣ лично въ Испанію, отчего однакоже они уклонились, равно какъ и отъ засѣданій въ государственномъ совѣтѣ правительницы. — Написавъ къ Королю вторичное посланіе, они составили съ большою частію Нидерландскаго дворянства клятвенный союзъ, тайныя предположенія котораго оставались еще неизвѣстными; но всѣ члены сего союза торжественно объявили, что не предпримуть ничего протившаго *службѣ Короля и пользамъ Римско-Католическаго исповѣданія*, Нѣсколько вельможъ отреклись вступить въ число членовъ союза и остались нейтральными; однакоже правительница, при видѣ такого явнаго неудовольствія, рѣшилась пожертвовать ему своимъ первымъ министромъ и вскорѣ потомъ прислать былъ въ 1564 году отъ статсъ-секретаря Арментероса Королевскій эдиктъ, которымъ приказано кардиналу отправиться во Французскую область Бургонь — его родину. Съ отъездомъ кардинала главы союза: Принцъ Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ, заняли опять мѣста свои въ совѣтѣ Правительницы, твердо

(* Nyet meer te stellige in de Rhetorycke quaet noch goet, см. *Kannaert* Bydragen tot de *Kennis van het oude Strafrecht in Vlaenderen* 3-de Druk, bl. 300.

рѣшившись противиться введенію инквизиціи и этимъ самымъ, равно какъ и привѣтливостью своею, привлекли къ себѣ почти всѣхъ дворянъ помѣщиковъ, такъ называемыхъ патриотовъ — *Неримлянь* (Onrooyen), т. е. не католиковъ. Они достигли до того что остановили публикацію одного, не задолго передъ тѣмъ изданнаго строгаго плаката. Защитникъ католицизма, Фигліусъ (Viglius) пораженный силою ихъ убѣжденій, не нашелся отвѣчать имъ на побѣдоносную ихъ апологію вѣротерпимости и, послѣ одной безсонной ночи, разбитъ былъ параличемъ.

Въ 1565 году, Совѣтъ Правительницы отправилъ Эгмонта посланникомъ къ Королю со всеподданнѣйшею просьбою: *умягчить жестокость плакатовъ, распространить власть государственнаго совѣта и подчинить ему всѣ другіе провинціальныя совѣты*. Возвратясь назадъ Эгмонтъ привезъ въ отвѣтъ, что *Король скорѣе готовъ лишиться тысячи жизней, еслибы имѣлъ ихъ, чѣмъ допустить малѣйшую переменъ въ вѣроисповѣданіи, или оставить безъ наказанія еретиковъ*. Въ слѣдъ за сямъ, онъ предписалъ совѣту безотговорочно припятъ всѣ церковныя положенія Тридентскаго Собора, что и исполнено было не безъ особаго затрудненія, въ Камерейкѣ (Катергукъ); но въ Мехельнѣ и Утрехтѣ совершенно не удалось.

Всѣ члены союза тѣмъ болѣе возмущены были такою строгостію Короля, что онъ изустно обѣщалъ Эгмонту умягчить строгость гоненій за вѣру; но Король далъ словамъ своимъ другой смыслъ, увтвряя, что онъ говорилъ объ одномъ *измѣненіи наказаній*, а отнюдь не о прекращеніи ихъ, что вмѣсто всенародныхъ казней еретиковъ онъ соглашался казнить ихъ тайно. Послѣ этого, повсемѣстно провозглашенъ былъ королевскій указъ *объ исполненіи плакатовъ и введеніи инквизиціи*. Этотъ новый указъ до того привелъ въ отча-

лше въ Нидерланды, что въ августъ мѣсяцъ тогоже 1565 года, множество дворянъ и вельможъ съ своими клецками, начали дерзостно порицать эту государственную мѣру и признаны мятежниками; многіе градоначальники рѣшительно отказались исполнять поставленія плакатовъ и инквизиціи противъ еретиковъ, а Гоорнъ и Принцъ Оранскій, оставивъ Дворъ Правительницы, показали себя явными покровителями недовольныхъ дворянъ и подали формальное представленіе о прекращеніи дѣйствія инквизиціи и плакатовъ, представленіе, котораго не одобрялъ однако жъ Графъ Эгмонтъ. Не взирая на его несогласіе, Генрикъ Фапъ-Бредероде, потомокъ древнихъ графовъ Голландіи, и Виллемъ Принцъ Нассау-Оранскій, въ сопровожденіи 300 знатнѣйшихъ дворянъ союза, отправились съ этимъ письменнымъ представленіемъ въ Брюссель и почтительно вручили его Правительницѣ 5-го числа апрѣля 1566 года. Карлъ Графъ Барлемонтскій любимецъ Правительницы, замѣтивъ смущеніе Принцессы, старался успокоить ее слѣдующими словами: *Se ne vont que des Gueux!* (*Это просто нищете!*)! Правительница отпустила ихъ ни съ чѣмъ.

На другой день Виллемъ Нассау-Оранскій, Фапъ-Бредероде, Горнъ и Эгмонтъ, на торжественномъ пиру, заключили съ единомышленниками своими союзъ противъ гибельныхъ нововведеній папистовъ. Къ концу пира, Бредероде падълъ на шею нищенскую суму (*Bedelzak*) и наливъ виномъ деревянный ковшъ (*houte par*) выпилъ изъ него за здоровье присутствовавшихъ, увѣряя ихъ съ клятвою что *готовъ лишиться достоинства своего и жизни, защищая общественные права*. Потомъ сума и ковшъ переходили отъ одного собесѣдника къ другому и каждый пилъ и провозглашалъ во всеуслышаніе: да здравствуютъ Гѣзы! Въ слѣдующій день всѣ союзники одѣлись въ сермя-

жное платье и ходили по улицамъ съ сумою черезъ плечо, съ подбритыми по турецкому обычаю бородами, съ деревянными ковшами за полсомъ и нарочно выбитою медалью на шеѣ. На одной сторонѣ этой медали было лицевое изображеніе Филиппа II-го съ слѣдующею надписью: *den Koning getrouw* (*вѣрны королю*); а на другой двѣ сложенные руки съ сумою и слѣдующимъ девизомъ *tot den bedelzak!* (*до нищенской сумы*)! 15-го числа того же мѣсяца въ новомъ союзѣ считалось уже 400 членовъ. Ихъ прозвали при дворѣ Правительницы *les Compromis*; но сами они приняли названіе Гѣзовъ (*нищихъ*, *Geuzen*, *Gueux*), а вмѣсто лозунга свой застольный кличъ: *Lang leeven de Geuzen* (да здравствуютъ Гѣзы)! Мѣсяца черезъ два или черезъ три, вѣсть объ этомъ союзѣ вскорѣ разнеслась по всемъ Нидерландамъ и не католики (*de ongoetse*), сдѣлались смѣлые. Подъ покровительствомъ Гѣзовъ, на всемъ пространствѣ Валлонской Фландріи (*Walsch-Vlaenderen*), Артуа, Брабанта, Утрехта и Голландіи появились проповѣдники новой вѣры и ученіе ихъ, по словамъ летописцевъ, какъ *пожаръ раздуваемый ихремъ партій въ непродолжительномъ времени, охватилъ всѣ Нидерланды*. Юля 14-го дня 1566 года, послѣдовала первая публичная проповѣдь новой вѣры. Алкмаарскій корзиночникъ Янъ Арендзъ, началъ проповѣдывать сперва въ окрестностяхъ Гоорна, потомъ за воротами Алкмаара и Амстердама, и мѣсяцъ спустя, появились шайки *Белдстормовъ*: цѣлыя толпы ремесленниковъ и буйной черни, ругаясь святынею католицизма, вторгались въ древніе храмы, ниспровергали святыхъ Римской церкви и принялись грабить сокровища собранныя благочестіемъ нѣсколькихъ вѣковъ. Нотаріусъ Виллемъ Дейноотъ (*Dejnoot*) предводительствуя изувѣрами въ Миддельбѣрхъ, заплатилъ за то въ послѣдствіи собственной своей головою; Янъ Эй-

пещь (Yrensx) *Балю* (*) города Арнемейденъ, самъ отворилъ имъ церковныя двери; дворяне Утрехтскіе Ляъ Фанъ Ренеле, владѣлецъ помѣстья Вильиъ, его побочные братья Филиппъ и Виллемъ, Стефанъ Зейленъ, Виллемъ Зейленъ фанъ Нейфельдъ, Корнелисъ, фанъ Нейенроде и множество другихъ приверженцовъ партіи Гезовъ, помогали Бельдстормерамъ своимъ мѣстнымъ вліяніемъ и оружіемъ. Магистратъ города Амстердама только тѣмъ предварилъ оскверненіе своей *древней церкви* (de Oude—kerk), что велѣлъ заранѣе вынести изъ нее всѣ лики Римскихъ святыхъ и запереть церковныя двери Лейденскіе Гезы, дворяне Якобъ фанъ Вейнхаарденъ и Аренцъ фанъ Дейфенфорде лично предводительствовали Бельдстормерами при истребленіи священныхъ книгъ, утвари, иконъ и изваяній Петровской церкви. Толпы черни, подъ предводительствомъ Виллема, произвели тѣже беспорядки въ Гаагскомъ *монастырѣ проповѣдниковъ* (Preekhescen — klooster) и въ Вассенааровой капеллѣ; при чемъ одинъ гезъ фанъ Гофвейкнъ (Van Hofweykn) торжественно объявилъ, что онъ, съ шестьюстами другихъ дворянъ, готовъ былъ защитить *противъ всѣхъ и каждаго* провозвѣстниковъ новой вѣры. Ветцель фанъ Бутцеларъ самъ воустилъ Бельдстормеровъ въ городъ Асперенъ и далъ имъ разграбить всѣ тамошніе церкви и монастыри; напротивъ того благоразумный фанъ деръ Мейне успѣлъ предотвратить грабежъ и оскверненіе храмовъ въ Дордрехтѣ и Хаудѣ, и только подъ Аухейномъ (Auchun) удалось одному фанъ Латуру разбить толпу бельдстормеровъ, состоящую изъ 400 человекъ.

Изувѣрство нѣкоторыхъ едва не погубило цѣлой партіи Гезовъ. Всѣ бла-

(*) Balliew (*Vaillie*), тоже что нынѣшній *Полицмейстеръ* города или *Меръ*, съ званіемъ его сопряженъ былъ иногда и титулъ судьи.

гомыслящіе люди ужаснулись описанныхъ нами неистовствъ и громко порицали ихъ. Принцъ Нассау Орапскій гнушаясь извергами и собользнуя о заблужденныхъ иповѣрцахъ, по званію своему Стадгаудера, предложилъ правительству наказать однихъ, а для другихъ исходатайствовалъ у Короля временное позволеніе слушать проповѣдь новой вѣры: но на вмѣшательство Принца очень дурно смотрѣли при Дворѣ; а Бергенъ и Монтинъ задержаны въ Испаніи. Не смотря на это, между духовенствомъ Утрехтскимъ и новыми проповѣдниками заключена полюбовная сдѣлка, а Кальвинистамъ отвелъ Принцъ Орапскій нѣсколько мѣстъ для проповѣди въ Амстердамѣ и его окрестностяхъ. Въ Лейденѣ заключенъ также по настоянію Принца особый договоръ между католиками и *Меланхтоновскими не-Римлянами* (ongrootaen) Аугсбургскаго исповѣданія, съ обѣщаніемъ изгнать изъ города всѣ другія иноверческія секты.

Кальвинисты города Антверпена предложили Правительницѣ тридцать тоннъ золота за право своего исповѣданія. Это обстоятельство и многія другія заставили принцессу вооружаться противъ Гезовъ, которыхъ партія начала ослабѣвать; она рѣшилась употребить противъ нихъ силу и строгость. Съ своей стороны Гезы также вооружались. Начали укрѣплять свои замки и вербовать солдатъ. Въ 1567 году Бредероде и графъ Фанъ денъ Берхъ вздумали было примириться съ Испанскимъ правительствомъ, но правительница имъ объявила, что покорность ихъ должна быть безусловною и это обошлось имъ такъ дорого, что они, изъ отчаянія — должны были опять приняться за оружіе; Бредероде овладѣлъ на нѣкоторое время Гартогенбосомъ, и готовъ былъ тоже сдѣлать съ Утрехтомъ, еслибы непомѣшалъ ему Мехенъ (Megen). Послѣ этого узнавъ о возмущеніи, которое произошло тогда

въ Амстердамъ, онъ ворвался въ этотъ городъ, и не смотря на словесный вызовъ его вступить въ переговоры съ правительницею, которая прислала для того секретаря своего де ла Торре, Бредероде заставилъ объявить себя начальникомъ города и изъ гражданъ его набралъ себѣ особыхъ тѣлохранителей.

Пока все это происходило въ Голландіи, Графъ ванъ Мехенъ въ Гельдріи, а д'Аремберхъ во Фризій, запретили протестантамъ ихъ публичныя проповѣди, и принудили ихъ расплачиваться за вредъ и убытки причипенные церквамъ и монастырямъ. Ванъ Толоузе, какъ думаютъ нѣкоторые, точно также какъ и Бредероде тайно ободряемый Принцемъ Оранскимъ, сдѣлалъ нападеніе на о. Валхеренъ, на Лейдерберхъ и Флиссингенъ, но былъ разбитъ наголову и лишень жизни.

Безпрестанныя и непримиримыя споры Лютеранъ съ Кальвинистами угрожали величайшей опасностью партіи Гёзовъ. Отчаявшись прекратить эти гибельныя распри, Стадгаудеръ рѣшился удалиться изъ, послѣ трогательнаго прощанія съ другомъ своимъ Эгмонтомъ въ Виллебрукъ, отправился 5-го числа апрѣля изъ Антверпена, вмѣстѣ съ супругою своею Анною Саксонскою въ Германскія владѣнія дома Нассау. Узнавъ о семъ, Правительница назначила на мѣсто его Графа Боссю Стадгаудеромъ Голландіи, Зеландіи, и Утрехта, запретила Протестантамъ публичную проповѣдь ихъ ученія въ Антверпенѣ, послѣ чего Графъ Гоорнъ, и Гоохстрапелъ также выѣхали изъ Нидерландовъ.

Пламя костровъ, которые пылали тогда въ Гельдріи и Брабантѣ, устранило Кальвинистовъ Голландіи: они сами предложили Правительницѣ прекратить проповѣдь вры своей въ Амстердамъ. Имъ назначенъ былъ срокъ 26 апрѣля для выѣзда съ имуществомъ за границу: половина Голландіи прощалась съ

другою! Наконецъ выѣхалъ и самъ Бредероде, получивъ отъ Германа Равенберха и Адриана Паау (Paauw) восемь тысячъ гульденовъ реквизиціи съ города Амстердама. Вооруженное судно провожало его самого де Фли (de Vliegboom), пролива, разделяющаго острова Флиландъ и Схелингъ. Увѣряютъ что этотъ знаменитый начальникъ Гёзовъ, потерявъ надежду на успѣхъ своей партіи, преданъ излишнему употребленію хмѣльных напитковъ, и заболѣвъ въ дорогѣ горячкою, умеръ 5 февраля 1536 года въ Рекелингейзенѣ, одномъ изъ фортвъ замка Гаренберхъ и похороненъ въ Гемпенъ что въ области Клеэвской (Cleef, Clève). Послѣ отъѣзда своего начальника, Бредеродовы войска обратились было на Амстердамъ, но ихъ туда не впустили, и они сперва принуждены были отправиться въ Вестфризію и (разграбивъ тамъ нѣсколько монастырей) по заключенному съ ними договору, высажены были на Мейенскую плотину, а оттуда переправясь въ Гессенъ черезъ Рейнъ разорвали знамена свои и разбѣжались. Нѣсколько времени спустя, Нуаркармъ (Noirkarme), занявъ Амстердамъ, а Герцогъ Брауншвейгскій разбилъ три отряда бывшіе подъ начальствомъ Гехтенбрука, Нейфельда и Реннесе ванъ Вельека, и оставилъ гарнизоны въ Амендѣ и Фіапенѣ. Реннесе, взятый при этомъ въ плѣнъ, обезглавленъ въ Утрехтѣ.

Какъ ни бѣдственно было положеніе Гёзовъ въ 1567 году; но несчастіе ихъ еще не доходило тогда и до половины. Никто не смѣлъ напоминать о нихъ подъ опасеніемъ смертной казни; листъ книги судьбы перевернулся и Католики, вступая на попріище изгнанныхъ Гёзовъ, заняли ихъ мѣста. Города и села наводнили кровію жертвъ, по большей части невинныхъ. Новыя церкви протестанскія, а особливо во Фландріи, расписаны были по монастырямъ, а строители ихъ повѣшены на тѣхъ же самыхъ веревкахъ, которыми прежніе

Бельдстормеры (иконоборцы) срывали ливки Римскихъ угодниковъ съ ихъ подножій. Голландія до того тогда опустыла, что *нельзя было набрать въ Амстердамъ судовъ для отвозу бѣглецовъ въ Эмдеенъ*. Испуганные остальные изгнанниковъ, которымъ не на чемъ было вѣхать за границу, ожидали того роковаго часа, въ который придетъ на родныя берега ихъ Испанское войско. И вотъ — какъ грозная туча собралась въ августъ мѣсяцъ 1567 года, это страшное войско! Свирѣпый Герцогъ Альва имъ предводительствуетъ: 9000 человекъ пѣхоты, 1200 человекъ конницы, и четыре знамени (отряда) рейторовъ (vier Vaenen Ruiters), прибывшихъ изъ Бургони собираются въ Люксембургъ; а въ Диденгофенъ, гдѣ встрѣченъ онъ былъ пріятвѣннѣйшимъ посольствомъ Правительницы, присоединяются къ нему три нѣмецкихъ полка, только что прибывшіе изъ Германіи. Этихъ послѣднихъ разсылаетъ онъ по разнымъ мѣстамъ Брабанта и Фландріи. Ужасъ предходить имъ; смерть послѣдуетъ за ними.

Альва снабженъ былъ отъ Короля такимъ неограниченнымъ полномочіемъ что, по словамъ Вагенаара: (Vaderlandsche Historie) *правительница оставалась быть развѣ его тѣнью*. Она потребовала увольненія и получила его.

Кровожадный Альва посѣтилъ учредить въ Нидерландахъ верховное судилище изъ 12 членовъ и назвалъ его и трибуналомъ мятежа и крови. Онъ хвалился въ послѣдствіи что по приговору этого кроваваго трибунала погубилъ рукою палача 18,600 мятежниковъ и еретиковъ — и что войны, его умертвили ихъ до 100.000! Президентомъ трибунала назначилъ онъ Аптоніа де Фаргаса, который въ свое время слылъ человекомъ ученымъ. Онъ отвѣчалъ однажды Гезамъ предъявившимъ ему права свои: Non curamus vestros privilegios», т. е. *мы не заботимся о вашихъ привилегіяхъ*; потому

выражая свое мнѣніе о Бельдстормерахъ, продолжалъ: «Heretices franxerunt templa, boni nihil faxerunt contra, ergo debent omnes patibulare,» т. е. *еретики разрушили храмы, върные имъ невоспротивились, и такъ ихъ должно всѣхъ перевѣснать*. Другой членъ по имени Гесель, а по прозванію «*Сонша*» оттого что онъ почти всегда дремалъ во время присутствія, — на вопросъ товарищей объ его мнѣніи, отвѣчалъ всегда протирая глаза: «*на вистлицу! на вистлицу!*» а Донъ Гуанъ Австрійскій говаривалъ разсуждая о Гезахъ, «*я задушу этихъ Голландцевъ въ ихъ маслѣ!*» Таково было тогдашнее ожесточеніе самыхъ образованнѣйшихъ Испанцовъ противъ протестантскихъ жителей Нидерландовъ!

Отецъ Беркетмейеръ, по обычаю своего времени, дѣлаетъ довольно странное замѣчаніе о Гезахъ. По его мнѣнію, число лѣтъ 1567 года, въ которомъ воздвиглось жесточайшее гоненіе на Гезовъ, содержится въ слѣдующихъ словахъ: SaVLe, qVID ME perseqVerIs» т. е. *Савле, почему мя гониши*.

Въ концѣ этого года Альва приказалъ тремъ начальникамъ Гезовъ, Принцу Оранскому и Графамъ Гоорну и Эгмонту, лично явиться въ Брюссель. Двое послѣднихъ хотѣли отправиться, а первый отказался. Прощаясь съ бывшимъ Стадгаудеромъ, Графъ Эгмонтъ сказалъ ему, шутя: «*прощай Принцъ безъ земли!*» а тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ же тономъ! «*Прощай Графъ безъ головы!*» Такъ дѣйствительно и случилось. Видя что вельможи Нидерландскіе не торопятся исполнять волю его, Герцогъ Альва приказалъ захватить Графовъ Горна, Эгмонта и многихъ другихъ дворянъ, которые способствовали побѣгу своихъ единоземцевъ, и въ 1568 году заставилъ ихъ заплатить головами за свою бѣдственную знаменитость. Родственники Графа Горна, вынявъ сердце обезглавленнаго, заключили его въ особую урну, и вмѣстѣ съ головою, по-

гребли въ одномъ гробѣ съ туловищемъ *).

Послѣ казни великодушнѣйшаго изъ Гёзовъ Графа Эгмонта, свидѣтель сего событія Французскій посланникъ сказалъ: *Vidi ego in Bruxellensi foro decussum illum verticem cujus virtute Gallia bis contremus*, т. е: *Я видѣлъ на большой площади Брюссельской, отсѣченіе головы, которой способности заставляли Францію дважды содрогаться*. И дѣйствительно, Графъ доказывалъ неоднократно храбрость свою въ войнахъ съ сей державой, особенно въ сраженіи при Сеп-Кентенѣ. Когда Графа обезоружили передъ казнью, онъ произнесъ слѣдующее: *Et tamen hoc fero ego sepius Regis Hispaniae caudem contra Gallos non infeliciter defendi*, т. е. *тѣмъ самымъ мечемъ который вы отнимите отъ бедра моего, я такъ часто и не безъ успѣха защищалъ противъ Французовъ права Испанскаго Короля*.

Но, съ казнью двухъ графовъ и ихъ сподвижниковъ, не пала смѣлая партія

*) Изъ публичныхъ листовъ сего 1840 года, видно что могила Графа Горна весьма недавно вскрыта была въ церкви Бельгійскаго мѣстечка *Везркъ*. Деревянный гробъ почти весь развалился, но скелетъ несчастнаго Графа былъ еще совершенно цѣлъ; черепъ его лежалъ на груди; сбоку стояла плотно закупоренная урна съ сердцемъ Графа; на урнѣ уцѣлѣла еще слѣдующая надпись: *Neer Graave van Nagne, Juny 26. 1568*; остальныхъ словъ нельзя было разобрать.

Гёзовъ: ихъ смѣлый духъ и рѣдкія дарованія казалось сосредоточились въ лицѣ оставшагося въ живыхъ председателя Гёзскаго союза.

Жестокій Альва превзошелъ мѣру человеческого терпѣнія и избавитель поднялъ снова оружіе. По требованію его явились и деньги и храброе войско; доблесть предводителя одушевляла Голландцевъ.

Послѣ многолѣтней войны и чудесъ храбрости, партизаны Принца Оранскаго освободили сѣверную часть Нидерландовъ подъ именемъ Семи Соединенныхъ провинцій. Въ 1579 году подписанъ въ Утрехтѣ знаменитый актъ союза, возобновленный въ 1583 году Соединенными Штатами, которымъ Сѣверные Нидерланды признаны самостоятельнымъ Государствомъ; война продолжалась 82 года. Еще при жизни Короля Филиппа стояла она ему несмѣтныхъ денежныхъ суммъ и цѣлыхъ рѣкъ крови Испанскихъ подданныхъ; Мюнстерскій миръ положилъ конецъ сей кровавой борьбѣ народовъ. Если эта война пережила славнаго освободителя Нидерландовъ; то имя защитника *впротерпимости* Виллема Нассау-Оранскаго пережило эту, почти вѣковую, войну и самое названіе *Гёзовъ*. — Потомство перестало говорить о нихъ, но и теперь еще поетъ національную пѣсню свою «*Wilhelmus van Nassauwen!*» Пѣсня эта сдѣлалась вѣрноподданническимъ гимномъ, синонимомъ «*Боже Царя храни!*» въ Нидерландахъ.

П. КОРСАКОВЪ.

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ОДЕЖДА ЖИТЕЛЕЙ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Собравъ на мѣстѣ вѣрныя свѣденія касательно нравовъ, обычаевъ и одежды жителей Олонецкой губернии, я рѣшился представить это описаніе любителямъ всего отечественнаго *). Въ самомъ дѣлѣ, какъ любопытно и вмѣстѣ благородно ознакомиться съ тѣмъ, что находится въ нашемъ пространномъ отечествѣ! Изучать страны чужеземныя, знакомить съ каждымъ уголкумъ чуждаго намъ государства, есть дѣло полез-

*) и любители всего отечественнаго усерднѣе просятъ любознательнаго наблюдателя, автора статьи, поспѣшить изданіемъ полнаго сочиненія, о которомъ говорено уже въ Сѣверной Пчелѣ 7 Февраля 1840. Заглавіе книги: *Олонецкая губернія въ статистическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ*. Къ ней приложатся: видъ города Петрозаводска, общал карта всей губернии, и къ каждому уѣзду — его гербъ, иллюминированный красками; изданіе въ 8-ю долю листа напечатается со всею типографскою роскошью. У насъ именно недостаетъ сочиненій этого рода, и тѣмъ вѣрнѣе предсказываемъ успѣхъ такого важнаго труда въ публикѣ. *Редакт.*

ное и важное; но вовсе непростительно не знать страны родной, не быть знакомымъ съ ея коренными обитателями и въ свою очередь, пройдя гражданское существованіе, не сказать ничего потомству о прежнемъ состояніи отечества и быта его предковъ! — Исполняскіе шаги нашего Государства на поприщѣ просвѣщенія, благородное стремленіе догнать и потомъ опередить просвѣщеніемъ ученыхъ Европейскій міръ, заставляютъ нашихъ ученыхъ углубляться въ новые предметы изученія; а это отклоняетъ ихъ вниманіе отъ непочатыхъ страницъ нашего Русскаго Царства. Рѣдка времени изглаживаетъ памятники отечественной страны и неважные, по видимому, листки нашей исторіи гниютъ въ тѣмныхъ архивахъ. — Послѣдствія ожидающія насъ очевидны: годы проходить, а съ ними исчезаетъ старина Русская, драгоценная Русскому сердцу.

Положимъ, что соотечественники наши успѣютъ въ своемъ предпріятіи, превзойдутъ въ образованіи Францію, Германію, Англію; пожелають возсоздать памятникъ своему отечеству, прозвучать славу земли Русской изъ рода

въ родъ; они кинутся въ архивы предковъ, начнутъ перебирать полу-истлѣвшіе листки — свидѣтельства временъ прошедшихъ, въ надеждѣ отыскать всѣ возможные сказанія о прежней Россіи и не найдутъ въ нихъ ничего! . . . къ какимъ тогда источникамъ должны будутъ прибѣгнуть они; откуда почерпнуть начала нашей исторіи? — изъ записокъ историка чужеземнаго, который можетъ быть совѣтъ съ другой точки смотрѣть на нашу Россію съ ея патриархальными обычаями. — Движимый этимъ чувствомъ, я принялся за мой трудъ, котораго часть представляю въ этой статьѣ.

Во время пребыванія моего въ Олонецкой губерніи, я собралъ довольно многое, занимательное; и современемъ, приведу мои замѣтки въ порядокъ, представлю ихъ на судъ просвѣщенной публики. Не говорю, что въ этихъ замѣткахъ заключаются рѣшительно всѣ подробности, касательно губерніи; напротивъ, есть еще многое, чего я не могъ достать или узнать обстоятельно по причинѣ моихъ постороннихъ занятій.

Быть простаго народа въ Олонецкой губерніи представляетъ обильные предметы для наблюденія. Но эти наблюденія въ тамошнемъ краѣ весьма затруднительны: во первыхъ потому, что крестьянинъ Олонецкій ^{ча} стыдъ почитаетъ высказывать кому нибудь свое житье; во вторыхъ, Олонецкая губернія разбросанная на 12,916,776 десятинахъ земли, представляетъ большое затрудненіе въ переездахъ; деревни удалены одна отъ другой на значительное разстояніе; на обзорніе уѣзда надо употребить много времени. Селенія тамошнія не то, что селенія средней полосы Россіи, и путешественникъ, не бывавшій на сѣверъ, удивится здѣшнимъ деревнямъ состоящимъ изъ 12-ти дворовъ, окруженныхъ лѣсомъ. Весьма часто встрѣчаются тамъ и зажиточные крестьяне, которые переселясь въ С. Петербургъ, черезъ знакомство съ выгоднѣйшею ча-

стію С. Петербургской промышленно-сти, дѣлаются иногда богатѣйшими купцами. Пробѣжалъ нѣкоторыя деревни, мнѣ часто случалось видѣть чистую, довольно большую избу крестьянина и его даже роскошную жизнь: чай и кофе составляютъ здѣсь необходимую потребность; въ праздничные дни не рѣдко можно встрѣтить женъ ихъ въ шелковыхъ сарафанахъ и жемчужныхъ повязкахъ. *) — Здѣсь кстати можно упомянуть о жемчугѣ, который находятъ въ Повънецкомъ уѣздѣ въ рѣкахъ: Повъчанкѣ, Остѣрѣ и Кумсѣ. Ловлею жемчуга занимаются женщины, котрыи, надо отдать справедливость, исправляютъ всѣ работы и трудятся болѣе нежели мужчины.

Жемчугъ встрѣчается въ продажѣ на ярмаркѣ, куда крестьяне привозятъ его на нѣсколько сотъ рублей. Большая часть жемчужинъ неправильны, но нѣкоторыя изъ нихъ попадаются чистой воды. Въ одномъ изъ прибавленій, къ Олонецкимъ губернскимъ вѣдомостямъ, сказано: „иногда русло каменистыхъ рѣкъ обнажается и добываніе раковинъ дѣлается удобнѣе. Старожилы помнятъ, что тоже самое случилось съ рѣкою Повъчанкою, и тогда попадались отличныя жемчужины; нитка такого жемчугу представлена была ко двору блаженной памяти Императрицы Екатерины Алексѣевны.“ — Еще не давно самому мнѣ случилось видѣть нитку жемчуга довольно чистой воды; она принадлежитъ одному купеческому семейству. Добываемый жемчугъ болѣею частію расходуется между самими жителями Олонецкой губерніи, которые дѣлаютъ изъ него, кромѣ головныхъ уборовъ, и серги; серги эти стоятъ тамъ отъ 30 до 100 рублей; двушки сами занимаются перенизываніемъ серегъ, а просверливать отдають

*) Которыя называются здѣсь *чельшиками* а у дѣвицъ *коронками*; кромѣ того женщины носятъ жемчужныя подвязки. — Соч.

ихъ одному искусному въ этомъ дѣлѣ крестьянину, который беретъ по двѣ копейки съ серьги.

Упомянувъ о щегольскихъ нарядахъ жещинъ, я долженъ сказать, что не многія изъ нихъ имѣютъ такіе способы; большая часть весьма бѣдны; но и тутъ страсть къ кофею и чаю не пропадаетъ, и Олонецкому крестьянину жизнь тягостна, когда нечѣмъ потѣшить этихъ любимыхъ привычекъ. Въ рѣдкой избѣ не найдете вы самовара; за то страшно взглянуть на его обѣдъ: рыба да лепешки, перемѣшанныя съ древесною корою, составляютъ все его кушанья. — Мнѣ случалось быть въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, въ дикой Корелии; тамъ по дорогамъ верстовыхъ столбовъ нѣтъ, а всегда можно знать, какъ близко селеніе, по обнаженнымъ соснамъ, съ которыхъ кора спята жителями для употребленія въ пищу. Чѣмъ ближе къ селенію, тѣмъ болѣе такихъ деревьевъ.

Въ характерѣ здѣшнихъ крестьянъ много хорошаго: они тверды въ своемъ словѣ, гостепріимны и честны до крайности; послѣднее можно видѣть изъ обыкновенія, которое введено въ губерніи: въ лѣтнее время *) пускаютъ лошадей съ подвязанными подъ шею колокольчиками на подожный кормъ, и не было еще примѣра, чтобъ они пропадали. Въ этомъ случаѣ грабителями ихъ бывають одни лишь волки. — Достойна замѣчанія примѣрная любовь жителей къ родинѣ, которую они питаютъ къ ней до конца жизни. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ: значительные взносы дѣланые для бѣдныхъ жителей нѣкоторыхъ уѣздовъ, богатѣйшими купцами Петербурга, уроженцами Олонецкой губерніи. Пламенная любовь къ Царямъ Русскимъ, доказывается тѣмъ, что Олончане свято чтутъ слова ихъ; благодѣяніи Императора Петра I-го оказанныя здѣшнему краю, живутъ и бу-

дутъ жить въ душѣ каждого. Рассказы о Царѣ Петрѣ, мѣстахъ Его посѣщенія, о пребываніи на водахъ марціальныхъ и о пути Его изъ Архангельска въ Повѣнецъ съ свитою и лхтами, хранятся между народомъ, какъ свѣтыни. Не только посѣщенія Царственныхъ Лицъ, но даже великихъ мужей они передаютъ въ разсказахъ потомству. Напримѣръ, посѣщеніе Петрозаводска А. В. Суворовымъ, сохранило разсказъ, который слышалъ я отъ одного драхлаго старика и который передаю теперь моимъ читателямъ: вѣсть о намѣреніи посѣтить Петрозаводскъ Княземъ Италійскимъ подала мысль къ приуготовленіямъ и распоряженіямъ со стороны начальства; Суворовъ, посѣщавшій въ исполненіи своихъ предпріятій, всегда являющійся гораздо прежде чѣмъ его ожидаютъ, прискакалъ въ Петрозаводскъ, на тележкѣ, въ простой солдатской курткѣ. Подъѣхалъ прямо къ пушечно-литейному Александровскому заводу и отправился туда; на вопросъ часоваго у заставы: скоро-ли будетъ Князь Италійскій? онъ отвѣчалъ: «Князь слѣдуетъ за мною.» Войдя въ заводъ, онъ потребовалъ, чтобы ему все показали прибавивъ, что онъ Суворовъ; дежурный чиновникъ тотчасъ далъ знать Намѣстнику и Начальнику завода *), которые не замедлили явиться. Въ это время Александръ Васильевичъ, грѣлся у доминной печи и по временамъ закусывалъ черными сухарями, которые вынималъ изъ боковаго кармана строй куртки. Когда начальники явились; онъ выслушалъ рапортъ Намѣстника губерніи и велѣлъ возвратиться домой, прибавивъ, что не желаетъ отвлекать его отъ дѣла, а съ Начальникомъ завода отправился осматривать заводъ. Начальство горное распорядилось разложить издѣлія Александровскаго завода по сторонамъ той дороги, по которой онъ долженъ возвращаться. Съ одной сто-

*) Съ мая до сентября мѣсяца.

*) Намѣстникомъ былъ тогда Тутолминъ, Начальникомъ завода Гасковъ. — См.

роны разложены были: печи, вышки, ножицы, разная домашняя утварь, плиты, рѣшетки, цѣпи, кольца, заслонки; однимъ словомъ всѣ возможные мѣлкія издѣлія; съ другой, были сложены пирамиды бомбъ, ядеръ, картечь. . . . Подходя, Суворовъ сначала повернулся къ той сторонѣ, гдѣ были мѣлкія издѣлія; взглянулъ, сдѣлалъ гримасу и отвернулся къ другой сторонѣ; здѣсь онъ внимательно сталъ разсматривать пирамиды, приговаривая: «помилуй Богъ, какъ хорошо, помилуй Богъ, какой славный истинецъ Шведамъ.» — По выходѣ изъ завода, купечество встрѣтило его хлѣбомъ и солью, по Русскому обычаю: Суворовъ принялъ подпесенное, поблагодарилъ начальника завода, съѣлъ въ телѣгу и ускакалъ. Замѣчательна весьма копія съ реляціи Графа Суворова Рымникскаго, Государыни Императрицы, по прїѣздѣ его въ Петербургъ; копія эта хранится въ запискахъ путешественнаго Александровскаго завода; я выписалъ ее и помѣщаю здѣсь: «Слава памѣстнику; Гасконнъ великъ! составныя жего лафеты отнюдь не подозрительны; »Петрозаводскъ знаменитъ, ближайшая на него операція изъ Лапландіи; въ послѣднюю войну предохраненіе той страны было достаточно и мудро.» Вообще должно отдать справедливость, Олончанамъ, они долго помнятъ своихъ благодѣтелей и передаютъ эту память потомству; такъ напримѣръ до сихъ-поръ они займутъ васъ разсказомъ о намѣстникахъ: Тутолминъ, Коновницынъ, о губернаторахъ: Державинъ и Рыхлевскомъ; фамилію послѣдняго, они произносятъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, ибо, говорятъ они: онъ былъ добрейшій человекъ.

При первомъ взглядѣ на крестьянина Олонецкаго, онъ вамъ покажется грубымъ: его гордо-възвѣливые поклонны, какое-то нежеланіе отвѣчать на сдѣланные ему вопросы, тотчасъ выказываютъ въ немъ недостатокъ того простодушія, которымъ отличается крестьянинъ Ве-

лико-Россійскихъ губерній; по тѣмъ же менѣе, онъ гостеприименъ, дѣлить съ вами послѣдній кусокъ хлѣба и будьте покойны, съ трудомъ заставите принять за то какую либо плату.

Въ физическомъ отношеніи Олончане крѣпкаго сложения, не высокаго роста, большею частію бѣлокуры, какъ всѣ жители сѣвернаго края. Выраженіе лицъ, довольно пріятное, въ особности у женщинъ, хотя физиогномія ихъ мужественнѣе нежели у мужчинъ, да и во всемъ надо отдать имъ справедливость передъ мужскимъ поломъ. Простой народъ Олонецкой любитъ различнаго рода увеселенія и пиршества; любитъ собираться въ хороводы и подъ ладъ веселой пѣсенки пройти *вмоль*. *) — Полагаю не излишнимъ, выписать здѣсь одну изъ пѣсень, которая въ большомъ употребленіи при этомъ танцѣ, вонъ она:

«Всѣ мужья до женъ добры,
Накупили женамъ тафты;
Мой мужъ не ласковъ до меня:
Не купилъ мнѣ шелкова платка.
Онъ коровку кушилъ,
Мнѣ заботу снарядилъ.
Лучше-бъ масла и муки купилъ!
Я бы *стряпсу* (**) наняла:
Стряпешка постряпывала,
А я млада похаживала,
Каблуками приколачивала.
Вы бѣльица, румянца мои
Дорогія, новокупленные,
Въ зелено вино разложенныя,
На бѣло лице положенныя.
Скатитесь съ бѣлаго лица долой:
Бѣдетъ добрый мужъ домой.
Любимые подарочки везетъ;

*) Пляска эта чрезвычайно схожа съ нашимъ польскимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у насъ кавалеръ беретъ даму, и въ польскомъ проходятъ всѣ комнаты; у нихъ, напротивъ, по одной компатъ ходятъ въ задъ и впередъ, и дама выбираетъ кавалера. — Соч.

***) *Стряпка*, — стряпуха.

Шелкову плѣть не свистанную *)
На младу жену избалованную...

Имѣя случай собрать народныя пѣсни Олончанъ, я бы готовъ былъ показать ихъ многимъ нынѣшнимъ поэтамъ; пусть бы они посмотрѣли сколько тутъ чистой, народной поэзіи! Среди множества пѣсень, есть нѣкоторыя, въ которыхъ видѣны быть жителей въ этомъ дикомъ, отдаленномъ краѣ. Если бы я могъ быть увѣренъ, что не малый трудъ, — привести собранныя мною пѣсни въ порядокъ, и издать ихъ — не бесполезенъ, я бы исполнилъ его съ охотою и въ скоромъ времени (**). Если мы Русскіе желаемъ сохранить нашу народную поэзію, то непременно должны спѣшить собираніемъ пѣсень, иначе съ переменною нравомъ и обычаевъ народная поэзія исчезнетъ. Собирайте пѣсни по губерніи, одному, дѣло весьма трудное, ибо сперва нужно записывать со словъ, а потомъ уже провѣрять ихъ съ голоса; потому что напѣвая пѣсню, пѣсельники скорѣе припоминаютъ ее, нежели тогда, когда сказываютъ.

Почти каждое селеніе имѣетъ установленные праздники, на которые съходятся всѣ крестьяне сосѣднихъ деревень; пиршества эти продолжаются по два и по три дня. Нѣкоторые изъ жителей курятъ и нюхаютъ табакъ; впрочемъ эти вещи не такъ употребительны, оттого что большая часть изъ нихъ раскольники, которые не совсѣмъ-то жалуяютъ эти привычки. Попадаются крестьяне пристрастные къ горячимъ напиткамъ. — Пища ихъ, въ будни: хлѣбъ, рыба, грибы, рѣпа, ягоды и

*) Не свистанную: подъ этимъ словомъ разумѣютъ такую плетъ, которой никого не наказывали.

Соч.

(**) Приглашая почтеннаго автора къ изданію этихъ пѣсень, редакція Малка увѣрена, что всѣ любители Русской народности повторять ея просьбу.

мясо; последнее употребляютъ только зажиточные. Въ праздничные дни на столѣ крестьянина является лишнее кушанье, это: *колобы*, *сканцы*, *пращенные пироги*, *кокачи* и *калитки* (*). — Для питья употребляютъ они хлѣбный квасъ, но въ большемъ употребленіи квасъ рѣшной.

Между крестьянами существуетъ множество повѣрствъ и обрядовъ, и не удивительно: съверъ всегда былъ полонъ преданіями, существами баснословными. Я полагаю, что этому не мало способствуютъ: самый климатъ съвера и его непроходимые лѣса. Въ самомъ дѣлѣ, какъ уединенна и дика жизнь здѣшняго крестьянина. Въ глуши лѣсовъ, между горъ, скалъ и болотъ проводитъ онъ раздольную жизнь свою, хотя всегда въ борьбѣ съ недостатками полудикой жизни!... Днемъ углубляясь въ дремучіе лѣса, перебросивъ за спину охотничье ружье — винтовку, бродитъ онъ весь день и возвращается поздно ночью: въ эти то минуты мрака, перелетитъ ли съ ветки на ветку птичка, перескочитъ ли лягушка подъ мокрыми древесными листьями, встрепенется ли орелъ полу-сонный или прожурчитъ вдали ручеекъ; онъ робѣетъ, крѣпко сжимаетъ крестъ и творя молитву спѣшить къ своей бѣдной хижинѣ; — но вотъ, кто-то проскочилъ мимо его, онъ робѣетъ, схватываетъ ружье — выстрѣль,

(*) *Колобы*, готовятъ круглыми, тѣсто не совсѣмъ тонкое и намазываютъ его толокняною начинкою. *Сканецъ*, дѣлаютъ изъ тонкаго прѣснаго тѣста, съ намазанною кашею. *Пращенный пирогъ*, дѣлается изъ прѣснаго тѣста, внутрь его кладутъ пшено или толокно, потомъ защипываютъ и варятъ (*пращатъ*) его въ маслѣ. *Кокачи*, готовятъ изъ нетонкаго тѣста съ гороховою начинкою и сверху защипываютъ. *Калитка*, дѣлается также, какъ колобъ, только тѣсто тонкое и ржавое.

— и добыча: молодой олень на его плечах!... Он удвоивает шаги свои и благополучно достигает хижины.

Замѣчательнѣйшіе обряды бывають при свадьбахъ, о коихъ упоминалъ я въ одномъ изъ журналовъ (*) и при похоронахъ, о коихъ тоже говорено было (**), но о похоронахъ скажу здѣсь еще нѣсколько словъ. Замѣчательны весьма плачи родныхъ при гробѣ покойника; плачи эти исполнены глубокой горести и тоски по умершемъ; не могу утерпѣть, чтобы не выписать одинъ изъ нихъ, который часто можно слышать въ Олонецкой губерніи, это плачь дѣтей при гробѣ матери, вотъ онъ:

«Моя матушка! жалкое желанье! на кого ты насъ оставила, на кого мы сиротки понадемся? Ни съ которой стороны не завѣютъ на насъ теплые свѣтерочки, не услышишь ласковаго словечка; люди добрые отъ насъ отшатнутся, родные отзовутся; заржавѣтъ наше сиротское сердце. Печать красное солнышко, среди лѣта теплаго насъ не согрѣетъ: лишь притеплить насъ зеленая дубровная могилушка матушки.

«Прибери насъ матушка, подъ правое крылышко, промолви слово ласковое!

«Нѣтъ! скрѣпила ты свое сердечушко, скрѣпче камешка прижала неласковыя рученьки къ ретивому сердцу.

«Лебедушка моя бѣлая, въ какую путь, дороженьку собралась - снарядилась? съ которой сторонюшки ждуть «намъ тебя»?

Прошу моихъ читателей взглянуть на горестъ дѣтей, на этотъ порывъ растерзанной души, на эти сильныя желанія разбудить отъ вѣчнаго сна мать ихъ: ●

«Взбушуйте вы вѣтры буйныя, со всѣхъ четырехъ сторонюшекъ! Понеситесь вы вѣтры къ Божіей церкви, «размечите вы сыру землю! Ударьтесь вы буйныя вѣтры въ большой колоколь:

не разбудить ли звонъ его родную матушку, не промолвить ли она со мною слова ласковаго?»

Я бы помѣстилъ еще нѣсколько плачей, но статья эта не позволяетъ мнѣ много распространяться. — Есть довольно замѣчательное обыкновеніе при похоронахъ у Карелль; мертваго они не выносятъ изъ избы, а ночью спускаютъ его изъ окошка на дворъ и на утро уже относятъ на кладбище. — Обычай Египтянъ перешелъ и къ намъ Русскимъ: тотчасъ по смерти покойника являются плакальщицы, которыя произносятъ плачи (мирологи), оплакиваютъ покойнаго до его погребенія и потомъ заходятъ въ дома родныхъ и знакомыхъ покойника, и своими мирологами напоминаютъ про жизнь его; рассказываютъ всѣ его привычки, обыкновенія и даже любимыя кушанья. Кареллы въ дни поминковъ дѣлаютъ угощеніе покойникамъ, сзывая ихъ къ себѣ въ домъ, въ растворенное окно; сосѣди тоже являются на званый обѣдъ съ своими родными покойниками и величаютъ ихъ по именамъ и отчествамъ, спрашиваютъ объ жизни на томъ свѣтѣ и угощаютъ ихъ любимыми кушаньями. Русскіе жители Олонецкой губерніи при поминкахъ *пашутъ* (*) могилы родныхъ т. е. сметя пылъ, стелютъ платокъ и вслухъ рассказываютъ имъ, что случилось послѣ ихъ смерти.

Крестьяне вѣрятъ въ существованіе лѣсовиковъ, водяныхъ, домовыхъ и пр. есть между ними такіе, которые увѣряютъ, что видѣли ихъ сами. — Всѣ неожиданныя, несчастныя случаи они приписываютъ вліянію нечистаго духа, котораго они называютъ разными именами. Многія изъ повѣрьевъ помѣщены были въ одной изъ книжекъ «Сына Отечества» въ прошломъ 1839 году учителемъ и вмѣстѣ занимающимъ должность

(*) Отеч. запис. т. 9 мѣс. сент. смѣсь.

(**) Нев. Альм. 140 г. «Одинецъ».

(*) Пахать значитъ мести; мести напр. пахать комнату значитъ, вымести комнату.

смотрителя Петрозаводскаго уезднаго училища; статья эта, подъ заглавіемъ: «Замѣтки объ Олонецкой сторонѣ». Но эти замѣтки не вѣрно замѣчены; свѣрля нѣкоторыя изъ нихъ я показывалъ ихъ лицамъ знающимъ хорошо Олонецкую страну: тѣ находили что нѣкоторыя изъ повѣрьевъ не справедливы. — Я тоже отчасти говорилъ о повѣрьяхъ, но постараюсь сказать и въ этой статьѣ что нибудь объ нихъ; на примѣръ, въ Петрозаводскомъ уездѣ за сто верстъ отъ самаго города въ деревнѣ Кузорандѣ, существуетъ такого рода повѣрье: будто ежегодно въ Ивановскую ночь на островъ называемый Иванцовымъ прилетаютъ вѣдьмы изъ Кіева въ видѣ сорокъ, для собиранія различныхъ травъ (снадобья), которыя онѣ уносятъ съ собою въ Кіевъ. Травы эти совершенно отличны отъ обыкновенныхъ, видомъ и величиною. Рассказываютъ, одинъ старикъ поймалъ одну изъ такихъ сорокъ за хвостъ, но только она вырвалась и въ рукахъ у него осталась сорочка. Они вѣрятъ, будто рябчикъ оттого не высоко и не быстро летаетъ, что онъ наказанъ Богомъ за хищничество; замѣчаютъ также что если у вѣнчающихся, жениха или

невѣсты потушается свѣча, тому долго не жить на этомъ свѣтѣ; и множество другихъ подобныхъ повѣрьевъ.

Обыкновенная одежда крестьянъ состоитъ: у мужчинъ изъ овчинаго полушубка или страго кафтана, сдѣланнаго изъ шерсти домашнихъ овецъ; сукно это весьма искусно выдѣлывается крестьянами Олонецкаго уѣзда и аршинъ стоитъ не болѣе 1 р. 25 коп. Штука такого сукна представлена была на губернскую выставку, бывшую въ 1838 году. Одежда женщинъ состоитъ изъ сарафана холщевой крашенины. Голову, мужчины покрываютъ зимою шапкою телячьей шкуры съ длинными ушами, а женщины повязываются платками или низенькими кокошниками; на ногахъ носятъ кожаные сапоги, немногіе — лапти изъ бересты, которые называются здѣсь *верзнями*. — Удивительнымъ кажется, что лапти или верзни плетутъ они весьма искусно, за то крутятъ изъ той же самой берестовой коры необыкновенной отдѣлки и прочности канаты; въ особенности этимъ занимаются жители сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда; кусокъ такого каната находился на выставкѣ Олонецкой губерніи въ 1839 году.

ВАСИЛІЙ Д. Ш. К. ВЪ.

О МУЗЫКѢ И ПЛЯСКѢ ЖИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Армяне — пародъ не веселой: расчеты и порабощеніе подавили въ нихъ всю игривость воображенія; вообще Армянинъ, утратившій послѣдній характеръ національности, веселится и смѣется не иначе какъ смотря по расположенію духа своего повелителя; достаточно одного грознаго взгляда чтобъ тутъ-же заставить его плакать съ тою же искренностію какъ передъ тѣмъ онъ смѣялся и веселился *). Напротивъ того, Татары склонны къ забавамъ всякаго рода и въ особенности къ пѣнію и пляскѣ; они въ этихъ искусствахъ сдѣлались учителями порабощенныхъ ими Армянъ.

Достоверно однакоже, что Армяне имѣли въ древности національныя пѣсни; но живущіе въ Армянской области, согбенные подъ желѣзнымъ пруткомъ Монголо-татарскаго управленія, во все ихъ забыли или поютъ ихъ большею частію на голоса Татарскіе и Пер-

*) Должно замѣтить, что здѣсь говорится только объ Армянахъ, одной Армянской области.

сидскіе. Эти пѣсни по свидѣтельству Моисея Хоренскаго существовали въ V столѣтіи, но съ того времени преслѣдовала Армянъ судьба столь суровая, что нельзя даже обвинять ихъ, если — подобно стрекозѣ басни — они не думали пѣвать пѣсни, но слѣдуя примѣру трудолюбиваго муравья предпочитали дѣлать запасы на черный день; пышъ, съ завоеваніемъ Армянской области, подъ сѣнью крыла великодушнаго Русскаго Орла, черный день для нихъ безвозвратно миновался, слѣдственно они могутъ, не переставая дѣлать запасы, предаться удовольствіямъ и музыкѣ.

Большая часть нынѣшнихъ музыкантовъ въ Армянской области называется зурначами, отъ зурна (рожекъ). Музыканты эти, странствующими трубадурами, переходятъ изъ деревни въ деревню, останавливаясь тамъ, гдѣ находятъ веселіе и довольство; въ свадьбахъ, въ гуляньяхъ, въ процессіяхъ они необходимы; во время войны они предшесльзуютъ войскамъ и приносятъ двойную пользу: своихъ — одушевляютъ національными

напѣвами, непріятеля устрашаютъ оглушающимъ визгомъ.

Оркестръ здѣшній, кромѣ рожка или волюнки, состоитъ изъ обыкновенной скрипки, бубень и барабана, все это пищать, скрипить и стучить немилосердо, между тѣмъ какъ тактъ, удерживаемый сильными ударами по барабану, сливается съ этою адскою мелодіею, къ невыразимому страданію ушей тѣхъ, которые не постигли еще прелести подобныхъ концертовъ.

Татары имѣютъ комнатную музыку не столь громкую; пѣвцы и ашихи *) ихъ съ аккомпаниментомъ скрипки, бубень и небольшого барабана, поютъ разныя Персидскія и Татарскія пѣсни, взятыя большею частію изъ лучшихъ поэтовъ, но также нерѣдко, и стихи собственнаго произведенія; музыка эта почитается необходимою принадлежностію всякаго праздника, и безъ нея не можетъ быть увеселеній.

Въ Армянской области нынѣ слѣдующее число разныхъ музыкантовъ:

	Татар. Арм. итого.	
Въ городѣ Эривани	5	7 . . 12
Въ Магалахъ	5	54 . . 59
Въ Нахичевани	„	9 . . 9
Въ Магалахъ	„	10 . . 10
Въ Ардубад. округѣ	1	5 . . 6
	И того	11 . . 85 . . 96

Странно, что Армяне перенявшіе музыку и пѣсни отъ Татаръ составляютъ нынѣ $\frac{2}{3}$ всего числа музыкантовъ въ области.

Персіане приписываютъ Шаху Байраму прозванному Гуръ, (420 г. по Р. Х.) введеніе въ Персію музыкантовъ. Рассказываютъ, что увидѣвъ однажды толпу танцующихъ подданныхъ своихъ, которые даже за 100 золотыхъ монетъ не могли пайти музыкантовъ, шахъ этотъ

*) Ашихъ значить влюбленный; ихъ такъ называютъ потому, что каждый восхваляетъ прелести какой нибудь красавицы. Ихъ уподобить можно древнимъ трубадурамъ или бардамъ.

поспѣшилъ выписать изъ Индіи 12.000 музыкаптовъ и пѣвцовъ, и что всѣ нынѣшніе барды Персіи происходятъ отъ этой колоніи меломановъ *).

Армяне, если и имѣли когда пибудь національные танцы, то нынѣ утратили ихъ также какъ и національную музыку свою; нынѣшніе танцы этого народа заимствованы отъ Татаръ и горцевъ, отъ которыхъ и Грузины переняли пляску, известную подъ именемъ Лезгинки.

Армянки большею частію любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ подъ тактъ оглушающей ихъ музыки. Тутъ онѣ плавно передвигаются и весьма желали бы придать пляскѣ своей болѣе живости, но это не отъ нихъ зависитъ: высокіе каблукы ихъ башмаковъ не позволяютъ имъ даже свободно ходить, не только плясать, и препятствуютъ всякимъ прыжкамъ и скорымъ движеніямъ, и такъ Армянки рѣшились пособить этому игрою рукъ. Она у нихъ дѣйствительно весьма не дурна и бываетъ иногда даже такъ искусна, что можно бы почти позабыть, что пляшущія имѣютъ еще и ноги. Плавные повороты выгодно рисуютъ стройный ихъ станъ; жаль только что онѣ обыкновенно держатся въ сгорбленномъ положеніи.

При началіи музыки, подъ тактъ которой окружающіе зрители хлопаютъ въ ладоши, Армянка плавно подвигаясь впередъ, выступаетъ въ середину танцоровъ и умѣетъ придать этому движенію особенную граціозность и привлекательность, которая увеличиваетъ еще выразительный взглядъ, мимика рукъ и оживленная талія; пройдя нѣсколько круговъ, дѣвушка останавливается передъ одною изъ своихъ подругъ, кланяется ей, и та обязана выступить на ея мѣсто и продолжать начатую пляску; — и такъ далѣе до послѣдней; изъ танцующихъ.

Послѣ дѣвухекъ выходитъ мужчина; при появленіи его музыка перемѣняетъ

*) Малькольмъ часть IV.

тихий тактъ на скорый и пляска дѣлается живѣе; движенія пляшущаго быстры и сопровождаются особенно труднымъ вывертываніемъ ногъ, то на самыхъ пальцахъ, то на каблукахъ требующимъ большой силы и навыка, хотя при томъ не замѣтно усилій и нѣтъ большихъ прыжковъ; руки пляшущаго также участвуютъ, но онъ держитъ ихъ какъ человекъ, который готовится боксировать.

Пляски Татарокъ несравненно пріятнѣе и самый нарядъ особенно способствуетъ ихъ оригинальности: нарядъ этотъ состоитъ изъ парчевой кофты, которая застегивается на талии, и красной рубашки, съ большимъ разрывомъ впереди, которая застегиваясь на самой шеѣ обнаруживаетъ, при каждомъ движеніи, тѣло бронзоваго цвѣта татурованное въ разные узоры; шаровары замѣняютъ юбку, и ширина ихъ можетъ спорить съ объемомъ платья самой модной пуристики. Въмѣсто чулокъ Татарки носятъ узорчатые шерстяные носки яркихъ цвѣтовъ; густые черные волосы, разбросанныя кудрями по плечамъ, довершаютъ нарядъ и замѣняютъ всякую другую головную уборку.

Татарки пляшутъ обыкновенно вдвоемъ, имѣя въ рукахъ кастаньеты, которыми производятъ удары, то быстрые то медленные; иногда звуки вовсе умолкаютъ и пляшущіе остаются неподвижны — вдругъ, при ускоренномъ дребезжаніи кастаньетовъ, — съ судорожнымъ движеніемъ всего тѣла и будто въ изступленіи, онѣ бросаются впередъ на одинъ шагъ, и опять превращаются въ тихихъ нимфъ, которыя легкими и стройными движеніями обнаруживаютъ томленія сладострастія; самыя души ихъ кажется сливаются въ влажные взгляды исполненные пылкаго наслажденія. Пляска эта называется *мирзави*.

Другой родъ пляски называется *юванки* и вѣроятно изобрѣтена олицетворенною лънью, потому что исполняет-

ся сидя. При началіи пляски, двѣ пары, поджавъ ноги подъ себя, садятся одна противъ другой въ довольно дальнемъ разстояніи, и подъ тактъ музыки придаютъ своему стану разные положенія, прищелкивая пальцами и въ руку; вмѣстѣ съ этимъ, всѣ пары не вставая, подвигаются впередъ, и сходятся вмѣстѣ такъ, что колѣна ихъ дотрогиваются; тутъ они придаютъ тѣлодвиженіямъ своимъ болѣе страсти и выказывая всю красоту стана, танцующія, то перегибая голову назадъ, касаются распущенными волосами до полу, то забрасывая ее впередъ скрываютъ свои пламенные взгляды подъ густымъ покрываломъ волосъ.

Вообще въ пляскахъ Татарокъ всѣ движенія дышатъ роскошною пѣгою, сладострастіемъ и наслажденіемъ. Конечно такія пляски не совсѣмъ благопрістойны, но такъ какъ онѣ совершаются въ тайнѣ гаремовъ, передъ людьми, которые ищутъ сильныхъ побужденій страсти, то восторгъ, рукоплесканія и пылкія лобзанія любви служатъ наградою искуснѣйшей плясунь.

Пляски Татаръ не имѣютъ ничего привлекательнаго; нѣсколько мужчинъ берутся за руки и составляютъ полукружіе; сначала музыка играетъ тихо: цѣпь танцоровъ раскачивается со стороны на сторону, какъ будто желая разшевелить сонные свои чувства, и лица ихъ, покоряясь сильнымъ ударамъ барабана, принимаютъ видъ менѣе суровый; послѣ такого вступленія музыка нѣсколько ускоряетъ тактъ и тогда начинается перестанавливаніе ногъ одной за другою, въ такомъ направленіи, что вся цѣпь пляшущихъ принимаетъ въ сторону, перемѣливаясь вмѣстѣ съ этимъ всѣмъ корпусомъ то на право то на лѣво; это движеніе ускоряется и наконецъ доходитъ до дикаго неистовства, но сильный ударъ въ барабанъ останавливаетъ бѣснующихся и пляска начинается снова тѣми же лънвыми приѣмами.

Куртины танцуютъ точно также какъ

Татары, но пляски Куртинокъ имѣють на серединѣ, гдѣ стоя одна передъ дру- много выразительности. Эти пляски ис- полняются вдвоемъ: — танцующія стано- вятся одна противъ другой въ довольно дальнемъ разстояніи, держа въ обѣихъ рукахъ за самый конецъ по шелковому платку и прежде нежели рѣшатся вы- ступить впередъ развѣвають платки въ видѣ флаговъ по разнымъ направленіямъ: наконецъ одна, съ быстрымъ движеніемъ приближается къ противостоящей и подойдя къ ней дѣлаетъ съ необыкно- венною ловкостію поворотъ, перегиба- етъ стапъ, закидываетъ голову назадъ и удаляется будто манить подругу за со- бою; та, съ поворотомъ убѣгающей, слѣдуетъ за нею, дѣлаетъ нѣсколько легкихъ круговъ и обѣ останавливаются

на серединѣ, гдѣ стоя одна передъ дру- гою развѣвають платки надъ головами своими, потомъ онѣ снова дѣлають нѣ- сколько круговъ и наконецъ, преслѣдуя другъ друга, скрываются въ толпѣ зри- телей. Во время пляски музыка жива и имѣетъ сходство съ звуками торбана.

Самый нарядъ Куртинокъ весьма жи- вописенъ; головной уборъ ихъ состоитъ изъ небольшой чалмы малиноваго и чер- наго цвѣта съ двумя вислыми концами изъ подѣ которыхъ выказывается при- ческа à la Kébecca, отгнѣняющая ихъ пу- хленькіи щечки. Остальной нарядъ тотъ же какъ у Татарокъ съ тою разницею, что кофта Куртинокъ въ видѣ корсажа лучше обрисовываетъ ихъ формы.

И. ШОПЕНЬ.

Поправки. Въ Главѣ: *Материалы*, II части Маяка, вкрались весьма неприятныя для насъ опечатки и недопечатки. Спѣшимъ ихъ поправить.

Въ примѣчаніи къ статьѣ: Убіеніе Царевича *Димитрія*, Стр. 1 столб. 1 сказано: „котораго скромность не позволяетъ намъ назвать“... надобно читать: „скромность котораго не позволяетъ намъ назвать его.“ Въ томъ же примѣчаніи вмѣсто — *Исторіи Русской Иерархіи*, читать — *Исторіи Русской Церкви, Писемъ о Богослуженіи*; на стр. 8, столб. 1 стр. 14 вмѣсто — „въ ропотъ одного“ — „читать“ — въ одного.

Въ той же части и главѣ помѣщена прекрасная Татарская Легенда: *Кѣрг-Оглу*. Въ концѣ пропущено имя автора **И. И. ШОПЕНА**, которому принадлежитъ статья: *О Музыкѣ и Пляскѣ жителей Армянской области*; и въ слѣдующей главѣ: *Разказъ стараго солдата изъ путевыхъ записокъ И. Ш.*

НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ПЪВѢСТІЯ.

РАЗСКАЗЪ СТАРАГО СОЛДАТА.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ И. Ш.

Это было во время Турецкой войны. — Меня отправили съ командою въ Даракендъ-Парченисское ущелье, принадлежащее Армянской области и расположенное на самой границѣ Турціи, между Карскимъ и Ваязедскимъ пашалыками. — Тамъ я долженъ былъ занять квартиру въ одной деревнѣ, населенной полудикими Татарами, поколѣнія Айрумлі, т. е. Римлянъ, названіе довольно странное для людей, происходящихъ изъ глубины Сибири, и приданное имъ потому только, что послѣ истребленія Иконіумскаго султанства, они перешли сюда изъ Малой Азіи, называемой Персіянами вообще Румъ или Уррумъ.

Первые дни моего пребыванія здѣсь протекли, какъ всѣ дни нашей жизни, ознаменованные чѣмъ нибудь новымъ; сначала я познакомился съ султанами и старшинами сосѣднихъ селеній, но скоро грубая лѣсть, которою они олицетворяютъ басню объ ослѣ подающемъ лапу, мнѣ до приторности надоѣла, и я не давалъ имъ даже оканчивать обычныхъ привѣтствій: *вы пришли на нашу голову и на глаза наши; мы собаки вашего двора; у*

насъ, только что Богъ на небеси, да вы на землѣ; мы съ душами и имуществомъ принадлежимъ вамъ и тысячи рѣчей тому подобныхъ. Я также ѣздилъ осматривать живописныя окрестности ближайшихъ долинъ; взбирался на гранитный шпиль, возвышающійся надъ селеніемъ и отсюда любовался величественными вершинами Таклату, Керъ-оглу-дага, Алагѣза, Арарата, Ахмангана и снѣжными ихъ хребтами; иногда, подъ снѣгу кустовъ, я погружался въ глубокія думы при журчаніи хрустальныхъ ручейковъ, которые всюду струятся здѣсь подъ ногами. Но далеко ѣздить нельзя было; ближайшія мѣстоположенія я скоро затвердилъ наизусть и однообразныя эти прогулки мнѣ наскучили. — Наконецъ къ довершенію моего непріятнаго положенія открылась ненастная погода.

Что дѣлать? книгъ нѣтъ, бумаги и перьевъ мало; сакля моя темна, смрадна, неопрятна и довольно холодна; одно утѣшеніе — чай, который, за неимѣніемъ другихъ гастрономическихъ принадлежностей, мой Потапъ приготавливалъ мнѣ нѣсколько разъ въ сутки.

Потапъ — старыи солдатъ какнхъ не много; честный, добрый, усердный, смышленный. Онъ недавно былъ ко мнѣ назначенъ, но полюбилъ меня чрезвычайно. Часто онъ въ меня всматривался какъ будто видѣлъ когда-то. И я чувствовалъ къ нему взаимную привязанность.

— „Ужъ вѣрно за грѣхи мои В. В. пришлось жить у этихъ нехристей, сказалъ однажды Потапъ, подавалъ въ четвертый разъ походный самоваръ. Такой скуки смертельной съ роду нечувствовалъ.“

— Развѣ у тебя есть грѣхи, Потапъ?

— Эхъ! сударь, да у кого ихъ нѣтъ.

— Ну, а твои какого роду?

— Ихъ, правда, не много, да одинъ.... только и надежда, что на милостиваго Создателя. И вздыхая, Потапъ поднималъ глаза къ небу.

— Полно, Потапъ, вѣрно какой-нибудь вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ; душегубство, сударь, настоящее душегубство.

— Не можетъ быть, расскажи пожалуста, я послушаю; должна быть пренитересная исторія.

— Не то чтобы интересна, а также не послѣдняя въ своемъ родѣ; я общался было никому кроме отца духовнаго объ этомъ не рассказывать, да вижу вамъ скучно, авось развлеку какъ нибудь.

И Потапъ, поставивъ передо мною стаканъ съ горячимъ янтарнымъ чаемъ, началъ свой рассказъ: —

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, я выпросился въ домовою отпущку и отправился изъ Кавказской области на родину. Сначала, въ русскихъ селеніяхъ я вездѣ находилъ дружескій приемъ и теплые ночлеги; но въ деревняхъ населенныхъ раскольниками, не тутъ-то было; что В. В. здѣшніе Татары! Вотъ, тамъ-то бѣдному солдату въ отпущку, ни гдѣ ни приюта, ни уголка; безъ денегъ не согрѣютъ, не намормятъ; да что и говорить, черезъ пороги не пустятъ. Цѣлый мѣсяцъ спалъ я подъ открытымъ небомъ, на морозѣ, Богъ съ ними! а ужъ негостеприимный народъ Донскіе раскольники.“

„Прошелъ я около 1000 верстъ — вотъ отъ усталости начали пухнуть ноги и разболѣлись такъ что Воже упаси! въ дождь нигдѣ не пускаютъ, по неволѣ дол-

женъ былъ плестись впередъ, хоть по десяти верстъ въ сутки; наконецъ силъ не стало, я упалъ на большой дорогѣ и вѣроятно умеръ бы тамъ отъ стужи, голода и болѣзни, если бы проезжіи баринъ не взялъ меня въ свой экипажъ и не довезъ до Саратова, гдѣ отправилъ меня въ больницу.

— Ба! да это не было ли на дорогѣ отъ Новочеркасска къ Качалинской станицѣ?

— Такъ точно, В. В. —

— И баринъ этотъ вѣхалъ въ тарантасъ?

— Въ тарантасъ, предлинномъ.

— Ну, Потапъ, я тогда не думалъ, что придется черезъ двадцать лѣтъ встрѣтиться съ тобою здѣсь.

— Такъ это точно вы были, В. В. сказалъ удивленный и обрадованный Потапъ? сердце меня не обмануло. Съ того времени рѣдкой день, чтобы я не молился Господу Богу за васъ.

— Спасибо; а грѣхъ твой?

— Продолжаю сударь; но дайте на васъ наглядѣться! Постарѣли же вы, а тогда были такіе молоденькіе, вотъ вижу васъ, будто вчера это случилось; не даромъ же сердце такъ и рвалось къ вамъ. И Потапъ рукавомъ утиралъ слезы, которые катились по его смуглому лицу.

— Продолжай же исторію свою, Потапъ, — сказалъ я, и повернулся, будто искалъ чего нибудь, но въ самомъ дѣлѣ, для того только чтобы украдкою вытереть слезу, которая и у меня пробилась сквозь вѣки, сколько я ихъ ни цурилъ.

— Мѣсяца два пролежалъ я въ Саратовской больницѣ и съ здоровыми ногами отправился далѣе.

„Не помню сколько продолжалось мое странствованіе, какъ однажды, послѣ огромнаго перехода, прибылъ я довольно поздно въ одну деревеньку, гдѣ мужички уже расположились на покой. Стучусь въ окно первой попавшейся избы и пропущу на ночлегъ. Слышу женской голосъ: „служивый! нѣкому отворить, перебѣзай черезъ заборъ.“ За этимъ дѣломъ стало; въ полминуты, я уже сидѣлъ въ теплой избѣ, гдѣ по приказанію хозяйки, больной и лежащей на печкѣ, досталъ изъ шкафа чарку добраго пѣнилка, свѣжіи хлѣбъ, кусокъ бужанины и кружку

квасу; наѣвшись досыта, помолясь Богу и поблагодаривъ добрую хозяйку, я расположился на лавкѣ и уснулъ сладкимъ, солдатскимъ, беззаботнымъ сномъ.“

„Вдругъ слышу стонъ, вскакиваю, зажигаю лучину—то была хозяйка, которую схватили боли родовъ. „Служивый! сказала она умоляющимъ голосомъ: ради Христа Спасителя, возьми салазки, которые стоятъ въ сѣняхъ и отправься за бабкою Степанидою Кириловною; она живетъ на другомъ концѣ деревни въ послѣднемъ домѣ на правой рукѣ; скажи только что отъ Графини Кузинишницъ—она знаетъ.“

— „Сейчасъ, отвѣчалъ я. Нашелъ салазки, отправился я, отыскавъ послѣдній домъ на правой рукѣ, спросилъ Степаниду Кириловну, которая тотчасъ собралась въ путь. — Это была баба лѣтъ осьмидесяти, которая чуть держалась на ногахъ; я усадилъ ее въ салазки и скороымъ шагомъ повезъ обратно къ моей гостеприимной хозяйкѣ.“

„Нужно прежде доложить В. В. что деревня эта, расположенная, какъ всѣ почти наши деревни въ одну длинную улицу, пересѣкалась на половинѣ рѣчкою, протекающею въ довольно крутыхъ берегахъ; я благополучно довезъ старушку до спуска, но тутъ, не зная мѣстностей, не попалъ на самую дорогу и вдругъ, въ крутомъ мѣстѣ, салазки мои покатались, сбили меня съ ногъ и понеслись поминай какъ звали; я только что услышалъ крикъ и все замолкло. Я всталъ, оправился, потеръ ушибленную ногу и по свѣжему слѣду въ снѣгу, кое-какъ, въ темнотѣ дошелъ до проруби, гдѣ съ ужасомъ увидѣлъ, что бѣдная бабка безвозвратно потонула; разсудивъ, что нѣтъ средствъ спасти ее, потому что течение навѣрное уже далеко унесло ее подъ толстымъ льдомъ, я задумалъ, почесалъ затылокъ, перекрестился и плюнувъ нечистой силѣ, которая конечно все это смастерила, отправился далѣе въ путь.“

— Какъ! не замель даже провѣдать, что дѣлаетъ твоя добрая хозяйка?

— Нѣтъ сударь, не достало духу; да съ чѣмъ бы я пришелъ? сказали бы что я бабку утопилъ, понадея бы еще въ руки куроцапамъ; такъ себѣ и пошелъ дальше.

— И не слыжалъ, что стали говорить о похищеніи старухи?

— Какъ не слыжать! Пожизни дома въ кругу родныхъ я долженъ былъ наконецъ возвратиться въ полкъ. Батюшка снабдилъ и денженками на дорогу и лошадкою съ тельгой; проѣздомъ черезъ деревню, гдѣ утопилъ бабку, я остановился кормить и завелъ стороною разговоръ объ ней; тутъ была хозяйка постоялаго двора, дочь ея и еще нѣсколько бабъ. Господи твоя сила, чего только онѣ мнѣ не наговорили.

— Что жъ такое?

— Да такъ, что дескать пришелъ лѣшій съ хвостомъ, когтями и рогами, которые пряталъ подъ солдатского шинелью, и что лѣшій этотъ, посадивъ въ салазки старуху, которая не даромъ слыла вѣдьмою и зналась съ нечистыми, взялъ ее подъ мышку и былъ таковъ. Тутъ споръ поднялся между разсказчиками, что Воже упаси: одна утверждала, что лѣшій пришелъ на четверинкахъ, другая напротивъ твердила, что онъ влетѣлъ въ избу черезъ трубу; мнѣ жъ смѣхъ и горе слушая ихъ, но мысль что сгубилъ безъ покаянія невинную душу, такъ и сжимала сердце. Странно В. В! не разъ случалось на полѣ битвы прохватить штыкомъ враговъ Царя Бѣлаго — и ничего; даже нисколько не пожалѣешь, а дряхлая старушка эта мнѣ и во снѣ не даетъ покою: каждый годъ каюсъ въ этомъ на духу, но не помогаетъ; грѣхъ камнемъ такъ и лежитъ на сердцѣ.

— Успокойся, добрый мой Потапъ! молись Богу! Господь покаянія не отвергаетъ.

Письмо къ Редактору Маяка.

Я увѣренъ, что вы примете и выполните мою сердечную просьбу. Въ настоящее дни, по доброду общаго старинны, и у враговъ просить прощенія, а у меня на совѣсти оказанныя мнѣ благодѣлія, за которыя и отплатить не надѣюсь. Не утомяла васъ ни временемъ, ни названіемъ мѣста гдѣ, скажу только, что и какъ случилось. Въ бытность мою на Средиземномъ морѣ, отъ простуды, а болѣе отъ неудовольствій, сдѣлалось у меня сильное воспаление въ мозгу и образовалась, начиная отъ подбородка, чрезъ все лицо, голову и затылокъ, злокачественная

ная рожа! Страданія были ужасны для меня и примѣрны для самихъ медиковъ; довольно если скажу, что швы черепа во время параксизмовъ, отъ судорожныхъ сжиманій, скрипѣли, измѣнились на всегда цвѣтъ глазъ, не осталось ни рѣсницъ, ни бровей, и навсегда пропали волосы съ головы; искусство и стараніе доктора медицины, нынѣ профессора С. Петербургскаго Родильнаго Института, Адольфа Александровича Гедехена, меня спасли и возстановили мое здоровье. По возвращеніи въ Россію въ С. Петербургъ и когда Провидѣніе наградило меня ангеломъ доброты, женой, которая послѣ первыхъ родовъ страдала грудницею и, отъ неудачнаго опыта разогнать ее холодными примочками и прикладываніемъ льда, грудница была доведена до тринадцати внутреннихъ и наружныхъ нарывовъ, — въ этомъ состояніи нашелъ болѣзнь воротившійся тогда изъ-за границы съ графомъ Лавалемъ г. Гедехенъ; онъ немедленно перемѣнилъ методу лѣченія и больная выздоровѣла.

Послѣ того перемѣня родъ службы, переехали мы въ Новгородъ, гдѣ въ прошломъ 1839 году, послѣ шести недѣль болѣзни меньшаго сына, мы его лишились. На другой день едва успѣли положить на столъ тѣло малютки, какъ слышимъ крикъ! и что же? Бульдогъ, огромная собака, ужасно изранила въ лицо старшаго трехлѣтняго сына. Жена, убитая потерей, изнуренная безотходными печеніями во время болѣзни меньшаго, увидѣвъ старшаго всего въ крови, лишилась чувствъ; до другаго дня повторялись непрерывные обмороки, но этого еще мало, лишь только стараніемъ и пособіемъ врачей совершенно опомнилась, какъ въ первомъ часу ночи, при сильномъ вѣтрѣ, сдѣлался въ смежныхъ домахъ съ гимназіею, мѣстомъ нашего помѣщенія, пожаръ, такъ что болѣе 70-ти стеколъ лопнуло отъ жару въ гимназическомъ зданіи и только дѣятельностію и благоразумнымъ распоряженіемъ состоящаго въ должности Новгородскаго Гражданскаго Губернатора г. Сенявина, пожаръ былъ прекращенъ и гимназія спасена; все это такъ подѣйствовало на здоровье жены, не имѣющей еще 21 года отъ роду, что ей непрерывно представлялись: окровавленный старшій сынъ,

пожаръ, что тѣло еще непогребеннаго малютки горитъ! Силы ее до того истощились, что она не могла пройти нѣсколько шаговъ безъ пособія, трудно было ей даже говорить, чувствовала сильную боль въ груди, стѣсненіе въ бокахъ, круженіе головы, непрерывно выступали багровыя пятна по лицу и всему тѣлу; она видимо таяла съ каждымъ днемъ! Милостивое начальство дозволило мнѣ краткій отпускъ, и я поспѣшилъ обратиться къ тому же Адольфу Александровичу. Надежда моя оправдалась: онъ опровергъ предположенія на счетъ болѣзни другихъ медиковъ, и отстранивъ предположенныхъ ими методы лѣченія, принялъ на себя пользованіе, и послѣ трехъ мѣсяцовъ, къ неизъяснимой моей радости, жена моя не только поправилась, но и не чувствовала никакихъ болѣзненныхъ припадковъ.

Не имѣя средствъ и не надѣясь имѣть и въ послѣдствіи возможности достойно отблагодарить виновника моего счастья, прошу васъ, по дружбѣ вашей, и по добровольной обязанности, принятой вами на себя, помѣстите въ своемъ изданіи хоть эти строки, слабо выражающія истину глубочайшей и душевной моей благодарности достойнѣйшему доктору Медицины, профессору Родильнаго Института Адольфу Александровичу Гедехену и тѣмъ отчасти успокоить мою совесть; и какъ ваша книга — еще дитя новорожденное для читающей публики, то не мѣшало бы помѣстить также, послѣ напечатанія въ благонамѣренномъ вашемъ Маякѣ, въ одной изъ газетъ или журналовъ. Вашъ и проч. *Михаиль Барановъ.*

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАМЕНИТОЙ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

Одинъ нѣмецкій путешественникъ, бывшій (1839) прошлаго лѣта въ Марсели, встрѣтилъ тамъ знаменитую г-жу Дюдеванъ, болѣе известную подъ именемъ *Жоржъ-Занда*; но, къ удивленію своему, нашелъ ее гораздо степеннѣе, чѣмъ была она за два года назадъ, во время первой встрѣчи съ нимъ въ Женевѣ. Тогда она ходила еще въ мужескомъ платьѣ и была въ полномъ разгулѣ своего авторства: издавала свои беззастѣнливые романы и

обращала прекрасный талант свой на разращение женскаго ума и сердца; поступки ея отзывались студенческими приёмами и сама она была скорѣе похожа на красиваго повѣсу, чѣмъ на порядочную женщину. Во вторую встрѣчу путешественникъ удивленъ былъ благоприличіемъ ея одежды и обращенія: „все обличало въ ней, говоритъ путешественникъ, богатую даму высшаго круга; женщину-автора не Индіану, а Спиридіона (двухъ произведеній, совершенно различныхъ по цѣли). Къ такому счастливому превращенію *зло* на *добро* много способствовалъ знаменитый Шатобрианъ. На милой очаровательницѣ было черное атласное платье, еще болѣе возвышавшее ея природную близану: она показалась мнѣ прелестнымъ мраморнымъ изваяніемъ; ея густыя *черно-испанскія* волосы, уже не были собраны подъ новомодною фескою (Fel), а рассыпались волнистыми кудрями вокругъ нѣжной и вмѣстѣ величественной женской головы: былия плечи ея, выставленныя на показъ, уже не прятались подъ застегнутымъ вплоть студенческимъ платьемъ. Она припомнила мнѣ собою Домникинову Іудифъ. Поэтичскій, строгій и вмѣстѣ фантастическій взглядъ ея темныхъ, пламенныхъ очей, высокое мужественное чело, нѣжность лица и щекъ, умный даръ слова въ роскошныхъ ея устахъ, были изумительны. Это настоящее олицетвореніе феникса обѣщало многое, что Жоржъ-Зандъ исполнила на дѣлѣ.“ Путешественникъ рѣшился сдѣлать ей вопросъ: какъ могла она такъ долго употреблять во зло свое прекрасное дарованіе? Слезы брызнули изъ прекрасныхъ очей этой загадочной женщины и вотъ что она отвѣчала: „Если бы вы знали исторію моего сердца и молодости, вы бы поняли все. Я ношу въ груди моея трилогію вашего Фауста: я была въ одно время и Маргеритой и Фаустомъ и Мефистофелемъ; мстить обществу, которое отвергло меня, опозоривать въ немъ все прекраснѣйшее и драгоцѣннѣйшее — почитала я своимъ призваніемъ къ жизни: теперь и я спасена какъ Фаустъ“.... Какова вамъ кажется эта любезная откровенность, эта искренность разнузданной женщины (*femme emancipée*) XIX вѣка? а между тѣмъ сочиненія г-жи Жоржъ-Зандъ, даже написанныя до ея моральнаго обра-

щенія, какъ напримѣръ Индіана, Валентина, Лелія и проч. и проч. украшаютъ еще и до сихъ поръ модныя будуары западной Европы!.... Мы возьмемъ смѣлость прибавить одно: если такъ открыто говорятъ женщины, чего же ждать отъ нашей братьи мужчинъ?

ПЕРВАЯ ГРАММАТИКА ЛОПАРСКАГО ЯЗЫКА.

Между тѣмъ какъ мы, просвѣщенные жители Европы, продолжаемъ подшучивать надъ грамматикою, и, вмѣсто утвержденія положительныхъ правилъ языка, другъ передъ другомъ стараемся сбить съ пути нашихъ граматѣевъ, нѣкто Стокфлетъ (Stockfleth), Норвежецъ родомъ, проповѣдникъ званіемъ, мученикъ лингвистики и христіанской любви, ревностно подвизается къ своей цѣли.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Дронгайна (въ Норвегіи), примѣчательный этотъ филологъ (г. Стокфлетъ) открылъ на холодномъ сѣверѣ цѣлый рудникъ познаній—элементы *богатаго* (!) и любопытнаго нарѣчія.... *Лопарей*. Прослуживъ 17 лѣтъ на военномъ поприщѣ, онъ въ 1785 году избралъ для себя новый кругъ дѣйствій: опредѣлился проповѣдникомъ въры христіанской въ одномъ приходѣ Ость-Финнмарка. Первымъ побужденіемъ его было разлитъ свѣтъ истинъ Евангельскихъ между бѣднымъ поколѣніемъ Лопарей, коснѣвшихъ до него въ духовномъ мракѣ; и благородный подвижникъ уже достигъ своей цѣли.

Для ней, отрекся онъ отъ всѣхъ мірскихъ выгодъ, которыя представлялись ему въ богатѣйшихъ приходахъ южной Норвегіи; предпочелъ всѣмъ выгодамъ комфорта скитальческую жизнь въ пустыняхъ Лапландіи. Проживъ около двухъ лѣтъ въ одномъ приморскомъ пасторатѣ, добровольно и даже по выбору перешелъ онъ на другое мѣсто, удаленное отъ всякой образованности; переселился въ самую глушь загорныхъ тундръ, обитаемыхъ кочующими Лопарями; тамъ надѣялся онъ найти доступъ къ замерзлымъ сердцамъ этихъ дикарей, и согрѣвъ ихъ теплотою слова Божія, проникнуть въ завѣтный тайникъ ихъ малозвѣстнаго языка. Безкорыстный труженикъ, онъ промѣнялъ 700 талеровъ прежняго дохода

да своего на 900 талеров новаго жалованья; промѣнялъ приволье спокойной жизни на трудъ и лишенія истиннаго миссiонера. Ему показалось недостаточнымъ проповѣдывать слово Божiе въ храмахъ, на общихъ собранiяхъ прозелитовъ своихъ во время ярмарокъ: ему хотѣлось видѣться въ ихъ семейную жизнь, изучить ихъ въ частномъ народномъ быту. И онъ сроднился вполнѣ съ этимъ малоизвѣстнымъ племенемъ, постоянно гонялся за нимъ въ страдальческихъ зимнихъ походахъ его по дикимъ тундрамъ и голымъ скаламъ, съ примѣрнымъ самоотверженiемъ проводилъ цѣлыя годы въ Лопарскихъ нищенскихъ шалашахъ, считаясь мерзкою и вяленою рыбою, ходилъ съ своими хозяевами на промыселъ и раздѣлялъ съ ними всѣ лишенiя, которыми подвергается скиталецъ на хладномъ сѣверѣ; терпѣливо переносилъ немовѣрные труды, подъ бременемъ которыхъ пало столько предшествовавшихъ ему миссiонеровъ: надежда на помощь Божью, невѣроятная сила воли и пламенное желанiе опредѣлить элементы кореннаго лапландскаго языка, побѣдили всѣ преграды противопоставленныя искателю самую природою. Онъ убѣжденъ былъ въ неоспоримой истинѣ, что только однимъ основательнымъ изученiемъ языка трубаго Лопарскаго племени и обращенiемъ его въ языкъ письменный, можно упрочить будущее сопричисленiе всего народа Лопарей къ великой части Христовой, къ сословію людей образованныхъ. Убѣжденiа славнаго Копенгагенскаго профессора Раска, съ которымъ Стокфлетъ часто совѣтовался о бытѣ и языкѣ Лапландца, увѣрили наконецъ сего неутомимаго мужа, что вѣрное и основательное изложенеiе языка Лопарскаго возбудитъ участiе всего ученаго мира; г. Стокфлетъ предпринялъ съ радостiю сей многотрудный подвигъ и уже совершилъ его отчасти самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Плодомъ тринадцатилѣтнихъ трудовъ его и ученыхъ изысканiй было открытiе элементовъ сего недоступнаго для иностранцевъ, и тѣмъ неменѣе примѣчательнаго, нарѣчiя, возбудившаго всеобщее участiе цѣлой Скандинавіи (*).

* Народонаселенiе Финнмарка состоитъ изъ Лопарей, Норвежцовъ и Чухонскихъ переселенцевъ (Kvensker, Qvæner).

Г. Стокфлетъ, новый Кириллъ сего сѣвернаго языка, изобрѣлъ для него новую азбуку, и изобрѣтенiе это произвело самое благотворное влiенiе на Лапландскую народную граматность. Въ настоящее время г. Стокфлетъ издалъ въ свѣтъ нижеслѣдующiе труды свои по сей части: 1. Образцовыя правила для изученiя Лапландской грамматики на 12 листахъ; 2. Таблицы Лапландской этимологической системы; 3) Евангелiя отъ Маттея и Марка; 4) Катихизисъ Лютера; 5) Лопарскую азбуку и книжку для первоначальнаго чтенiя. Въ непродолжительномъ времени будетъ издана Лопарская грамматика и начало Лопарскаго словаря. Для удобнѣйшаго окончанiя полезныхъ трудовъ сего ученаго, уволенъ онъ отъ занимаемой имъ должности проповѣдника; ему положено по 1000 талеровъ ежегоднаго жалованья на восемь лѣтъ, да по 100 талеровъ разъѣздныхъ денегъ на четыре года, кромѣ прежнихъ пособiй, полученныхъ имъ отъ щедротъ своего правительства. Половину сего осьмигодичнаго срока назначено ему разъѣзжать лѣтомъ по морю на судахъ, а зимою на оленяхъ по внутреннимъ уѣздамъ Лапландiи, употребляя время сіе на изученiе и обученiе. Г. Стокфлетъ предполагаетъ объѣхать не только всѣ Норвежскiе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ Шведскiе и Россiйскiе Лапмарки до самой Колы; остальные четыре года обязанъ онъ посвятить литературнымъ кабинетнымъ занятiямъ въ Христiанiи и преподаванiю языка Лопарскаго кандидатамъ Богословiя, назначеннымъ для проповѣди слова Божiя Лопарямъ.

Число всѣхъ Лопарей простирается до 11.000 душъ, изъ которыхъ 1300 ведутъ бродячую жизнь. Нѣсколько сотенъ ихъ говоритъ Шведско-Лопарскимъ нарѣчiемъ, остальные употребляютъ смѣшанный, Норвежско-Лопарскiй языкъ, развѣда этихъ двухъ діалектовъ такъ значительна, что говорящiй только однимъ изъ нихъ не понимаетъ другаго. Норвежско-Лопарскiй языкъ самый богатый и самый любопытный въ отношенiи къ исторiи сего народа: діалектъ Шведско-Лопарскiй образованъе перваго. Въ собственно Шведской Лапландiи считается природнымъ Лопарей не болѣе 4.000 душъ и столько же Квеневъ.

ОШИБОЧНОСТЬ НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЙ.

Одинъ статистикъ, не помню котораго, именно увѣрялъ: что въ Государствахъ, гдѣ по кодексу Наполеону, бракъ не признается таинствомъ вѣры, а договоромъ общественнымъ, — гораздо менѣе разводовъ чѣмъ въ странахъ чисто католическихъ: онъ подкрѣплялъ этотъ выводъ теорією, основанною на природѣ чловѣка — *желать того что запрещено*, по старинной погудкѣ нашихъ праотцевъ: „*Запрещенный плодъ слаще позволеннаго*.“ Не смотря на это, практика здѣсь опровергаетъ теорію; одна современная газета передаетъ намъ слѣдующее известіе: „въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ бракъ почитается *Гражданскимъ договоромъ*, явилось въ одно Нью-Йоркское судилище, собирающееся однажды въ три мѣсяца для рѣшенія брачныхъ дѣлъ, 500 молодыхъ и пожилыхъ супружескихъ паръ, требовавшихъ... развода!“ Не новое ли это доказательство, что событіе не всегда оправдываетъ скороспѣлое одностороннее умозрѣніе чловѣка?

ТОРЖЕСТВО ЖЕНЩИНЪ.

Дѣло рѣшенное! настаѣтъ *Царство женщинъ* не на одной театральной сценѣ, *) но и на широкой сценѣ міра. Вѣрная союзница ихъ — мода, подчинила женщинамъ *мужескія* сердца, а личное ихъ *мужество* грозитъ *мужчинамъ* подчинить ихъ женщинамъ *par droit de conquête*. Изъ Мадрига пишутъ, что на послѣдней волоньей травлѣ въ особенности отличались *Торреадоры*..... женскаго пола! Къ величайшему изумленію зрителей и восторгу зрительницъ — эти Г-жи *Торреадорши* поразили всю публику необычайнымъ мастерствомъ и смѣлостью своихъ схватокъ съ дикими волами! всѣ они т. е. волаы, пали къ побѣдоноснымъ стопамъ этихъ новыхъ Амазонокъ.

ПРОЗРѢНІЕ СЛѢПОРОЖДЕННАГО.

Simili Similis genit! слѣпая Итальянская поселанка родила слѣпago младенца; ре-

*) Авторъ этой статейки намекаетъ здѣсь на одинъ видъ слѣпыхъ забавляющій публику во время карнаваловъ.

бенокъ выросъ слѣпымъ, но имѣя ни какого понятія не только о диоптрикѣ, но и о самыхъ цвѣтахъ. Недавно, какой-то Венеціанскій хирургъ издѣлалъ слѣпорожденнаго и мастерскою операцією, открылъ несчастному получеловѣку новый міръ жизни, красоту, безобразія, добродѣтелей и пороковъ. Можно вообразить себѣ каковы были ощущенія прозрѣвшаго! Въ первую минуту радости, онъ постигъ умомъ своимъ только два цвѣта, *бѣлый и черныя*; первый назвалъ онъ *свѣтомъ*, послѣдній — *тьмою*; краснаго отъ желтаго не умѣлъ онъ отличить: и не могъ ни какъ объяснить себѣ ихъ разницы между собою. Но вотъ его подводятъ къ окну и, впервые, показываютъ ему яркую синеву небесъ, бархатную зелень луговъ, блескъ лучей солнечныхъ игравшихъ въ серебристыхъ отливахъ волнъ, — однимъ словомъ всю прелесть мірозданія.... Прозрѣвшій поселанинъ не былъ ни мечтателемъ, ни восторженнымъ поэтомъ, ни слабою женщиною: но изящество Божьяго міра до того поразило всѣ его чувства, что онъ.... *упалъ въ обморокъ!*

ЧЕСТНОСТЬ ПОРТНЫХЪ ВЪ АНГЛИИ.

Если вѣрить одной современной рукописи, то Англійскіе портные не пользовались большою довѣренностью публики, по крайности до 1730 года. Изъ этой рукописи явствуетъ, что желавшіе заказать для себя новое платье, закупили сами все нужное для кройки и шитья, даже нитки, бѣль и т. п. и все это отдавали портному.... *въсомъ*. Потомъ сшитое платье перевѣшивалось снова и — бѣда портному если *оказывался недовѣсъ!*

ПРАВДА ПОХОЖАЯ НА ПУФЪ.

Сѣверная Америка — настоящая страна пуф-овъ, невѣроятныхъ предпріятій и великихъ матеріальныхъ изобрѣтеній. Недавно читали мы въ публичныхъ листахъ, что въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ строится безконечный мостъ черезъ всю рѣку Миссисипи: мостъ этотъ — единственный въ мірѣ, по длинѣ своего протяженія, будетъ повѣшенъ на... *проломъ!* что твой батюка!!

на такомъ мосту заскачуть не только вершинки, но и длинжансы....

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ XVI ВѢКА.

Не у насъ однихъ были *трудолюбивыя филологи*, писавшіе дубинными стихами и верченою прозою, высокіе цѣнители своей жалкой бездарности. Тредьяковскій своего времени, почти забытый Ронсаръ, стихоплетъ XVI вѣка, былъ прототипомъ тѣхъ самонадѣянныхъ писакъ, отъ которыхъ новѣйшее поколѣніе вралей ведетъ свою туманную генеалогію. Вотъ какими изыщными виршами проповѣдывалъ онъ Французскимъ звѣкамъ свое будущее безсмертіе:

Quelqu'un, après mille ans, de mes vers estonné,
Voudra dans ma Loire comme en Parnasse boire;
Et voyant mon pays, à peine pourra croire
Qu'en un si petit lieu tel poète soit né!

то есть:

Лѣтъ черезъ тысячу, дивясь моимъ стихамъ,
Къ Парнасу новому иной придетъ напиться
Моихъ Луарскихъ водъ, не постигалъ самъ,
Какъ въ захолустѣ могъ такой поэтъ родиться!

Какова скромность? Но вотъ что всего удивительнѣе. Тотъ же самый стихокропатель Ронсаръ, жалко не шутя, что *свойство языка Французскаго* не позволяло ему вставлять въ вирши свои словъ Греческихъ, непонятныхъ для толпы и выказывавшихъ его ученость. Не вѣрите?... прочтите хоть вотъ этотъ обращикъ его жалобъ.

„Ah! que je suis marri que la muse Françoise
Ne peut dire ces-mots comme fait le Gregeois.
Oxumore, disprotme, Olygochronicon etc. etc.

Не похожъ ли этотъ Тредьяковскій XVI вѣка на Хемницерова *Метафизика*, который

„Свысока, безъ толку толковалъ?“
или не родня ли онъ *новѣйшимъ*

„школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые не разъ людей съ ума сводили
Неистолкуемымъ давалъ толкъ вещамъ?“

всѣ эти важные литературные вопросы предоставляемъ рѣшить *асноводцамъ*.

Между тѣмъ, кто повѣритъ что чудачку Ронсару дивилась вся Европейская современность, называла его *Княземъ Поэтовъ* (le prince des Poëtes) excusez du peu!!! къ сожалѣнію, неблагодарное потомство не только не подписало диплома его на безсмертіе, но вовсе позабыло о немъ. Сочиненія *безсмертнаго поэта* покрылись пылью вѣковъ и сдѣлались библиографическою рѣдкостью: ихъ никто не читаетъ кромѣ любопытныхъ антикваріевъ, и то развѣ для выбора примѣровъ надутого, дикаго слога.

Какой же выводъ изъ этой темы? Не тотъ ли что на безрыбьи и ракъ рыба? Sic transit gloria mundi!... Avis au lecteur!!!—

П. К — ВѢ.

НЕВЫЛИЦЫ ВЪ ЛИЦАХЪ.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, какой-то проказникъ вклеилъ въ народный пѣсенникъ прекурьюзную пѣсенку — о томъ какъ

„Курочка бычка родила.“

Другой чудакъ, того же прошлаго вѣка, не шутя, писалъ въ своей Славяно-Русской книжицѣ (*)

„О кравь родившей агнца“....

И многие читатели отъ души смѣялись такой мистификаціи, почти также какъ посмѣялись бы эти господа скептики, если бъ кто вздумалъ увѣрять ихъ что, въ 800-хъ годахъ, *корабли плывутъ противъ вѣтра и теченія, безъ парусовъ и веселья; что кареты и линейки катаются безъ лошадей по желѣзной дорогѣ; что, подъ рѣкою, проложатъ путь для пшшгородовъ и конниковъ*. Все это, однакожъ, сбилось въ нашъ вѣкъ чудесъ, вѣкъ журнальных пущевъ и великихъ физическихъ открытій.

Мало этого: — сама природа подъ веселый часъ, какъ бы сговорясь съ проказниками, вздумала сыграть, на родни нашей, презабавную оффициальную штуку.

(*) См. Исторію о разореніи Іерусалима и ваятін Кожастагинополя.

Виленьской Губернии, Трокскаго уѣзда, въ казенномъ селеніи Евна, *семья* порослась четырьмя порослятами и двумя *щенками!**) Каковъ вамъ кажется этотъ фарсъ? Всего забавнѣе, что эта чадолюбивая мать сама была ихъ кормилицею, и собачки - *подсвинки* — жили въ самомъ дружескомъ согласіи съ *подсвинками* - порослятами; — имѣли, даже, какой то air de famille со своими сводными братьями: дѣтскія мордочки этихъ собаченокъ чрезвычайно походили на умилныя порослячьи рыльца.

Послѣ этого, какова вамъ покажется продѣлка уже не книжныхъ механиковъ, выдающихъ пухъ, а самой природы.

ЧИСЛО ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ ВО ФРАНЦІИ.

Въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ считалось во всей Франціи 930 паровыхъ машинъ, равносильныхъ 14.000.760 лошадей, 719 изъ этихъ машинъ отечественнаго издѣлія, а 87 неизвѣстнаго производства; кромѣ того есть еще 334 машины меньшей силы.

ОРУЖЕЙНОЕ И ПОРОХОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВО ФРАНЦІИ.

Въ Королевствѣ Французовъ считается пять оружейныхъ фабрикъ, восемь арсеналовъ и три литейныхъ завода, ежегодно доставляющихъ Государству по 600 орудій, и одиннадцать мельницъ приготавливающихъ по пяти миллионновъ фунтовъ пороху.

Спѣшимъ порадовать читателей Малка извѣстіемъ о двухъ отрадныхъ явленіяхъ — говоря по журнальному — „на пустынномъ горизонтѣ нашей литературы“. Это — два романа: МЪЩАНИНЪ

*) См. Beylage zur St. Petersb. Zeitang 1839, № 277.

соч. А. П. Башуцкаго и СИЦКІЙ, Капитанъ Фрегата, соч. Князя Н. А. Мышицкаго. Прекрасныя вещи! въ двухъ совершенно разныхъ родахъ. Первый, „Мъщанинъ“, изданный книгопродавцемъ В. П. Поляковымъ, редація съ наслажденіемъ прочла въ печати, и въ слѣдующей части дастъ о немъ послыльный отчетъ. Второй, „Сицкій“, редація прочла въ рукопи — и не нахвалится. Изданіе его принялъ на себя онъ же В. П. Поляковъ. Въ слѣдующихъ частяхъ будетъ помѣщено изъ романа „Сицкій“ нѣсколько отрывковъ. Нѣкоторые наши журналы и газеты тоже вызвались помѣстить изъ него отрывки.

Вышло богатое, сколько по вѣнжности а еще болѣе, по внутреннимъ достоинствамъ, изданіе *Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Заветовъ*.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы книгу; *Бесѣда русскаго отца съ сыномъ* соч. К. А. Терскаго, о которой извѣщали мы во II части Малка. Многіе отцы поблагодарятъ почтеннаго автора, и многіе добрые сыновья, воспользовавшись умными бесѣдами опытнаго отца — почувствуютъ, что они стали лучше и добрѣе.

БОДРІЕВЫ ИЗДАНИЯ

ЛУЧШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Часто вооружались мы противъ злоупотребленій Французской литературы, но первые готовы отдать справедливость хорошему, полезному въ Парижской книжной дѣятельности. — Примѣчательнѣйшее Европейское заведеніе по этой части есть книжная контора Водри *) (Baudry), отъ которой издается цѣлый репертуаръ знаменитѣйшихъ литературныхъ произведеній почти цѣлой книжной Европы. Лучшія избраннѣйшія Англійскія, Нѣмецкія, Итальянскія, Испанскія, Португальскія сочиненія печатаются тамъ въ видѣ прекрасныхъ сборниковъ и продаются не только цѣлыми коллек-

*) Книжная эта контора находится въ Парижѣ въ улицѣ Сент-Оноре.

ціями, но и порознь, на отечественномъ языкѣ каждаго автора, иногда съ построцинымъ переводомъ; цѣна довольно сходная: отъ 5 до 10-ти франковъ (смотря по объему) за каждый томъ, напечатанный довольно компактнымъ, четкимъ шрифтомъ — на веленовой бумагѣ. Изданіе Испанскихъ поэтовъ и литераторовъ подъ заглавіемъ: *Collection de los mejores autores Espanoles antiguos y modernos* (собраніе лучшихъ Испанскихъ авторовъ древнихъ и новыхъ) состоящее изъ 14 томовъ, заслуживаетъ того чтобы поговорить о немъ особо. Изданіе это превосходно напечатано и несравненно компактнѣе прочихъ, такъ что всѣ части Д. Кихота Сервантесова собраны въ одинъ томъ, продающійся по 7½ франковъ на разницу, а тотъ же томъ съ 12 искусно гравированными картинками по 10 франковъ. Къ собранію этому принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: *Ejemplares Novellas de Cervantes* 1 г.) *Gil-blas de Santillana*, 1 г.) *Solis, conquiste de Mejico, con los retrados de Solis y Fernan Cortes*, 1 г.) *Compendo de la Historia de Espana, desde el tiempo mes remoto, por Ascargorta; continuado hasta la agrecion de Napoleon en 1808, para servir d'introduccion a la obra de Toreno, 1838, Stomes въ 3, 7, in 18; Historia de Levantamiento, guerra y revolucion de Espana, desde 1808 hasta 1814, por el Conde de Toreno, 5 tomes, въ 3 ч. въ 18 по 8 фран. за часть; Comedias de Moratin, въ 8; 6 фран.; Tesoro del Teatro Espanol, desde su origen (ano de 1356), hasta nuestros dias, arreglado y dividido en quatro partes, por Don Eugenio de Ochoa. 1838 въ 8. 57. 45 франк. Въ первой части этого любопытнаго и единственнаго въ своемъ родѣ сборника, напечатаны сочиненія Моратина, и цѣлое собраніе разныхъ пьесъ игранныхъ на первоначальной Испанской сценѣ, прежде Лопе де Вега съ *описаніемъ основанія театра испанскаго* (*Origenes del Teatro Espanol*), составленный Испанскою Академією Исторіи, съ *прибавленіемъ* (*apendice*), сочин: самого издателя Евгенія де Очоа. 8-я часть заключаетъ въ себѣ избранный театръ Лопе де Вега, съ его жизнеописаніемъ и разборомъ его твореній. 9-я часть — театръ Кальдерона де ла Барка съ краткимъ изложеніемъ его жизни и введеніемъ, въ которомъ помѣщенъ разборъ всѣхъ родовъ его твореній, въ 4-й*

и 5-й частяхъ помѣщенъ репертуаръ Испанской сцены отъ Кальдерона до нашихъ временъ. Здѣсь находятся лучшія драматическія произведенія разныхъ авторовъ, каковы напримѣръ: Морето, Солисъ, Монтальванъ, Тирсо де Молина, Аларконъ, Рохасъ (*Rojas*), Матесъ, Фрагосо, Канizarесъ, Сіенфуэгосъ, Моратинъ, Кинтана (*Quintana*), Мартинезъ де ла Роза, Горостица, Бретонъ де Лосъ Герресоръ, и другіе, съ прибавкою разныхъ извѣстій объ нихъ; оба тома отдѣльно отъ прочихъ 10 фран.; *Tesoro del Parnas Espanol, Poesias selectas castellanas, desde el tiempo de J. de Mena hasta nuestros dias, por J. Quintana, 1838, 4 части сжатая въ одинъ томъ въ 8 въ два столбца, 10 франковъ.*

Сама Испанія не можетъ похвалиться такимъ отличнымъ изданіемъ своихъ словесниковъ и поэтовъ. Собраніе *Англійскихъ древнихъ и новыхъ авторовъ*, (*Collection of ancient and modern British autors*), котораго вышло до нынѣшняго года 235 частей, приноситъ также великую честь издателю своему Бодри. Эта Англійская коллекція, напечатанная четкимъ но сжатымъ шрифтомъ, продается по 5-ти франковъ за томъ, въ которомъ до 400 печатныхъ страницъ. — Въ ней помѣщены, между прочими произведеніями, почти всѣ лучшія романы, повѣсти и разсказы нашего времени. Это цѣлая библіотека, которой достанетъ прилежнѣйшему читателю на цѣлые годы. Лучшіе Италійскіе и Нѣмецкіе сочинители и поэты принадлежатъ также къ огромному Пантеону Европейской словесности, издаваемому Г. Бодри. Какъ изыщную шести язычную хрестоматію, должны мы еще рекомендовать читателямъ нашимъ Бодриёво изданіе *Телемана* на языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Италійскомъ, Испанскомъ и Португальскомъ. Скоро ли, не говорю книгопродавцы наши, но хоть словесники убѣдятся въ той истинѣ, что языкознаніе есть одна изъ первыхъ потребностей человека занимающагося книжнымъ дѣломъ. Всѣ эти изданія можно найти у книгопродавца Ф. Беллизара и К. въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, близъ Полицейскаго моста въ домѣ Реформатской церкви, съ небольшою прибавкою пошлннъ и почтовыхъ издержекъ.

Русскія повѣсти
ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОТЫ.

Новость! великая новость! А вы молчите Гг. редакторы Маяка; вы, съ другими заклятыми друзьями учености, живете безвыгядно въ Петербургѣ, и не видите съ вашей каланчи, тѣх чудесъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво, такъ подробно описываетъ намъ одинъ наблюдатель Франціи Виконтъ Вальшъ и компанія! Неужели зрительныя трубы нашихъ Петербургскихъ наблюдателей короче Парижскихъ? Вы пишете во 2-й части Маяка, что съ обсерваторіи Пулковской знаменитый астрономъ Струве видѣлъ и наблюдалъ новую комету въ созвѣздіи Кассіопеи за тридцать міровъ, а сами ни словечка о тѣхъ важныхъ явленіяхъ, которые можете видѣть простыми глазами у себя подъ ногами, о тѣхъ событіяхъ, которыя совершенно измѣнили весь внѣшній видъ Петербурга: что я говорю внѣшній его видъ? самое положеніе, самую мѣстность! Если Гг. журналистамъ, занятымъ литературною войною, нѣкогда озаботиться повѣркою такого важнаго факта, то покрайности вамъ *не журналистамъ*, а наблюдателямъ *ex professo*, записнымъ проводникамъ свѣта, наукъ и словесности, слѣдовало о томъ подумать. Вотъ въ чемъ дѣло: любя ученость и литературу, какъ двухъ родныхъ сестеръ, я подписался на всѣ новости наукъ и словесности Русской и иностранной. Онѣ сокращаютъ время мое въ деревнѣ, гдѣ я по совѣту докторовъ живу безвыгядно около двадцати лѣтъ. Прочитавъ 2-ю часть вашего Маяка, гдѣ такъ заманчиво описаны намъ прелести *Утренней Зари*, вызванной Владиславлевымъ на Петербургскій небосклонъ, рѣшился я, для сравненія съ нею другихъ новостей того же рода, выписать всѣ находящіяся въ Москвѣ и вышедшіе за три года назадъ Русскіе, Французскіе, Нѣмецкіе и Англійскіе альманахи. Въ числѣ прочихъ, особенно поразилъ меня роскошью своего изданія, кнѣсекъ Французскій, подъ заглавіемъ *Paris-Londres*. Что за бумага! что за печать! что за картинки! прелесть и только!... изъ 27 номеровъ перваго выпуска (1837) привлекли мое вниманіе нѣсколько статей о Россіи: статья о Россіи написанная Французами! испривада ли,

эти вещи должны быть чрезвычайно любопытны? и подлинно, вотъ онѣ: *La veillée villageoise Russe*, par de Gilvecourt; *Le pêcheur*, par Jules de St. Félix, и *Alexine et Olga*, par le vicomte Walsh.

Первая, повидимому, отрывокъ изъ путевыхъ записокъ добросовѣстнаго иностранца, посѣщавшаго нашу родину, есть простое, но милое описаніе Русскихъ деревенскихъ *посидѣлокъ*, на которыхъ старикъ Тимофей простодушно рассказываетъ русскимъ краснымъ дѣвицамъ проказы мнимаго домога. У одного князя, былъ кучеръ Терентій, красавецъ собою, но великій изувѣръ: онъ не любилъ креститься, не вѣрилъ домовымъ, вѣрилъ одному удалству своему. Кучеръ этотъ женился на дочери лавочника, и въ *самый день свадьбы* (вещь довольно неудобная даже и во Франціи) долженъ ѣхать за баринномъ на Васильевскій островъ; и вотъ онъ ѣдетъ за нимъ въ парныхъ дрожкахъ, одѣтый въ щегольской армякъ, армякъ изъ тонкаго сукна, и въ зеленой бархатной шапкѣ (маленькое отступленіе отъ обычной лѣтней формы). Перекрестись, говоритъ ему отецъ посаженный, когда онъ—кучеръ княжой, съ наступленіемъ срочнаго времени уѣзжалъ за баринномъ на Васильевскій островъ—ни тутъ то было! лихачъ Терентій только свиснулъ и полетѣлъ на борзыхъ коняхъ своихъ, взъѣзжаетъ на Исаковскій мостъ, на ту пору разведенный, и прямо... бухъ въ Неву съ *своей парой!* Вѣрно въ эту ночь, всегда заботливая полиція оплюкала загородить въздъ на мостъ... Старикъ Тимофей, дядя удалца, прибѣгаетъ *ad loco delicti* и слышитъ хохотъ домогаго и ржаніе лошадей. Но—каково диво, каково чудо! Кучеръ пропалъ безъ вѣсти. Пара удалыхъ вынырнула, переплыла съ дрожками всю Неву подъ Адмиралтействомъ словно ручеекъ или лужицу и — на другой день — вычищенная, выколупанная домовымъ, стала, какъ вкопаная, на Васильевской набережной.... Старикъ этой повѣсти *не лобо* — *не слушай* выводитъ изъ нее два результата: проклятіе на Исаковскій мостъ и необходимость *берегнись домогаго*.

Повѣсть *Рыбки* совершенно въ другомъ родѣ. На цвѣтущихъ берегахъ Роны, не подалеку отъ ея устья, живутъ, въ предѣстномъ домикѣ, *Блондинъ* и *Брюнетъ*

ка; они страстно любят друг друга. Блондинъ выходитъ на берегъ живописной рѣки и мечтаетъ о томъ бы вы думали? о рыбацкѣ хижинѣ при устьѣ Невы далекой. „Рѣка прекрасная! говоритъ онъ Ронъ: я люблю тебя на память о моей родинѣ.“ Потомъ мечтатель срѣзаетъ маслячную вѣтвь и бросаетъ ее въ воду; потомъ говорить: „эта вѣтвь, символъ моей жизни, всегда увлекаемый бурнымъ потокомъ: (?), то утопающей, то выплывающей!“ каково сказано: *жизнь то утопающая, то выплывающая!* — Потомъ приходитъ милая его брюнетка Миранда: она обвиняетъ мечтателя любовнымъ кольцомъ, страстными, пухленькими ручками, и зоветъ его ужинать въ домикъ. Тутъ у нихъ начинается самый патетическій разговоръ о томъ, о селѣ, а больше — ни о чемъ. „Безмолвная и скромная ночь продолжатъ походъ свой по тверди небесной.“ Настаетъ утро. Противъ теченія рѣки плыветъ остроносая сойма съ косымъ парусомъ какъ *ястребиное крыло*. На соймѣ Русскіе. . . . Какъ и зачѣмъ они сюда заѣхали? про это вѣдаетъ Аллахъ и краснорѣчивый авторъ. Дѣло въ томъ, что они изъ Одессы; были въ Малоазійскихъ восточныхъ гаваняхъ, готовятся зайти въ Испанію, а оттуда отправляются въ Балтійское море! „И въ Петербургъ?“ восклицаетъ блондинъ на чистомъ русскомъ діалектѣ. „Братъ!“ привѣтствуютъ его моряки. Незвѣстный спрашиваетъ ихъ объ отцѣ своемъ. „Какъ не знать Петра рыбака, отвѣчаютъ они, Петра рыбака въ убогой хижинѣ на берегу Невы и моря? Онъ живъ, но оплакиваетъ утонувшаго сына. „Да; онъ утонулъ въ морѣ любви, отвѣчаетъ тотъ, котораго Миранда увлекла въ бурю любви своей. И на повѣрку выходитъ, что мечтатель блондинъ есть сынъ Петра Рыбака, котораго хижина на берегу Невы и моря. Блудный этотъ сынъ, юный, счастливый, искусный и знаменитый (?) рыбакъ; но пылкій, честолюбивый, вовсе непохожій на рыбаковъ Бертовской тони, Аптекарскаго острова и Финскаго поморья, однимъ словомъ — рыбакъ мечтатель — Архангелогородецъ или Чухна, авторъ не говоритъ — рѣшился отправиться тайкомъ въ Англію, зачѣмъ, какъ и съ чѣмъ? неизвѣстно. . . . виновать, забылъ: онъ ѣдетъ въ Англію испытать средства, обогатить себя и воз-

выситься (*tenter les moyens de fortune et d'élevation*). На корабль, уносившемъ его отъ священнаго береговъ Невы (выраженіе героя) встрѣчается онъ съ брюнеткой Мирандою, которая *озирлетъ умъ его свѣтильникомъ наукъ и пепелитъ сердце въ огнь страсти своихъ*. Каковъ языкъ для Финскаго рыбака? Хотъ бы Виктору Гюго — въ ту же пору! „Поѣдемъ съ нами!“ говорятъ ей однородцы. „Слушаю!“ отвѣчаетъ герой повѣсти, и вспрыгиваетъ на сойму. Но вотъ набѣгаетъ шкваль, сойму бросило на берегъ, а на берегу стоитъ брюнетка Миранда. „Меня оставить!“ восклицаетъ она и падаетъ въ обморокъ. „Друзья мои! говоритъ Финскій рыбакъ, прижимая ее къ груди: счастливый вамъ путь: я недостойнъ моей родины.“ И онъ уноситъ Миранду въ свой домикъ. Пускай сойма отправляется къ Русскому кораблю, Миранда заслоняетъ окошко домика передъ Финскимъ рыбакомъ и герой романа оканчиваетъ его сими достопамятными словами: „Миранда! кричитъ онъ своей возлюбленной, когда флагъ Русскій скрывается изъ очей его: Миранда! ты называешь любовь вѣрованіемъ; я называю ее идолопоклонствомъ.“

Такова другалъ русскаго повѣсть новѣйшаго французскаго издѣлія; только это — *цвѣтки, а ягодки впереди*. Но вотъ и третья статья, которая далеко превосходить все, что мы ни читали въ прошедшемъ и нынѣшнемъ вѣкѣ о Россіи. Это знаменитая *Алексина и Ольга*.

Что такое *Алексина!* . . . . Слышали ль вы когда нибудь такое имя на святой Руси? у насъ есть Степанъ и Степанида, Феддоръ и Федора; но нѣтъ ни одного женскаго имени, отвѣчающаго Алексю, нѣтъ мужскаго имени, отвѣчающаго Катеринѣ. Стадо быть это авторская *поэтическая вольность*. . . . мимо ее!

Авторъ начинаетъ повѣсть свою слѣдующимъ образомъ: „Много есть людей въ здѣшнемъ мѣрѣ, которые мало заботятся, откуда вѣтеръ дуетъ и какова погода, заключаясь въ свой привольный пріютъ, недоступный никакой стужѣ, или затянувшись въ непоколебимость своего эгоизма, они и знать не хотятъ, что дѣлается за ихъ предѣлами.“ Эта выходка, можетъ быть и безъ умыслу здѣсь вставленная, есть настоящій эпиграфъ любопытнаго разсказа *Алексина и Ольга*.

сбитыхъ вмѣстѣ, все исчезаетъ, все измѣняется: на ровныхъ мѣстахъ вырастаютъ горы, стремнистыя пропасти подергиваются пироккою гладью..... деревья съ корнями вырванныя, разоренныя дома *нчзоернутыл церквии*, обрушенные утесы (?) перемѣшиваются въ одну массу обломковъ, которую сила *смерца* крутитъ въ воздухѣ какъ игрушку, какъ *обрумки соломы*, разносимые *вешимъ зефиромъ на гумль жнеца*; потомъ все взмятенное съ земли, разрушительно упадаетъ опять на землю..... вездѣ смерть и опустошеніе.....

И въ этомъ хаосѣ, погибаетъ вмѣстѣ съ церквами, домами, скалами и деревьями — тащюлюбивой памяти — прелестная Алексина, кучеръ ея Ивановъ, рысакъ съ коношентъ неустрашимого моряка, странствующаго по морю зимою; погибаютъ саши, серебряные колокольчики и тигровая кожа..... *ужась* да и только! Одинъ Филось, вѣрный пещь погибшей барышни, не погибаетъ: онъ приноситъ роковую вѣсть неутѣшной сестрѣ Алексинѣ и ея нянь. Онъ приноситъ имъ въ зубахъ своихъ тотъ *розовой вѣнокъ*, символъ веселья, въ которомъ умершая красавица сбиралась танцовать на придворномъ балѣ.....

Когда все это случилось? Какъ могло все это произойти, гдѣ открыто древнее аббатство и въ какой именно подгородной деревнѣ? Авторъ не говоритъ. Вѣроятно дача моряка была на Петергофской дорогѣ за Триумфальными воротами. Стало быть деревня и аббатство находилось тамъ же. Не о Тентелевой ли деревнѣ говоритъ авторъ? Но тутъ возникаетъ новый вопросъ: какъ могли быть оттуда видимы верхи Аничковского дворца, который совершенно на противоположной сторонѣ города, и не прежде открывался, какъ почти у воротъ его на Невскомъ проспектѣ? Какъ могла старая няня такъ

далеко ходить девятидневно на Богомолье въ Невскій монастырь? Какія именно церкви и дома разрушены во время заноса, описываемаго авторомъ? гдѣ находятся его утесистыя скалы и пропасти въ окрестностяхъ Петербурга? Въ мое время камень выписывался туда изъ Финляндіи: неужели у васъ открыты повыя *каменоломни*? Давно ли корабли у васъ отправляются въ походъ зимнюю порою? При мнѣ они хаживали по морю послѣ открытія навигаціи, а навигація всегда открывалась весною. Давно ли у васъ появился *зимній грозы съ ужасными молніями*? наконецъ давно ли у васъ благовоспитанныя дѣвушки, живущія *зимю по загороднымъ дачамъ* отправляются на балы въ саняхъ съ однимъ кучеромъ въ одиночку? Ни одна газета, ни одинъ журналъ, ни одно частное извѣстіе не поясняли намъ этихъ чудесъ: а мы — *зальшица*, право не знаемъ уже что и подумать? Въ послѣдніе 20 лѣтъ столько открылось новаго по всемъ отраслямъ наукъ, словесности и художествъ, что мы не смѣемъ не вѣрить *дивамъ дневнымъ и чудамъ чуднымъ* о которыхъ намъ рассказываютъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта.

Сидоръ Книгомановъ.

Отвѣтъ нашъ коротокъ: Если виконтъ Вальшъ не видѣлъ всего имъ описаннаго во снѣ, то, вѣроятно, почерпнулъ всѣ свои подробности изъ реляціи тѣхъ глубокомысленныхъ своихъ соотечественниковъ, которые открыли въ Россіи *une certaine sorte de chiens, qu'on nomme sobaks*. Въ послѣднемъ случаѣ, должно полагать, что внутренность Африки извѣстна Французскимъ литераторамъ лучше нашего Петербурга. Благодаря Фсебу, не всѣ Французскіе путешественники и писатели такъ учены, какъ почтенный Виконтъ Вальшъ, авторъ *Ольги* и небывалой *Алексини*!

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Три части Маяка уже представлены на суд публики, четвертая дѣательно печатается, и въ скоромъ времени выдѣть въ свѣтъ, — представляется вопросъ: прекратить изданіе этой книги, или продолжать?

Читатели очень хорошо помнятъ, что съ самаго начала и до сихъ поръ редація не шарлатанила: вовсе не прибѣгала ни къ какимъ сильнымъ возбуждательнымъ средствамъ, громотрубнымъ деклараціямъ, къ литературнымъ пучамъ, которымъ, правда, опытные невѣрятъ, смѣются надъ ними, за то неопытные — а такихъ въ мірѣ Божіемъ всегда больше, и гораздо — не могутъ оборониться отъ ихъ оглушительнаго шума, ослѣпительнаго блеска, отъ ихъ оболъстительной пряманки. Редація, помните, напечатала объявленіе крошечное, скромное, бѣдненькое: одна только С. Пчела, спасибо ей, перепечатала его молча; другіе — совсѣмъ промолчали, иные — совсѣмъ прибрали. Безъ всякой литературной протекціи въ тихомолку вышли двѣ части; печатно заговорили о нихъ тогда уже, какъ Петербургская публика прочла и поговорила о нихъ; за-заставная публика почти и не слыхала о существованіи Маяка; но Редація, тогда какъ это было нужно, не шарлатанила; позвольте же теперь, когда ужъ это вовсе не нужно — пошарлатанить и ей въ свою очередь немножко, для порядка! и совсею искренностью выставить всѣ факты, говорящіе въ пользу и не въ пользу (къ сожалѣнію, *этихъ* пока очень мало), предпріятія, которымъ равно заинтересованы: пишущіе, читающіе и издающіе, котораго цѣль — доставить удовольствіе и пользу: какъ желающимъ трудиться, такъ и желающимъ наслаждаться чужими трудами. И если по обследованіи, дѣло рѣшится въ пользу Маяка — значитъ оно рѣшится въ поль-

зу общую, иначе мы этого не понимаемъ.

Во первыхъ, редація, можно сказать, съ каждымъ днемъ приобретаетъ новыхъ сотрудниковъ, даже изъ отдаленныхъ губерній, по всѣмъ частямъ: ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ, — сотрудниковъ не обещаніемъ, а «натурой» т. е. дѣльными статьями, которыми теперь уже можно наполнить шесть или восемь частей; редація боится только одного: что не смотря на обширную раму и компактную ёмкость книги, нельзя будетъ наконецъ помещать, безотлагательно, всѣ тѣ прекрасныя статьи, которыя отовсюду стекаются въ Маякъ. Но если при такомъ сильномъ возбужденіи ученой и литературной дѣтельности, публика и впередъ будетъ отвѣчать съ своей стороны, хотя столько, сколько она сдѣлала это при появленіи первыхъ частей Маяка, то редація найдетъ средства, — говоря по ученому — согласить обоюдныя выгоды литературныхъ производителей и потребителей, или, говоря по просту: не дастъ хорошимъ статьямъ залеживаться, усердію писателей гаснуть, не заставитъ и просвѣщенныхъ, любознательныхъ читателей на долго лишаться пищи вкусной, здоровой и питательной, предназначенной для нихъ даровитыми Русскими писателями. Во всякомъ случаѣ, обращаюсь къ вышеприведенному вопросу, по одной этой причинѣ, редація Маяка уже не имѣетъ права и помышлять о прекращеніи своего предпріятія, задумавшаго такъ къ стати и встрѣченнаго такъ лестно, доверчиво и радушно, со стороны желающихъ трудиться для общей пользы и удовольствія.

Посмотримъ теперь, что сдѣлано со стороны желающихъ пользоваться чужими трудами. Будемъ откровенны: изданіе четырехъ частей Маяка, — и то на первый разъ — стоитъ ни болѣе ни

менѣе 26 000 рублей. Еслибы просвѣщенные Русскіе не поддержали уже своимъ вещественнымъ вниманіемъ благонамѣреннаго и дѣятельнаго издателя, успѣвшаго въ короткое время оказать столько важныхъ услугъ и литературъ и публикѣ, — еслибы, говоримъ, тѣ 26.000 уже не существующія, не воротились, кто бы вынудилъ на новую готовность продолжать невыгодное, не удачное предпріятіе? но изданіе продолжается, — стало-быть и публика готова поддержать его. Такимъ образомъ редація съ полнымъ удовольствіемъ можетъ торжествовать теперь свою побѣду надъ тѣми, которые предсказывали ей рѣшительный неуспѣхъ, если Маякъ, къ произведеніямъ изящной словесности, станетъ примѣшивать статьи ученыхъ и дѣльныя — потому, будто бы, что у насъ любятъ читать только легонькое, миленькое хоть и пустенькое. Существованіе Маяка, лучшее доказательство противнаго, — это термометръ просвѣщенія въ Россіи. Прошла уже та пора литературнаго дѣтства, когда повѣсти, стихи съ рѣзмами, анекдоты составляли насущный хлѣбъ, наслажденіе, блаженство всѣхъ классовъ общества. Умы зрѣютъ, зрѣлые умы размножаются, масса народныхъ познаній увеличивается, вкусъ возвышается, утончается, требованія становятся взыскательнѣе. Кой-какихъ гладенькихъ стиховъ ужъ не читаютъ, повѣсти, существующія только жиденькимъ, хотя и миленькимъ рассказомъ, перазрѣзанныя, остаются на долю однихъ 16 лѣтнихъ дѣвочекъ обоого пола. Ежегодное размноженіе учебныхъ заведеній, гдѣ молодые люди, обоого же пола, съ дѣтскихъ лѣтъ приучаются размышлять, увеличиваетъ ежегодно число размышляющихъ читателей; *общій судъ и общее мнѣніе* уже въ ихъ рукахъ; *малолѣтныя* т. е. неразмышляющіе, а управляемые однимъ любопытствомъ, глядя на нихъ, тоже стыдятся обнаруживать свое невежество, — и хоть съ пере-

мѣнкой бдѣнія и сна, хоть для приличія, а все таки почитываютъ дѣльныя статьи, мало по малу привыкаютъ къ нимъ, и въ послѣдствіи съ изумленіемъ видятъ, что «сухое-то» — и *блажно*, что только «вѣское» — *легко*, что только «пусто-легкое» — *тяжело* какъ камень. Что теперь это такъ и есть, лучшее доказательство — существованіе и успѣхъ Маяка. Но чѣмъ больше будетъ число размышляющихъ читателей, тѣмъ лучше для общества, тѣмъ быть его прочтѣе, возвышеннѣе, подѣ условіемъ, однако: что размышляющіе — размышляютъ умно, здраво, дѣльно, а не безалаберно — иначе, Боже упаси! — лучше бы ужъ не размышляли! Вотъ почему теперь, именно теперь, когда Русское общество, естественно выходя изъ умственнаго дѣтства, начинаетъ размышлять, — всего нужнѣе, умнымъ, благонамѣреннымъ, просвѣщеннымъ людямъ, соединиться, и общими силами, свѣтлымъ образомъ, дѣйствовать на зрѣющіе умы и указывать имъ прямой путь, ведущій къ кореннымъ пользамъ того общества, котораго они члены, съ благосостояніемъ и успѣхами котораго, тѣсно связаны собственное ихъ благосостояніе и успѣхи, — указывать путь, давно уже указанный самымъ Провидѣніемъ, исторіей, и такъ хорошо выясненный полечительнымъ, благонамѣреннымъ и искреннимъ нашимъ Правительствомъ въ короткихъ, но многозначительныхъ словахъ: *Православіе, Самодержавіе и Народность*. Пока другіе: выполняютъ, или выполняютъ все это съ своей стороны и своимъ образомъ, Маякъ, уже собралъ около себя, — какъ сей часъ было сказано, и какъ это видно изъ дѣла — людей благонамѣренныхъ, даровитыхъ, понимающихъ свое призваніе, которые, соединяя изящную словесность съ ученостью, стараются прямо дѣйствовать: и на размышляющіе умы, и на сердца, ищущія свѣтлаго образованія; а существованіемъ своимъ Маякъ доказываетъ, что его поняли и что ему

пора существовать въ томъ именно видѣ, съ тою цѣлью, съ тѣмъ направлениемъ, съ какими онъ предпринять. Редакція смѣло говорить теперь:

Въ комъ изъ читателей одно присутствіе ученыхъ статей производить судороги, тотъ, разъ и на всегда, прикажи своему переплетчику вырывать ихъ. Въ каждой части и безъ нихъ останется 10 листовъ обещанныхъ издателемъ — убытка нѣтъ; а вырванные неспособные ученые листы да что ни будь погодятся въ домашнемъ обиходѣ; — придача!

Кто можетъ смотреть на ученыхъ, дѣльные статьи безъ судорогъ, но не можетъ читать ихъ безъ головокруженія, тотъ просто — не читай; и между тѣмъ онъ одолжитъ Маяка почитать одному-другому изъ своихъ грамотныхъ друзей, тѣ спасибо скажутъ и прибавятъ:

— Помилуй, братецъ, какъ можно не читать такихъ статей! да это просто — наслажденіе: попробуй, поневоле себя, и самъ увидишь, что это не такъ не понятно какъ тебѣ кажется; а комъ скоро будетъ понятно, то — и приятно. Впрочемъ, братецъ, можно выучиться искусству понимать и непонятныя книги: возьми только на себя трудъ прочесть статью, въ III части Маяка: *Искусство читать книги про себя*; да поступай какъ тамъ сказано, то сфера твоего чтенія, — стало быть и наслажденія — утрится.»

Маякъ беретъ на свой страхъ, и ругается, что и тѣ, которые какъ огня боятся теперь серьезныхъ, дѣльныхъ статей, скоро и очень скоро, узнаютъ къ нимъ дорогу и доступъ, полюбятъ ихъ и ужъ не промѣняютъ на шуточный анекдотъ или пусто-легонькую повѣсть, хотя и имъ — своя честь въ минуты абсолютнаго бездѣлья.

Такъ или иначе, но если только Маякъ «идетъ» — значить грамотность общества на нѣсколько градусовъ стала выше: а Богъ дастъ, помаленьку пой-

Гл V.

детъ еще выше и выше, и — прямо и прочтѣ!

Одна только боязнь, оскорбить скромность почтенныхъ и образованныхъ лицъ, препятствуетъ редакціи напечатать не одинъ десятокъ одобренныхъ писемъ, полученныхъ ею отъ особъ, пользующихся общеою извѣстностью и уваженіемъ; тогда недовѣрчивые изъ читателей, еще невидавшіе Маяка, убѣдились бы, какъ благосклонно — чтобы не сказать, высоко — оцѣнили просвѣщенные и благонамѣренные люди цѣль, составъ и исполненіе Маяка, и какъ многого ожидаютъ они отъ его существованія, если только онъ будетъ постоянно держаться своей цѣли. А что оно такъ и будетъ, редакція обезпечиваетъ, вмѣсто залога, *личною своею выгодой*, не смѣя на свой страхъ положить въ залогъ другія, можетъ быть еще болѣе *сильныя и чистыя* побужденія, оттого что нашъ отъявленный скептикъ — XIX вѣкъ, не вѣруетъ въ возможность никакаго другаго побужденія кромѣ денегъ. И въ самой вещи, деньги — это такой математическій, такой осязательный залогъ, равно понятный и для эмпириковъ и для идеалистовъ. Если же редакція не имѣетъ права публиковать письменныхъ отзывовъ, то и подавно не смѣетъ приводить самыхъ лестныхъ словесныхъ отзывовъ и одобреній потому, «что въ глаза-де могутъ и льстить.» Но съ другой стороны, какъ все это было и есть, то редакція, соображая и обсуживая и пристрастно и безпристрастно, имѣетъ достаточныя причины считать, не всѣ одобренія ей оказанныя, за свѣтскую вѣжливость и лесть, тѣмъ болѣе, что на это есть и официальные неоспоримыя доказательства. Вотъ они:

Рѣшительно можно сказать, ни одна книга въ Россіи, по крайней мѣрѣ, не многія книги у насъ, были встрѣчены журналами и газетами, (которыхъ мнѣнія во всемъ другомъ далеко не сходны) съ такимъ лестнымъ, единодушнымъ привѣтомъ и одобреніемъ, какъ

Маякъ. Если въ частности одному журналу не понравилось въ немъ то, что очень понравилось другимъ, то такія критическія разногласія въ частности, совершенно исчезающія въ общемъ, именно въ томъ: «что Маякъ все таки хорошъ,» — служатъ только доказательствомъ, что журналы высказали искреннее свое мнѣніе. Конечно, во уваженіе того, что мы хлопочемъ здѣсь сколько о своемъ столькоже и объ общемъ дѣлѣ, не припишутъ нашей нескромности и самохвальству, если мы, при началѣ не маюважнаго предпріятія, приведемъ всѣ официальные отзывы о немъ; хотя на бѣду нашу, всѣ они намъ чрезвычайно благопріятны и пріятны, а въ тоже время, болѣе или менѣе, служатъ отголоскомъ общаго не односторонняго мнѣнія. Мы тѣмъ болѣе вправѣ это сдѣлать, что уже обѣщались (II часть, глава IV, стр. 46 с. 2) помѣщать у себя всѣ, даже невыгодные, неблагопріятные, но дѣльные отзывы о Маякѣ. Впрочемъ редакція столько догадлива, что всѣ похвалы нашихъ журналовъ въ цѣлости передаетъ своимъ даровитымъ сотрудникамъ, а сама довольствуется только тѣмъ, за что журналы побранили ее. Будетъ съ ней!

I. *Сверналь Пчела № 46.* «Вотъ книга въ полномъ смыслѣ дѣльная, основательная и занимательная, которая *должна быть во всѣхъ библіотекахъ.* Въ этой книгѣ и ученый и литераторъ и любитель легкаго чтенія и человекъ любознательный найдутъ для себя обильную пищу (.) . . . въ обѣихъ частяхъ Маяка почти до шестидесяти листовъ *объемной* печати, сжатыхъ компактнымъ печатаніемъ въ двѣ небольшія книжки, и мы не можемъ надивиться, что за всѣ четыре части Маяка, цѣна только 4 рубля серебромъ! Почти не-

(.) Тутъ слѣдуетъ критическое исчисленіе статей въ первыхъ двухъ частяхъ. Мы это будемъ пропускать, и во всѣхъ прочихъ отзывахъ.

постижимо! очевидно что издатель Маяка, книгопродавецъ Поляковъ, увѣренъ, что такая полезная книга, должна имѣть нѣсколько тысячъ подписчиковъ: ипаче онъ не могъ бы назначить такой дешевой цѣны. Мы съ своей стороны, раздѣляемъ довѣренность издателя къ публикѣ, и надѣмся, что она сильно поддержитъ это полезное, благонамѣренное и занимательное изданіе, по составу своему Энциклопедическое, которое, распространяя науки въ отечествѣ, доставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятное развлеченіе читателямъ. Дай Богъ чтобъ наши надежды сбылись, и чтобы Маякъ утвердился на прочномъ основаніи.»

2. *Литературная Газета № 17.*

«Маякъ теперь уже не новость, двѣ части его уже прочитаны публикою и *заслужили общее одобреніе.* . . . Мы почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что вышедшія двѣ части *Маяка* обѣщаютъ въ немъ альманахъ, отличающійся оригинальностью и интересомъ. Въ этихъ двухъ частяхъ особенно примѣчательны ученые и критическія статьи: первый отличаются достоинствомъ своего фактическаго содержанія и литературнаго изложенія, а вторыя, необыкновенно оригинальнымъ и шутливымъ языкомъ . . . страстною любовью къ народному въ литературѣ . . . и вообще, духомъ и направленіемъ, которые можно назвать *народно-поэтическими.*

3. *Отечественныя Записки № 2.*

Маякъ . . . цѣль его, примиреніе литературы съ ученостью, какъ понятій, ложно и ошибочно почитаемыхъ за противорѣчающія и враждебныя одно другому, тогда какъ они, по сущности своей родственны и даже тождественны. Эта мысль *прекрасно развита редакторами.* . . .

4. *Сынъ Отечества.* Все хорошее никогда не лишнее нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ литературѣ. Съ нѣкотораго времени начали появляться у насъ полупериодическія изданія; *выпускали* (ив-

газон), и прекрасно! Они имѣютъ интересъ *журнала* и могутъ имѣть достоинство *книги*, ибо даютъ болѣе времени и средствъ къ составленію, не налагая на редакторовъ многихъ и трудныхъ *журнальныхъ* обязанностей... Была бы *цѣль* полезная и *исполненіе* хороша.

Въ Маякѣ то и другое выполнено самымъ удовлетворительнымъ образомъ: *польза* поставлена главною *цѣлью*; *приятное съ полезнымъ* соединено, какъ средство исполненія, такъ что *цѣль* достигается навѣрное, въ силу словъ *Горация*: *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*. Мы напередъ обещали пользу и удовольствіе публикѣ, узнавши имена почтеннѣйшихъ редакторовъ Маяка (С. О. Кчн. 1, стр. 222), и радуемся, что предвѣщаніе наше сбылось. Краткое исчисленіе статей въ Маякѣ, оправдываетъ наше объ немъ мнѣніе, и если почтенные редакторы также тщательно озаботятся продолженіемъ его, то мы поздравляемъ публику съ прибавкою запаса для чтенія занимательнаго и полезнаго. Намъ особенно радуетъ направленіе, какое редакторы даютъ критикѣ. Обратитъ ее на предметы важные, придать ей полноту, сдѣлать ее бесѣдою съ журналистами, о томъ, что можетъ быть поводомъ къ изысканіямъ любопытнымъ, руководствующимъ вкусомъ и сужденіемъ, мнѣною мнѣній, высказываемыхъ съ взаимною вежливостію и уваженіемъ другъ къ другу — вотъ сущность критики ихъ. При такихъ условіяхъ, если бы и журналисты согласились имъ послѣдовать, критика наша вскорѣ могла бы сдѣлаться истинно поучительною, возратить себѣ потерянную ею довѣренность читателей и быть истинно полезною. Тогда голоса людей благонамѣренныхъ составили бы особенный авторитетъ, и отделились отъ пустаго, безтолковаго умничанья, пристрастной, односторонней брани и литературнаго конспиратива, что нынѣ называется у

иныхъ критикою... Желаемъ возможнаго успѣха *Маяку*, начатому столь удачно.

5. *Русскій Инвалидъ*, № 30. Съ истиннымъ удовольствіемъ прочли мы I-ю часть этой книги, коей статья всѣ безъ изыятія, какъ ученыя, такъ и принадлежащая къ изящной литературѣ, въ стихахъ и въ прозѣ, равно занимательны. Посему считаемъ излишнимъ желать ему успѣха, но смѣло предсказываемъ его, почтеннымъ Гг. редакторамъ, коихъ имена, пріобрѣтшія уже уваженіе литераторовъ, служатъ вѣрнымъ залогомъ того преимущества, которое просвѣщенная публика окажетъ ихъ отличному изданію передъ многими другими.

6. *С. Петербургскія Вѣдомости* (Русскія) № 21. Отдавъ отчетъ въ содержаніи первой части Маяка, редакция прибавляетъ: «разнообразіе и занимательность книги заставляетъ насъ надѣяться, что Маякъ будетъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ изданій.»

7. *Revue Etrangère* № 2. Въ *Маякѣ* литература и ученость подаютъ другъ другу руки, какъ двѣ родныя сестры. Одна разнообразитъ сухость другой, а та придаетъ первой новую прелесть.... Не находимъ достаточныхъ похвалъ для сего изданія, полезнаго для страны, гдѣ оно предпринято, и приносящаго честь литераторамъ, которымъ пришла первая мысль имъ заняться. Въ № 8. *Revue Etrangère* пишетъ: «I часть вышла, III скоро выдетъ, похвалы наши оправдываются: скромность редакторовъ, исполняющихъ съ такимъ вкусомъ и умомъ, планъ, ими же себѣ начертанный, прекрасный выборъ и разнообразіе статей, все—до самой исправности издателя, сдѣлавшаго больше общаго, — все обезпечиваетъ *Маяку* благосклонность общества, и мы не сомнѣваемся, что это изданіе, продолжаемое съ такимъ раченіемъ, пріобрѣтетъ истинный и заслуживаемый успѣхъ. Ученый, артистъ, человѣкъ свѣтскій

найдутъ въ немъ вещи полезныя, статьи занимательныя; довольно посмотрѣть на одно оглавленіе статей....

8. *Magazin Angenehmer Unterhaltung* № 16. *Luceat lux vestra sicut hominibus* (да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки): таковъ эпиграфъ.... этого изданія. И подлинно *высоко, гораздо выше* уровня современной Русской литературы, поднимается этотъ Маякъ, котораго ясное, чистое и правильно свѣтящее пламя, отводитъ читателя отъ всего водянистаго въ современной журналистикѣ.... и эта 2-я часть, (также какъ и 1-я) отличается разсудительностью, знаніемъ дѣла и благоприличнымъ тономъ. Если редакція будетъ постоянно держаться этой цѣли и сохранить ту же веселость, безпристрастіе и благоприспособленность въ отношеніи къ искусству и событіямъ, къ другу и недругу.... то она принесетъ уже этимъ однимъ неоплатную пользу современности: пора вырвать оружіе критики изъ рукъ пустослововъ и соизвоствъ.... Нетерпѣливо ожидаемъ мы, а вмѣстѣ съ нами вѣрно и всѣ образованные читатели, скораго выхода въ свѣтъ 3-й части этой книги.

10. *St. Petersburger Zeitung* № 25. Это не журналъ и не обыкновенная книга, но изданіе, выходящее выпусками, изданіе, въ которомъ настоящая ученость подаетъ руку изящной словесности и вмѣстѣ съ нею пронзаютъ цвѣты для ароматнаго вѣнка на алтарь общественный. Такова цѣль и стремленіе Маяка. Изданіе это соединяетъ глубокую ученость... съ фантастическими образами веселости и юмора. *Такого изданія не доставало русской Литературѣ*; да заслужить оно тотъ приемъ, котораго оно достойно.

Многіе заграничныя Журналы и Газеты, какъ то: *Берлинскій Фигаро и магазинъ Иностранной Литературы; Шведская Гельсингборская Газета* и другіе, уже отозвались о немъ съ похвалою.

Послѣ всего этого, какъ прикажете, продолжать изданіе или прекратить? Продолжать? — Извольте, съ полнымъ усердіемъ и добросовѣстностью! и съ условіемъ: Господа писатели, не уставляйте писать и сообщать умныя, дѣльныя, если можно, общепонятныя, общепріятныя, хорошія, прекрасныя статьи, какъ до сихъ поръ! Господа читатели, не уставляйте все это читать — на здоровье, не переставайте судить безпристрастно, снисходительнѣе, какъ до сихъ поръ! а Господа редакторы общаются: недостойнаго, пошлаго, водянистаго не помѣщать, потому что есть изъ чего выбрать. Да и вообще, хуже того, что напечатано въ первыхъ трехъ частяхъ, никогда не будетъ, а лучше того, на вѣрно будетъ, по весьма убѣдительному причинъ: въ первыхъ трехъ частяхъ редакторы съ умысломъ помѣстили большую частью — «свое» — по хуже, а къ концу приберегли «чужое» — по лучше: хотя по литературной политикѣ, ради приманки, слѣдовало бы наоборотъ, — похвалять чужими громкими именами.

За то такъ прочтѣе: если редакторы только собственными силами и трудами въ самомъ началѣ мало-малыски подержали первый выгонъ Маяка, то ужъ послѣ, при общемъ постороннемъ содѣйствіи, онъ устоитъ и будетъ свѣтить въ самой вещи не дурно!

Въ составъ книги: Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности, входятъ слѣдующія пять главъ:

1. *Науки*: безъ всякаго ограниченія, заключаетъ всѣ полезныя труды учености, не исключая ни одной науки отъ Богословія, Медицины, Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Политики до Математики и Технологіи, такъ что нѣтъ надобности исчислять ихъ подробно.

2. *Изящная Словесность*: краснорѣчіе военное, свѣтское и духовное; нравственные очерки, повѣсти, рассказы, отрывки изъ путевыхъ, историческихъ

и политических записокъ; отрывки драматическія, очерки нравовъ, статьи юмористическія, стихотворенія всѣхъ родовъ.

3. Матеріалы для Наукъ и Словесности: выдержки изъ ученыхъ записокъ и всѣ частные предметы наукъ и литературы не вошедшіе въ составъ двухъ первыхъ главъ: біографіи, некрологи, описанія, легенды и проч.

4. Критическія статьи: будутъ приниматься и со стороны; но только написанныя въ такомъ тонѣ и духѣ въ какомъ обыкновенно пишутся академическіе отзывы объ ученыхъ произведеніяхъ и съ подписью имени. Въмѣсто бібліографическаго отчета о всѣхъ вновь вышедшихъ книгахъ, помѣщается по первой и второй главамъ статьи подъ фирмою: *Библіотека избранныхъ сочиненій*, съ послѣднимъ отчетомъ въ ихъ достоинствахъ.

5. Неорамла, смѣсь и разныя извѣстія: новости иностранной литературы, выписки изъ книгъ и журналовъ о предметахъ достойныхъ любопытства просвѣщенныхъ читателей; анекдоты, мысли, любопытныя отечественныя извѣстія; свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ по различнымъ частямъ также входятъ въ составъ книги; но желающіе присылать такія статьи, предувѣдомляются, что рукописи ихъ должны быть уже одобренны мѣстнымъ начальствомъ.

Издатель обещалъ выдать четыре первые части Маяка въ теченіе перваго полугодія, т. е. съ 1 Января по 1-е Іюля 1840, — и 17 февраля выдалъ уже двѣ части. Онъ обещалъ въ каждой части по 10 печатныхъ листовъ компактнаго набора, — и въ первыхъ двухъ частяхъ помѣстилъ 26 листовъ, что составитъ около 60 обыкновенной печати. Изданіе, сверхъ обещаннаго, украшено множествомъ полтипажныхъ виньетокъ.

И такъ въ полтора мѣсяца времени, издатель, желая оправдать довѣріе своихъ подписчиковъ, исполнилъ то, что по обязательству своему могъ бы растя-

нуть на три мѣсяца, и выдать болѣе четверти обещаннаго числа листовъ, безъ всякаго возмездія за такой не маловажный (въ компактномъ изданіи) избытокъ.

Изъ простаго оглавленія статей занимающихъ въ III части 14½ листовъ, кому угодно, можно видѣть добросовѣстность и стараніе издателя, доставить за ничтожную цѣну (по цѣлковому за томъ) самое дѣльное занимательное и разнообразное чтеніе. Многіе желали знать, зачѣмъ Маякъ издается компактнымъ, а не «прохладнымъ» наборомъ, который, какъ и все «прохладное», гораздо пріятнѣе для глазъ?—Вотъ почему: оцените безпристрастно, или если угодно, съ самымъ коммерческимъ пристрастіемъ, заслугу издателя. Каждую изъ повѣстей, объемомъ въ добрый романъ, какковы, *Лейтенантъ Вльцовъ* или *К. Гаутманъ*, напечатанную отдельно совсею романическою прохладой, со всеми типографическими полями и пробѣлами, смѣло разбейте на два тома, продавайте по два рубля серебромъ — никто и слова не скажетъ. Подписчики В. П. Полякова получаютъ въ каждой части Маяка за половинную цѣну, кромѣ такихъ повѣстей, бездну другихъ статей: ученыхъ, занимательныхъ и любопытныхъ, уже оцененныхъ разными редакціями повременныхъ изданій. Въ такомъ маломъ объемѣ помѣщается цѣлая Энциклопедическая бібліотека, изящная, можно сказать, роскошная внѣшность которой, отвѣчаетъ внутреннему ея достоинству. И за все это современность наша обязана новому способу компактнаго набора, вообще принятаго въ просвѣщенной Европѣ при печатаніи лучшихъ классическихъ сочиненій, или тѣхъ великопѣльныхъ изданій, которыми давно щеголяютъ наши западные сосѣди. Англія, Франція, Германія и другія, помирились уже съ «непрохладностью» компактныхъ изданій, охотно мѣняютъ комфортъ глазъ на комфортъ кармана, и, по невѣроятно низкой цѣнѣ, раску-

пають тысячами экземпляровъ книги, компактныя по набору, но просторныя по занимательности и пользѣ содержанія, передѣлавъ старую русскую пословицу на новую: «дешево да мило!» Издатель Маяка послѣдовалъ благому примѣру — и не ошибся; публика наша съ своей стороны тоже послѣдовала благому примѣру, и — видится — не ошиблась; а за будущее, какъ уже сказано, редакция вноситъ въ залогъ — личную свою пользу: и стало быть, тоже — не ошибется, потому что это вѣрнѣе, чѣмъ закладывать свою добросовѣстность, усердіе и прочая, и прочая — вещи, не имѣющія ни какого значенія на биржѣ.

Еще одно, и послѣднее объясненіе. Многіе изъ сотрудниковъ Маяка жаловались: «что это за бездонная пропасть, компактный наборъ! . . . сущій грабежъ! пишешь, пишешь, и все печатнаго листа не наберется, а плата небольшая!» Иногородные сотрудники, присылая свои статьи, между прочимъ спрашиваютъ — почѣмъ вы платите съ листа? . . .

— Поэзія и деньги! — о! какое варварское сближеніе! до чего унизились наши вѣкъ! Дары неба, вдохновеніе продавать съ молотка — кто больше — за горсточку пыли!

— Что же тутъ варварскаго, мм. гг? Новѣйшая химія, разложивъ, между прочимъ, и деньги на составные элементы, аналитически нашла, что на 4 доли пыли, и 6 долей какого то гасу или дыму, остальные 90 долей въ деньгахъ составляютъ — поэзія и прелесть! Другіе, самыми рѣшительными опытами доказали, что деньги — чистая поэзія, чистая прелесть, идеаль изыщнаго! такъ или этакъ, но согласитесь, что у самаго Гомера, Виргилія, Пиндара — у кого угодно — въ самомъ лучшемъ поэтическомъ произведеніи: на 50 долей чистой поэзіи навѣрное сыщете 50 долей лигатуры, дымку и пыли, а въ наше время — еще и больше. Такъ, право, очень выгодно, за не чистую поэзію, не чистую ученость получать «чистыя» деньги! а ужъ варвар-

скаго тутъ во все ничего нѣтъ, воля ваша! Вотъ почему, когда насъ объ этомъ спрашиваютъ, и когда уже пошло на откровенность, да на коммерческіе расчеты, имѣемъ честь, разъ и навсегда, отвѣчать нижеслѣдующею печатною таксою.

За статьи съ листа: въ главу *наукъ*, 125—150. Въ главу *словесности*, 125—150. Въ главу *матеріаловъ* и *критики*, 100 — 125. Въ *неораму* 100. Статьи, разумѣется, хорошія, оригинальныя. Переводы, передѣлки, компіляции — въ половину. За листъ *стихотвореній* платится не по числу стиховъ, а по количеству ума, чувства и поэзіи — покуда таксы нѣтъ; да кажется и не будетъ: такса на стихъ сгубила нашу поэзію! бѣда съ продажными стихами: съ горяча поэтъ и самъ не замѣтитъ, какъ десятокъ другой стиховъ подбавитъ тамъ и самъ «для счету». Вдохновляйтесь господа, пойте, редакция не обсчитаетъ!

Прочтя все это, скажутъ: «бѣдненько! не изъ чего и перо чинить!» Услышавъ это, и мы скажемъ: бѣдненько, а все таки можно починить перо и писать.

Пока число подписчиковъ будетъ оставаться на 2500, до тѣхъ поръ рѣшительно не изъ чего издатель, при такой дешевизнѣ продажи, возвыситъ плату за статьи. Но чуть число подписчиковъ выступитъ за этотъ предѣлъ, точно такимъ же процентомъ увеличится и плата за статьи: число подписчиковъ удвоится — и плата удвоится, число подписчиковъ упятерится — и плата упятерится, число подписчиковъ удесятерится — и плата удесятерится. Въ то блаженное время вы будете получать по 1500 рублей съ листа . . . чудесная вещь! но приблизить это блаженное время рѣшительно отъ васъ зависитъ, гг. сотрудники. Хотите пожалеть? — напередъ посыйте! не глядя на небольшую, но вѣрную плату, скажите сами себе: «сперва синицу въ руки, а тамъ и журавля въ небѣ!» — и пишете, и присылайте въ Маякъ статьи какъ можно лучше, ум-

нѣе, интереснѣе; а въ то же время, въ своемъ кругу, знакомымъ и незнакомымъ говорите, пишите, и спрашивайте, хоть такъ вотъ, напримѣръ: — въ этомъ случаѣ добрый совѣтъ дороже денегъ:

— «Вы подписались на Маякъ? — «нѣтъ!» — помилуйте, какъ это можно! да Маякъ — чудо! Маякъ — диво! Маякъ — прелѣсть! вся Россія подписалась, только вы одни на помстольтіе отстали. Дешево — ужасъ какъ дешево! мило — ужасъ какъ мило, умно, чудесно! Всѣ лучшіе писатели участвуютъ — и мы. Вся лучшая публика читаетъ и не нахвалится! Журналь и газеты безъ ума, наперерывъ перевозносятся . . . и вы ничего этого не знаете . . . какъ это не стыдно — помилуйте! а еще Русскіе . . . такъ ли надо подерживать отечественныя, общепользныя предпріятія! Подпишитесь, непремѣнно, сейчасъ же подпишитесь!»

Если всѣ сотрудники, а на нихъ глядя, и всѣ досужіе любители полезнаго и пріятнаго, по всей Россіи дружно примутся электризовать и вербовать такимъ манеромъ подписчиковъ, то типографіи и переплетчики не успѣютъ печатать и переплетать, а почты — развозить . . . по вамъ что за дѣло: вы получите себѣ тогда 1500 рубликовъ съ листа, да и за новое вдохновеніе: а такая звонкая муза кого не вдохновитъ! Представьте себѣ только, что вы легко напишете въ годъ 20 листовъ и получите 50.000 рублей — такъ, шутл, между двюмъ! да это сущій кладъ! и такъ, не жалуйтесь: дѣлите съ Маякомъ его бѣдную участь, пособляйте ему

всѣмъ: пуце всего — хорошими статьями; а онъ раздѣлитъ съ вами свою богатую участь. Подписчики хорошую и дешевую книгу и теперь и тогда купятъ и скажутъ, спасибо! Дѣло простое, чистое и ясное!

П. КОРСАКОВЪ. С. БУРАЧЕКЪ.

Въ книжномъ магазинѣ книгопродавца В. П. Полякова (по Невскому проспекту, на углу Михайловской улицы въ домѣ графини Строгоновой и въ Гостиномъ дворѣ, по суконной линіи подь № 17), въ Газетной экспедиціи С. П-го Почтамта, равно и у другихъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ, принимается подписка на продолженіе Маяка, состоящее изъ 8 такихъ же частей: цѣна *восемь* рублей серебромъ, съ пересылкою *девять*. Кому угодно, могутъ подписываться только на 4 части продолженія, по прежнему за *четыре*, съ пересылкою, *пять* рублей серебромъ. Подписавшіеся такимъ образомъ въ два пріема на 8 частей, внесутъ 10 вмѣсто 9 рублей; то и другое предоставляется на волю каждаго. Желаящіе подписаться на всѣ 12 частей Маяка, начиная съ первой, доставятъ *двѣнадцать*, а съ пересылкою *тринадцать* рублей серебромъ. Слѣдующія восемь частей будутъ изданы не позже двухъ полугодій, считая съ 1 апрѣля, а можетъ быть и раньше. Срокъ выхода не назначается. Каждая часть будетъ выходить по мѣрѣ готовности, безъ опредѣленнаго срока.

NB. Издатель надѣется, что тѣ изъ гг. подписчиковъ Маяка, которыхъ попадутся вѣнские экземпляры III части, а не на прежней бумагѣ, простятъ эту безвинную вину, происшедшую оттого, что во всѣхъ Петербургѣ и во всѣхъ его фабрикахъ нельзя было найти прежней бумагѣ. Да и вообще теперь въ бумаги чрезвычайный недостатокъ, не говоря уже о дороговизнѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

НАУКИ.

Искусство читать книги про себя. Соч. С. О. Бурачка	69
Мысли о неосновательности некоторыхъ понятій относящихся къ общезнито и, преимущественно, къ играмъ и лотереямъ. Соч. Академика В. Я. Буяковскаго	80
Объ отношеніи между электромагнитными и магнито-электрическими явленіями. Соч. Академика Э. Х. Ленца	95
Исторія, Географія и Археологія древнеславянскаго міра. Соч. Н. В. Ростиславича-Савельева	109

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Послѣднее искушеніе сатаны. Соч. Н. Н. Гордѣева	119
Мой вкусъ. Соч. Заллерца	121
Голубица. Соч. Я. А. Щеткина	122
Завѣтный край. Соч. Я. А. Щеткина	123
Отрывки изъ драматическаго представленія ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ. Соч. Н. А. Полеваго	123
Мои portraict (Мой портретъ). Соч. А. С. Пушкина	134
Сербская думка. Соч. Г.	135
Пѣсня (изъ собранія пѣсень Русскаго моряка). Соч. Е. П. Зайцевскаго	136

ПРОЗА:

Корнелій Гаутманъ, учредитель Остѣ-Индской компаніи, повѣсть-легенда, въ десяти главахъ. Соч. П. А. Корсакова	119
---	-----

МАТЕРІАЛЫ.

Эпиграфъ къ повѣсти Корнелій Гаутманъ. Соч. П. А. Корсакова	71
Нидерландскіе Гѣзы. Соч. П. А. Корсакова	79
О правахъ, обычаяхъ и одеждѣ жителей Олонецкой губерніи. Соч. В. А. Дашкова	90
О музыкѣ и пляскѣ Армянъ. Соч. И. И. Шопена	97

НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Разсказъ стараго солдата изъ путевыхъ записокъ И. И. Шопена. — Письмо къ Редактору Маяка М. М. Баранова. — Характеристика знаменитой Жоржъ-Зандъ. — Ошибочность некоторыхъ теорій. — Торжество женщинъ. — Прозрвнїе сѣвпорожденнаго. — Честность пертнхъ въ Англіи. — Правда похожая на пуфъ. — Тредьяковскій XVI вѣка. — Небылицы въ лицахъ. — Число паровыхъ машинъ во Франціи. — Оружейное и порохоевое производство во Франціи. — Новыя Русскія замѣчательныя сочиненія. — Бодріевы изданія лучшихъ Европейскихъ поэтовъ и литераторовъ. — Русскія повѣсти Французской работы.

Объявленіе о продолженіи Маяка.

